

А. Р. ИОАННИСЯН

ИОСИФ ЭМИН

ՀԱՅԿԱՅԻՆ ԿՈՄՍՏԵՆԻ
ԿՈՆՍՏԱՆՍՏԻՆՈՒԹՅԱՆ
ԿՈՆՍՏԱՆՏԻՆՈՒԹՅԱՆ

ՀԱՅԿԱՅԻՆ ԿՈՄՍՏԵՆԻ

ՀԱՅԿԱՅԻՆ ԿՈՄՍՏԵՆԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ա.Ռ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

ՀՈՎԱՍԵՓ ԷՄԻՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1989

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

189-20
222-1

А. Р. ИОАННИСЯН

ИОСИФ ЭМИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1989

ББК 63.3(2Ар)43
Э 552и

Печатается по решению ученого совета Института
истории АН Армянской ССР

Ответственный редактор
чл.-кор. АН АрмССР В. Б. Бархударян

Иоаннисян А. Р.

Э552и Иосиф Эмин./[Отв. ред. В. Б. Бархударян]; АН
АрмССР. Ин-т истории.— Ер., Изд-во АН АрмССР,
1989.—291 с.

Монография посвящена жизни и деятельности выдающегося представителя армянского освободительного движения Иосифа Эмина (1726—1809). Эмин, подобно своему предшественнику Исааху Ори, был решительным сторонником русской ориентации и связывал освобождение армянского народа от иранского и турецкого ига с Россией. Одновременно он был первым в армянской действительности просветителем, воспринявшим идеи европейского просветительства XVIII века и активно пропагандировавшим эти идеи. Жизнь и деятельность Эмина рассматриваются на фоне армянского освободительного движения второй половины XVIII столетия и армяно-русских отношений.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

И 0503020913
703(02)—89 21—89

ББК 63.3(2Ар)43

ISBN 5—8080

© Издательство АН Армянской ССР, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение многих веков армянский народ был лишен государственности и находился под чужеземным господством. С XVI столетия он находился под владычеством двух отсталых восточных деспотий—султанской Турции и Ирана. Экономическая и политическая отсталость как Османской империи, так и Ирана обуславливалась господством средневековых форм производства, деградацией сельского хозяйства, отсталостью и примитивной техникой ремесленного производства, отсутствием единого национального рынка, отсутствием элементарных условий для развития промышленности, поскольку, как указывал Энгельс, турецкое, как и всякое другое восточное владычество, было несовместимо с капиталистическим строем. Начавшееся в XVII—XVIII вв. экономическое и политическое проникновение на Восток европейских стран лишь содействовало дальнейшему упадку как Османской империи, так и Ирана. Колониальная политика западно-европейских держав еще более усиливала их социально-экономическую отсталость и закрепляла господствовавшие в них феодальные порядки и деспотический строй, которые Маркс называл варварским феодализмом и азиатским варварством.

Особенно тяжелым было положение подвластных народов, лишенных не только каких-либо прав, но и элементарных гарантий личной и имущественной безопасности. К их числу принадлежали и армяне. В XVIII веке положение армянского народа было даже более тяжелым, чем в предыдущие века. Упадок Османской империи усиливал анархию на ее окраинах, произвол пашей и курдских беков, от которых страдало, прежде всего, подвластное армянское население. Распад Иранского государства (в 1722 г. после афганского нашествия и вторично после смерти Надира) и последовавшие затем феодальные смуты и междоусобные войны принесли неисчислимые бедствия населению Восточной Армении.

Неудивительно, что в этих условиях усиливалась эмиграция армян с территории Турции и Ирана. Это приводило к росту старых, существовавших еще с эпохи средневековья, и созданию новых армянских поселений в различных странах Европы и Азии. Армянские колонии имелись во Франции, Италии и других за-

падно-европейских государствах, а также в Польше и Трансильвании. Многие армяне эмигрировали в Индию, где возникли большие армянские поселения и где все более крепла армянская торговая буржуазия.

Другой поток армянской эмиграции направлялся в XVIII веке на север, в Россию. Армянских поселенцев мы встречаем еще в Киевской Руси. Армяне селились на территории русского государства и в последующие столетия. В Москве еще в XVII веке было много армян-ремесленников. На юге России большая армянская колония возникла прежде всего в Астрахани, а затем в ряде других городов и местечек Северного Кавказа, в том числе в Кизляре, где имелась даже особая «армянская слобода». Армянская колонизация в значительной мере содействовала хозяйственному развитию северо-кавказского края. Именно армяне развили там шелководство и виноделие. В 1779 г. крымские армяне переселились на территорию Дона, где, недалеко от крепости Св. Дмитрия Ростовского, был основан армянский город Новый Нахичевань, получивший особое самоуправление. Постепенно наиболее зажиточные армянские негоданты из Астрахани и других городов перебираются в русские центры—Москву и Петербург. Там обосновываются со своими семьями такие армянские богачи, как Лазаревы, Кампановы, Манучаровы, Сарафовы и др. Многие из них приобретают в России земли, основывают мануфактуры и заводы, а некоторые становятся даже русскими дворянами. Во второй половине XVIII столетия мы находим уже много армян на русской государственной службе и в русской армии.

Армянские колонии сыграли выдающуюся роль в армянском освободительном движении, аналогичную той, какую сыграли греческие колонии в греческом национально-освободительном движении. Но армянское освободительное движение зародилось еще в XVI веке на территории самой Армении. Поскольку турецко-иранский гнет создавал невыносимые условия не только для широких народных масс, но и для господствующих слоев армянского народа—духовенства, мелких армянских феодалов-меликов, сохранивших еще свои владения на территории Закавказья, то неудивительно, что все они также не могли не участвовать в освободительном движении. Более того. В исторических условиях того времени именно представителям этих слоев было суждено на первых порах возглавить это движение. Неудивительно также, что первоначально взоры армянских деятелей были направлены на Запад, так как еще с эпохи крестовых походов уповали на помощь «франков» в деле освобождения армянского народа от чужеземного ига.

Мы не можем здесь, даже кратко, изложить историю армянского освободительного движения XVI и XVII веков. Скажем лишь, что в течение этих столетий с неумолимой последовательностью рушились все надежды на освобождение армянского народа западными державами, будь то Венецианская республика или Франция Людовика XIV, Австрия Габсбургов или папская курия. Но в это же самое время происходил исторический процесс, оказавший решающее влияние на судьбы армянского народа. Усиливалось и территориально расширялось, в том числе в сторону Черного моря и Кавказа, русское государство. Экономические и даже политические контакты армян с Россией становились все более прочными, особенно со второй половины XVII века. В 1667 и 1672 гг. представители армянской торговой компании Новой Джульфы в Иране подписали даже с царским правительством торговые соглашения, предоставлявшие армянским негодантам право ввозить по каспийско-волжскому пути товары из Ирана, с последующим их транзитом в европейские страны. В этой связи представитель компании Лусиков установил с русскими властями и прямые политические контакты. Все эти факторы, а также наличие армянских поселений на территории России, подготавливали постепенно коренной перелом в истории армянского освободительного движения—а именно возникновение русской ориентации, ставшей затем его единственной и последовательной политической ориентацией. Сама жизнь с ее жестокими уроками привела всех деятелей армянского освободительного движения к единственно правильному выводу, что лишь великая северная держава была способна, в сложившихся исторических условиях, освободить армянский народ от персидского и турецкого ига.

Решительный поворот в сторону ориентации на Россию был осуществлен в самом начале XVIII столетия выдающимся армянским деятелем Исраэлем Ори. Личная судьба Ори, сына одного из армянских меликов, как бы олицетворяет вехи и перипетии самого армянского освободительного движения. Попав юношей в Европу, прожив три года в Венеции, прослужив во французской армии, он приезжает затем в Пфальц, где пытается убедить курфюрста Иоганна-Вильгельма содействовать восстановлению независимого армянского государства. В этих же целях Ори посетил и Вену. С рекомендательными письмами от австрийского императора и пфальцкого курфюрста он в 1701 г. прибыл в Москву, с официальной целью подготовить поход немецких войск через территорию России на Иран. Но реальная действительность вскоре убедила его, что лишь Россия была способна выполнить эту освободительную миссию. Поэтому прибыв в

Москву, Ори в своих многочисленных докладных записках, представленных Петру I и посольскому приказу, изложил подробный план освобождения Закавказья и Армении с помощью русских войск, при вооруженном выступлении самих закавказских народов. Петр I, носившийся уже в те годы с идеей персидского похода, отправил Ори, возведенного в звание полковника, с осведомительной миссией в Иран. Во время пребывания в Закавказье и Иране Ори провел большую работу по установлению необходимых связей с армянскими меликами и представителями духовенства. Посольство Ори не только содействовало установлению постоянных контактов между ними и русскими властями, но и способствовало распространению прорусских настроений и симпатий среди самых широких кругов армянского народа. Армянское освободительное движение теперь не только окончательно связывает свою судьбу с Россией, но и принимает общенародный характер.

Все это нашло свое яркое выражение, когда в 1722 г., после окончания войны со Швецией, Петр I предпринял давно задуманный им персидский поход. Вступление русских войск в Дербент, нашло самый широкий отклик во всем Закавказье. 22 сентября 1722 г. вблизи Гянджи произошла встреча войск грузинского царя Вахтанга и армянского войска, пришедшего из Карабаха и Зангезура. Здесь объединенные грузино-армянские силы должны были дожидаться прибытия русской армии в Шемаху, для совместных военных действий. Отступление русских войск сорвало осуществление этих планов. Но дальнейшие события, и в частности широко развернувшееся в Карабахе и Зангезуре восстание как против иранского владычества, так и против вторгшихся в Восточное Закавказье турок, свидетельствовали об усилении освободительной борьбы армянского народа.

Вторая половина XVIII века знаменует собой новый этап в истории армянского освободительного движения. В эти годы не только разрабатывается конкретная политическая программа восстановления, с помощью и под покровительством России, армянского государства, но армянское освободительное движение выступает уже, в лице своих передовых представителей, с идейным обоснованием освободительной борьбы. Если в предыдущий период освободительное движение возглавляли феодально-клерикальные круги, то теперь во главе этого движения становятся деятели, тесно связанные с армянской буржуазией, все более усиливавшейся в армянских колониях, особенно в Индии и в

Вторая половина XVIII столетия, период значительного оживления всей культурной жизни армянского народа. Армяне,

проживавшие в России, Западной Европе, а также в Индии, общаются к европейской культуре, изучают иностранные языки, знакомятся с европейской наукой, литературой, искусством. Быстро развивается армянское книгопечатание, основы которого были заложены еще в XVI столетии. Печатаются труды по математике, естествознанию, географии, медицине, как переводные, так и оригинальные, публикуются тексты древнеармянских историков, переводы произведений европейских писателей, филологические и исторические труды, в том числе толковый словарь и грамматика армянского языка. В 1784—1786 гг. в Венеции вышел в свет трехтомный капитальный труд Чамчяна—«История Армении». Произведение Чамчяна было первым серьезным обобщающим трудом по истории Армении, стоявшем на уровне современной ему европейской исторической науки.

Общий культурный подъем, распространение образования и научных знаний, ознакомление с европейской культурой—не могли не содействовать проникновению в армянское общество передовых идей европейского просветительства. Армянское освободительное движение было порождением не теории, а практики; оно диктовалось самой жизнью и было обусловлено тяжелым положением армянского народа. Но европейская просветительная философия давала передовым армянским буржуазным деятелям идейное оружие для обоснования необходимости и справедливости этой освободительной борьбы.

Первым выдающимся представителем просветительной философии в армянской действительности был видный деятель армянского освободительного движения второй половины XVIII столетия Иосиф Эмин, которому посвящена настоящая монография.

Впервые эта монография была опубликована в 1945 г. С тех пор нами был собран новый материал, а кроме того мы сочли целесообразным несколько расширить рамки этой работы. Поэтому для нового издания книга была переработана и значительно дополнена.

В АНГЛИИ

I

В 1726 г. в иранском городе Хамадане, находившемся в то время во власти турок, у армянского купца Иосифа, чьи предки в царствование Шах-Аббаса переселились в этот город из Армении, родился сын, названный в честь своего прапрадеда Эмином¹. В начале тридцатых годов семья Эмина переехала в Багдад, где, в период осады города Тахмас-кули-ханом, будущим Надир-шахом, погибли его мать и младший брат. Отца в то время не было с ними—он находился в Басре по торговым делам. Заботу о мальчике взял на себя дед. Он отправил его вместе со своей женой и четырьмя другими сыновьями обратно в Хамадан, куда в дальнейшем приехал из Басры и Иосиф, вскоре женившийся вторично.

Спокойная жизнь продолжалась, однако, недолго. Насилия и вымогательства со стороны иранских властей вынудили и родню Эмина отправиться на поиски нового местожительства, где можно было быть более уверенным в завтрашнем дне. Братья Иосифа отправились в Хорасан, а сам он уехал в далекую Индию.

Когда мальчику исполнилось 16 лет, дед отправил его к одному из своих сыновей, находившемуся в то время в Гиляне. Но

¹ Историю своей жизни Эмин рассказал в своей автобиографии, написанной на английском языке и изданной в Лондоне в 1792 г. под названием *"The Life and Adventures of Joseph Emin an Armenian, written in English by himself"*. Его автобиография была переиздана в 1918 г. в Калькутте его правнучкой, опубликовавшей и все сохранившиеся письма Эмина на английском языке. См. *"Life and Adventures of Emin Joseph Emin 1726—1809. Written by himself. Second edition with Portrait, Correspondence, Reproductions of original Letters and Map"*. Calcutta 1918. На это издание мы и ссылаемся всюду в дальнейшем под обозначением L. A. J. E.

вскоре и сам он вынужден был бежать из Хамадана в Испанию, куда вызвал и Эмина, который с большим трудом добрался туда один. К тому времени Иосиф прислал деньги с тем, чтобы его отец отправил к нему его сына, или же сам приехал вместе с ним. Некоторое время спустя дед и внук выехали в Индию. После многих мытарств они добрались до Калькутты.

Детство и юношеские годы, проведенные в Иране и Турции, на всю жизнь запомнились Эмину.

Армянский «райя» подвергался самой беспощадной и ничем не ограниченной эксплуатации, несравнимой с масштабами феодальной эксплуатации в тогдашних европейских феодально-абсолютистских государствах. Бесчисленны и разнообразны были налоги и поборы, которые ему приходилось платить, начиная с подушной и поземельной податей и кончая принудительными «подарками», которые он вынужден был делать местным ханам и пашам. Размер всех этих поборов, как натуральных, так и денежных, был фактически неограничен. Каждый паша и каждый хан брал с подвластного ему армянского населения все, что было возможно.

Даже незуитские миссионеры, относившиеся, вообще говоря, с большой неприязнью к армянскому населению, не желавшему переходить в католичество, отмечали в своих донесениях, что армяне обременены налогами и что поборы эти взимаются «с жестокостью»². «Берут с них,—сообщали русские консулы о «подвластном народе» и «особливо армянах», поборы или подати совсем неумеренны, бедной человек не менее в год отдаст тридцать рублей, а пожиточнее пятьдесят до ста и более, включая тех, с которых ханы берут нагло, зная кто достаточен и что потребует должен отдать, а если кто начнет отговариваца неимением, то бьют по пяткам до тех пор, пока отдаст, а напоследок и все имение отбирают...»³.

Бесправность армян как в Турции, так и в Иране, была полная. Суды, судившие по шариату, не разрешали даже христианам давать показания против мусульман. Специальный закон предусматривал передачу всего имущества умершего христианина его родственнику-мусульманину, что вело к бесчисленным злоупотреблениям.

В Западной Армении, как и в балканских странах, производился периодический сбор мальчиков, которых отнимали у

² *Lettres édifiantes et curieuses*. Nouvel édition. Paris, MDCCLXXX (1780) III, 34.

³ АВПР (Архив внешней политики России) ф. Сношения России с Персией. Д. № 482. Донесение консула Тумановского от 25 сентября 1780 года.

родителей, чтобы пополнять ряды янычар. В обоих государствах армянскими девушками пополнялись гаремы. Ничем не была ограждена честь и замужних женщин.

Не только имущество, честь, но и сама жизнь армян, начиная с крестьян и кончая зажиточными торговцами, в среде которых довелось вращаться Эмину в дни молодости, зависела от прихоти любого паши, хана, бека⁴. Даже рядовой мусульманин мог оскорблять почетных армян и издеваться над ними. Англичанин Гоуэлз, в дневнике своего путешествия через Малую Азию к Армении, отмечает случай, который произвел на него большое впечатление: простой вожатый их каравана, без всякого повода, ударил кнутом ехавшего с ним армянского купца, человека никак ему не подчиненного и заплатившего за свой проезд и тот вынужден был снести подобное обращение с покорностью⁵.

Европейские путешественники XVIII столетия вообще единодушно констатируют (несмотря на свои подчас неблагоприятные отзывы о представителях армянского торгового капитала) невыносимо тяжелое положение армянского народа под турецко-иранским игом. Граф Ферьер-Совбеф, описывая Восточную Армению, указывает, что армяне, «несчастные в своей стране или являющиеся беглецами со своей родины, не имеют ничего напоминающего им о величии их предков; подобно евреям они стонут под чужеземным владычеством и вынуждены бежать далеко от своих очагов и могил своих отцов, чтобы избавиться от тирании, которая угнетает их более трех веков». Грекам и армянам, заявляет он, говоря об Османской империи, знакома «вся тяжесть порабощения». Они обременены налогами, а самая их жизнь зависит от прихоти оттоманской аристократии⁶. По словам англичанина Джорджа Фостера армяне в Турции и Иране «жи-

⁴ Вот один из многочисленных примеров, которые мы в изобилии находим в рассказах и в воспоминаниях современников: «сын паши торговал у одного купца большой фес, но не давал той цены, какую хотел взять купец, а Манук-ага заплатил более, и именно то, менее чего купец не хотел отдать; пашинский сын тем обиделся и жаловался отцу, а сей почел справедливым, велел Манук-агу за мнимое оскорбление чести сына своего повесить...» («Жизнь Артемия Арапатского, уроженца селения Вагаршапат, близ горы Арапата...» СПб. 1813, I, 164).

⁵ T. Howell. A Journal of the passage from India, by a route partly unfrequented through Armenia and Natolia. London, 1788, 101.

⁶ «Mémoires historiques, politiques et géographiques des voyages du comte de Ferrières-Sauvebeuf faits en Turquie, en Perse et en Arabie, depuis 1782 jusqu'en 1789», A. Maestricht 1790, I, 217; II, 255.

вут как бы по случайному попустительству, подвергаясь, под повседневными предложениями, оскорблениям, угнетению и ограблению»⁷.

Такова была мрачная действительность, с которой Эмину пришлось познакомиться в юные годы. Картины гнета и насилий, страданий и скорби родного ему народа навсегда запечатлелись в его памяти.

II

Армяне впервые появились в Индии еще в XVI столетии. В XVII веке английская Ост-индская компания находит уже армян, прочно обосновавшихся в Агре, Дели, Сурате, Бомбее и других местах. Армянские коммерсанты играли столь важную роль в индийской торговле, что представляли для впервые проникавших в Индию англичан серьезных конкурентов. Вследствие этого Ост-индская компания предпочла пойти на соглашение с представителями армянского торгового капитала. 22 июня 1688 г. Компанией была выдана индийским армянам хартия, гарантировавшая им самые широкие права. «Армянская нация» должна была пользоваться теми же привилегиями, что и члены Компании и другие английские негоцианты; армяне получали право свободного въезда и выезда из Индии на судах Ост-индской компании; они могли жить на территории любого владения Компании в Индии, приобретать там недвижимую собственность и имели право занимать все гражданские должности, «как если бы они были прирожденными англичанами»⁸.

Благоприятные условия, создавшиеся в Индии, не могли не привлекать туда представителей армянской торговой буржуазии. В первой половине XVIII столетия поток армянской иммиграции в Индию усиливается. В эту обетованную страну устремляются из обездоленного Ирана армянские купцы, перевозившие туда свои семьи и свои капиталы.

Одна из самых больших армянских колоний в Индии образовалась в Калькутте. В Калькутте армяне не были новичками. Надгробные надписи свидетельствуют, что армяне жили там еще в 1630 г., задолго до появления англичан. Их справедливо рассматривают даже, как одних из основателей этого города⁹.

⁷ A General Collection of the best and most interesting Voyages and Travels in all parts of the World*. London, 1811, IX, 284.

⁸ M. J. Seth. Armentans in India from the earliest times to the present day, Calcutta. 1937, 233—239.

⁹ Там же, 419 сл.

В XVIII веке в Калькутте существовала уже многочисленная армянская колония. Сюда, подобно многим другим армянским купцам, и перебрался в начале сороковых годов этого столетия отец Эмина.

Иосифу на первых порах не повезло. Он понес целый ряд серьезных потерь, неблагоприятно отразившихся на его материальном положении. Особенно тяжелый удар постиг его в 1746 г., когда он потерял сразу 30 тысяч рупий, вследствие конфискации англичанами двух армянских судов, объявленных неприязельской собственностью. Не забудем, что в то время Англия, принимавшая участие в войне за австрийское наследство, вела в Индии ожесточенную борьбу с французами. Кроме того, в том же году местный паша отнял 18 тысяч пиастров у одного из его братьев, находившегося в Басре. Несмотря на эти тяжелые потери, Иосиф не только не думал бросать торговлю—единственно доступную ему профессию,—но и намеревался сделать сына своим достойным преемником. Через год Эмин был отправлен в Дакку для обучения торговому делу. Там он пробыл, однако, лишь несколько месяцев и вскоре вернулся назад в Калькутту.

Индия открыла перед юношей новый мир. Здесь он впервые увидел европейцев, познакомился с их развитой техникой, с их военным искусством, с их передовой культурой. «Там,—писал он через несколько лет в одном из своих писем,—я увидел форт европейцев и учение солдат и их судоходство и то, что они были умелы и совершенны во всем»¹⁰. Все это производило на него неизгладимое впечатление. Одаренный незаурядным умом, выдающимися способностями и любознательностью, он испытывал огромную потребность в знании и просвещении.

Эта неутолимая жажда знания сочеталась у него с высоко развитым чувством патриотизма, которым он все более проникся, начиная с юных лет. Яркое свидетельство этому—его письма пятидесятых годов, в которых он красочно описывал свои тогдашние переживания. Он страдал за свой народ, пребывавший «в рабстве и невежестве» вследствие того, что их отцы «не боролись за свою страну»¹¹. Он сознавал, что его соотечественники находятся в таком жалком положении и трудятся на дряхлое совершенство европейцев в военном искусстве, он постоянно думал о том, как бы изучить военное дело с тем, чтобы помочь ос-

¹⁰ Л. А. Л. Е. 58.

¹¹ Там же, 58.

¹² Там же, 68.

вобождению своего народа. «Я решил,—читаем мы в одном из его писем,—что поеду в Европу для изучения военного искусства и других необходимых для этого наук, и был уверен, что если я приеду в Армению в качестве европейского офицера, то смогу быть, хоть в какой-нибудь мере, полезен своей стране»¹³.

Юноша еще тогда слышал о вольных карабахских меликствах—маленьких полунезависимых армянских княжествах, существовавших в то время в горах Карабаха¹⁴.—слышал о храбрости и бесстрашии этих отважных горцев. Он мечтал отправиться к ним и обучив их европейскому военному мастерству, освободить с их помощью всю свою родину от ига персов и турок. «Я думал,—писал он впоследствии в другом письме,—что если я смогу быть похожим на европейских солдат, то поеду к моим соотечественникам, армянам в Черных горах (Карабахе.—А. И.), так как я слышал, что они никогда не были покорены, что они были храбрыми и отважными людьми, и я полагал, что если сумею обучить их военному искусству, то это принесет большую пользу, так как солдаты турок и персов храбры сидя на коне, но они недостойны называться армией, и их города не укреплены столь искусно, как в Европе»¹⁵.

О своих юношеских мечтах Эмин говорил отцу, но тот не хотел даже слышать об этом. Он обучил своего сына лишь читать и писать на родном языке и петь наизусть псалмы. Впрочем, решив очевидно, что в индийских условиях для хорошего негоцианта знание какого-либо европейского языка все же является необходимым, он однажды предложил ему изучить португальский, французский или английский.

Это был памятный день в жизни юноши—в этот день он впервые переступил порог английской школы св. Анны. Интересный разговор произошел у него с учителем, как только он смог слегка изъясняться по-английски. Он задал вопрос—можно ли

¹³ Там же, 59.

¹⁴ О карабахских меликствах того времени см. ниже в главе пятой. Слово «мелик» употреблялось в Иране для обозначения всякого должностного лица и правителя, назначенного из среды самого христианского населения, вплоть до деревенских старост. Но одновременно «меликами» назывались и армянские полунезависимые владельцы в Карабахе, многие из которых являлись прямыми потомками старых армянских феодальных родов (См. *Հ. Խ., Խոջալահի կաթիլաւ, Երեւն, 1931, 152* и след.). Отсюда и термин «меликство» для обозначения этих маленьких княжеств—последних остатков армянской государственности, уцелевших до конца XVIII столетия.

¹⁵ Л. А. Л. Е. 68.

по английским законам задержать человека, покинувшего своего отца и отправившегося в далекую страну. Рассмеявшись, учитель ответил, что долгом сына является, конечно, испросить благословение своего отца, но что в случае несогласия последнего он имеет право поступать, как ему заблагорассудится. Этот ответ произвел очень сильное впечатление на юношу, так как все это время он, в тайниках души, продолжал мечтать о поездке в Европу.

Видя непреклонность отца, он, не без колебаний, решился, наконец, осуществить свои планы против его воли. После ряда безуспешных попыток он уговорил одного английского капитана взять его на борт своего судна в качестве юнги¹⁶.

14 февраля 1751 г. двадцатипятилетний Эмин отплыл в Англию на корабле «Вальполь». С ним вместе отправился в дальний путь один его молодой соотечественник, которого, видимо, он сам и подбил на это рискованное предприятие. Положение обоих молодых армян на борту корабля было не из завидных: работа — мытье палуб — была тяжелая, им приходилось терпеть на первых порах и плохое обращение и насмешки. Наконец, долгому плаванью пришел конец. Ровно через семь месяцев, 14 сентября того же года, Эмин впервые вступил на английский берег.

III

В своей автобиографии Эмин очень подробно и красочно описывает первые годы, проведенные им в Лондоне, когда, еле перебиваясь и зарабатывая на жизнь тяжелым трудом, он с удивительной настойчивостью и упорством прокладывал себе путь к знанию. Здесь, разумеется, мы не можем пересказывать во всех деталях его повествование, да и трудно сделать это лучше самого автора.

Первые десять дней по прибытии в Англию Эмин и его спутник оставались на корабле, принимая участие в разгрузке и получая за это по шиллингу в день. На оставшиеся у них деньги они прожили еще две недели, снимая комнату в доме одного

¹⁶ Произошло это в отсутствие его отца, отправившегося в поездку по торговым делам. Хотя впоследствии в своей автобиографии Эмин и утверждал, что Иосиф в письме на имя брата дал, в конце концов, письменное согласие на поездку сына в Европу, но это противоречит другим его многочисленным заявлениям и его же письмам, в которых он говорил о себе, как о человеке «сбежавшем» от своего отца, что, несомненно, более соответствовало действительности.

шведа. Положение молодых людей могло стать совсем трагичным, если бы однажды на бирже они не встретили армянского купца, пришедшего на помощь своим соотечественникам. Спутника Эмина купец этот отправил в Амстердам, а его поместил в доме, где снимал комнату сам. Получая по гинее в месяц, Эмин мог кое-как существовать и посещать школу, принадлежавшую некоему Мидльтону.

Продолжалось это, однако, всего семь месяцев, после чего между ним и его покровителем произошел разрыв. По словам Эмина, последний, приняв католичество, хотел побудить и его сделать то же, а когда он отказался, то рассорился с ним. В результате он вынужден был прекратить посещение школы, а через месяц покинуть и дом, в котором проживал купец.

Все сделанные им за это время попытки найти какую-нибудь работу оказались тщетными. Он очутился в буквальном смысле слова на улице, имея в кармане всего полтора пенса. В своем отчаянии он чуть было не согласился подписать кабальный контракт и отправиться на Ямайку, попав в руки одного из столь многочисленных в XVIII веке поставщиков «белых рабов». От этой печальной участи его спас счастливый случай. Он встретил на улице сына того самого Мидльтона, в школе которого до этого обучался. Юноша привел его к своему отцу, который, узнав о случившемся, не только предостерег его от этого рокового шага, но и предложил ему место у себя в школе; он должен был обслуживать учеников и прибирать класс, имея право в свободные минуты присутствовать на занятиях. Эмин, разумеется, с радостью на это согласился. Служба эта была легкой. Его бывшие товарищи по школьной скамье относились к нему как к равному и оказывали ему всяческие знаки внимания, так что он чувствовал себя совсем счастливым, тем более, что мог продолжать учебу.

Но Эмину и на этот раз не повезло. Через несколько месяцев Мидльтон потерпел банкротство, его школа перешла к другому лицу, ученики разъехались, а новый хозяин отказался оставить Эмина у себя. Он снова был без места и без денег, так как вследствие банкротства Мидльтона лишился даже тех шести фунтов стерлингов, которые тот должен был ему в счет жалованья.

При таких условиях выбирать не приходилось. По рекомендации знакомого цирюльника Эмин устроился на работу к одному бакалейщику в качестве носильщика. Теперь ему приходилось работать «как лошади». Самое же тяжелое для него заключалось в том, что он был лишен возможности продолжать свое образование. Но его жажда знания была столь велика,

что, как мы узнаем из его писем, он умудрялся все же выкраивать из своего скромного жалования суммы, необходимые, чтобы брать уроки английского правописания, геометрии и даже французского языка¹⁷.

Все это время Эмин много раз писал отцу, но долгое время не получал никакого ответа. Наконец однажды перед лавкой бакалейщика остановился экипаж, из которого вышел какой-то господин, оказавшийся бывшим служащим Ост-индской компании, губернатором Дакки Девисом. К изумлению хозяина он передал молодому носильщику письмо от его отца. Иосиф сообщал сыну, что упомянутый Девис уполномочен им вручить ему пятьсот рупий¹⁸, если только он согласится вернуться в Индию. Несмотря на свое незавидное положение Эмин отверг это предложение.

На службе у бакалейщика он оставался около двух лет. Работа эта была для него непосильной. Перетаскивая тяжелые грузы, он надорвал свое здоровье и, в конце концов, вынужден был отказаться от этого места. Ему удалось устроиться клерком у одного адвоката. Но через шесть недель он был уволен, так как не был аккуратен в работе — переписывая бумаги, он вписывал в них цитаты из книг, которыми в то время увлекался.

Переменив ряд квартир, Эмин снял, наконец, комнату в доме одного тавочника, где скромно жил на остававшиеся у него деньги. Регулярного заработка он опять не имел. Лишь от случая к случаю хозяин доставлял ему работу. Эмин был неплохим переписчиком, так как обладал хорошим почерком. Он продолжал увлекаться чтением и каждое утро ходил смотреть на обучение рекрутов и на упражнения королевских гвардейцев.

Так прожил он еще месяц. Прошло почти четыре года с момента его приезда в Англию. Шел уже 1755 год. И вот однажды молодой армянин завязал случайное знакомство, сыгравшее в его жизни решающую роль.

В один воскресный день, гуляя в парке, он увидел знакомого ему по Калькутте юриста, шедшего в сопровождении какого-то «очень высокого и хорошо сложенного» незнакомца. Рассчитывая узнать новости о своем отце, он завязал с ним разговор. Спутник юриста заинтересовался причиной, побудившей Эмина

¹⁷ L. A. J. E., 59, 68. В дальнейшем он изучил французский язык настолько, что свободно понимал разговор на французском языке. (Там же, 115, 116, 127, 164). Английским же он владел в совершенстве, хотя и говорил с «ирландским акцентом» (Там же, 422).

¹⁸ В одном из своих писем этого периода Эмин заявляет, однако, что полученные Девисом деньги были пересланы не его отцом, а дядей (Там же, 59).

покинуть Индию и приехать в далекую Англию. Тот, видя его доброжелательное отношение, не преминул «открыть ему раны своего сердца». Затем они втроем зашли в таверну. Когда совсем стемнело, юрист отправился восвояси, а незнакомец повел Эмина к себе на квартиру. Здесь молодой армянин снова стал изливать свою душу, рассказывая о своих мечтах и надеждах. Его собеседник устроил ему своеобразный экзамен и удивившись, что он умеет читать по-английски, обещал сделать для него все возможное; он хотел даже вручить ему полгинею, извиняясь, что не может предложить большего, но тот отказался принять этот подарок. Когда Эмин решился, наконец, спросить имя того, кто отнесся к нему с таким сочувствием, то его новый друг ответил, что зовут его Эдмунд Бёрк.

Эдмунду Бёрку было в то время всего двадцать шесть лет и в Лондоне он, подобно Эмину, находился лишь недавно. Родившись в Дублине в семье юриста, он с 1743 г. по 1748 г. обучался там в известном колледже Троицы, а в 1750 г. переехал в Лондон с тем, чтобы заняться юридической практикой. Но карьера юриста не прельщала его, и он принял решение посвятить себя литературной деятельности. На этой почве произошла его ссора с отцом, прекратившим оказывать ему материальную помощь.

Бёрк жил в то время в Лондоне почти в полной бедности и в тяжелых материальных условиях. Молодой, талантливый, он с большим трудом пробивал себе дорогу в высшее лондонское общество. Еще в 1761 г. Гораций Уальполь, один из самых блестящих представителей светского общества, писал о нем, как о «некоем молодом м-ре Бёрке» и считал нужным пояснять своему другу Джорджу Монтегю, кто он такой¹⁹. К моменту знакомства с Эмином у него только начинали завязываться первые общественные связи в столице, он только начинал проникать в литературные салоны. Как раз в это время он готовился впервые выступить на литературном поприще.

Глубокая симпатия, которую сразу же внушил молодому Бёрку его армянский сверстник, легко объяснима. На него произвела, несомненно, сильное впечатление тяга этого молодого армянина к знанию и просвещению, побудившая его бросить родительский дом и отправиться в далекую незнакомую страну. Было что-то общее и в самой их судьбе: недаром он сказал своему новому знакомому во время первой же беседы, что он тоже является сыном, сбежавшим от своего отца.

¹⁹ „The Letters of Horace Walpole“, Edinburgh, 1906, III, 420.

Интерес, который вызвал в нем Эмин, побудил Бёрка продолжить столь случайно завязавшееся знакомство²⁰. Уже на следующее утро он сам навестил молодого армянина и снова беседовал с ним, причем дал ему совет «прочитать такие-то и такие-то книги»²¹. Эмин, не приминув воспользоваться его приглашением, стал посещать его в дальнейшем без стеснения, и между ними завязалась подлинная дружба. Встречи и беседы между ними были в этот период очень частыми; Бёрк «не пропускал ни одного дня, чтобы не видеть Эмина»²². С большим рвением и охотой он стал руководить его самообразованием, не только рекомендуя ему читать те или иные книги, но и снабжая его даже географическими картами²³.

Бёрк был, несомненно, одним из самых начитанных и образованных людей своего времени. Истории, философии, литературе, даже точным наукам—всему он уделял свое пытлиное внимание и всем интересовался еще с юношеских лет. Его содержательные беседы, выявлявшие всю глубину и разносторонность его познаний, производили неизгладимое впечатление на всех с ним общавшихся. «Поток его мысли беспрестанен,—говорил с ним впоследствии один из его друзей, знаменитый поэт Джонсон,—Бёрк единственный человек, обыденный разговор которого соответствует всеобщей славе, которой он пользуется: выберите какую угодно тему, и он готов обсуждать ее с вами»²⁴. Можно легко представить себе, какое впечатление производили на молодого армянина почти ежедневные беседы со столь замечательной личностью, какое влияние имели они на его идейное развитие.

Вскоре Эмину довелось познакомиться и с литературными работами своего нового друга. Как раз в это время Бёрк работал над своими первыми двумя произведениями, опубликованными в следующем 1756 г., и именно Эмину поручил он

²⁰ О встрече Бёрка с Эмином и их знакомстве рассказывает и автор первой капитальной биографии Бёрка, впервые вышедшей в 1824 г. и затем неоднократно переиздававшейся, Джеймс Приор, но он передает лишь сведения, сообщаемые самим Эмином, не приводя никаких новых данных (см. J. Prior *Life of the Right Honorable Edmund Burke*. Fifth edition. London, 1889, 42-43).

²¹ L. A. J. E. 51.

²² Там же, 52.

²³ Там же, 394.

²⁴ J. C. Grierson. Edmund Burke (The Cambridge history of English literature. Cambridge, 1934, VI, 2).

переписать свои рукописи. «Он писал в это время книги,—сообщает по этому поводу последний в своей автобиографии,—и пожелал, чтобы автор (т. е. он, Эмин.—А. И.) их переписал; первая была как бы подражанием «письму» покойного лорда Болинброка, вторая—трактатом о возвышенном и прекрасном»²⁵.

Первое произведение Бёрка, переписанное Эмином, называлось «Оправдание естественного общества» («A Vindication of Natural Society»). Автор превозносил в нем равенство людей в «естественном обществе», основанном на природных влечениях и инстинктах. Он противопоставлял ему «политическое общество» с его делением на властителей и подвластных, тиранией, рабством, войнами и взаимной враждой. Особенно резко клеймил он «изнанки» цивилизации в связи с наличием в «искусственном обществе» бедных и богатых, трудящихся бедняков, гибнущих в рудниках и каменно-угольных копях, и праздных богачей с их сумасбродной роскошью²⁶.

Этот смелый памфлет, своим кругом идей весьма напоминавший вышедшее за год до этого знаменитое сочинение Руссо о происхождении неравенства, был воспринят современниками, как одно из многочисленных в то время произведений, превозносивших «естественное состояние» и «благородного дикаря»²⁷. Сам Бёрк десять лет спустя объявил свою первую работу сатирой на воззрения Болинброка. Известный элемент сатиры в «Оправдании» является, по-видимому, несомненным. Это относится, прежде всего, к уравнилельно-коммунистическим выводам, которые делает автор, превознося естественное равенство и критикуя современное общество, так как Бёрк меньше всего являлся уравнилелем или коммунистом. Ему претило также религиозное вольнодумство, и именно это, по его словам, явилось причиной, заставившей его написать сатиру на Болинброка, дабы защитить религию, менее абсурдную и более необходимую, чем многие общественные установления²⁸.

Неправильно было бы, однако, полагать, что Бёрк уже в этот ранний период своей деятельности сознательно отвергал самое учение о естественном состоянии, общественном договоре и

²⁵ „He was writing books at the time, and desired the author to copy them; the first was as imitation of the late lord Bolinbroke's Letter: the second The Treatise of Sublime and Beautiful“ (L. A. J. E., 53).

²⁶ См. „A Vindication of Natural Society or a View of the Miseries and Evils arising to Mankind from every Species of Artificial Society“. (The works of Edmund Burke, Boston, 1839, I, 7-53).

²⁷ См. A. M. Osborn, Rousseau and Burke. A Study of the Idea of Liberty in Eighteenth Century Political Thought, 112.

²⁸ Grierson, ук. соч., 3.

естественных правах человека—эти основы рационалистического мировоззрения «века просвещения». Можно согласиться с мнением одного новейшего исследователя, что в «Оправдании» Бёрк еще не отвергал и не критиковал рационалистическое мировоззрение и не сбросил еще с себя оболочку этой идейной системы²⁹. Еще в шестидесятых и семидесятых годах мы можем встретить в его политических выступлениях и речах многочисленные ссылки на «человеческую природу», на «естественную свободу» и т. п. Лишь в восьмидесятых годах, по мере эволюции его политических взглядов в сторону большей консервативности, происходит его окончательный разрыв с естественно-правовой теорией и локковским учением о правах человека. В девяностых же годах, в период его активной борьбы против Французской революции, провозглашенных ею лозунгов и всего рационалистического миропонимания, оформляется его реакционная органическая теория общества, делающая его непосредственным предшественником «романтических» политических учений начала XIX столетия.

В памяти потомков запечатлелся образ Бёрка-реакционера, автора «Размышлений о французской революции», врага революции и выразителя настроений реакционной части европейского общества. Произведения Бёрка последних лет его жизни заслонили в глазах последующих поколений его общественно-политическую деятельность и его воззрения пятидесятих-семидесятых годов. Между тем, в начале своей карьеры, в период опубликования «Оправдания естественного общества», Бёрк выступал как человек «века просвещения», как один из представителей английского просветительства.

Как таковой выступал он и в своем втором произведении, также переписанном Эмином, в философско-эстетическом трактате о возвышенном и прекрасном («The Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas on the Sublime and Beautiful»), развивавшем идеи одного из выдающихся представителей английской просветительской философии Шефтсбери и оказавшем, в свою очередь, непосредственное влияние на многих немецких просветителей³⁰, в том числе и на Лессинга.

Именно в этот период встречался и общался в Бёрком Эмин. Под руководством своего друга и наставника он усиленно за-

²⁹ R. Lennox. Edmund Burke und sein politisches Arbeitsfeld in den Jahren 1760 bis 1790. München bis Berlin, 1923, 113.

³⁰ Cay v. Brockdorff. Die englische Aufklärungsphilosophie. München, 1924, 98—99.

нимался самообразованием и усваивал передовые идеи современного ему английского просветительства.

IV

Материальное положение Эмина продолжало, между тем, оставаться очень тяжелым. Он был без работы, и случайные заработки не могли оказать ему существенную помощь. Разочарованный во всем, Эмин примирился даже с мыслью о возвращении в Индию. В ноябре 1755 г. он согласился отправиться с ближайшим кораблем в Калькутту, где рассчитывал, владея английским языком, устроиться на службу у Ост-индской компании.

Но как раз в это время он встретился с армянским юношей, доставившим в Лондон, по поручению алеппских купцов, арабского коня для лорда Нортумберленда. Его соотечественник попросил его зайти в дом лорда, чтобы помочь ему объясниться со слугами, так как сам он не знал по-английски. Вскоре Эмин был вызван к самому Нортумберленду, который, выслушав его рассказ, предложил ему изложить письменно историю своей жизни.

Вернувшись домой, Эмин, не откладывая, стал сочинять послание, о котором просил его Нортумберленд. До нас дошел полный текст этого письма³¹. Эмин описывал в нем свое происхождение, рассказывал о своих патристических мечтах, повествовал о своих мытарствах и неудачах в Лондоне. В заключение он указывал, что если бы Девис сообщил его отцу, что у него имеется в Лондоне знатный покровитель, то его отец согласился бы дать ему деньги на получение в Англии образования.

Через несколько дней Нортумберленд вновь вызвал его к себе и принял с величайшим радушием, заявив о своем решении стать впредь его покровителем. Он рассказал Эмину, что его письмо было переписано в большом количестве экземпляров и циркулировало в высшем лондонском обществе, причем многие выражали желание увидеть его и познакомиться с ним. Наконец, он сообщил молодому армянину, что им заинтересовался сам королевский сын, герцог Кумберлендский, который также согласился покровительствовать ему и обещал устроить его учиться в королевской военной академии в Вульвиче.

Знакомство с лордом Нортумберлендом было, действительно, большой удачей для Эмина. Сэр Гью Стимсон, ставший в

³¹ L. A. F. E. 58—60.

1750 г. графом, а в дальнейшем герцогом Нортумберлендским, был человек начитанный и образованный, любитель искусства и древностей. Крупный аристократ, имевший многочисленные связи в высшем лондонском обществе, он был особенно близок к королевской семье, став впоследствии одним из ближайших советников Георга III³².

Нортумберленд сразу ввел своего протеже в высшее лондонское общество, открыл ему двери в аристократические дома и салоны. Сделать это ему оказалось нетрудно, поскольку история Эмина вызвала живой интерес среди его друзей и знакомых. Этот внезапно возникший в лондонском свете интерес к молодому армянину носил, несомненно, несколько специфический характер. Этот человек Востока, так стремившийся к знанию и культуре и мечтавший стать освободителем своей далекой отчизны, был экзотической личностью, которой интересовались, особенно на первых порах, как своего рода «раритетом».

Как бы то ни было, успех Эмина в высшем лондонском обществе был полный. В какие-нибудь полмесяца он через посредство Нортумберленда завел так много знакомств, что перечисление одних фамилий заняло бы, по его словам, две страницы. Он все же называет в своей автобиографии ряд имен своих новых знакомых, о которых неоднократно упоминает и в письмах этого периода. Среди них мы находим таких представителей английской аристократии, как молодой в то время граф Пемброк³³, виконт Болинброк, молодой герцог Ричмонд (в дальнейшем крупный государственный деятель, поборник парламентской реформы, а в конце жизни член кабинета Питта-младшего), лорд Кеткерт (впоследствии посол в Петербурге), престарелый государственный деятель граф Бат, граф Оксфорд, герцог Мальборо.

Большое внимание уделяли ему, в частности, женщины, особенно леди Ансон, жена адмирала Ансона, леди София Эгертон, дочь герцога Кентского, мисс Тальбот, воспитанница архиепископа Кентерберийского, и многие другие. Не забудем, что как раз в это время начинался расцвет сентиментализма в английской литературе, и такого рода романтические герои были в большой моде.

Особенно ценным оказались для Эмина его знакомство с «знаменитой госпожей Монтегю». Знакомство это сыграло в его

³² „Dictionary of National Biography“ XLIV, 418—427.

³³ Теперь опубликованы дневники и письма этого знакомого Эмина — Henry, Elisabeth and George, (1734—1780). Letters and Diaries of Henry Tenth Earl of Pembroke and his circle. London, 1939. К сожалению, они относятся к более позднему периоду.

жизни очень большую роль — быть может не меньшую, чем его дружба с Бёрком. Об этом свидетельствуют переписка самой Монтегю, а также дошедшие до нас его письма к ней. До конца жизни Эмин благоговел перед этой женщиной и его неумеренные комплименты по ее адресу объяснялись его искренним восторгом и искренней признательностью.

Красивая, остроумная, живая и обаятельная, хотя несколько тщеславная, Елизавета Робинсон получила в молодости прекрасное образование. Она владела не только французским и итальянским, но даже латинским и прекрасно знала литературу. Выйдя замуж за богатого аристократа и шахтовладельца Монтегю, она использовала свое богатство для удовлетворения своих интеллектуальных запросов и своего стремления играть выдающуюся общественную роль, в чем ее пожилой супруг не думал ей препятствовать. С пятидесятих годов ее дом становится центром всего культурного и образованного лондонского общества³⁴. Вскоре салон «мадам Деффан английской столицы», как величали ее современники, затмил все другие кружки и салоны, и Елизавета Монтегю была единодушно провозглашена «королевой синечулочников»³⁵. В ее знаменитой «китайской комнате» «с одиннадцати часов утра до одиннадцати часов ночи» толпились посетители. Она принимала у себя, по свидетельству одной из ее знакомых, «всех писателей, критиков, артистов, ораторов, юристов и духовных лиц хорошей репутации... Она привлекала всех туристов и путешественников, устраивала приемы для всех послов, выискивала всех примечательных иностранцев, особенно писателей». Среди посетителей ее салона были многие из наиболее выдающихся представителей английской интеллигенции того времени. Ее дом усердно посещали и поэт Джонсон, считавший ее «весьма необыкновенной женщиной», и Гораций Уальполь, и знаменитый художник Рейнольдс, написавший ее портрет, и великий артист Гаррик и многие другие. Как раз в это время проник в ее салон и первый друг Эмина молодой Эдмунд Бёрк, преподнесший ей в 1756 г. свой трактат «о возвышенном и прекрасном».

³⁴ О Елизавете Монтегю и ее кружке см. O. Elton A Survey of English Literature 1730—1780. London, 1928, 72—81; R. Huchon. Mrs Montagu and her Friends. 1720—1800, 1907; H. G. Aldis, The Bluestockings (Cambridge History of English Literature, XI, 343—365).

³⁵ Этим именем («bluestockings») с середины столетия стали называть не только образованных женщин, но и вообще всех постоянных посетителей литературных кружков и салонов.

Со всем этим блестящим обществом Эмин общался в доме своей новой покровительницы, которая в своих письмах отзывалась о нем с большой восторженностью, считая, что он стоит «на вершине человеческих добродетелей», и выражая «пожелание, чтобы его «патриотический дух» был присущ английским государственным деятелям»³⁶. И не только сама хозяйка, а и многие члены ее кружка, вроде политического деятеля и писателя Лгльттона и доктора Монсея, сделались его близкими друзьями, другие же, вроде Гаррика³⁷, его хорошими знакомыми.

В салоне Монтегю Эмин присутствовал при обсуждении политических, общественных и литературных новостей и принимал участие в спорах на философские, исторические, литературные темы. Он знакомился там с общественно-философскими и политическими идеями не только английских писателей, но и французских просветителей—идейных гегемонов современной ему Европы. Все эти разговоры и дискуссии, несомненно, расширяли его умственный горизонт, побуждая его читать произведения тех авторов и те книги, которые находились в то время в центре внимания у Монтегю, как и во всех европейских салонах середины XVIII столетия.

V

В переписке Эмина, а также в его автобиографии мы можем встретить отдельные высказывания, упоминания, цитаты, которые дают нам возможность составить некоторое (хотя далеко не полное) представление о том, какого рода книги он читал, чем интересовался и какие знания приобрел в бытность свою в Англии.

Произведения древних авторов были хорошо знакомы Эмину. Иначе и быть не могло. Восемнадцатый век—век увлечения классической древностью. Образованный человек «века просвещения» все время вращался в кругу образов греко-римского мира и примеров, почерпнутых из античности. В предисловии к своей автобиографии Эмин ссылается на «Всеобщую историю» Юстина³⁸. В письме к лорду Нортумберленду он сообщает, что еще до их знакомства прочел произведения нескольких римских

³⁶ L. A. J. E., 85.

³⁷ В одном из своих писем доктору Монсею Эмин специально просит передать привет «г-ну и г-же Гаррик» (Там же, 82).

³⁸ Там же, XXIX.

историков³⁹. Знал он и Цицерона⁴⁰—любимого античного писателя Бёрка.

Хорошо знакомый с произведениями армянских историков и летописцев (сочинение Монсея Хоренского было у него всегда под рукой)⁴¹, он усердно читал и описания путешествий по Востоку. В своей автобиографии он упоминает о европейских путешественниках, побывавших на Востоке до афганского нашествия⁴², т. е. о путешественниках семнадцатого—начала восемнадцатого столетий. В другом месте он прямо ссылается на известное произведение Шардена⁴³.

История вообще, военно-политическая история в частности, привлекала особое внимание Эмина. Он упоминает, например, о двухтомной работе «Политическое обозрение Британии»⁴⁴ ныне забытого, а в XVIII веке довольно широко известного писателя и историка Джона Кемпбелля, автора жизнеописаний британских адмиралов, принца Евгения и герцога Мальборо. Эмин был хорошо знаком с жизнью и деятельностью всех выдающихся военачальников, вплоть до своего современника, победителя при Фонтенуа, Мориса Саксонского, «великого маршала Саксонского», на слова которого он повторно ссылается в своей автобиографии и в своих письмах⁴⁵.

Две исторические фигуры всегда производили на него совершенно исключительное впечатление и особенно ему импонировали. То были Карл XII и Петр I. Когда, еще до своего знакомства с Бёрком, он устроился на должность клерка у одного адвоката, то случайно нашел в комнате, где работал, жизнеописание Петра I, Карла XII и Телемака⁴⁶ и так увлекся ими, что стал, как мы уже говорили, помещать выдержки в переписываемые им бумаги, а что и был в конце концов уволен. Он был знаком с самой распространенной в XVIII веке биографией Карла XII, принадлежавшей перу Вольтера. Говоря о Фридрихе II, он высказывает убеждение, что если бы тот был только воином, подобно Карлу XII, то Вольтер написал бы его историю в этих томах⁴⁷.

³⁹ Там же, 59.

⁴⁰ Там же, 403.

⁴¹ Там же, 142.

⁴² Там же, 484.

⁴³ Там же, 167.

⁴⁴ Там же, XXXII.

⁴⁵ Там же, 80, 464.

⁴⁶ Там же, 49.

⁴⁷ Там же, 118.

Уже это произведение Вольтера познакомило его с жизнью и деятельностью не только знаменитого шведского короля, но и Петра I. Возможно, что в дальнейшем он прочел и специальную работу Вольтера о Петре—«История Российской империи при Петре Великом», написанную в 1759 г.

«История Карла XII» не была единственным известным ему сочинением Вольтера, что видно из его собственных слов о том, что «покойный старый писатель» осыпал в своих произведениях насмешками Фридриха II. Эмин, следовательно, был знаком и с другими работами Вольтера, во всяком случае, с некоторыми его произведениями, вышедшими после его разрыва (в 1753 г.) с Фридрихом II. Это неудивительно, так как в салоне Монтегю, как и во всех европейских салонах пятидесятых годов, знаменитый французский философ пользовался большой популярностью. Англичан, правда, шокировали яростные нападки Вольтера на Шекспира, так что даже сама Елизавета Монтегю выступила впоследствии в специальной работе, посвященной творчеству великого английского драматурга, с критикой этих воззрений фернейского философа⁴⁸. Но так или иначе, «литературный диктатор Европы» оставался в центре внимания.

Наряду с жизнеописаниями Карла XII и Петра I, которыми он так увлекался, Эмин упоминает и жизнеописание Телемака. Речь идет, очевидно, о столь распространенном в XVIII веке дидактическо-нравоучительном романе Фенелона «Приключения Телемака», содержащем в зародыше многие идеи философов «века просвещения»—и критику деспотизма, и прославление просвещенной монархии, и противопоставление естественного состояния, «золотого века», современному обществу.

«Приключения Телемака» вводят нас уже в область художественной литературы, с которой Эмин был также хорошо знаком. Он цитирует в своих письмах различные стихи⁴⁹. Своего знакомого скрягу он называл Шейлоком⁵⁰, а повествуя о впечатлении, произведенном им своими рассказами на некую молодую француженку, образно сравнивает себя с Отелло, а свою прекрасную собеседницу с Дездемоной⁵¹. Пьесы Шекспира он не только читал, но, несомненно, видел и в театре с участием того же Гаррика.

Когда Эмин впервые посетил Бёрка, то последний, дабы удостовериться в его знании английского языка, дал прочесть ему

⁴⁸ H. G. Aldis, ук. сч., 352—354.

⁴⁹ I. A. J. E., 83.

⁵⁰ Там же, 37.

⁵¹ Там же, 135.

отрывок из «Болтуна»⁵², одного из знаменитых журналов, издававшихся Стилем совместно с Аддисоном. Так, Эмин познакомился с английской буржуазией «нравоучительной» публицистикой начала столетия, пропагандировавшей новую буржуазную мораль, свободомыслие и терпимость и положившей начало английской просветительной литературе XVIII века. Во время своего пребывания в Лондоне, да и в дальнейшем, он следил за современной ему английской прессой, переживавшей в ту эпоху в буржуазной Англии период расцвета. С распространенными в то время идеями европейского просветительства он знакомился не только по книгам, но и по журналам и прочей периодической литературе.

Даже те случайные данные, которые мы можем почерпнуть из автобиографии и переписки Эмина, свидетельствуют, таким образом, о его довольно широкой и разносторонней образованности. Он несомненно, достиг той цели, которую ставил перед собой, когда молодым юношей отправился в Англию, чтобы утолить свою жажду знания. Он познакомился с современной ему европейской культурой, стал европейски образованным человеком. Попав в Европу в эпоху расцвета буржуазного просветительства,—укреплявшего и обосновавшего в Англии новые буржуазные порядки, подготавливавшего во Франции крушение феодально-абсолютистского строя,—он из книг, а также путем посещения салона Монтегю и личного общения с рядом выдающихся представителей английской интеллигенции, познакомился с идейными лозунгами в первую очередь английской, а также и французской просветительной философии.

Отголоски всех этих идей современного ему передового буржуазного просветительства мы можем найти как в его письмах, этого периода, так и в его автобиографии.

«Разумное существо, пишет он, не должно сносить положения добровольного раба других; оно должно даже остерегаться быть подвластным своим собственным собратиям христианам, так как бог создал всех одинаково свободными с тем, чтобы они управлялись хорошими законами, одинаково справедливыми для богатого и для бедного...»⁵³. Всякий «закон природы» выше закона, установленного властью имущими⁵⁴. Общественный строй, основанный на угнетении и насилии, является противоестественным и ведет поэтому к самым пагубным последствиям. «Вся-

⁵² Там же, 51.

⁵³ Там же, 142.

⁵⁴ Там же, 269.

кий закон или обычай, притворчащий природе, должен приводить к разорению городов и опустошению государств и ничего не оставлять, кроме пустыни, столь же дикой, как если бы она никогда не была населена людьми»⁵⁵.

Именно такое положение и существует, однако, в восточных странах, где царит необузданный деспотизм и существуют самые дикие обычаи. Армяне находятся на положении всеми презираемых рабов, и поэтому их естественное, законное право—восстать против своих угнетателей и с оружием в руках завоевать свою свободу.

Почему же армяне не восстают, почему они в течение веков покорно сносят чуждое им? Как типичный просветитель, Эмин объясняет это их невежеством и их предрассудками. «Несчастливые армяне, пишет он... не впитывают ничего, кроме ужасающих предрассудков, которые, разумеется, сделали им совершенно чуждыми похвальные добродетели, ведущие к сладостной свободе и просвещающие человеческий ум»⁵⁶. Армянский народ пребывает «во мраке невежества»⁵⁷. «Несчастливые армяне, и хорошие и плохие, работают и трудятся, чтобы оставить после смерти деньги, которыми пользуются другие, что не может быть приписано ничему иному, как невежеству»⁵⁸. Если армяне утратили добродетели своих предков, если их характерной чертой стала рабская покорность, то это результат их невежества. Он убежден, что «хорошие и плохие имеются во всех нациях, но что больше добродетели можно найти среди цивилизованных свободных людей, чем среди тех, кто кушает, пьет и спит, пребывая в глубоком невежестве»⁵⁹. Там, где знание заключено «в мрачную темницу жестокого невежества», людей нельзя ни в чем винить⁶⁰.

Ответственность за это положение армянского народа, за его невежество, суеверия и пагубные предрассудки несут церковь и духовенство. Именно духовенство держит армян в темноте и своей проповедью покорности укрепляет сковывающие их цепи. «Группа ловких людей той же нации, весьма благочестиво воздействующая на их невинные податливые умы, низвела их так низко, что они презираемы всеми...»⁶¹. Мусульманские влас-

тител и духовенство совместно попирают армян: «первые отнимают у них жизнь, вторые держат в заточении их души»⁶². Отцы церкви день и ночь молятся о продлении владычества мусульман⁶³. «О, духовные лица, восклицает он, если вы только допустите их (армян.—А. И.) разорвать цепь предрассудков и невежества, то увидите, как храбро они нападут на врагов Христа»⁶⁴.

Отразилось ли это отрицательное, типично просветительское, отношение Эмина к духовенству на его религиозных убеждениях? Он был, несомненно, знаком с идеями деистической философии. У него то здесь, то там проскальзывает выражение «верховное существо»⁶⁵. Иногда он заявляет, что «бог создал все вещи сообразуясь с природой»⁶⁶. Подчас он высказывает не совсем почтительное отношение к авторитету «святых отцов церкви», приписывая им чувство зависти, естественное, по его мнению, для всех людей⁶⁷. Но все это отдельные штрихи, отдельные мелкие детали, случайные отголоски деистических воззрений и деистической фразеологии.

Эмин, безусловно, остался верующим человеком и добрым христианином⁶⁸. Объясняется это прежде всего тем, что в Англии в XVIII веке религиозное вольнодумство проявлялось слабее, чем во Франции. Во Франции, где учение католической церкви являлось официальной идеологией абсолютистско-феодального государства, борьба против традиционной религии не-

⁶² Там же, XXX.

⁶³ Там же, 157.

⁶⁴ Там же, 287.

⁶⁵ Там же, XXVII, 171.

⁶⁶ Там же, 111.

⁶⁷ Там же, 118.

⁶⁸ Бог, имя которого он беспрестанно упоминает, не абстрактное философское божество. «Ничего не совершенно в нашем подлунном мире, ничего, кроме бога в небесах, который над всеми нами» (там же, 17), «всемогущий бог» (там же, XXVII), «благословение, являющееся великим даром милосердного бога» (там же, 1)—такого рода выражения встречаются у него неоднократно. В одном из своих писем к Монтею он высказывает порицание доктору Монсею, завещавшему свое тело анатомическому, забыв, «кто послал его в этот подлунный мир, где мы все смертные являемся лишь путешественниками» (там же, 495). Хотя он всегда осуждал фанатизм и религиозную нетерпимость (там же, 269), но он был глубоко убежден в истинности христианства и ложности других религий. Мусульманство, например, он прямо называет «ложной религией» (там же, 8).

⁵⁵ Там же, 396.

⁵⁶ Там же, 471.

⁵⁷ Там же, 366.

⁵⁸ Там же, 277.

⁵⁹ Там же, 356.

⁶⁰ Там же, 426.

⁶¹ Там же, 426.

избежно должна была принимать более острые формы. В буржуазной же Англии религиозность (как раз среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев) все более становилась признаком «респектабельности» и хорошего тона. В середине столетия зарождается и быстро развивается религиозное движение методистов. Идеи не только материалистов типа Толанда и Коллинза, но даже деистов типа Болинброка отнюдь не были господствующими и общепризнанными. Непосредственный же наставник Эмина Бёрк был решительным противником Болинброка и всякого религиозного вольнодумства вообще⁶⁹. В этом отношении его влияние на Эмина было и осталось доминирующим⁷⁰, не расшатав, а укрепив в последнем его национальные религиозные традиции.

Несчастья армян, как и всех угнетенных народов, являются, таким образом, по мнению Эмина, прямым результатом невежества, в котором они пребывают. Если бы, указывает он, армянские дети получали соответствующее образование, то армяне были бы свободной нацией⁷¹. «Они на самом деле не знают, что такое свобода; если бы они, хотя бы однажды, испробовали ее сладость и выкинули из своих добрых сердец сказки старых баб, то они, несомненно, стали бы великой нацией»⁷². Сам он не мог жить «подобно кушающему и пьющему животному без свободы и знания»⁷³. Он почувствовал «невыразимую жажду совершенствования и свободы»⁷⁴. Он понял «преимущества истинного знания и ужасающее бедствие невежества»⁷⁵.

Велико его преклонение перед «просвещенной Европой», неугасимый светоч которой ярко сияет среди азиатской тьмы⁷⁶. Его вера в силу знания безгранична. Европейцы побеждают не столько силой оружия, сколько мудростью и искусством⁷⁷. Что

⁶⁹ С одним из таких вольнодумных аристократов довелось иметь столкновение самому Эмину. Приводимый им разговор с лордом Хентингтоном (там же, 164—165), во время которого он резко осуждал свободомыслящих, призывавших английской нации «языческие» воззрения,—лучшее свидетельство его собственных религиозных убеждений.

⁷⁰ Эмин сам свидетельствует, что Бёрк «всегда советовал ему уповать на Бога» (там же, 52).

⁷¹ Там же, 157.

⁷² Там же, 198.

⁷³ Там же, 59.

⁷⁴ Там же, XXVIII.

⁷⁵ Там же, XXIX.

⁷⁶ Там же, 1—2.

⁷⁷ Там же, 110.

не построено на знании—построено на песке⁷⁸. Велико его благоговение перед людьми науки, этими «трудолюбивыми пчелами» заслуживающими уважения со стороны всей вселенной⁷⁹.

«Стол познания» открыт для каждого человека и для каждой нации⁸⁰. Армянский народ также должен отвратить его плодов, должен приобщиться к европейской культуре и проложить себе, таким образом, путь к свободе, счастью и благосостоянию. Необходимо, чтобы в темные дни его соотечественников проникла светлая заря истинного знания и чтобы тем самым они заслужили уважение всех наций⁸¹.

В «Истории Карла XII» он читал впечатляющие страницы о Петре I, отправившемся учиться за границу, изучившем там военное дело, приобщившем свою страну к европейской культуре, учредившем школы, типографии, библиотеки и поборовшем суеверия⁸². Не может ли армянский народ, подобно столь могущественным теперь русским, подняться из тьмы невежества к знанию и культуре? Не суждено ли ему самому, изучив в Европе науки и военное дело, освободить и просветить свою родину? Вот мысли, которые непрестанно носились в его голове.

VI

Герцог Кумберендский выполнил свое обещание и вскоре определил Эмина в королевскую академию в Вульвиче для обучения «артиллерийскому делу и искусству фортификаций». Эмин поселился в этом предместье Лондона, причем тридцать фунтов, которые нужно было платить за его содержание, а также карманные деньги в размере одной гиней в месяц, должен был выплачивать за счет герцога его адъютант генерал Непир.

В вульвической академии Эмин пробыл, однако, всего лишь тринадцать месяцев. Военно-политические события вскоре побудили его прекратить учение, хотя, по его же словам, он только начинал приобретать познания в геометрии, алгебре и черчении.

Летом 1756 г. Фридрих II вторжением в Саксонию развязал новую европейскую войну, которой суждено было длиться семь

⁷⁸ Там же, 113.

⁷⁹ Там же, XXVIII.

⁸⁰ Там же, XXIX.

⁸¹ Там же, XXXII.

⁸² Oeuvres choisies de Voltaire Paris, 1890. Histoire de Charles XII I. 46—51.

лет. 11 января 1757 г. был подписан англо-прусский договор, предусматривавший, кроме выплаты Пруссии ежегодной субсидии, организацию в Вестфалии специальной «армии наблюдения». Напомним, что в то время Ганновер был связан с Великобританией личной унией и был также вовлечен в конфликт. Кроме ганноверских войск «армия наблюдения» должна была состоять из гессенских и брауншвейгских отрядов, так как по договору с Англией определенные военные контингенты обязались выставить и некоторые мелкие немецкие государства. Главным командующим этой «армией наблюдения» был назначен герцог Кумберлендский, который в апреле того же года отправился в Германию.

Еще до отъезда герцога Эмин через лорда Кеткарта обратился к нему с просьбой дать указание что ему следовало делать—продолжать ли учение в академии или отправиться со своим покровителем на фронт? Герцог предоставил решить этот вопрос самому Эмину, который велел передать, что предпочитает практику теории. Ответ этот очень понравился герцогу. Но после его отъезда об Эмине забыли. Тогда последний обратился за содействием к своим друзьям. До нас дошло его письмо к Монтегю от 16 мая 1757 г.⁸³, из которого явствует, что генерал Непир написал о нем специальное письмо герцогу: сам он, видимо, не рассчитывал уже на благоприятный ответ из Германии и просил поэтому свою покровительницу, чтобы она исходатайствовала для него чин лейтенанта в вильгельмском королевском артиллерийском полку; в таком случае, писал он, он смог бы, получив соответствующее разрешение, отправиться на службу к прусскому королю.

Дело кончилось тем, что друзья Эмина собрали для него шестьдесят гиней, и он вместе с курьером, везшим правительственные депеши, отправился в Германию. Через четверо суток они прибыли в Штаде, а на следующий день в деревню, где находилась ставка Кумберленда. Последний, узнав о приезде Эмина, предоставил его в распоряжение майора Фрейтага, командующего егерским батальоном.

Под начальством этого Фрейтага Эмин и принял участие в летней кампании в Вестфалии. Кампания эта, как известно, была крайне неудачной. Французская стодеятитысячная армия, под командованием маршала д'Эстре занявшая Эмден, нанесла 26 июля поражение войскам Кумберленда в битве при Гастенбеке. В августе преемник д'Эстре Ришелье, заняв Ганновер,

⁸³ L. A. J. E., 70—71.

продолжал теснить армию герцога, отступавшую на север к устью Везера. Прижатый к морю, Кумберленд 10 сентября подписал так называемую кластерцевенскую конвенцию, предусматривавшую роспуск «армии наблюдения», и удалился в Англию, где был вынужден выйти в отставку.

Сохранился целый ряд писем Эмина, написанных им во время этой кампании своим лондонским друзьям и знакомым. Из его письма от 30 июля доктору Монсею⁸⁴ мы узнаем, что он был легко ранен. В этом же письме он описывал жизнь, которую приходилось вести отступавшей армии—есть черный хлеб, спать на соломе, а иногда и в открытом поле. Очень интересно его письмо от 1 августа, адресованное «всем леди-патронессам Иосифа Эмина»⁸⁵. Мы находим в нем подробное описание битвы при Гастенбеке. Во время этого сражения Эмин находился с егерями майора Фрейтага на холме, который этот маленький отряд храбро оборонял в течение получаса от атак нескольких тысяч французов. В письме к Монтегю от 14 сентября⁸⁶, он сообщал, что егерский отряд, в котором он служил, всегда находился в арьергарде, имея задание разведывать передвижения вражеских войск; спустя два месяца, однако, по распоряжению герцога Эмин был переведен в главную квартиру⁸⁷, где находился в течение «последних восьми недель», и еще до заключения «мира» (т. е. кластерцевенской конвенции) выполнил однажды вместе с адъютантом герцога ответственное поручение по разбивке лагеря.

Что во время этой кампании Эмин прекрасно зарекомендовал себя и проявил храбрость и отвагу, видно не только из его собственного сообщения о том, что Кумберленд был им очень доволен, но и из того, что хорошо осведомленная Монтегю называла его в одном из своих писем героем⁸⁸.

К этому времени относится и письмо Бёрка к Эмину от 7 августа 1757 г., впервые опубликованное в первом томе недавно изданной переписки Бёрка⁸⁹. В своем письме Монсею от 30 июля, Эмин просил последнего ознакомить Бёрка с его посла-

⁸⁴ Там же, 77—78.

⁸⁵ Там же, 78—81.

⁸⁶ Там же, 82—84.

⁸⁷ Очевидно, под начальство того самого генерала Карлтона, о котором он упоминает в своей автобиографии (Там же, 75).

⁸⁸ Там же, 82.

⁸⁹ The Correspondence of Edmund Burke, Volume I Cambridge-Chicago 1951. 120—121.

нием своим «леди-патронессам», в котором содержалось описание битвы при Гастенбеке и прежде чем его размножить спросить его совета. Письмо Бёрка и было, очевидно, ответом на это обращение. Оно еще раз свидетельствует о его дружественных чувствах к Эмину, которому он высказывал свою радость, что тот не пострадал и не попал в плен во время этой битвы. Давая ряд советов Эмину, Бёрк в то же время напоминал ему, что его случай особый, что его задача не обычная военная карьера, а возможность проявить свои знания и способности среди своих соотечественников.

После заключения Klosterzevenской конвенции герцог отправил Эмина с одним курьером назад в Лондон. По своем возвращении в Англию Эмин написал письмо лорду Кеткарту⁹⁰, с просьбой переговорить от его имени с герцогом о возобновлении им учебы в вульвичской академии. Была ли удовлетворена его просьба опальным герцогом, мы не знаем, так как в своей автобиографии он ничего об этом не сообщает.

Но уже в июне 1758 г. мы видим Эмина вновь воюющим. На этот раз он принял участие в качестве добровольца в рейде на французское побережье в районе Сен-Мало, описанном впоследствии Теккереем в «Виргинцах».

Экспедиция отправилась 1 июня. 5 июня войска высадились на французской территории в районе залива Канкаль. Эмин принял участие в последовавшей затем атаке на гавань Сен-Мало и в уничтожении стоявших там судов. До нас дошло его письмо от 11 июня⁹¹, в котором он описывал эту экспедицию, сообщая много интересных подробностей. В приписке, помеченной 12 июня, он писал, что все экспедиционные войска уже погружены на суда. Действительно, экспедиционные войска сразу же вернулись в Англию, ограничившись лишь сожжением неприятельских кораблей и не попытавшись развернуть на французской территории какие-либо военные операции или захватить самый город Сен-Мало.

Рейд этот не мог удовлетворить Эмина. Ему хотелось принять участие в настоящих сражениях. Он знал, что Фридрих II не допускал в свои войска иностранных добровольцев, но все же, с одобрения Нортумберленда, решил попытать счастья и отправиться к прусскому королю.

Уже через полтора месяца он выехал в Голландию. В Гааге он виделся с английским послом Йорком—братом одной из его

⁹⁰ L. A. J. E., 90—91.

⁹¹ Там же, 96—97.

покровительниц, леди Ансон, к которому имел рекомендательное письмо. Последний, в свою очередь, написал о нем письмо английскому представителю при Фридрихе II Митчелю. После трехдневного пребывания в нидерландской столице Эмин отправился в дальнейший путь. Как явствует из его краткой записки Монтегю⁹², отправленной из Гааги, он выехал оттуда 8 августа.

Свыше недели он ехал по Германии навстречу прусскому королю. Затем присоединившись ночью к его войскам, он в течение четырех дней⁹³ совершил с ними переход до Франкфурта на Одере.

Дело происходило накануне битвы при Цорндорфе, когда Фридрих, снявший в начале июля осаду с Ольмюца, ускоренными маршами двигался с шестнадцатью батальонами и двадцатью восьмью эскадронами от Ландсхута в направлении к Франкфурту против русских войск, осаждавших Кюстрин. В написанной им в 1764 г. истории семилетней войны он следующим образом описывает свой тогдашний маршрут: «Король направил свой путь через Рошток, Лигниц, Гинцендорф, Дакау, Вартенберг, Шертендорф, Кроссен, Цибинген к Франкфурту»⁹⁴. 16 августа он писал из Вартенберга генералу Дона, командующему войсками, находившимися у Кюстрина: «Сегодня седьмой день моего марша, и в течение этого времени я промаршировал двадцать миль»⁹⁵. Я марширую теперь прямо на Франкфурт с тем, чтобы, если еще есть время, присоединиться к вам»⁹⁶. Поскольку Фридрих прибыл в Франкфурт 20 августа, то, следовательно, Эмин находился в его армии с ночи на 17 августа по 20-е, т. е. встретив его в районе Вартенберга⁹⁷, совершил с ним ускоренный переход через Шертендорф, Кроссен, Цибинген к Франкфурту.

⁹² Там же, 114.

⁹³ Так пишет сам Эмин в письме к Литльтоу (там же, 125). В одном из своих писем к мужу Монтегю сообщала, что он провел с Фридрихом семь дней. Ясно, однако, что нужно дать предпочтение заявлению самого Эмина, тем более, что оно совпадает с данными, которые мы находим в его автобиографии.

⁹⁴ Oeuvres posthumes de Frederic II, roi de Prusse. Berlin, 1788. III, 304.

⁹⁵ Прусская миля равнялась 7,5 км.

⁹⁶ W. Oncken, Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, Berlin, 1882. II, 219.

⁹⁷ В письме к Литльтоу Эмин писал, что с целью добраться до Фридриха он совершил путь от Гааги до Silicia, т. е. Силезии (L. A. J. E., 125). Вартенберг действительно находится в Силезии, почти у самой границы этой провинции.

В своей автобиографии Эмин подробно рассказывает об этих четырех днях, проведенных с Фридрихом. По его словам Фридрих, по прибытии в Франкфурт, распорядился выдать ему, необходимому снаряжению и хотел зачислить его в свои войска; этому однако помешал английский посол Митчелль, приказавший Эмину отправиться в английскую армию, оперировавшую на территории Ганновера. Этот рассказ Эмина подтверждается его письмом от 9 сентября Монтегю⁹⁸, в котором он подробно описывает Фридриха II, и письмом от 11 сентября Литльтону⁹⁹, в котором он сообщает о своем четырехдневном пребывании в армии прусского короля.

Письмо Литльтону было написано Эмином из ставки герцога Мальборо в мюнстерском епископстве. Герцог Мальборо прибыл в августе с двенадцатитысячным английским корпусом в Западную Германию, где, согласно новому англо-прусскому договору, была воссоздана союзная армия, находившаяся теперь под общим командованием принца Фердинанда Брауншвейгского. За три месяца до этого именно Мальборо командовал экспедицией против Сен-Мало. Он знал Эмина лично, был очень доволен его поведением во время этого рейда и, по словам Монтегю, называл его «своим львом»¹⁰⁰. Поэтому он принял его очень хорошо и оставил при своей ставке, назначив адъютантом генерала Шуленбурга.

Служба в войсках Мальборо не понравилась, однако, Эмину. В своем письме Литльтону он жаловался на безделье, сообщал, что не слышно никаких разговоров о предстоящих сражениях, и сетовал, что таким путем он никогда не научится военному искусству. Правда, на него обратил внимание сам принц Фердинанд, посетивший ставку герцога, но и это не могло его утешить. Уже тогда, 11 сентября, он писал о своем намерении вернуться назад в Англию, если в ближайшие дни не будет прикомандирован к какому-нибудь корпусу, ведущему боевые операции. Он, очевидно, окончательно принял это решение после смерти своего покровителя—герцога Мальборо, скончавшегося 28 октября. Во всяком случае, он вернулся в Англию не позже конца ноября, так как в своем письме мужу, помеченному 2 декабря, Монтегю сообщала уже о его возвращении.

⁹⁸ Там же, 123—124.

⁹⁹ Там же, 125—126.

¹⁰⁰ Там же, 126.

VII

Если Эмин сожалел, что ему не удалось принять более активного участия в происходившей войне, то отнюдь не потому, что видел в этом какую-то самоцель. Наоборот, он смотрел на это, как на своего рода учебную практику, необходимую для его будущей деятельности в Армении. А мысль о поездке на родину не покидала его ни на минуту. В письме к Литльтону он выражал сожаление по поводу постигшей его неудачи именно в связи с тем, что упустил возможность плодотворно использовать те «немногие месяцы», которые оставалось провести в Европе.

Как можно судить по переписке Эмина, вопрос о его поездке на родину и его предстоящих деяниях там служил постоянной темой разговоров в салоне Монтегю и среди прочих его друзей. В своих письмах к Монтегю он в шуточной форме обещал возвести ее на персидский престол, когда его предприятия увенчаются успехом¹⁰¹. О своих планах, он упоминал и в письмах к покровительницам, говоря о своем предназначении стать вождем нации¹⁰².

Еще до начала войны, сразу же после знакомства с Нортумберлендом и другими высокопоставленными лицами, он постарался использовать открывшиеся перед ним возможности. По его словам, он тогда же написал четыре письма: губернатору Калькутты Дреку, своему отцу, калькуттским армянам и грузинскому царю Ираклию. Три последние письма, написанные по-армянски, он перевел на английский язык и показал герцогу Кумберлендскому, лорду Нортумберленду, архиепископу Кентерберийскому, одному из директоров Ост-индийской компании Пейну и некоторым другим своим знакомым. Герцог, вызвав Пейна, дал распоряжение переслать эти послания калькуттскому губернатору, с тем, чтобы тот созвал всех местных армян и прочел им эти письма.

Письмо к Ираклию Эмин сам приводит полностью в своей автобиографии. Его письма губернатору и отцу также дошли до нас в английских копиях, сохранившихся в архиве Монтегю.

В длинном письме к отцу¹⁰³ Эмин указывал, что стремился попасть в Англию, чтобы обучиться военному искусству, с помощью которого армяне должны бороться против своих угнета-

¹⁰¹ Там же, 88—114.

¹⁰² Там же, 81.

¹⁰³ Там же, 102—106.

телей; он подробно описывал мытарства, перенесенные им в Англии в первые годы своего пребывания там и сообщал о своем новом покровителе лорде Нортумберленде, рекомендовавшем его сыну английского короля. Цель письма заключалась в том, чтобы его отец и дяди, к которым он также обращался, написали Девису, чтобы тот безоговорочно выдал ему хранившиеся у него пятьсот рупий. В письме к губернатору Дреку¹⁰⁴, Эмин просил ознакомить влиятельных калькуттских армян с содержанием как его письма к ним, так и его послания Ираклию и оказать на них воздействие с тем, чтобы они, в свою очередь, написали о нем грузинскому царю. В другом письме¹⁰⁵ Эмин просил губернатора переслать его послание Ираклию.

Наиболее интересным является как раз это последнее письмо Эмина, адресованное кахетинскому царю¹⁰⁶. Он описывал в нем систему европейского военного обучения и восхвалял европейское воинское искусство; он указывал на просвещенность европейцев, на их огромные достижения и преимущества, основанные на знании. Очень любопытен и знаменателен приводимый им пример Петра I, «который не был бы таким великим воином и чья страна не была бы столь благословенной и процветающей, если бы он не приехал сюда (в Европу.—А. И.), чтобы научиться мудрости». Сообщая, как ему удалось изучить военное искусство, он предлагал Ираклию принять его к себе на службу в качестве «европейского офицера» с тем, чтобы он мог обучить его солдат «сражаться подобно европейцам». Он предлагал также привести с собой других сведущих людей, чтобы усилить его царство и сделать похожим на европейские государства; ведь он, Ираклий, имеет хорошую страну и командует храбрыми людьми; если ему удастся собрать под своей властью всех армян то ни одно царство Востока не будет столь богатым и славным.

Это письмо Эмина знакомит нас с его тогдашними планами и намерениями. Если отправляясь в Англию он мечтал освободить свой народ лишь при помощи карабахских меликов, то в дальнейшем его планы приняли более обширный характер. Он писал Ираклию, что еще в Индии слышал о нем, но что лишь в Англии узнал о его победах. Действительно, в пятидесятых годах в Европе уже распространяются сведения о возвышении и усилении на Кавказе грузинских государств—Картлии и Кахетии. В

¹⁰⁴ Там же, 100—101.

¹⁰⁵ Там же, 102.

¹⁰⁶ Там же, 108—113.

первой половине XVIII века оба эти княжества Восточной Грузии являлись вассальными государствами, находившимися под властью Ирана. Предпринятая в двадцатых годах, в эпоху персидского похода Петра I, картлийским царем Вахтангом попытка освободиться от этой зависимости потерпела неудачу, и грузинские царства попали сперва под турецкое иго, а затем, после побед Надира, снова в зависимость от Ирана. Но в середине столетия их положение значительно улучшилось. Кахетинский царевич Теймураз, сперва утвержденный Надиrom царем Кахетии, а затем в 1744 г. переведенный царствовать в Картлию, и его сын Ираклий, возведенный в том же году на кахетинский престол, сумели удачно воспользоваться смутами и междоусобицами в Иране, начавшимися после убийства грозного шаха. Путем целого ряда успешных войн они смогли не только обеспечить независимость своих государств, но и подчинить себе даже соседние ханства. В этих войнах и сражениях против иранских ханов и лезгин особенно отличился Ираклий, и имя Ираклия начинало приобретать широкую известность не только на Востоке, но и в Европе. В своем письме Эмин заявлял, что Ираклий является защитником обоих христианских народов, армян и грузин, которых ему удалось освободить от персидского ига¹⁰⁷, теперь же наступило время освободить и христиан, подвластных туркам. Эмин мечтал, следовательно, освободить с помощью Ираклия весь армянский народ, называя его поэтому «царем Грузии и Армении». Строя такие проекты, он, кстати сказать, исходил из исторических воспоминаний: он знал, что Ираклий был из рода Багратидов, а Багратиды являлись армянской царской династией, одна из ветвей которой заняла грузинский престол.

Именно с этой целью Эмин и намерен был отправиться к Ираклию, предложить ему свои услуги и помочь ему реорганизовать свою армию на европейский лад. А чтобы приобрести в его глазах больший вес и придать своим планам большее значение, он хотел получить поддержку со стороны богатых и влиятельных индийских армян.

Но Эмин не думал ограничиться только этим. В марте 1758 г. он написал письмо Уильяму Питту, копия которого также сохранилась в архиве Монтегю¹⁰⁸. Он писал знаменитому министру,

¹⁰⁷ Эти заявления Эмина об освобождении подвластных Ирану армян объяснялись, несомненно, дошедшими до него сведениями о подчинении грузинскими царями Ереванского ханства.

¹⁰⁸ Там же, 91—92.

что видел и слышал его в Палате общин и был восхищен его патриотизмом, так как сам хотел бы сделать для своей страны то, что тот сделал для Англии. Многие армяне, продолжал он, предпринимали далекие путешествия и терпели нужду, но лишь ради денег, он же сделал это ради приобретения знаний и блага своей родины. Сообщая о своем горячем желании иметь с ним свидание, он писал далее, что нашел способ улучшить положение своей страны «и в то же время оказать некоторую услугу вашей благородной нации»; он считал бы за честь представить ему свой «скромный план».

Письмо это было передано Питту, очевидно, через одного из покровителей Эмина. Но все его попытки добиться свидания с фактическим главой английского правительства (в то время Питт еще не был официально премьер-министром) оставались тщетными. В своем письме Литльтону, написанном после возвращения из экспедиции в Сен-Мало, летом того же года, он сообщал, что еще не видел «великого человека», т. е. Питта, и что «столько раз ходил к его дверям, что даже устал»¹⁰⁹.

Как раз в это время им было получено ответное письмо от отца¹¹⁰, из которого он узнал, что все его четыре послания были зачитаны губернатором Дреком калькуттским армянам и произвели на них сильное впечатление. Письме Ираклию было переслано губернатором английскому резиденту в Басре для отправки оттуда в Грузию. Отец одобрял его решение известить о своих намерениях горцев (т. е. карабахских меликов.—А. И.) и все остальные области Армении, о чем он очевидно писал в недошедшем до нас письме к калькуттским армянам, в котором излагал свои планы. Иосиф соглашался теперь выдать ему пятьсот рупий, не требуя его возвращения в Индию. Эти деньги, полученные наконец Эмином от Девиса, и дали ему возможность предпринять путешествие в Германию.

На обратном пути он вновь остановился в Гааге, где на этот раз провел пять дней. Еще за год до этого Эмин предполагал совершить специальную поездку в нидерландскую столицу. Об этом мы узнаем из письма его знакомой Софии Эгертон от 14 декабря 1757 г. своему дяде графу Бентинку, проживавшему в Гааге¹¹¹, в котором она рекомендовала ему Эмина, намеревавшегося «посетить своих соотечественников в Голландии». Эта предполагавшаяся поездка, очевидно, так и не состоялась, и

¹⁰⁹ Там же, 199.

¹¹⁰ Там же, 106—108.

¹¹¹ Там же, 89.

письмо Эгертон не было вручено по назначению. Теперь же, осенью 1758 г., пользуясь своим пребыванием в Гааге, Эмин занялся теми делами, из-за которых чуть было не приехал туда год назад. Какие это были дела, мы знаем лишь со слов Монтегю. Сообщая о возвращении Эмина, она писала мужу, что «он был недавно в Голландии, где армяне обещали содействовать его проектам»¹¹². Эмин, следовательно, вел какие-то переговоры с гаагскими армянами, обещавшими ему свою помощь. Он хотел, видимо, заручиться поддержкой не только индийских армян, но и других зарубежных армянских колоний, где проживала значительная армянская торговая буржуазия. А Голландия издавна являлась одним из основных центров армянского торгового капитала. К сожалению, мы не имеем никаких дополнительных сведений на этот счет.

По возвращении в Англию Эмин с еще большей энергией стал добиваться свидания с Питтом. В том же письме Монтегю сообщала, что за него взялись ходатайствовать перед министром Нортумберленд, лорд Ансон и генерал Йорк—английский посол в Нидерландах, с которыми Эмин познакомился в Гааге. Она писала также, что он посетил леди Ярмут, которая тоже обещала хлопотать за него «перед одним очень большим человеком».

О своем свидании с влиятельной при дворе любовницей короля Георга II рассказывает в своей автобиографии и сам Эмин. Он посетил ее на следующее же утро после своего возвращения, вручив ей письмо от ее сына графа Вальмодена, находившегося в ганноверской армии. Узнав, что его единственная просьба—устроить ему свидание с Питтом, леди Ярмут охотно взялась сделать это, обещав переговорить с королем (тем самым «большим человеком», о котором писала Монтегю), чтобы тот в свою очередь попросил министра принять молодого армянина.

Подобная авторитетная просьба сразу же оказала свое действие: Эмин был вызван к будущему лорду Чатаму. Его долгожданное свидание с Питтом состоялось, следовательно, в декабре 1758 г.

В автобиографии Эмин рассказывает, что Питт встретил его очень любезно, сказал, что сознательно не принимал его раньше (несмотря на то, что говорил о нем со своей младшей сестрой Мери и Елизаветой Монтегю), дабы посмотреть, сможет ли он все же добиться своего. Далее он сообщил, что король был очень доволен его поведением на войне, и в заключение предложил ему на выбор или офицерский чин в английской армии, или

¹¹² Там же, 126.

службу в Индии. На все это Эмин ответил, лишь, что его единственным желанием было увидеть знаменитого министра; вслед за тем он распростился с ним.

Совершенно ясно, однако, что Эмин в данном случае не говорит всего. Ведь в своем мартовском письме он писал, что хотел видеть Питта в связи со своими политическими проектами, чтобы заручиться его поддержкой; добившись, наконец, свидания с ним, он не мог, понятно, ограничиться подобного рода любезным заявлением. А как обстояло дело в действительности, мы узнаем из письма Монтегю, написанного под свежим впечатлением рассказа Эмина о своей беседе с Питтом¹¹³. «По ходатайству леди Ярмут,—писала она мужу,—м-р Питт принял его и обещал посмотреть, что может быть для него сделано; так как выдающиеся умы являются сродными, то м-р Питт был очень доволен им. Эмин повторил мне свою речь, обращенную к м-ру Питту, и она была образна и полна азиатского огня; если она не тронула государственного деятеля, то она должна была тронуть оратора. М-р Питт сделал ему большие комплименты».

Итак, как и следовало предполагать, Эмин изложил Питту свой «план» и изложил его очень подробно, произнеся, по выражению Монтегю, целую речь. Лично сам он произвел хорошее впечатление на Питта. Но этим дело и ограничилось. Ничего конкретного Эмин не добился.

Почему английский министр оказался столь сдержанным? Почему, в его лице, английское правительство не только не поддержало политические проекты Эмина, но, видимо, даже и не заинтересовалось ими? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить о роли армянского торгового капитала в восточных странах и об английских экономических и политических интересах на Востоке в середине XVIII столетия.

Хотя в Индии армяне не только уживались с англичанами, а часто становились их прямыми агентами, содействовавшими укреплению и расширению английского владычества в этой стране, но даже там некоторые представители армянского торгового капитала продолжали вести самостоятельную политику, превращаясь иногда в явных конкурентов Ост-индской компании. Таковым был, например, знаменитый Горгин-хан—армянский купец Грикор, ставший в начале шестидесятых годов XVIII века ми-

¹¹³ Там же, 92. Это письмо, не датировано, указан только день—вторник. В примечании на полях, которые делала впоследствии по памяти Монтегю при классификации своих писем, указано: «Эмин. Март 1758». Но это явная ошибка, так как Эмин, как мы видели, добился свидания с Питтом не в марте, а в декабре и еще в июне жаловался Литльтону, что тот не хочет его принять.

нистром и главнокомандующим бенгальского наваба Мир-Казима, организовавший армию по европейскому образцу (в которой на командных постах служило до ста других армян), противодествовавший Ост-индской компании и даже воевавший против англичан¹¹⁴. «Благодаря ему, жаловался один служащий компании, армяне вообще начинают держать себя самостоятельно в этой стране и ведут торговлю, наносящую большой ущерб нашим предприятиям во всех частях страны»¹¹⁵.

Если так обстояло дело в Индии, где, повторяем, армяне, как общее правило, являлись скорее друзьями, а не врагами англичан и где родной брат того же Горгин-хана верой и правдой служил Ост-индской компании, выступая неоднократно в качестве ее уполномоченного, то на Ближнем Востоке положение было гораздо более острым. Там шла непримиримая борьба между армянским торговым капиталом, издавна игравшим выдающуюся роль в торговле Османской империи и Ирана, и английскими коммерсантами, пытавшимися захватить ближневосточные рынки.

Особенно ожесточенная борьба разыгралась в конце тридцатых и в сороковых годах в Иране, когда англичане, добившиеся в 1736 г. разрешения русского правительства (отмененного десять лет спустя) вести транзитную торговлю с Ираном через Каспийское море, пытались проникнуть этим путем на иранский рынок. О том, как реагировало армянское купечество, (державшее в своих руках иранскую торговлю, в частности торговлю шелком), на эту попытку своих английских конкурентов, можно узнать из книги, опубликованной в 1742 г. в разгаре этой борьбы за иранский рынок, Джемсом Спильменом, совершившим путешествие через Россию в Иран с целью выяснения перспектив британской торговли «из Астрахани через Каспийское море». В дневнике своего путешествия Спильмен красочно описывает, с какой враждебностью и в Астрахани и в Иране относились к нему и его спутнику местные армянские купцы, видевшие в них опасных конкурентов, какие козни они строили против них, как старались внушить подозрение иранским властям¹¹⁶. Дело дошло до того, что, по словам Спильмена, Надир-шах вынужден был даже созвать специальное совещание для рассмотрения следую-

¹¹⁴ Sath. ук. соч., 333—418.

¹¹⁵ Там же, 386.

¹¹⁶ «A Journey through Russia into Persia by two English Gentlemen», London, 1742, 7, 15 и след.

шей дилеммы: кого поощрять—английских или армянских купцов?¹¹⁷

На ущерб, наносимый армянскими купцами, английским торговым интересам в Иране, жаловался и английский коммерсант Джонас Хенвей, опубликовавший в 1753 г. интересное описание своего путешествия в эту страну. Как и многие другие английские авторы этого периода, Хенвей представляет армян в довольно непривлекательном свете, отнюдь, однако, не скрывая истинные мотивы подобного отрицательного к ним отношения. «Было, однако, не менее тяжело, восклицает он, видеть армян... конкурирующих с британской нацией»¹¹⁸.

Таково было в середине XVIII столетия положение на Ближнем Востоке. В этих условиях ни один английский государственный деятель не мог быть заинтересован в поощрении планов создания на стыке Турции, Ирана и Кавказа независимого армянского государства. Ведь это привело бы лишь к усилению позиции конкурентов англичан—армянских купцов, тесно связанных, к тому же, с Россией и активно содействовавших русской политической и экономической экспансии на Восток—эспансии, которая уже во второй половине XVIII века начинала серьезно беспокоить английские правящие сферы¹¹⁹.

Если такова была общая обстановка, то в 1758 г. и текущие задачи английской внешней политики находились в явном противоречии с политическими мечтаниями Эмина. Не распространяясь детально на эту тему, скажем лишь следующее. Шла война, в которой Англия выступала как против Франции, так и против ее союзницы Австрии. И вся восточная политика Питта сводилась в тот момент к задаче побудить Порту напасть на Австрию с тыла¹²⁰. В этих условиях для английского правительства и по-прежнему не могло быть речи о каком-либо поощрении «плана» Эмина, предусматривавшего, как первоочередную цель освобождение армянских областей, подвластных Османской империи. Его страстная речь, как правильно полагала Монтегю, могла тронуть Питта-оратора, но не Питта-государственного деятеля.

Сразу же после своего свидания с Питтом Эмин понял, что ему нельзя было рассчитывать на поддержку своих политических

проектов со стороны английского правительства. В Англии он имел много друзей и покровителей, которым нравились его патристические мечты и которые готовы были частным образом помочь ему. Но Англия не была тем государством, которое могло заинтересоваться его планами и оказать ему политическую поддержку.

Ждать поэтому дольше для него уже не имело смысла. Теперь, после разговора с Питтом, Эмин «счел правильным не терять больше времени» и решил предпринять ту поездку на родину, которую он проектировал уже давно.

¹¹⁷ Там же, 45.

¹¹⁸ Jonas Hanway. An Account of the British trade over the Caspian sea. The second edition, revised and corrected. London, MDCCLIV (1754) I, 300.

¹¹⁹ См. об этом G. F. Hertz. British Imperialism in the Eighteenth Century. London, 1908, 164 и след.

¹²⁰ „Cambridge History of British foreign policy“ Cambridge, 1922, I, 108.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ

I

Средства, необходимые на дальнюю поездку в Армению, предоставили Эмину его друзья и покровители—Нортумберленд, Монтегю, Стенхоп, леди Ансон, мисс Тальбот и София Эгертон. Кроме того, у него оставалась еще часть денег, полученных от отца. До нас дошло его письмо доктору Монсею¹, из которого явствует, что его друзья обещали ему выплачивать те же суммы (всего 161 ф. стерл. 10 шилл.) ежегодно. Он просил поэтому Монсея быть его доверенным и пересылать их ему. Всего к моменту отъезда у него имелось на руках 235 ф. стерл., которые он вручил некоему Уиллису, получив от него чек на Ливорно.

Дату отъезда Эмина мы можем установить по двум его письмам. В письме к Монсею, помеченном 20 апреля 1759 г., он делает приписку: «я отправляюсь на битву завтра утром»². До нас дошло, кроме того, его письмо лорду Литльтону от 28 апреля³, написанное (как, очевидно, и предыдущее письмо) из Эксетера. Эмин сообщал, что находится в Эксетере уже «с прошлого понедельника», и выражал опасение, что задержится там не на две недели, как уверял капитан корабля, а дольше. Следовательно, он выехал из Англии в первой половине мая 1759 г.

О своем морском путешествии до Ливорно Эмин в автобиографии ничего не рассказывает. Но путешествие это было не спокойным. Шла война, и опасность нападения на английское судно вражеских кораблей была велика. 9 июня он написал письмо с борта корабля «Принц Эдуард», стоявшего тогда в Генуе в связи с карантинном⁴. Эмин сообщал о преследовании их ко-

¹ L. A. J. E., 130—131.

² Там же, 131.

³ Там же, 131, 132.

⁴ Там же, 132.

рабля двумя неприятельскими судами вблизи берегов Испании.

Как бы то ни было, в Ливорно он прибыл благополучно. В середине XVIII столетия Ливорно был одним из крупнейших портов Средиземного моря, приобретающий все большее значение по мере упадка Генуи. Сюда заходили все корабли, плававшие по Средиземному морю и отправлявшиеся на Левант. Ливорно, будучи порто-франко, был в то же время нейтральным портом, и в нем во время войн находили убежище судна всех наций. В Ливорно проживало много армян, которые занимались, главным образом, маклерством⁵. Отсюда и предполагал Эмин отправиться в Алеппо.

Вместе с ним прибыл в Ливорно некий Кинлок, назначенный представителем английской «Турецкой компании» в Алеппо. Последний, будучи в Лондоне, дал обещание довести его до этого города, но прибыв в Ливорно, объявил, что, акционеры «Турецкой компании» (или вернее, Левантийской, как она обычно называлась) предписали ему не оказывать Эмину никакого содействия, дабы не вовлечь Компанию в конфликт с турками. Он выехал поэтому в Алеппо, не взяв его с собой.

В Ливорно Эмин прожил шесть недель. Ввиду того, что в ближайшее время не предвиделось корабля в Александретту, он решил отправиться в столицу Тосканы—Флоренцию. Там он прожил «три или четыре месяца». Во Флоренции он нашел радужный прием в доме английского посла Горация Манна, который, будучи назначен послом в Тоскану в 1740 г., занимал этот пост в течение 46 лет. Этот хороший прием объяснялся, очевидно, тем, что Манн был другом не только близкого к кружку Монтегю Горация Уальполя, с которым вел регулярную переписку свыше четырех десятков лет, но и хорошим знакомым самого лорда Нортумберленда⁶.

Наконец, пришло письмо, извещавшее Эмина о предстоящем отплытии в Александретту голландского судна, прибывшего из Амстердама. Он сразу вернулся в Ливорно и стал готовиться к отъезду. Один из его английских знакомых устроил ему свидание с губернатором, который выразил желание его видеть. Губернатор знал об Эмине и его планах (так как упомянутый выше Кинлок был назначен в Алеппо представителем не только

⁵ De la Lande Voyages en Italie. Troisième édition, revue, corrigée et augmentée. Genève, 1790, II, 417—429. В этом «путешествии» по Италии, относящемся к 1765—66 гг., мы находим детальное описание Ливорно той эпохи.

⁶ По поручению Нортумберленда он закупал даже в Италии картины для его лондонского особняка. («Dictionary of National Biography» XLIV, 419).

английской компании, но и порта Ливорно) и сам тотчас предложил выдать ему имперский паспорт⁷; чтобы он мог спокойно и безопасно путешествовать по Турции. Эмин приводит текст этого паспорта, в котором говорилось, что он отправляется в Турцию для сбора цветов, трав и птиц для имперского музея, и содержалась просьба оказывать ему всяческую помощь и содействие⁸.

Обстояло ли дело так просто, как рассказывает сам Эмин? Действовал ли в данном случае «гуманный губернатор» исключительно из любезности или, выдавая, по собственной инициативе, это ложное свидетельство, исходил из определенных политических расчетов? Без дополнительных данных нет возможности ответить на этот вопрос. Мы можем сказать лишь, что уже предыдущий губернатор Ливорно Карло Гинори всячески поощрял развитие торговли Ливорно с Востоком. Еще в 1747 г. был заключен торговый договор с Турцией, расширивший левантскую торговлю Тосканы⁹. Несомненно, что после унии с Австрией значительно возросла заинтересованность тосканских государственных деятелей (выступавших к тому же, обычно, в качестве представителей общеперских интересов) в Леванте и в восточных делах.

Через две недели Эмин выехал из Ливорно и после тридцатидневного путешествия прибыл в Александрию. О своем приезде он известил одного видного алеппского негоданта, к которому имел письмо от Монтегю. Последний выслал лошадей и армянского проводника. Через три дня Эмин добрался до Алеппо, где был дружески принят этим коммерсантом. Посетил он также Кинлока, которому имперский паспорт предписывал оказывать ему содействие.

В этом «прекрасном городе» Эмин пробыл всего несколько дней. Купив трех лошадей и наняв слуг армян, он вместе с большим караваном выехал на север. Была уже зима, вскоре выпал глубокий снег, путешествие было не из легких. Через некоторое время Эмин со своими слугами отделился от каравана и продол-

⁷ Напомним, что по Венскому миру 1738 г., после прекращения династии Медичи, великое герцогство Тосканское, на территории которого находилось Ливорно, перешло к Францу Лотарингскому—мужу австрийской императрицы Марии-Терезы, избранному в 1745 г. германским императором.

⁸ L. A. J. E., 136—137. Эмин помечает этот паспорт октябрем 1760 г., но это явное недоразумение, так как дело происходило в 1759 г.

⁹ A. von Reumont, Geschichte Toscanas seit dem Ende des florentinischen Freistaates. Götha, 1877, II, 42.

жал путь один, руководствуясь имевшейся у него картой и компасом. Ему не приходилось пользоваться своим паспортом, так как местные турецкие власти не чинили ему никаких препятствий. Он вел себя независимо, был вооружен, и турки принимали его за влиятельного константинопольского армянина, везшего султанский фирман.

На двадцать восьмой день пути, когда Эмин со своими слугами находился уже недалеко от Эрзерума, он узнал, что в ближайшей армянской деревне Ени-кей расположился турецкий воинский отряд. Приказав слугам переночевать в этой деревне, он сам отправился в соседнее село Дженис к западу от Эрзерума. О проведенной там ночи он рассказывает в своей автобиографии довольно подробно, и его рассказ очень интересен для выяснения цели его путешествия и тех задач, которые он ставил перед собой.

Когда он прибыл в эту деревню, то жители сперва приняли его за турка, отвели в дом сельского старосты, закололи для него барана и готовы были даже предложить ему деньги, так как привыкли к различным поборам. Пользуясь случаем, он задал собравшимся в доме старосты вопрос, почему они, христиане, не свободны. Те ответили, что их ждет свобода в лучшем мире, а на земле они должны подчиняться мусульманам. Тогда, сбросив маску, он сообщил, что он армянин и, вынув из кармана произведение древнеармянского историка Моисея Хоренского, стал рассказывать им об истории Армении, призывая их к борьбе за свободу и приводя пример западных христиан, не подчинявшихся, а боровшихся против неверных. Его горячий призыв был поддержан местным священником, который, напомнив своим односельчанам о пророчестве св. Нерсеса, заявил, что Эмин и является тем человеком, который освободит их от угнетателей.

Эта последняя ссылка требует некоторого пояснения. Уже к XII столетию в армянской литературе складывается легенда о сделанном будто бы католиком Нерсесом, жившем в IV веке, предсказании об утере Арменией независимости, о порабощении армян сельджуками и о грядущем освобождении их, как и всех христиан, при содействии «римлян». Эта апокрифическая легенда, отражавшая надежды и чаяния, возникшие в связи с крестовыми походами, получила в дальнейшем большое распространение. Постепенно легенда эта видоизменяется в соответствии с новыми условиями, и в дальнейшем место поработителей сельджуков занимают сперва монголы, а потом османы и персы, а «римляне» становятся «франками». Уже в начале XVII столетия испанец Антуан де-Говеа сообщал о распространенности среди армян этого «древнего пророчества», о чем писал и Галанус в своей

книге об армянской церкви, впервые изданной на латинском языке в 1650 г.¹⁰ Автобиография Эмина, подтверждая, таким образом, все эти сведения, свидетельствует о распространенности этой легенды и в середине XVIII столетия даже в глухих деревушках Западной Армении.

Приводя в автобиографии свою знаменательную беседу с жителями деревни Дженис, Эмин далее заявляет, что подобные принципы «истинной религии» и «воинственный дух» он старался прививать всюду, где проезжал. Таким образом, его пропаганда носила не случайный, а систематический характер и являлась, очевидно, одной из целей его путешествия в Армению. Путем такой пропаганды он рассчитывал подготовить то освободительное движение, о котором мечтал.

Спустя двое суток Эмин со своими слугами прибыл в Эрзерум, бывший в то время не только одним из главных городов Западной Армении, но и важным узловым центром, куда прибывали караваны из Багдада, Ирана и Грузии. Там он вынужден был задержаться свыше месяца (32 дня) из-за снежных завалов. В Эрзеруме, однако, уже распространились слухи об истинных мотивах его приезда в Армению, слухи, которые дошли до сведения местных турецких властей. Эмину грозили большие неприятности. Однажды его посетил даже один янычар, которому было поручено выяснить подноготную. Помогло ему то, что эрзерумские янычары как раз в это время бунтовали против местного пашы и назначенного Портой командующего, которые, ввиду этого, вынуждены были даже запереться в городской цитадели.

Подобные бунты и неповиновения янычар были в ту эпоху обычным явлением. В «Турецком альманахе» за 1762 г. мы читаем, что янычары являются «дерзкими, непокорными и готовы бунтовать каждый раз, когда недовольство своими офицерами предоставляет им для этого повод»¹¹. О бунте же эрзерумских янычар, описываемом Эмином, мы имеем и непосредственные сведения из приказа Порты эрзерумскому паше, попавшего в руки русского посольства и пересланного в Коллегию иностранных дел. Султан, говорится в нем, должен был бы наказать всех «ослушников» и «главных старшин Осман-бея и Халил-бея», поскольку они «подвластных их до стычки и раздор с янычарами

¹⁰ См. Aschot Iohannistan. Israel Ory und die armenische Befreiungsidee. II—24.

¹¹ „Almanach turc, ou tableau de l'empire Ottoman pour l'année 1762“ Paris MDCCLXII 1762, 77.

допустили и через то повод к беспорядку и замешательствам подали», но на этот раз он их прощает¹².

Спустя некоторое время Эмин получил возможность продолжить свой путь. Выехав из Эрзерума, он, через Баязет, отправился прямо в Эчмиадзин¹³ местопребывание главы армянской церкви—католикоса.

II

После смерти, в ноябре 1755 г., католикоса Александра, его преемником был избран находившийся в то время в Константинополе смирский епископ Исаак. Последний, не отказываясь официально от этого поста, затягивал, однако, свой приезд в Эчмиадзин. Прошло почти четыре года с момента его избрания, а он все еще находился в Эрзеруме, куда переехал из турецкой столицы. Наконец, руководители армянской церкви в Константинополе, по соглашению с Эчмиадином, решили положить конец этому неопределенному положению. В конце ноября 1759 г.—т. е. за три-четыре месяца до приезда Эмина—был помазан в католикосы епископ Акоп, все эти годы бывший блюстителем католикосского престола¹⁴.

Акоп, уроженец города Шемахи, был одним из образованных богословов своего времени. В кругах Эчмиадиана он пользовался славой ученого мужа и превосходного преподавателя монастырской школы. Его преемник Симеон, описывая в одном из своих произведений деятельность своих предшественников, посвящает Акопу прочувствованные строки, называя его мужем полезным и разумным, способным ко всем делам, ученым и одаренным¹⁵.

Перу Акопа принадлежало много трудов. Среди его литературных произведений мы находим хронику исторических событий, богословские трактаты и даже книгу стихов религиозного

¹² АВПР, ф. Сношения России с Турцией. Реляции резидента в Константинополе Обрезкова. 1761 г. Январь—июнь, 3.

¹³ Сам он пишет, что выехал из Эрзерума «в середине апреля» (Л. А. Ж. Е., 148), но это неточно, т. к. на следующей странице он сообщает, что прибыл в Эчмиадзин в первую неделю великого поста (там же, 149). Поскольку же путешествие в Эчмиадзин заняло несколько недель (только от Баязета до Эчмиадиана он, по собственному свидетельству, ехал 12 дней), то он выехал, очевидно, не позже февраля.

¹⁴ Օրմանեան, Աղագաւորութիւն, II, 2986—2988, 3001—3008.

¹⁵ «Զատրու», Վարդապետութիւն, 1873, 32.

содержания. Написал он, по-видимому, и подробную историю своего времени, которая до нас не дошла и на которую он ссылается в краткой записи событий эпохи Надир-шаха¹⁶.

Проведя почти всю жизнь в Эчмиадзине, Акоп хорошо знал монастырское хозяйство, которым лично руководил в течение ряда лет, о чем свидетельствуют составленные им приходно-расходные книги. Он сам писал также все важнейшие послания и письма, служившие образцами даже после его смерти¹⁷.

Акопу довелось стать во главе армянской церкви в трудное время. После убийства Надир-шаха в 1747 г. Иранское государство снова впало в то состояние хаоса, безвластия и феодальных неурядиц, в котором оно пребывало с двадцатых годов, после падения Сефевидской династии. Сразу же активизировались все центробежные силы, все силы феодального сепаратизма. Центральная власть была парализована. Многочисленные претенденты на шахский престол сменялись с калейдоскопической быстротой. Племянник Надир-Али-Кули был уже в следующем году низложен и ослеплен своим братом Ибрагимом, который, в свою очередь, был пленен и умерщвлен своими же войсками. Недолго удержался на троне и следующий претендент—Шах-Рух, который, будучи однажды свергнут и ослеплен, стал затем игрушкой в руках борющихся друг с другом военачальников и предводителей племен. Такой же марионеткой был и потомок Сефевидской династии Исмаил, провозглашенный в Испагани шахом вождем бахтиарского племени Али-Мерданом. Настоящая же борьба за власть возгорелась между этим Али-Мерданом, вскоре затем убитым, Керим-ханом из племени зенд, Магомед-Гусейн-ханом, вождем каджарского племени, и одним из генералов Надир-Азад-ханом, владевшим Азербайджаном. Лишь в конце пятидесятых годов стала вырисовываться победа Керима, сумевшего одержать верх над своими соперниками. Но отдельные ханы не хотели подчиняться новому повелителю (принявшему титул не шаха, каковым формально оставался Исмаил, а «бекиля»—регента), власть которого более или менее упрочилась лишь в начале шестидесятых годов.

¹⁶ Эта запись опубликована профессором Тер-Аветисяном, см. *Тер-Аветисян, «Походы Тамас-Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом в описании Акова Шамахеци»*. Тифлис, 1932. У. Տ Ե ր - Ա Վ Ե Մ Ի Ս Յ Ե Ը, Ն ա չ Ի ր շ ա չ Ի ր ք ան Ե ր ր ք (ը թ ա չ Ի ր շ ա չ Ի ր ք ան Ե ր ր ք), Ե ր և ան, 1910.

¹⁷ Копии писем и посланий Акова вместе с перепиской его преемника Симеона были впоследствии переплетены в два большие фолианта-рукописи № 2911 и 2912 Матенадарана.

Все эти многочисленные битвы, нашествия и феодальные войны (на которых мы здесь подробно останавливаться не можем)¹⁸ в конце разоряли страну, затрудняли торговлю, гибельно отражались на сельском хозяйстве. В Северном Иране, и в частности в Закавказье, все эти бедствия были еще более тяжелыми, потому что именно север Ирана служил ареной многочисленных битв, а Закавказье, кроме того, подвергалось постоянным нашествиям горских народов, участвовавшим в связи с ослаблением и распадом Иранского государства.

В каких условиях находилась Восточная Армения в год приезда в Эчмиадзин Эмина, видно из послания, написанного в 1760 г. католикосом по поводу тяжелого положения эчмиадзинского монастыря¹⁹.

В своем послании, адресованном всему армянскому народу, Акоп напоминал о войнах, нашествиях и неоднократном разорении страны за последние сорок лет после «упразднения царства в Иране», т. е. после падения Сефевидской династии: «сколько было, восклицает он, смут и тревог, сколько городов и провинций было разрушено, сколько областей и деревень полностью обезлюдели, сколько жителей умерло и было убито, сколько было пленено и сколько бежало и рассеялось по чужим странам, стало странниками и изгнанниками...»²⁰.

Акоп детально описывал тяжелое материальное положение монастыря, лишившегося обычных приношений и не получавшего доходов со своих земель, так как из-за многочисленных нашествий все население окрестных деревень по приказу хана вынуждено было часто удаляться в ереванскую крепость, в результате чего земли оставались необработанными.

¹⁸ См. J. Malcolm. The History of Persia, from the most early period to the present time, London, MDCCCXIX (1829), 53—76; P. M. Sykes, A history of Persia London, 1915, II, 370—375. Подробное описание иранских междоусобиц мы находим и в «Истории Персии», написанной в 1787 г. одним армянином—Хачатуром Джульфинским (*«Ջուլֆինսկի Արեւայի Զուգայեցույ Գառնիկի պատմից», Վաղարշապատ, 276—325*)—ценном источнике по истории Ирана в XVIII столетии.

¹⁹ Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 150—152.

²⁰ «Յորում թէ ո՞րքան խոռովութիւնք և վրդովմունք եղին, յորում թէ ո՞րքան բաշարք և գաւառք քանդեցան, յորում թէ ո՞րքան նահանգք և գետորեայք իւրապանմարդացան և ամայիք եղին, յորում բնակիչքն թէ ո՞րքանք մեռան և ո՞րքանք սպանան, ո՞րքանք գերեցան և թէ ո՞րքանք փախան և ցրուեցան յոտար աշխարհս և պանդխտեցան և տարագրեցան...» (Там же, 150).

Положение все эти годы, указывал далее католикос, было настолько тяжелым, что у него и монахов неоднократно возникала мысль покинуть монастырь. Их удерживало только сознание своего долга и значения католикосского престола для армянского народа. Но в настоящее время притеснения стали еще более нестерпимыми, чем раньше: раньше притеснители были из чужих стран, они приходили и уходили, теперь же притеснители свои, местные, притесняют они безбоязненно и каждодневно и притеснениям этим—невыносимым и неограниченным—не видно конца²¹.

Этими местными притеснителями были Гасан-Али-хан, а затем его брат Гусейн-Али-хан. После смерти Надира ереванские ханы, как и прочие иранские феодалы, фактически стали самостоятельными и произвол их еще более усилился. Правда, вскоре Грузии удалось подчинить себе ереванское ханство. В шестидесятых годах положение Эчмиадзина улучшилось, благодаря покровительству грузинского царя, с которым вынужден был считаться Гусейн-Али-хан. Но в момент приезда Эмина положение было иным.

Каким притеснениям и вымогательствам подвергался в то время Эчмиадзин со стороны хана и его приспешников, мы узнаем из записи событий, происшедших после помазания в католикосы Акопа. Запись эта, сделанная им самим и сохранившаяся среди его переписки²², является ценным документом для истории Восточной Армении начала шестидесятых годов.

Через несколько дней после своего помазания Акоп в сопровождении эчмиадзинских монахов, отправился в Ереван к хану с подарками. Но хан его не принял, велел передать, что подарки, привезенные им, недостаточны. Претерпев много неприятностей, пришлось в конце концов, подчиниться вымогательствам хана.

²¹ «Բայց այժմոյս նեղութիւնն զոր ունիմք՝ կարեմք ասել կարի անտանելիք քան զառաջինն կերպիւ իբր: Քանզի լայնամ նեղիւն մեր յօտար աշխարհաց էին որոց զարովն նեղանալար և զնալովն հեշտանալար իբր թէ ժամանակ ինչ: Իսկ այժմ և զի նեղիւն մեր այս երկրացիք են և էն ընտանի թշնամիք, որք հանապազ կան առ մեզ և աներկիղարար միշտ նեղեն զմեզ՝ պէտպէս նեղութեամբք բազմօր և վերջանալոյ նշան այսր նեղութեանցս ոչ երեկ, վասնորոյ այսր նեղութիւնք անտանելիք և անըմբերելիք, վասնզի հանապազորդականք են և օրըստօրականք»:

²² «Նեղութիւնք իրաց և իրակութեանց ոմանց նշանորաց, որք լիայր են զկնի օմմանս իմոյ ի հայրապետութիւն համառօտապէս կարգավ գրին աստ» (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 80—86).

В январе Акоп был вынужден отправиться в Ереван, ввиду новых требований хана, наставившего между прочим, на второй уплате налога, будто бы им не полученного.

Наступил февраль. Теперь сам хан пожаловал в Эчмиадзин с многочисленной свитой и войском и провел там несколько дней, причем все это время монастырь должен был содержать и кормить всех его людей. Перед отъездом хана Акоп был вынужден вновь преподнести ему подарок, который последний, однако, не принял, прислав католикосу список своих приближенных и распорядившись дать сперва им перечисленные в этом списке подарки, а затем уже сделать преподношение ему самому. Все это, разумеется, обошлось монастырю очень дорого.

Через несколько дней—новое несчастье. Один мусульманин, которому монастырь был должен деньги, хотя и получил их сполна и дал об этом расписку, обратился к хану с жалобой на монастырь, будто бы не уплативший своего долга. Тот прислал с ним в Эчмиадзин своего человека, требуя выплаты этой суммы. Для того, чтобы уладить это дело, пришлось опять истратить несколько туманов, а кроме того, ханский служащий избил одного из монахов.

В марте, когда стал приближаться день мусульманского праздника байрама, хан потребовал через специального посланца, чтобы католикос подарил ему к празднику хорасанский ковер. Хотя последнему и показали несколько ковров, но они ему не понравились, и он, продолжая сидеть в монастыре, стал «наносить большой вред св. престолу». Пришлось, наконец, раздобыть ковер на стороне. Ковер этот, вместе с другими ценными подарками, преподнесли хану в день байрама.

На пасху хан сам явился в Эчмиадзин, чтобы поздравить католикоса с праздником, и преподнес ему пояс, посох и сладости. Но это оказалось лишь предлогом для новых вымогательств, так как католикос вынужден был «отблагодарить» его новыми щедрыми подарками.

В мае распространился слух о походе на Ереван тавризского Фатали-хана. Все жители окрестных деревень и эчмиадзинские монахи во главе с католикосом вынуждены были отправиться в ереванскую крепость. Это тоже обошлось им очень дорого, так как хан, разумеется, соответствующим образом использовал это обстоятельство.

Наступил август. Когда выяснилось, что благодаря посредничеству Ираклия угроза нашествия Фатали-хана была предотвращена, Акоп решил вернуться в Эчмиадзин. Но в это время пришла весть о нашествии лезгин. Через несколько дней лезгины действительно появились и вторглись в село Канакер близ

Еревана. Выступившее из Еревана войско разбило их и вытеснило оттуда; однако, получив подкрепление, лезгины вновь подошли со стороны Ошакана и Аштарак и приблизились к Эчмиадзину. Монастырю грозила непосредственная опасность. Но лезгины внезапно удалились в сторону Севана, потом направились к Араксу и, захватив большое количество пленных, отправились в обратный путь; тут на них напал Ираклий, который освободил пленных и прислал их назад в Ереван. В результате всех этих событий Акоп смог вернуться в Эчмиадзин лишь в сентябре²³.

Еще до этого, в июне, накануне лезгинского нашествия, Акоп решил предпринять важный политический шаг, к которому его побуждала вся тогдашняя обстановка. Чтобы правильно понять и оценить его намерение, следует сказать несколько слов о важном событии, происшедшем в это время в соседней Грузии.

Картлийский царь Теймураз и его сын — кахетинский царь Ираклий в течение всех этих лет иранских междоусобиц успешно защищали независимость своих владений, то выступая против того или иного претендента, то поддерживая одного из них против другого, причем неоднократно ходили со своими войсками за пределы Грузии, предпринимая в частности походы на Ереван и Гянджу. Но положение Грузии все же было довольно тяжелым. Многочисленные войны разоряли страну. Особенно большим бедствием являлись постоянные нашествия лезгин, повторявшиеся из года в год, часто по подстрекательству борющихся против грузинских царей иранских ханов: «Лезгины, — читаем мы про эти годы в хронике Папуна Орбелиани, — не прекращали делать набеги и опустошать Картлию. Иногда цари выступали против них из Тбилиси и разбивали их, иногда лезгины захватывали большую добычу»²⁴.

Набеги эти опустошали страну, так как основной целью лезгин был не только грабеж и захват добычи, но также увод в плен местных жителей, в частности мальчиков и девочек, которых продавали обычно в турецкие гаремы. Очень тяжело отражались лезгинские нашествия на сельском хозяйстве. В 1757 г.

²³ Нашествие лезгин описано также в одном из писем Акопа Ираклию, где содержится больше подробностей, чем в упомянутой записи. (Там же, 148). Акоп написал Ираклию и другое письмо, в котором специально благодарил за освобождение пленных. (Там же, 149).

²⁴ M. Brosset, *Histoire de la Georgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle*. S. Petersbourg, 1857, II, 200.

наступил такой голод, что, по словам грузинских хроник, «народ питался травами»²⁵.

Особенно большое нашествие лезгин имело место в 1759 г., когда в Грузию вторглись до восьми тысяч дагестанцев во главе с двумя предводителями — Кохтой и Чончол-мусою. Теймураз и Ираклий, при содействии имеритинского царя Соломона, в конце концов одолели их, причем Кохта был убит в сражении, а Чончол-муса вынужден был со своими людьми удалиться в Дагестан²⁶. Однако ущерб, нанесенный этим нашествием, был очень значителен.

В результате всех этих опустошительных набегов и разорения страны были в корне подорваны и финансы Теймураза, который нуждался не только в защите своего государства от лезгин, но и в финансовой помощи.

В этой обстановке Теймураз обратил свои взоры в сторону великой северной державы. Уже в 1752 г. картлийский царь, вместе со своим сыном, посылал в Россию митрополита Афанасия и князя Симеона Макаева, чтобы добиться покровительства русской императрицы Елизаветы Петровны²⁷. До нас дошел текст письма обоих грузинских царей к императрице, в котором они, прося защиты, сообщали, что «таковых нестерпимых бед никогда земля наша не видала», что их царство «окружено разными неверными народами и непрестанно, лето и зиму с нами воюют, разоряют нас, убивают и пленят и много сильнее и множайше нас суть и желают разорить церкви святые, истребить имя христианства»²⁸.

Теперь картлийский царь решил отправиться в Россию сам. По-видимому, одной из причин, побудившей его предпринять этот шаг, была и его ссора со своим сыном Ираклием. Так например князь Отар Туманов, основываясь на словах приближенных самого Теймураза, сообщал астраханскому губернатору, что Ираклий неоднократно убеждал своего отца удалиться от дел и даже постричься в монахи; тот, однако, не желая делать этого, принял, в конце концов, решение отправиться в Россию²⁹. Выехав

²⁵ Там же, 235.

²⁶ Там же, 207—218, 235—236.

²⁷ П. Бутков, «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год». СПб. 1869, I, 240.

²⁸ «Архив князя Воронцова» кн. 25, стр. 179—181. Там же опубликованы и другие документы, относящиеся к этой миссии (стр. 175—179, 181—182).

²⁹ АВПР, ф. Сношения России с Грузией. 1760 г. Д. № 1, лл. 184—185.

из Грузии с большой свитой, он в мае 1760 г. прибыл в пограничную русскую крепость Кизляр³⁰.

Мы имеем вполне достоверные сведения о целях поездки Теймураза и о том, чего он хотел добиться от русского правительства. Несколько лет спустя, в 1768 г., Екатерина II, в связи с начавшейся войной с Турцией, задала Коллегии иностранных дел ряд вопросов о Грузии, первый из которых гласил: «по какой причине выезжал сюда отец Ираклия?». В своем рапорте Коллегия иностранных дел по этому поводу сообщала следующее: «Теймураз, владетель Грузинской, предъявил в Кизляре причину приезда своего в Россию принятое им желание и намерение, по примеру предков своих, из которых некоторые были на поклоне у всероссийских монархов, чтоб и ему сподобиться видеть и воздать почтение блаженным и вечнодостойным памяти государыне императрице Елизавете Петровне, но здесь при дворе будучи, просил о даче ему войска для защищения своего отечества от лезгинцов или о снабжении его для того чрез некоторые годы знатною денежною суммою, обещая оную при первом поправлении своего состояния возратить, а между тем, по приведении владения своего в безопасность, стараться укротить и в Персии мятежи и благожелательного здешним интересам шаха на персидский престол возвести»³¹. Дело шло, следовательно, о том, чтобы добиться покровительства России³² и получить помощь войсками или хотя бы деньгами, взамен чего картлийский царь брал на себя обязательство содействовать усилению русского влияния в Закавказье и Иране путем поддержки желательного для русского правительства претендента на шахский престол³³.

³⁰ Бутков «Материалы...», I, 241.

³¹ «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Под редакцией А. А. Цагарели. СПб., 1891, I, 11—12.

³² «Прибытие в Россию царя Теймураза, писал его правнук царевич Давид, то единственно предполагало, чтобы быть под покровительством государыни императрицы Елизаветы Петровны...» (*Давид, царевич грузинский*, «Краткая история Грузии», Тифлис, 1893, 49).

³³ В архиве Коллегии иностранных дел сохранилось целое дело о приезде Теймураза и его переговорах в Петербурге. (АВПР, «Сношения России с Грузией». 1761, Д. № 1. «Приезд из Астрахани в С.-Петербург грузинского владетеля Теймураза. Бытность его на аудиенции и конференции с канцлером по делам грузинских народов»). См., в частности, имеющуюся в этом деле «Записку бытности у канцлера на конференции грузинского владетеля 28 апреля 1761 года» (лл. 387—396).

Именно в это время католикос Акоп также решил выступить с аналогичным обращением к России. 17 (28) июня того же 1760 г. он написал послание на имя «русского императора», т. е. императрицы Елизаветы Петровны. Народ армянский и народ грузинский, говорилось в нем, с давних времен находятся в зависимости от чужеземцев. Но за последние годы, с тех пор как распалось царство персов, еще более увеличились их горести и испытываемые ими притеснения. Причиной этому, главным образом, лезгины, которые за последние годы производили непрерывные набеги как на Армению, так особенно на Грузию. Невозможно сосчитать, скольких пленных они увели, сколько людей убили, скольких монахов полонили и церквей разрушили. Хотя грузинские цари Теймураз и Ираклий денно и нощно боролись с лезгинами и часто побеждали их, но все же не имели возможности предотвращать их набеги. Вследствие подобных неописуемых бедствий, говорилось далее в послании, царь Теймураз отправился к русскому императору, чтобы просить о помощи и спасении здешних христиан, которые ожидают эту помощь с величайшей надеждой. Поэтому и он, католикос, обращается к нему с мольбой исполнить, ради святой веры, просьбу царя Теймураза и взять на себя заботу о «несчастном нашем народе и народе грузинском»³⁴.

Внимательное ознакомление с этим посланием не может не привести к заключению, что оно не носило случайного характера и вряд ли было написано Акопом по собственной инициативе. В послании католикоса Грузии и грузинам отведено не меньше места, чем армянам; речь идет, в основном, не о насилиях местных ханов, а о нашествиях лезгин, что, как справедливо подчеркивается в самом письме, имело в то время для Грузии большее значение, чем для армянских областей; наконец Акоп говорит о совместной (Теймураза и его) просьбе и выступает с ходатайством о благоприятном ответе царю. Следует поэтому полагать, что послание католикоса имело своей непосредственной целью оказать поддержку переговорам Теймураза в Петербурге. Принимая во внимание удельный вес и влияние, которым пользовалась уже в то время армянская буржуазия в России и даже непосредственно при русском дворе, подобное выступление главы армянской церкви могло, с точки зрения грузинского царя, быть не бесполезным.

Но совершенно очевидно, что Акоп с большой охотой написал это обращение, так как подобное выступление вполне соот-

³⁴ Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 143—144.

бетствовало и его собственным стремлениям. В тяжелых условиях, в которых находился в то время Эчмиадзин, он также стал, вполне естественно, возлагать свои надежды на помощь и покровительство могущественной России.

Мы имеем, однако, очень серьезные основания полагать, что это послание католикоса не было отправлено по назначению. Дело в том, что в эчмиадзинском архиве кроме копии этого послания (среди копий других писем католикоса) имеется также его подлинник. Что это не вторая, отдельная копия, а именно подлинник, свидетельствуют две приложенные печати католикоса—большая и малая³⁵. В то же время в архиве Коллегии иностранных дел, где хранится послание преемника Акопа Симеона от 1768 г., мы не находим грамоты Акопа, которая удостоилась бы, несомненно, не менее бережного хранения.

Можно даже сделать вполне обоснованное предположение, почему это важное послание не было своевременно отправлено. Мы уже знаем, что как раз в это время католикос вынужден был, по требованию хана, перебраться в Ереван. Из ереванской же крепости, где он жил под непосредственным надзором ханских властей, отправлять подобное послание было, очевидно, слишком рискованно. Поэтому, есть все основания считать, что послание Акопа так и не было отправлено по назначению³⁶. Но для нас важно то, что весной 1760 г., в момент приезда в Эчмиадзин Эммина, католикос Акоп намеревался выступить с подобным обращением к России, в связи с поездкой туда картлийского царя.

Какие надежды пробудила в нем поездка Теймураза в Россию и с каким волнением ждал он вестей из Петербурга, видно из его переписки с Ираклием. Так, в одном из своих писем Акоп посылал благословение его отцу Теймуразу и молил бога, чтобы последнего постигла удача и чтобы осуществились все его добрые замыслы³⁷. В другом письме, от 5 мая 1761 г., католикос снова писал, что денно и нощно помышляет о Теймуразе, и о том.

³⁵ Матенадаран. Архив. Папка 243, № 18.

³⁶ Следует поэтому полагать, что ошибаются те историки, которые, в той или иной связи, упоминают вкратце об обращении католикоса Акопа к России как об имевшем место факте, например, Эзов («Начало сношений эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Тифлис, 1901, 4—5), Барсэмян («Յարկգրի զաղակալին բարձրահանութեանը Հայաստանում», Երևան, 1940, 30), а также Тер-Аветисян, опубликовавший полный текст письма Акова в приложении к своей упомянутой брошюре, но не по подлиннику, а по копии, в которой, кстати сказать, не указана точная дата этого послания.

³⁷ Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 141.

несколько преуспел он в своих добрых замыслах; он упрекал Ираклия, что тот до сих пор не известил его об этом³⁸.

III

Первые три дня по прибытии в Эчмиадзин Эмин, на правах даламника, прожил в самом монастыре, а затем перебрался в соседний монастырь св. Гаянэ, настоятель которого епископ Агарон был знакомым его деда³⁹ и предоставил ему там помещение, но не даром, а за плату.

По приезде в Эчмиадзин Эмин сразу же стал делать расспросы и с глубоким прискорбием узнал о смерти одного из карабахских храбрецов, отважного монаха Авага, прославившегося во время войн тамошних меликов против местного Панах-хана. Это известие побудило его отказаться от своего намерения отправиться в Карабах, где он рассчитывал присоединиться к этому монаху, организовать воинский отряд, а затем отправиться к царю Ираклию с предложением своих услуг.

После семи недель пребывания в Эчмиадзине, Эмин решил поехать в Ереван: он хотел вручить оставшиеся у него деньги—примерно 200 пехинов—одному ереванскому купцу, чтобы получить вексель с оплатой в Тбилиси. Таким образом, после нескольких недель пребывания в Эчмиадзине, он решил, наконец, отправиться прямо к Ираклию, на которого возлагал такие надежды еще будучи в Англии.

Успешно закончив в Ереване свои дела, Эмин вернулся в тот же день в Эчмиадзин. Однако при въезде туда пастухи, с которыми он повстречался, натравили на него собак, одну из которых ему пришлось застрелить. На следующее утро, по распоряжению монастырских властей он был арестован, так как оказалось, что застреленная им собака принадлежала монастырю. Его препроводили в маленькое помещение с низким потолком, построенное над пекарней. Это было место заключения и место своего рода пытки, так как жара там была невыносимая. Там находились уже один монах и один мирянин—двоеженец, к которому его приковали цепью.

³⁸ «Արդարի զցայլ և զզերիկ հոգամբ և վարանիմբ վասն ըստ մարմնոյ հոր ըրաւ. թէ արդիօք որպէս յաջողեցաւ նմա սակս բարի խորհրդոյն նորա, զի ցայժմ ոչ ծանուցեր մեզ, նորին աղագաւ միշտ ազօրեմբ միարան թեամբ... զի յաջողեցէ նմա Տէր ի բարիս և զխորհուրդս զկամս նորա կատարեցէ խաղաղութեանն եւ սրբութեանն հասուցէ այդ առ ինչ և առ մեզ, որ զինչ և զմեզ որակացուցէ կատարեալէս» (Там же, 156).

³⁹ В прошении этого Агарона на имя католикоса Акопа (Матенадаран. Рукопись № 2211, стр. 61) он назван джувльфинским, т. е. уроженцем Новой Джувльфы, пригорода Исагани.

Рассказ Эмина о царивших в то время в Эчмиадзине нравах вполне совпадает со всеми другими данными, рисующими жизнь и быт той эпохи. В автобиографии Артемия Арапатского⁴⁰ мы находим, например, следующее описание очень распространенного в то время в монастыре наказания «фалахой», которому подвергались все провинившиеся: «на длинную палку привязывается посредине веревка обоими концами и составляет петлю, в которую вложат ноги того, кого хотят наказывать, завернут палку так круто, что никак уже ногами пошевелить не можно, и что причиняет также жестокую боль, палку держат двое поднявши почти в грудь; между тем наказуемый лежит на полу или на земле навзничь, а третий сечет ноги»⁴¹. Можно вспомнить, наконец, и о том, что упомянутый Эмином карабахский монах Аваг тоже находился всего лишь за несколько лет до этого в заключении в Эчмиадзине, где его держали в ледяном помещении и пытали, таким образом, не жарой, а холодом.

Эмин пробыл, однако, под арестом всего два часа. Вернувшийся из Еревана католикос Акоп немедленно распорядился освободить его. Через три дня, в день пасхи, Эмин, вместе с прочими паломниками, отправился предстать к католикосу. Армянская пасха в 1760 г. приходилась на 26 марта по юлианскому календарю⁴², или на 6 апреля по грегорианскому, и, таким образом, мы можем установить точную дату его свидания с католикосом.

Согласно обычаю нужно было сделать преподношение в пользу монастыря. Эмин купил овцу и с пехином в руке вошел в залу, где находился католикос. Когда он приблизился, Акоп, по его словам, положив на его голову обе руки, стал в течение чуть ли

⁴⁰ Пользуясь случаем укажем, что в литературе высказывались сомнения о достоверности сведений, сообщаемых Артемием Арапатским. (См. напр., рецензию Н. Я. Марра на книгу еп. Седракияна «Տարեմարտի Արարատեան Կեդրոն» в Записках Вост. Отд. Импер. Русского Археолог. Общ. IX, 311—13), но это относится, главным образом, к описываемым им политическим событиям, очевидцем которых он себя выставляет. При этом следует подчеркнуть, что критика еп. Седракияна носит явно тенденциозный характер, поскольку Арапатский в своей книге рисует довольно неприглядную картину нравов эчмиадзинского монастыря. Все это, однако, отнюдь не умаляет значения его автобиографии, как очень ценного источника при изучении хозяйственного уклада и быта эпохи.

⁴¹ «Жизнь Артемия Арапатского», I, 90—91.

⁴² E. Dulaurier. Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique. Paris, MDCCCLIX (1859), I, 413.

не получаса благославлять его и читать молитвы. Это длилось столь долго и так не соответствовало скромному дару Эмина, что окружавшие католикоса монахи стали открыто выражать недовольство, напоминая Акопу историю с убитой собакой. Но последний резко прервал их, заявив, что Эмин не приехал лишь ради паломничества, а имеет более высокую цель; какова эта цель, он не знает, но желал бы, чтобы было много людей ему подобных.

Эмин не сообщает больше никаких сведений о своих разговорах или других встречах с католикосом, но он явно что-то не договаривает. Ведь остается совершенно необъяснимым то непонятное благословение к нему Акопа, о котором он рассказывает. Почему католикос, узнав об его аресте, сразу же распорядился освободить его, несмотря на совершенный им (с точки зрения монастырских правил) тяжелый проступок? Почему он сразу выделил его среди прочих паломников, столь долго благославлял его и говорил о каких-то его великих намерениях? На все эти вопросы в автобиографии Эмина мы не находим никакого ответа.

Но еще более любопытно следующее. Еще за три дня до этого Эмин, приняв решение отправиться в Грузию, едет в Ереван и переводит свои деньги в Тбилиси. Теперь же, всего через несколько дней после этого, он резко меняет свои намерения и, взяв обратно свои деньги, решает отправиться назад в Англию, чтобы применить «лучший метод», а именно поехать в Россию.

Здесь возникает, однако следующий вопрос: почему Эмин не подумал об этом «лучшем методе» будучи в Англии, не подумал об этом, когда решился предпринять свое длинное и утомительное путешествие, не думал о нем даже в первые семь недель своего пребывания в Эчмиадзине? Единственно возможное объяснение заключается в том, что именно здесь, в Эчмиадзине, он получил какие-то сведения, натолкнувшие его на эту мысль и побудившие его изменить свои первоначальные намерения.

Эмин приехал в Эчмиадзин в момент, когда Теймураз отправился в Россию и когда Акоп готовился выступить со своим посланием к «русскому императору». Уже до этого, будучи в Англии, Эмин интересовался великой северной державой; Петр I был, как мы видели, одним из его самых любимых героев, на пример которого он ссылался в первом же своем письме Ираклию. Разочаровавшись в возможности добиться поддержки своих планов со стороны английской дипломатии, он решил отправиться в Армению, а затем к грузинскому царю, чтобы там на месте попытаться осуществить свои мечты. По дороге он с увлечением вел пропаганду среди местного армянского населения, затем

строил планы о своей поездке в Карабах и в Грузию. Но в Эчмιάдзине он ближе познакомился с реальной обстановкой в Закавказье. Именно здесь он со всей конкретной реальностью понял то, о чем раньше лишь смутно догадывался в далекой Англии—что помощь могущественного русского государства является необходимой предпосылкой освобождения армян от рабства и угнетения, что даже помощь соседей Грузии в этом деле может быть обеспечена лишь в случае поддержки и покровительства России.

Беседовал ли Эмин на эти темы с самим католикомосом, который как будто, был осведомлен о его намерениях, мы не знаем. Но зато мы имеем точные сведения, от кого он узнал о поездке Теймураза в Петербург. За три дня до своего отъезда из Эчмιάдзина он написал новое письмо Ираклию, помеченное апрелем 1760 г.; из которого мы узнаем, что вручено оно было им тбилисскому армянскому епископу Захарии, который должен был вскоре выехать назад в Тбилиси и обещал передать это письмо царю⁴³. Что тбилисский епископ Захарий действительно приезжал в то время в Эчмιάдзин, мы знаем из послания Акопа Ираклию, в котором католикос благодарил царя, что тот в письме, пересланном через Захария, предупредил его о предстоящем нашествии лезгин⁴⁴. Более чем вероятно, что именно Захарий и был посредником в переговорах с католикомосом по поводу обращения к русскому правительству, в связи с поездкой Теймураза. Во всяком случае тбилисский епископ виделся с Эмином и сообщил ему о поездке картлийского царя: об этом Эмин сам писал впоследствии Нортумберленду⁴⁵.

Более того, как мы узнаем из письма Эмина русскому послу в Лондоне князю Голицыну, написанному год спустя, именно с этим Захарием и думал он сперва отправиться в Грузию к Ираклию, пока внезапно не изменил свое намерение. «Я гото-

⁴³ L. A. J. E., 155.

⁴⁴ «... զորո զրեալ էր և զպաշտպանի զմեզ և ձեռն սիրելւոյն մերոյ Զաքարիայ վարդապետին փան զաւանան և մերս կոյս լեզան զորս» (Матейна дзварап. Рукопись № 2911, стр. 148).

⁴⁵ «Когда я был в Армении, в Эчмιάдзине, тифлисский архиепископ рассказал мне, что грузинский царь Теймураз, будучи, исключительно по причине нужды, в ссоре со своим сыном, был отправлен в Москву, чтобы его содержали русские» (L. A. J. E., 166—167). Это сообщение Эмина, переданное им со слов столь близкого к грузинскому двору лица, как Захарий, также является ценным свидетельством о трениях между Ираклием и его отцом накануне поездки последнего в Россию.

вился тогда, читаем мы в этом письме, отправиться с тифлисским епископом Захарием к принцу Ираклию; но поскольку мне не хватало денег, из-за непредвиденных происшествий, я был вынужден, против моей воли, возвратиться в Англию, куда я прибыл в прошлом мае»⁴⁶.

В своей автобиографии Эмин также ссылается на недостаток денежных средств, как на одну из причин, побудивших его вернуться в Англию, вместо того, чтобы продолжить свой путь в Тбилиси. Мы не знаем, какие «непредвиденные происшествия» столь резко изменили его материальное положение, что он не смог поехать в Грузию, хотя и имел достаточно денег, чтобы предпринять дорогостоящий обратный путь в Англию. Но он приводит и другое, более правдоподобное, объяснение своего поступка: он решил, что не имеет смысла ехать к Ираклию без рекомендаций, которыми намерен был заручиться в России. Очевидно узнав о поездке Теймураза в Петербург, он решил последовать его примеру и отправиться в Россию, чтобы оттуда прибыть в Грузию, заручившись предварительно поддержкой со стороны русского правительства.

Не станем подробно описывать обратный путь Эмина. Укажем лишь, что и теперь он не упускал случая внушать своим соотечественникам «принципы чести».

Путь до Александретты, вместе с продолжительными остановками, занял несколько месяцев, а морское путешествие на судне, принадлежавшем английской Левантийской компании—три с половиной месяца. Таким образом, Эмин вернулся в Англию лишь в 1761 г., причем вынужден был, кроме того пройти длительный карантин. Из его письма к Монтегю от 5 мая того же года⁴⁷ мы узнаем, что в это время он находился еще на судне и не мог сойти на берег из-за карантина. Эмин прибыл, следовательно, назад в Лондон не раньше мая 1761 г.⁴⁸, что подтверждается и его письмом Голицыну, в котором он говорил о своем возвращении в Англию «в прошлом мае».

⁴⁶ Архив ЛОИИ. ф. Воронцова № 1105. Письма к гр. М. И. Воронцову кн. А. Голицына л. 121 об.

⁴⁷ L. A. J. E., 160—161.

⁴⁸ Его путешествие в Армению и обратно заняло, как видим, ровно два года, а не «тринадцать месяцев», как ошибочно заявляет он сам в своей автобиографии (Там же, 158).

В РОССИИ

I

Несколько месяцев, проведенных Эмином в Лондоне, были посвящены приготовлениям к поездке в Россию. О его жизни в этот период мы имеем очень мало сведений. До нас дошло его краткое письмо к Монтегю, написанное 7 июля 1761 г.¹ Из этой записки мы узнаем, что он по-прежнему посещал своих английских друзей; интересно также отметить, что он имел встречи с какими-то армянами: он писал, что у него назначено свидание с одним соотечественником. До нас дошло также письмо Эмина к одному из своих покровителей², в котором он оправдывался в постигшей его неудаче, указывая, в качестве положительного результата своего путешествия, на приобретенный им опыт и знание страны (т. е. Армении) и протестовал против недоверчивого отношения к его рассказам, как к арабским сказкам. В своей автобиографии он также сообщает, что многие его друзья с трудом верили, что он доехал хотя бы до Александрии; помогло лишь письмо Росселя из Алеппо, подтвердившее правдивость его рассказа.

Отправиться в Россию оказалось не так просто. Нужно было заручиться не только паспортом, но и соответствующими рекомендациями к русским государственным деятелям и влиятельным лицам в Петербурге. В этом Эмину опять помогли его английские друзья. Монтегю раздобыла для него рекомендательное письмо от графа Бата к английскому послу в России Кейту. Архиепископ кентерберийский, воспитатель его приятельницы мисс Гальбот, написал письмо капеллану английской церкви в Петербурге Дюмареску. Его друг Монсей рекомендовал его сво-

¹ L. A. J. E., 167.

² Там же, 485—486. Письмо это издательница его автобиографии ошибочно относит к 1758 г. и считает адресованным Питту.

ему родственнику и однофамильцу-придворному врачу императрицы Елизаветы.

Наиболее интересным является для нас лицо, доставшее Эмину паспорт на въезд в Россию. То был Джонас Хенвей, коммерсант, путешественник, а впоследствии известный филантроп³, совершивший в сороковых годах поездку в Иран и опубликовавший описание своего путешествия. Во втором томе работы Хенвея мы находим исторический обзор политических событий в Иране и, между прочим, довольно подробное описание посольства в Персию Израэля Ори. Можно поэтому легко представить себе, как он был поражен, встретив в Лондоне другого армянина, также поставившего перед собой целью восстановление независимого армянского государства. Несмотря на свои неприязненные отзывы об армянах—конкурентах английских торговцев на Ближнем Востоке, с Эмином у него, видимо, установились столь дружественные отношения, что именно он и оказал ему самую существенную услугу. Через русского посла князя Голицына, которому Эмин был представлен еще за два года до этого леди Ярмут, он раздобыл для него паспорт на въезд в Россию.

В архиве Воронцовых, находящимся в настоящее время среди прочих архивных фондов в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, сохранилось три документа на французском языке, относящихся к поездке Эмина в Россию. Это французский перевод письма Эмина Голицыну от 1 сентября 1761 г., рекомендательное письмо Голицына канцлеру М. И. Воронцову от 4 сентября и письмо Воронцова Голицыну от 23 ноября того же года⁴.

³ Как филантроп и автор различных проектов по улучшению быта трудящихся классов, в частности как один из инициаторов воскресных школ. Хенвей, несмотря на репутацию чудака, славился во второй половине XVIII века не только в Англии, но и во всей Европе. (См. напр., статью об этом «друге людей и молодежи, друге и отце бедных» в *Berlinische Monatschrift* 1790, XV, 72—90).

⁴ Архив ЛОИИ ф. Воронцова, № 1105. Письма к графу М. И. Воронцову кн. А. Голицына, лл. 119—122 № 1106. Письма графа М. И. Воронцова к кн. А. М. Голицыну, лл. 82, 82б, 87. Мы выявили эти документы, работая в Ленинграде в 1966 г. и пользуемся снятой тогда фотокопией. Недавно Ж. А. Ананян опубликовал первые два документа (т. е. хранящиеся под номером 1105) в «Историко-филологическом журнале» («*Պատմա-փիլոսոփայական շափհյուն*», 1981, № 2 (193)).

В своем письме Голицыну⁵ Эмин выражал благодарность за оказанный ему радушный прием. Следовательно, чтобы записаться паспортом на въезд в Россию и рекомендациями русского посла Эмин, действуя через Хенвея, добился личного свидания с Голицыным. Выполняя пожелание последнего, он далее в своем письме кратко излагал историю своей жизни. «В своем детстве, указывал он, мой дед, мой отец и мои родственники внушили мне благородные идеи о патриотизме». Описывая свой приезд в Англию, вызванный страстным желанием знания, и мытарства, которые на первых порах ему пришлось там претерпеть, он писал: «Я надеюсь, что это не повредит мне в ваших глазах если я скажу, что я страдал лишь из любви к моим гонимым соотечественникам-армянам». Он выражал радость, что во время начавшейся в Европе войны, в которой он принял участие, ему не довелось сражаться «против непобедимых русских, император и государь которых Петр первый был отцом и покровителем моих гонимых соотечественников-армян». Рассказав далее о своем путешествии в Армению и возвращении в Англию, он в заключение писал: «Мое намерение остается прежним..., а именно отправиться с рекомендацией Вашего превосходительства в Санкт-Петербург, чтобы быть представленным Тамраз Мирзе (Теймуразу.—А. И.), с тем, чтобы он послал меня к своему сыну грузинскому принцу Ираклию в Тифлис, дабы мне выпало счастье служить у этого знаменитого и прославленного вожда, и иметь удовольствие и честь сражаться за христианскую веру и за свободу моих соотечественников. Смею льстить себя надеждой, что Ваше превосходительство, имея доказательство моей честности и моих христианских принципов, не откажет мне в своем покровительстве, дав мне рекомендательные письма, с тем, чтобы я имел возможность выполнить свое намерение, за что я буду глубоко признателен всю мою жизнь».

Четыре дня спустя Голицын написал специальное письмо М. И. Воронцову⁶, в котором рекомендовал ему Эмина. Письмо это интересно прежде всего тем, что свидетельствует о высокой оценке Эмина как незаурядной личности, о той репутации храбрости, одаренности и честности, которую приобрел он за время пребывания в Англии. «Я счел необходимым написать Вашему превосходительству настоящее письмо, чтобы представить человека в некотором роде необыкновенного. Он армянин, родившийся в Персии, и зовут его Иосиф Эмин. Французский пе-

⁵ Там же, лл. 119—122.

⁶ Там же, лл. 108, 108об, 123, 123об.

ревод его письма, написанного на английском языке, которым он владеет в совершенстве, и которое я решаюсь приложить к настоящему письму, достаточно осведомит Ваше превосходительство, какого рода этот человек и какова цель, которую он ставит перед собой отправляясь в Россию». Голицын далее указывал, что Эмин добился внимания и покровительства со стороны ряда близких к английскому двору лиц, в том числе графа Нортумберленда и графа Бата, которые специально рекомендовали его и рассказали ему о нем много хорошего. Говоря о намерении Эмина поступить на службу к Ираклию, чтобы бороться против врагов своих соотечественников, Голицын далее писал: «Я должен предоставить просвещенному суждению Вашего превосходительства решить, в какой форме будет уместно оказать ему содействие в его намерениях. Его храбрость, его необычайное дарование (*son génie extraordinaire*), его честность здесь общепризнаны и кроме того считают, что он приобрел опыт в военном искусстве. Поэтому его можно было бы даже с пользой принять на службу ее величества,—тем более, что он по-видимому обладает полезными знаниями относительно Оттоманской империи и имеет много связей среди христиан, своих соотечественников—в том случае если возникнут препятствия, чтобы послать его к принцу Ираклию, хотя, по-видимому, у него нет другого желания, кроме этого, и если он не сумеет его осуществить, то он намерен вернуться в эту страну». Итак, Голицын рекомендовал не только принять Эмина и оказать ему содействие, но и по возможности использовать его на русской службе.

Паспорт, выданный Голицыным Эмину, сохранился в архиве Коллегии иностранных дел. Паспорт этот, подписанный самим Голицыным, помечен 24 августа—4 сентября 1761 г. Текст его гласит, «что показатель сего Иосиф Эмин армянин, по требованию от меня сего пашпорта, отправляется отсюда в Россию в столичный город Санкт-Петербург на корабле для исправления там своих партикулярных дел, чего ради снабдив сим пашпортом, всех во областях ея императорского величества всероссийской учрежденных везде по заставам господ командиров прошу не токмо свободно и без всякого задержания вышеупомянутого Иосифа Эмина с именем в проезде его до Санкт-Петербурга благоволишь пропускать, но и в случае нужды ему всякое вспоможение чинить»⁷.

Нортумберленд вручил Эмину сто фунтов стерлингов и обещал пересылать по сто фунтов ежегодно в течение двух после-

⁷ АВПР ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Дела о выдаче паспортов за границу. 1762 г. Февраль. Д. № 24.

дующих лет. Монтегю и другие его покровительницы подарили ему шестьдесят фунтов. Когда все приготовления были закончены, Эмин, распрощавшись с друзьями, отправился в путь.

Переезд по морю в Ригу оказался очень трудным, из-за штормов на Балтике. Дальнейший путь Эмина, после прибытия его на русскую территорию, мы можем проследить по отметкам, сделанным на его паспорте. 11 (22) октября его паспорт был зарегистрирован в лифляндской генерал-губернаторской канцелярии, 21 октября (1 ноября) предъявлять в Дерпте, 25 октября (5 ноября) в Нарве⁸.

По прибытии в Петербург Эмин сразу отправился к капеллану английской церкви Дюмареску, к которому имел рекомендательное письмо от архиепископа Кентерберийского. Дюмареск принял его очень любезно и даже предоставил комнату у себя в доме. Другие рекомендательные письма ввели Эмина к доктору Монсею, а также к английскому послу Кейту. Наконец, через несколько дней состоялась его встреча с русским канцлером графом Воронцовым.

Михаил Илларионович Воронцов стал канцлером лишь в 1758 г. после падения его соперника Бестужева. Но он был в то время уже старым и опытным государственным деятелем. Один из близких Елизавете людей, участник переворота 1741 г., женатый на родственнице императрицы, он вскоре, в 1744 г., был назначен вице-канцлером и занял прочное место в государственном аппарате елизаветинской империи. Даже временная немилость, в связи с делом Лестока, оказалась не в состоянии надолго поколебать его положение. В исторической литературе оценка лич-

⁸ Там же, д. № 24. Эти документальные данные позволяют исправить хронологические неточности в его собственном рассказе. По своим словам он выехал 15 октября (L. A. J. E., 168), ехал до Риги «ровно пятьдесят дней» (там же, 168), находясь еще в ноябре на Балтике (там же, 169), прожил в Риге «ровно десять дней» (там же, 170) и доехал до Петербурга «за двенадцать дней» (там же, 172). Выходит, следовательно, что он прибыл в Ригу 4 декабря, а выехал оттуда 14-го, что, как видим, не соответствует действительности, точно также как неточна приводимая им дата отъезда из Англии. Поскольку выданный ему паспорт помечен 4 сентября (по новому стилю), а в Риге он был уже 28 октября, причем его путешествие длилось свыше месяца, то, скорее всего, он выехал не 15 октября, а 15 сентября. Следовательно, он пробыл в Англии всего около четырех-пяти месяцев, а не «около восьми», как пишет он сам (там же, 162). Возможно, однако, что говоря это, он принимает в расчет и период карантина, который длился более сорока дней (там же, 160).

ности Воронцова и его государственной деятельности всегда вызвала споры. Воронцов не принадлежал, конечно, к плеяде крупнейших дипломатов своего времени. Но чиновник он был аккуратный и добросовестный и человек патриотически настроенный, искренне стремившийся к благу и могуществу России. Противник немецкого засилья и немецкой ориентации, он содействовал вступлению России в семилетнюю войну.

О приезде Эмина и его намерениях канцлер узнал из письма русского посла в Лондоне Голицына, полученного им (как видно из соответствующей пометки) 10 ноября. Голицын был близким ему человеком и пользовался его расположением. Как раз в это время, прося о собственной отставке, он ходатайствовал перед императрицей о назначении Голицына вице-канцлером⁹. Именно письмо Голицына и побудило, несомненно, Воронцова обратить внимание на Эмина, так как одни английские рекомендации вряд ли могли в то время иметь решающее значение¹⁰.

По желанию Воронцова встреча между ним и Эмином произошла у него на дому. Эмин явился к нему в сопровождении английского посла Кейта, доктора Монсея и Дюмареска. В автобиографии он излагает довольно подробно свою беседу с русским канцлером, во время которой роль переводчика выполнял Дюмареск.

Сославшись на письмо Голицына, Воронцов задал ему вопрос—на что он рассчитывает, намереваясь ехать на службу к Ираклию, если последний настолько беден и слаб, что его отец Теймураз вынужден был даже приехать в Петербург просить о помощи деньгами и войсками? В ответ на это Эмин указал, что Грузия вовсе не такая бедная страна, наоборот, она одна из бо-

⁹ См. его докладную записку от 26 сентября 1761 г. («Архив кн. Воронцова», кн. 6, стр. 261—264).

¹⁰ Не следует забывать, что шла война, в которой Англия воевала против союзников России—Франции и Австрии. Англия, правда, не порывала дипломатических отношений с Российской империей: в 1758 г. в Петербург прибыл даже новый английский посол—упомянутый Кейт, что вызвало большой переполох в дипломатическом корпусе и содействовало падению Бестужева. Но русско-английские отношения оставались, естественно, довольно холодными. В своей докладной записке Петру III о состоянии европейских дел, поданной в январе, т. е. через несколько недель после приезда Эмина, Воронцов прямо говорил об «остуде», которая произошла, в результате войны, между русским и английским дворами, хотя дело не дошло «до явного разрыва» (Там же, кн. 7, стр. 543—544).

гательших стран по своим природным ресурсам; там производятся два ценных предмета торговли—шелк и хлопок, там изобилуют съестные припасы и вина; при европейском управлении эта страна могла бы процветать, быть счастливой и независимой; армяне также могли бы присоединиться к грузинам для изгнания из своей страны магометан. Ведь те же грузины, попавшие в турецкое рабство, часто возвышаются и становятся пашами и великими везирами; ведь те же армяне становятся придворными банкирами в Константинополе и богачами в Индии; ведь сам же он, приехавший в Англию босым, стал теперь достойным внимания канцлера; почему же армяне и грузины не могут быть столь же предприимчивыми в своей собственной стране?

Эта импровизированная речь произвела на Воронцова благоприятное впечатление и, обращаясь к доктору Монсею, он сказал по-русски: «Право, очень хорошо говорил вот этот добрый человек»¹¹. Затем он распорядился послать за царем Теймуразом и попросить последнего приехать к нему.

Картлийский царь находился в Петербурге уже около года. В русской столице он был принят с подобающими почестями и жил со своей свитой за счет русского правительства на положении прибывшего с официальным визитом иностранного государя. Из «камерфурьерских журналов» за 1761 г. мы узнаем, что Теймураз имел аудиенцию у Елизаветы, был представлен наследнику, великому князю Петру Федоровичу и великой княгине Екатерине, присутствовал на придворных торжествах, спектаклях, свадьбах¹².

Когда он прибыл к Воронцову, последний представил ему Эмина, рекомендуя использовать его в Грузии. Теймураз, сперва удивленный, поблагодарил затем канцлера и выразил надежду, что его сын Ираклий послушает его совета и будет действовать совместно с Эмином. Во время обеда, который был вскоре подан, царь сидел между Воронцовым и Кейтом; английский посол на французском языке рассказывал канцлеру о жизни Эмина, а тот через грузинского переводчика давал пояснения царю.

¹¹ Слова эти Эмин приводит по-русски в английской транскрипции.

¹² 8 апреля он имел официальную аудиенцию у Елизаветы. 15 апреля присутствовал на заутрени в придворной церкви. 25 апреля был на придворном балу, 10 июня присутствовал на придворном театральном представлении. 29 июня снова был на придворном балу, 2 октября—на представлении «французской комедии с одним балетом», 11 ноября присутствовал на свадьбе двух фрейлин («Журналы камер-фурьерские 1761 года», стр. 48—51, 65—66, 87, 94—95, 146—149).

После обеда Теймураз отвез Эмина к себе домой. Во время двухчасовой беседы он всячески ободрял его, выражая надежду, что армяне вскоре объединятся с грузинами, дабы окончательно сбросить с себя игоземное иго.

Это свидание Эмина с русским канцлером и грузинским царем не было последним. По его словам, он после этого каждый день ходил к Теймуразу и несколько раз обедал с ним у канцлера. Никаких подробностей об этих новых встречах и имевших место беседах он, однако, не сообщает.

О впечатлении, произведенном Эмином на Воронцова, мы знаем из ответного письма последнего Голицыну от 23 ноября 1761 г.¹³ «История человека, которого Вы мне рекомендовали, писал он, на самом деле достаточно необычайна, но его намерения кажутся мне немного химеричными. Я прошу Вас, однако, быть твердо убежденным, что следуя Вашей рекомендации, я окажу ему содействие в том, что зависит от меня. Я представил его принцу Грузии, который его очень хорошо принял и который возьмет его с собой; он будет служить у принца, его сына, и сможет тогда проявить свой талант и свое умение. Таким образом, я считаю, что он преуспел во всем, на что он мог рассчитывать, приехав сюда. Я желаю, чтобы он был столь же удачливым и в остальном». В заключение канцлер обещал сообщать Голицыну новости об Эмине, по мере их поступления.

Письмо Воронцова подтверждает рассказ Эмина о радушном приеме, оказанном ему русским канцлером, познакомившем его с картлийским царем, намеревавшегося взять его с собой в Грузию. Хотя Воронцов и характеризовал намерения Эмина как несколько химерические, он не только не хотел им препятствовать, а, наоборот, готов был оказать ему возможное содействие.

Отправляясь в Петербург, Эмин, несомненно, имел в виду добиться свидания и с самой императрицей. Но это ему не удалось. Елизавета умирала. Уже с начала года распространялись слухи о ее болезненном состоянии. В этот последний год своей жизни она почти не выходила, часто оставалась в постели. 17 ноября у нее был лихорадочный приступ, после которого наступило некоторое улучшение. Но уже 12 декабря ей стало опять плохо. Тщетно придворные врачи—Монсей, Шиллинг и Круз—отворачивали кровь и принимали все меры, доступные тогдашней медицине. Дни императрицы были уже сочтены¹⁴.

¹³ Архив ЛОИИ. ф. Воронцова № 1106. Письма графа М. И. Воронцова к кн. А. М. Голицыну, лл. 82, 82 об, 87.

¹⁴ См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, V, 1224—1226; К. Валишевский, Дочь Петра Великого, 545—549.

Доктор Монсей, постоянно хлопотавший у постели умирающей, сообщил, однако, своему новому знакомому, что Елизавета узнав о приезде Эмина в Петербург, выразила сочувствие его планам, обещала свое покровительство и очень тепло отозвалась об армянах, как о честном и преданном народе, напомнив при этом о благожелательном отношении к ним своего отца—Петра I.

Дюмареск, у которого он жил, в свою очередь рассказал Эмину, что он говорил о нем и его намерениях с великой княгиней Екатериной. Будущая русская императрица уже тогда высказала мнение, что наличие армянского государства имело бы большое значение для Российской империи, особенно в случае войны с Турцией, и что армяне, являясь трудолюбивой нацией, могли бы еще больше преуспевать и стать свободным и процветающим народом.

II

Елизавета скончалась 25 декабря 1761 г. или 5 января 1762 г. по новому стилю. Как раз в эти дни Теймураз собирался выехать из Петербурга на родину. Об этом мы узнаем из доклада Воронцова новому императору от 27 декабря. В числе «представлений», сделанных им Петру III с ходатайством о наложении соответствующих резолюций, мы находим, между прочим, и следующее: «об отпуске Грузинского владетеля в отечество его, о чем он неоднократно уже просил; об учинении ему обнадеживания о высочайшей его императорского величества протекции как к нему самому, так сыну и народу его...»¹⁵.

Но Теймуразу не довелось вновь увидеть родную страну. Через две недели—8 (19) января—он скончался в Петербурге¹⁶. Это было большой неудачей для Эмина, рассчитывавшего на помощь и покровительство картлийского царя, с которым у него установились такие хорошие отношения.

Поскольку новый император был известен как любитель военных, то английские друзья дали было Эмину совет поступить на русскую службу, что по их мнению могло открыть перед ним заманчивые перспективы. Но тот оставался непреклонным; он думал не о личной карьере, а об освобождении своего народа и хотел поэтому, во что бы то ни стало, ехать в Грузию и Армению. До нас дошло его письмо из Петербурга Лильтону от января 1762 г.¹⁷, в котором он, в связи со своими

¹⁵ «Архив кн. Воронцова», кн. 7, стр. 530—531.

¹⁶ Brosset, II, 2³⁶.

¹⁷ L. A. J. E. 178.

планами, просил дать ему совет, как оберегать и защищать страну против воинственной нации, как наладить финансы в такой совершенно разоренной стране, не имеющей никаких доходов, каким образом приучить народ к трудолюбию. Как видим, мысль о поездке в Закавказье не покидала его ни на минуту.

В архиве Коллегии иностранных дел сохранилось дело о выдаче Эмину паспорта на выезд из России на Кавказ¹⁸. Мы находим в этом «деле» прежде всего прошение Эмина от февраля 1762 г. (день не указан), поданное им на имя Петра III. Прошение это написал для него некий «бывшей в Берг-коллегии канцелярист Петр Попов»—очевидно, из тех армян, с которыми он познакомился в Петербурге. На документе имеется собственноручная подпись Эмина на армянском языке. В прошении, в котором он назван купцом «персидского города Амадана», говорится о его прибытии из Англии «в прошлом 1761 году для купечества» с паспортом от Голицына и его желании «отсюда ехать возвратно во отечество свое в Персию через Астрахань и Кизляр», в связи с чем он просит выдать ему надлежащий паспорт, указывая, что об его отъезде «напечатано в здешних ведомостях».

Действительно, в трех номерах «Санкт-Петербургских новостей» от 12, 15 и 19 февраля 1762 г. мы находим следующее объявление, обязательное в то время для всех желавших получить разрешение на выезд из Российской империи: «Имеющие долги на отъезжающих отсюда армяне Иосифе Эмине да грузинском армяне же Папе Хатове, сыскать их могут на Адмиралтейской стороне близ Галерного двора в доме английского пастора Думареска»¹⁹.

Далее, в «деле» Эмина имеется черновик указа о выдаче ему паспорта, окончательный текст которого мы находим в протоколах публичной экспедиции Коллегии иностранных дел. Указ этот, помеченный 22 февраля, подписан Воронцовым и чинами коллегии²⁰. До нас дошел также черновик самого паспорта, выданного Эмину. В нем объявлялось «кому о том ведать надлежит, что показатель сего персидского города Амадана купец армянин Иосиф Эмин отпущен из России во отечество его в Персию через Астрахань и Кизляр и имеет прежде выезда отсюда

¹⁸ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Дела о выдаче паспортов за границу. 1762 г. Февраль. Д. № 24.

¹⁹ «Санкт-Петербургские ведомости» № 13, 12 февраля 1762 г.; то же, № 14 и № 15 от 15 и 19 февраля.

²⁰ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Протоколы публичной экспедиции. 1762 г. № 175.

явиться с сим здесь в главной полицмейстерской канцелярии во свидетельство того отпуска и для свободного проезда»²¹.

Получив, однако, этот паспорт и выяснив, что он назван в нем купцом, Эмин вновь обратился в Коллегию иностранных дел. Об этом мы узнаем из следующей записи, которую находим в его «деле»: «1762-го февраля 27 день в Коллегии иностранных дел армянин Иосиф Эмин сказал, что в данном ему из оной Коллегии 22-го числа сего ж февраля к отъезду его отсюда в Персию паспорте, написан он с поданного от него во оной коллегии прошения купцом, а он беков сын, а не купец, почему и в паспорте чрезвычайного посланника князя Голицына, с которым он из Англии сюда приехал, написан он токмо армянином, а с чего он в означенном прошении его именован купцом того он не знает и купцом не сказывался, а учинено оное ошибкою писца, которой ему Эмину прошение писал, ибо он Эмин российской грамоте не знает, и просит, чтоб ему паспорт дать вновь не именуя его во оном купцом».

Эта просьба Эмина была уважена. 28 февраля был подписан указ о выдаче ему нового паспорта²².

При содействии Воронцова Эмин получил не только необходимый ему пропуск для поездки на Кавказ, но и специальное рекомендательное письмо на имя грузинского царя Ираклия. Подлинник этого письма, подписанного Воронцовым, до нас, к сожалению, не дошел. Мы знаем о его содержании лишь из изложения самого Эмина, сообщающего, что письмо было написано по-русски и переведено для него на английский язык Дюмареском. Воронцов писал о желании Эмина поступить на службу к Ираклию и сообщал о намерении покойного царя Теймураза взять его с собой в Грузию. В заключение он просил, в случае недовольства Эмином или разногласий с ним отпустить его назад в Россию, с тем, чтобы можно было использовать его на русской службе²³.

Доброжелательное отношение Воронцова к Эмину объяснялось, вопреки мнению последнего, не только личной симпатией к нему канцлера и даже не традиционным благожелательным отношением Коллегии иностранных дел к армянам вообще²⁴, а интересами русской внешней политики.

²¹ АВПР, ф. Дела о выдаче паспортов за границу. 1762 г. Февраль. Д. № 24.

²² АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Протоколы публичной экспедиции. 1762 г. № 196.

²³ Г. А. Л. Е., 180.

²⁴ В допослании Коллегии иностранных дел в сенат от 27 августа 1762 г. мы читаем: «в Коллегии иностранных дел допослано известно, в каком намерении и с какими обнадеживаниями высокоупомянутый государь император

Как раз в это время Воронцов, в связи с вступлением на престол Петра III, написал 23 января 1762 г. для нового императора «мемориал», содержащий «краткое описание системы европейской и обязательств принятых Россией с союзными ей ныне дворами», к которому были приложены шесть отдельных «артикулов», в том числе посвященные Персии и Порте Оттоманской²⁵.

Записка о Персии отмечала безвластие и смуты в этой стране и ущерб от этого для русской торговли²⁶. В докладе же об Османской империи канцлер указывал, что хотя Турция не имеет теперь общих границ с Россией, за исключением вассального Крыма, «однако и ныне может вредить России по многим considerations» — и через тех же крымских ханов, и по польским делам, и используя смуты в Персидском государстве для своего распространения в сторону Каспийского моря, «понеже в таком случае не трудно им будет не токмо заведенный на том море российский торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские».

Указывая на эти опасности со стороны Турции, Воронцов рекомендовал не ограничиваться лишь оборонительной тактикой. Наоборот, в своей докладной записке он набрасывал широкие планы русской экспансии на Восток: «А на будущее время для России желать надобно, чтоб приобретением полуострова Крыма или Донского устья, или какого-нибудь места удобного к содержанию флота на Черном море, доставить себе на оном твердое основание и тем азиатские и другия ближние к тому морю европейские области Порты Оттоманской також город Константинополь, и вообще турок и татар, содержать в страхе и под законами, а тамошнюю коммерцию обратить в свою пользу, и оную распространить с полуденной стороны Европы».

Развивая все эти планы и заявляя, что, несмотря на мирный трактат 1739 г., «на добрую веру и совесть турков полагаться не можно» — канцлер ссылался как на положительный фактор на австро-русский союз против Турции, заключенный еще в 1746 г. и возобновленный в 1761 г. Но, одновременно, он указы-

Петр Великий призывал в Россию армянской народ». (АВПР, Протоколы секретной экспедиции. Июнь—сентябрь 1762 г. № 210).

²⁵ «Архив кн. Воронцова», кн. 7, стр. 532—548. Эти «артикулы» в приложении к докладу, поданному Петру, не сохранились. Но через полгода, в июле, Воронцов вновь подал свой «мемориал» новой императрице Екатерине, вместе с вышеупомянутыми «артикулами». (См. кн. 25, стр. 272—312).

²⁶ Там же, кн. 25, стр. 291—292.

вал, что после срытия азовских укреплений Россия туркам непосредственно угрожать не может, «кроме того, что по единоверию с разными в турецком подданстве находящимися народами, которые составляют большую и знатнейшую часть турецкого владения в Европе и к России оказывают себя усердными и благонамеренными, может она, в случае нужды, тайною или явною им помощию, турецкий двор беспокоить и приводить в заботу»²⁷.

Как бы ни оценивать деятельность Воронцова и его личные способности, как государственного деятеля, несомненно, что в восточном вопросе он предвосхищал те стремления и тенденции русской политики, которые нашли столь яркое проявление в екатерининскую эпоху. Это относится, в частности, к его намерениям использовать освободительные движения христианских народов, находившихся под турецким игом. В этом направлении предпринимались уже вполне реальные шаги. Еще в конце царствования Елизаветы в Черногорию был направлен в этих целях русский агент некий Пучков²⁸.

Кавказ также не мог не привлекать внимания русской дипломатии, особенно вследствие иранских неурядиц, опасности распространения турецкого влияния в сторону Каспийского моря и интересов русской торговли, на которые ссылался Воронцов. Именно поэтому последний и рекомендовал новому императору учинить «обнадеживание» Теймуразу «о высочайшей его императорского величества протекции, как к нему самому, так сыну и народу его». Именно поэтому он и отнесся столь благожелательно к Эмину и его планам, даже не считая их вполне реальными. Освободительные идеи Эмина отнюдь не шли в разрез с интересами русской восточной политики.

III

Заручившись паспортом и рекомендательным письмом канцлера, Эмин в марте 1762 г. выехал из русской столицы. Через Москву он отправился в Астрахань. Там ему пришлось задержаться довольно долго из-за снежных завалов в кавказских горах, которые могли помешать его дальнейшему путешествию. Ввиду этого он счел необходимым отправить из Астрахани посланца с письмами к карабахским меликам и царю Ираклию. Здесь же он узнал о государственном перевороте и низложении Петра III.

²⁷ Там же, кн. 25, стр. 300—303.

²⁸ Соловьев, VI, 585—586.

Наконец, видимо в конце июля или в начале августа, он выехал в Кизляр²⁹. Ехал он, однако, не один. В Астрахани он набрал отряд из тридцати молодых армян, которые «со своим оружием и своими конями» присоединились к нему и отправились вместе с ним. Его въезд в Кизляр 9 августа оказался очень торжественным. По его словам, чуть ли не около трехсот местных армян, услышав о его приезде, выехали к нему навстречу за две мили от города. К ним из любопытства присоединился пятьсот-шестьсот терских «татар». И со всей этой кавалькадой вооруженных и невооруженных всадников он въехал в Кизляр, где его приветствовали возгласами: «вот едет принц Армении».

В шестидесятых годах XVIII столетия маленький пограничный укрепленный город Кизляр играл очень большую роль как русский форпост на Кавказе. При основанной в 1735 г. крепости были поселены как казаки терского войска, так и терские и казанские татары, грузины и армяне. В кизлярской крепости содержались также заложники-аманаты от кавказских горских племен, в целях предотвращения их набегов на русские владения. Кизлярские коменданты, подчиненные астраханскому губернатору, являлись, фактически, правителями всей пограничной зоны. Им подчинялись как стоявшие в самом Кизляре войска, так и другие пограничные посты³⁰. Сношения не только с горскими племенами, но и с Грузией, Закавказьем и Ираном шли, обычно, через Кизляр.

Что представлял собой в ту пору этот пограничный город, мы знаем из описания русского академика Гюльденштета, посетившего его через несколько лет после Эмина. По словам Гюльденштета это поселение состояло в то время из следующих четырех районов: крепости (построенной на левом берегу Терека на открытом месте), в которой помещались лишь официальные учреждения и казармы гарнизона; солдатской слободы в нескольких стах шагах от крепости; собственно города с целым рядом кварталов, в том числе армянским, который по-русски назывался «армянской слободой», и, наконец, района виноград-

²⁹ Все даты, которые приводит здесь Эмин, явно перепутаны. С одной стороны он заявляет, что пробыл в Астрахани «около девяти месяцев» (Л. А. J. E., 181), но на той же странице указывает, что выехал оттуда в мае. Насколько все эти даты были перепутаны в его памяти, видно из того, что сообщая о низложении Петра III, он добавляет, что последний «царствовал ровно один год от первого января 1761 г. до первого числа того же месяца 1762 г.» (Там же, 181).

³⁰ Бутков. Материалы..., I, 153—161.

ников и садов к северо-западу от реки Кизлярки с домами при них³¹.

Армяне составляли в Кизляре значительную часть населения. В их руках была сосредоточена вся торговля. Именно армяне развели в районе Кизляра сады и виноградники. На базе виноградарства развилось также и виноделие. Русское правительство неоднократно удовлетворяло просьбы кизлярских армян о свободном вывозе вина в Астрахань. Большие заслуги имели также кизлярские армяне в развитии шелководства как в самом городе, так и в других районах Северного Кавказа³².

Эти кизлярские армяне, среди которых распространились уже слухи об Эмине, и приняли его столь торжественно. Но эта торжественная встреча лишь повредила ему. Его въезд в Кизляр в сопровождении нескольких сот человек, в том числе и собственного вооруженного отряда, не на шутку испугал тамошнего коменданта. Эмин называет его генерал Stupition. То был генерал-майор Алексей Ступишин. Увидя приближающуюся кавалькаду, Ступишин счел даже необходимым поднять мост крепости, опасаясь, очевидно, нападения. Устав, наконец, в чем дело, он послал сказать Эмину, чтобы тот остановился в доме местного армянского старшины.

На следующий день Эмин и комендант обменялись визитами. Однако, паспорт, который предъявил столь необычный армянский путешественник, еще более усилил подозрения Ступишина. Дело в том, что паспорт этот был выдан от имени только что свергнутого императора Петра III. Естественно, поэтому, что комендант не мог считать его теперь действительным. Кроме того, его пугали и рассказы Эмина о пребывании в Англии и участии в семилетней войне и то, что он выдавал себя за армянского принца. Поэтому на четвертый день он явился с солдатами и под предлогом его охраны, поставил стражу перед его домом, т. е. фактически его арестовал. Эмину пришлось расстаться со своим маленьким отрядом. Он велел своим людям ехать в Тбилиси, предложив дожидаться его там до будущего года. «Бедные парни, пишет он, уехали почти убитые горем». Они покинули, однако, Кизляр лишь после отъезда оттуда Эмина, который был отправлен Ступишиным назад в Астрахань.

В «Дневной записке» Коллегии иностранных дел, где приводилось содержание всех входящих и исходящих бумаг, сохра-

³¹ J. A. Gaidenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge. S.-P. 1787, I, 178—179.

³² См.: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833—1838, I, 24, 26, 44; II, 97—99, 146.

нилась краткая запись этого донесения кизлярского коменданта от 14 августа 1762 г. Ступишин доносил, что «армянин Иосиф Эмин, по отъезде из Санкт-Петербурга, с данным из Коллегии паспортом приехав в Кизляр, начал себя именовать принцом своей земли, по неимению же на то доказательств, отправлен для рассмотрения к астраханскому губернатору, которой решая такое об нем сумнительство, отпустит уже во свояси»³³. Во втором донесении в Коллегию иностранных дел от 16 сентября Ступишин вновь сообщал, что «бывший тамо для проезда в Персию армянин Эмин найден в подозрении и отправлен от него под присмотром в Астрахань, о чем в оную коллегию от 14-го августа чрез астраханского губернатора подробно донесено, и что присланным к нему от помянутого губернатора сообщением знатно дано, что он Эмин в бытность в Астрахане некоторыми армянами признан наследным принцом»³⁴. Очевидно, это последнее обстоятельство и оказало решающее влияние на астраханского губернатора Неронова, который решил отправить его с конвойным в Москву.

Но теперь Эмин и сам не хотел настаивать на своем немедленном возвращении в Кизляр. В Петербурге он рассчитывал пополнить свои довольно скудные средства, так как за время своего путешествия он очень истратился. Он не мог также не понимать, что независимо от противодействия Ступишина, в его интересах было заручиться соответствующими документами от имени новой императрицы, державшей теперь в своих руках бразды правления.

6 сентября Эмин выехал из Астрахани и, благополучно совершив в обществе конвойного весь обратный путь, прибыл в Москву. Поскольку первое донесение Ступишина от 14 августа вез этот конвойный, а зарегистрировано оно было в Москве в Коллегии иностранных дел 21 сентября, то, следовательно, Эмин вернулся туда не позже этого числа.

³³ АВГР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Дневная записка. Июнь—сентябрь 1762 г. Запись за 21 сентября.

³⁴ Там же. Дневная записка. Октябрь—декабрь 1762 г. Запись за 6 ноября. Мы пользовались лишь этими «Дневными записками» Коллегии иностранных дел. Ж. А. Анаяну удалось найти полный текст этих донесений, которые, вместе с несколькими другими документами, относящимися к пребыванию Эмина в Астрахане и Кизляре он опубликовал в «Историко-филологическом журнале» («Գիտության և արվեստների հանդես»), 1978, № 3 (82). Документы эти дали возможность уточнить даты приезда и отъезда Эмина из Кизляра и Астрахани. В них содержатся также подробности о его пребывании там.

Продолжать дальнейший путь до Петербурга оказалось излишним. Новая императрица только что прибыла в Москву на коронационные торжества. Екатерина выехала в Москву 1 сентября и совершила торжественный въезд в город 13-го; коронация имела место 22-го, а торжества продолжались до 29 сентября³⁵. Вместе с императрицей, которая после коронации осталась в Москве несколько месяцев (до июня 1763 г.), туда переехали двор, Сенат, правительственные учреждения и высшие должностные лица. Переехала временно в Москву и Коллегия иностранных дел вместе с дипломатическим корпусом. В Москве находился и сам Воронцов.

Вскоре по приезде Эмин в сопровождении своего конвойного, отправился к канцлеру. Тот был очень удивлен увидев его в Москве. Прочтя донесение Ступишина, он не мог скрыть свое недовольство, тотчас же выпроводил солдата, а Эмину сказал, чтобы он шел домой и был вполне спокоен.

Недальновидный поступок кизлярского команданта не мог не вызвать гнева канцлера. Покровительство, оказанное им Эмину, вытекало из государственных интересов, чего не мог уяснить себе генерал Ступишин³⁶. Между тем за истекшие месяцы положение несколько не изменилось. Новая императрица была даже более склонна к активной восточной политике в духе заветов Петра I, чем ее неудачливый супруг. Отношения с Турцией, в связи с попытками прусской дипломатии побудить турок и крымских татар выступить против Австрии, становились все более напряженным. В своей докладной записке от 30 июля, в ответ на вопросы Екатерины, Воронцов прямо говорил о возможности «новой с турками войны», в случае их нападения на Венгрию³⁷. Рескриптом от 21 июля резиденту в Константинополе Обрезкову предписывалось сделать по этому поводу серьезное предупреждение Порте и указать, что Россия будет «вспомогать венскому двору против ея»³⁸. У канцлера, следовательно,

³⁵ Соловьев, V, 1370—1372.

³⁶ Нужно заметить, что Ступишин, замененный уже через год на посту кизлярского коменданта генералом Потаповым, вообще часто проявлял своеволие. Например, 21 июня того же года из Коллегии ему было отправлено специальное отношение, предписывавшее, чтобы он не менял по своему усмотрению аманатов, а делал бы это лишь с разрешения Коллегии. (АВПР. Протоколы публичной экспедиции. 1762 г. № 783).

³⁷ «Архив кн. Воронцова», кн. 25, стр. 338.

³⁸ Сборник русского исторического общества. Т. 48, стр. 30—31. См. также рескрипт от 4 сентября (стр. 120—122).

не могло быть никаких оснований пересматривать свое решение о содействии поездке Эмина на Кавказ. Наоборот, на этот раз он захотел даже придать этому делу более официальный характер.

Через несколько дней Эмин был вызван в Коллегию иностранных дел. Войдя в зал заседания, он застал там, кроме Воронцова и переводчика, также своего старого знакомого, бывшего русского посла в Лондоне, князя Голицына, назначенного незадолго до этого вице-канцлером. Начался официальный допрос, продолжавшийся почти три часа.

О содержании этого допроса мы знаем лишь со слов самого Эмина³⁹. Сначала он подробно изложил свои планы и намерения. Выслушав его заявления, Воронцов и Голицын обратились к нему с вопросом—не является ли он потомком какого-нибудь древнего княжеского рода Армении? Вопрос этот, в связи с доведением Ступишина, обвинявшего Эмина в провозглашении себя «армянским принцем», был вполне понятным. В ответ он сказал, что просит прощения, если не отрицал этого, так как принцем является тот, кто действует как принц, но что настоящего принца нельзя найти среди нации, около шестисот лет подвластной магометанам.

Далее ему было сделано предложение остаться в России на русской службе. На это он ответил, что он оставил Индию и отправился в Европу лишь с целью помочь своим несчастным соотечественникам. Он является тем армянином, в котором нуждался Петр Великий, намеревавшийся освободить армян, и каким не был, например, Израэль Ори, не оправдавший доверия императора⁴⁰. Но теперь Россия не воюет с турками; если бы

³⁹ Л. А. Ж. Е., 188—191. Протокол допроса Эмина был приложен, по всей вероятности, к «делу» о выдаче ему нового паспорта. К сожалению, «дела о выдаче паспортов за границу» за ноябрь 1762 г. (когда был выдан этот новый паспорт) не сохранились полностью. Среди дошедших до нас нескольких разрозненных папок нет «дела» Эмина.

⁴⁰ Не станем излагать здесь довольно подробный рассказ об Ори, который, в этой связи, приводит Эмин в своей автобиографии. В представлении Эмина его предшественник был лишь трусливым купцом и отказался возглавить, несмотря на предложение Петра, свой народ. Источником всех этих совершенно превратных представлений служила, несомненно, книга Хенвея, на которую и ссылается сам Эмин. Хенвей, пересказывая Крушинского, дает весьма отрицательную характеристику Ори, изображая его как авантюриста, мечтавшего на деле не о независимости Армении, а об удачных коммерческих предприятиях и личном обогащении.

шла война, он, конечно, предпочел бы поступить на русскую службу, чем ехать к Ираклию, столь же бедному, как он сам. В случае если у него не будет удачи с этим государем, он сделает все возможное, чтобы вернуться в Россию.

После этого заявления Эмина, Воронцов и Голицын пожелали ему успеха, обещали выдать паспорт и вновь предложили ему вернуться в Россию, как только он это пожелает. Эмин сказал еще несколько благодарственных слов, и на этом допрос был закончен.

Чтобы лучше уяснить себе те политические планы, которые Эмин развивал перед Коллегией иностранных дел, уместно привести здесь другое его высказывание, поясняющее его тогдашние намерения. Его основной целью, заявляет он, рассказывая о своей поездке в Грузию, было освобождение армян и заключение почетного союза с Грузией, с тем, чтобы затем стать данниками христианской державы⁴¹. Этой христианской державой и должна была быть Российская империя. Поэтому в своей автобиографии, написанной после георгиевского договора 1783 г., установившего протекторат России над Грузией, он всячески приветствует этот факт, считая Ираклия и Соломона счастливыми, что им удалось добиться покровительства «империи могущественных русских» и мечтая о том времени, когда «армяне смогут присоединиться к грузинам» и выступить на поле брани для ниспровержения магометанских государей.

Как видим, политическая программа Эмина, в том виде, в каком она оформилась к моменту его приезда в Россию, включала два основных положения. Прежде всего он думал освободить Армению при непосредственной помощи грузинского царя, что должно было привести к заключению «почетного союза» Грузии и Армении и образованию своего рода федеративного грузино-армянского государства. Эта идея возникла у него давно, еще в Англии. Но теперь, ознакомившись с реальной политической обстановкой на Востоке, он этот свой первоначальный проект связал с другим планом, предусматривавшим протекторат над армяно-грузинским государством могущественной русской державы, как необходимой гарантии безопасности этих двух маленьких народов.

Заслуга Эмина заключалась в том, что он сумел понять историческую необходимость для армян и грузин тесного объеди-

⁴¹ ... and thus have succeeded in his main design, delivering the Armenians, and forming a respectable alliance with Georgia, and then becoming tributary to a Christian power." (Там же, 211).

нения с государством великого и могущественного русского народа. Человек английского образования, выросший в далекой Индии и воспитанный в Англии, он сумел, после ряда исканий и романтических увлечений, правильно оценить создавшуюся историческую обстановку и придти к единственно правильному политическому выводу.

IV

Пока Эмин разъяснял Коллегии иностранных дел свои политические цели и излагал Воронцову и Голицыну свои проекты, события на Кавказе развивались своим чередом.

Вместе со свитой покойного царя Теймураза приехал в Грузию кизлярского армянского эскадрона прапорщик Дмитрий Мангов. Мангов был отправлен в Тбилиси по предписанию астраханского губернатора Неронова «для секретного разведания о тамошних, тако ж в Персии и на границе турецкой происхождении и о протчем, так же и каким образом нынешнем грузинским владетелем Ираклием принято будет отправленное к нему ея императорского величества жалованье»⁴². Упомянутый Мангов был тбилисским армянином, впоследствии поступившим на русскую службу.

Удостоенный такой ответственной миссии, этот прапорщик, по прибытии в Тбилиси, повел себя, однако, неподобающим образом. Как выясняется из показаний свидетелей, допрошенных впоследствии в Кизляре, и рапортов Ступишина, «он не о разведываниях тщение имел», а не выезжая из города, проводил время в кутежах со своими родственниками. Мало того, этот неадаптивный дипломат своими бестактными просьбами и домогательствами сумел восстановить, против себя самого царя. Сперва он попросил Ираклия разрешить ему увезти жену своего брата. Добившись удовлетворения этой просьбы, он стал просить царя насчет одного молодого армянина. Эти повторные, назойливые домогательства вывели Ираклия из терпения, тем более, что он узнал, что прапорщик, получив на этот раз отказ, «его Ираклия ругательными словами поносил». Заявив, «что он Мангов приехал туда не для порученного ему казенного дела, но ради испрошения свойственников его и исправления своих нужд», он испрошения свойственников его и исправления своих нужд, грузинский царь велел отобрать у него все врученные ему для

⁴² АВВР, ф. Сношения России с Персией. К. 13. Указы, канцелярские циркуляры к комендантам в Кизляр и рапорты от них по персидским делам, 1763—1767 гг. Рапорт Ступишина от 22 января 1763 г.

доставки в Россию письма, пять рублей дорожных денег и подаренный ему изарбаф (отрез парчи.—А. И.) и хотел было даже задержать его самого на том основании, что он является его подданным. Опасаясь, однако, «чрез то России не причинить обид», Ираклий в конце концов, отпустил неудачного посланца вместе с прибывшими с ним казаками, но писем и денег ему так и не вернул⁴³. Из показаний Мангова мы точно знаем, когда все это произошло: письма и деньги были вручены ему 28 ноября 1762 г., а отобраны у него через два дня—30 ноября; сам же он был отпущен в Кизляр 5 декабря⁴⁴.

Вся эта разыгравшаяся в Тбилиси история не представляла бы для нас никакого интереса, если бы внезапно дело не приняло совершенно неожиданный оборот. Отобранные у Мангова письма и деньги Ираклий передал ехавшему в Кизляр армянину Папе Хатунову, т. е. тому самому «грузинскому армянину» Папе Хатову, который за полгода до этого жил вместе с Эмином в Петербурге в доме Дюмареска и вместе с ним давал объявление в «Санкт-петербургских ведомостях» об отъезде из России.

Этот «кизлярский житель тифлисской армянин Папа Хатунов», как называл он себя в своем доношении Ступишину, был уроженцем Грузии. В армянских церковных списках имя его значится впоследствии среди жителей Кизляра и Астрахани⁴⁵. В секретной докладной записке, поданной Манговым астраханскому губернатору Неронову, мы находим о нем следующие сведения: «В Тевлизе чрез изъясненного курьера Папу Хатова от выехавшего в Россию называвшегося армянским принцем Осипа Эмина получено об нем грузинским царевичем письмо, куда после и бывшие при нем армяне человек с сорок приехали ис Кизляра и тамо довольствуютца пищею и ожидают приезда ево принца, к коему грузинский царевич и один ево человек отравили от себя письма с тем же курьером...»⁴⁶.

⁴³ Там же. Рапорт Ступишина, показания Папы Хатунова от 11 января и его доношение от 15 января 1763 г.

⁴⁴ Там же. Показание Мангова от 16 января 1763 г.

⁴⁵ В 1768 г. и в 1770—71 г. в списках жертвователей в пользу церкви по городу Астрахани значится «тфлизец Папа» (*«թփլիզցի Պապէն»*) (Матенадаран. Архив. Папка 3, № 6, стр. 40—63); в 1775 г. среди кизлярских жителей значится «Папа из Грузии» (*«Պապայն լրսուտիցի»*) и среди приезжих, проживавших в астраханском каравансарае, «тфлизец Папа» (*«Պապայն թփլիզցի»*) (Матенадаран. Архив. Папка 4, № 20, стр. 50, 1021).

⁴⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1763 г. Д. № 1. Докладная записка Мангова от 30 января 1763 г.

Таким образом, Хатунов прибыл в Грузию в качестве посланца Эмина или «курьера», как называет его Мангов. Из «журнала астраханской губернской канцелярии» «о свите бывшего в России грузинского владетеля Теймураза» мы узнаем, что 30 мая 1762 г. «прапорщик Мангов представлял при доношении своем посылаемого от той свиты с письмами к грузинскому владетелю Ираклию курьера грузинца Папу Хатова и по желанию той свиты просил чтоб его туда отправить», что и было выполнено⁴⁷. Мангов, таким образом, сам содействовал, в свое время, поездке Хатунова в Грузию. Последний отправился в Тбилиси официально как посланец свиты покойного Теймураза, а на самом деле с целью отвезти письма Эмина, с которым прибыл из Москвы в Астрахань. Папа Хатунов и был тем специальным посланцем, которого, по словам самого Эмина, он отправил из Астрахани с письмами к Ираклию и карабахским меликам.

Теперь, в конце ноября, Хатунов выехал назад в Россию с письмами к Эмину. Возможно, что он успешно выполнил бы данное ему поручение, если бы не ссора царя с Манговым. Рассердившись на Мангова, Ираклий все врученные последнему письма—к Воронцову, к астраханскому губернатору Неронову, к кизлярскому коменданту Ступишину и другим лицам—отдал для отвоза вышеписанному бывшему курьеру Папе Хатову, который отправлен в Россию к называвшемуся армянским принцем Осипу Эмину⁴⁸. Это случайное событие, благодаря которому Папе было дополнительно поручено доставить в Россию и прочие письма царя, имело, однако, неожиданные последствия.

Мангов, естественно, был крайне раздосадован предпочтением, оказанным Ираклием Хатунову, а, кроме того, чувствуя себя виноватым и опасаясь кары за свое поведение в Грузии и за свою халатность, хотел выслужиться перед кизлярским комендантом и тем искупать свою вину. По прибытии в Червленский форпост, где все въезжающие в Россию должны были проходить карантин, он поспешил сообщить форпостному командиру «некоторый секрет». Последний сразу же рапортом известил Ступишина. И в то время как ничего не подозревавший Папа Хатунов находился в карантинном шалаше «за приключившеюся ему тогда болезнью», Мангов вместе с командиром форпоста вынул из его сумок, по распоряжению кизлярского коменданта, все

⁴⁷ АВПР, ф. Сношения России с Грузией. 1762 г. Д. № 1, лл. 258, об.—259.

⁴⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией. 1763 г. Д. № 1. Докладная записка Мангова от 30 января 1763 г.

привезенные им письма, которые были пересланы затем Ступишину⁴⁹.

Не трудно догадаться, что это был за «секрет», который Мангов в своем усердии поспешил сообщить в Кизляр. Зная о высылке Эмина и подозрениях Ступишина, он поспешил донести ему, что Хатунов едет с какой-то секретной миссией от Ираклия и везет письма упомянутому «армянскому принцу». Этим доносом он, впрочем, и сам хвастал впоследствии астраханскому губернатору, сообщая в своей докладной записке, что по приезде в Кизляр Хатунова «он, прапорщик, дал знать кизлярскому коменданту, который у него те письма отобрал и отправил в государственную Коллегию иностранных дел»⁵⁰.

Получив письма, адресованные Эмину, Ступишин действительно так и поступил. В своем донесении Коллегии иностранных дел от 22 января 1763 г. он по этому поводу сообщал следующее: «Из полученных же чрез показанного армянина Хатунова отобранных от него при Червленском форпосте писем между другими по подписи явились два письма на имя армянина Эмина, из которых по подозрению ево в Персию проезда, как в Астрахане и здесь от армян пронесенного их принцем признания и от меня обратно возвращенного, одно по тому сомнению об нем писанное к нему от служителя ево Тархана Маркова было распечатано и за неимением никакой почти во оном важности кроме известия о Перси, уже другое писанное к нему ж от грузинского принца Ираклия не распечатав при сем государственной Коллегии иностранных дел, а распечатанное с переводом в покорности моей приношу»⁵¹.

В архиве Коллегии иностранных дел сохранились оба адресованные Эмину письма, пересланные из Кизляра. К подлинникам этих писем приложены и их довольно вольные переводы. Письмо Тархана имеется в двух переводах—в переводе, сделанном в Кизляре (о котором упоминается в донесении Ступишина), и в переводе, сделанном в самой Коллегии. Письмо же Ираклия, пересланное Ступишиным в нераспечатанном виде, имеется лишь в переводе, сделанном в Коллегии⁵².

⁴⁹ АВПР. Ф. Сношения России с Персией. К. 13. Показания Мангова от 16 января 1763 г.

⁵⁰ АВПР. Сношения России с Персией. 1763 г. Д. 1. Докладная записка Мангова от 30 января 1763 г.

⁵¹ АВПР. Сношения России с Персией. К. 13. Донесение Ступишина от 22 января 1763 г.

⁵² Там же.

Письмо Ираклия написано на армянском языке и скреплено царской печатью. Оно помечено 14 ноября 1211 года по армянскому летосчислению, т. е. 14 (25) ноября 1762 г. и написано в «царском дворце в Тифлисе».

Любопытен, прежде всего адрес на конверте: письмо адресовано «светлейшему князю Эмин-ага»⁵³. В обращении к Эмину, не переведенному на русский язык, он также назван светлейшим наследственным князем⁵⁴. Из этого следует заключить, что в тот момент Ираклий принимал Эмина за лицо княжеского рода.

В этой связи становится понятной одна фраза, которую мы находим в письме отца Эмина, полученном последним еще в Лондоне. Сообщая о впечатлении, произведенном на калькутских армян письмом Эмина (которое, как мы знаем, было зачитано самим губернатором и содержало просьбу ходатайствовать за него перед Ираклием), Иосиф тогда писал: «Ты можешь убедиться в их слабости по их собственному ответу; они удостоверяют, что ты являешься истинным отпрыском древних царей Армении, потому что тебя постигла удача, а если бы было иначе, они сказали бы: кто он, такой или что он собой представляет?»⁵⁵. Из этих слов можно сделать только один вывод, а именно, что Эмин, считая необходимым, ради осуществления своих проектов, предстать перед Ираклием в качестве лица царской крови⁵⁶, просил калькуттских армян заверить в этом царя, что те, как видим, не применили сделать.

В своем послании Ираклий указывал, что им было получено от Эмина три письма. Первое письмо было получено им через епископа Захария из Еревана⁵⁷. О содержании этого письма он

⁵³ «Բաժանեցի թուրքի ի ընդերէն անտիպուց ի ձեռն Պաշտօնաբայի իշխան Էմին Աղայիդ, անբաց յայլմէ»:

⁵⁴ «Բարիժնունդ և պաշտօնաբայի բայազատաբայի իշխանիդ Էմին Աղայիդ...»:

⁵⁵ L. A. J. E., 106.

⁵⁶ В своем собственном письме Ираклию (приводимом им в автобиографии) он сообщал, правда, что его отец в Индии занимался купечеством, но не говорил, что он по происхождению купец, а, наоборот, подчеркивал, что его прадед служил в войсках Шах-Аббаса. К тому же это не подлинное письмо, написанное им Ираклию, а вольный пересказ на английском языке.

⁵⁷ Но это было, как мы знаем, второе письмо Эмина к грузинскому царю. Из этого следует заключить, что его письмо, написанное в Лондоне и пересланное в Индию, а оттуда в Басру, так и не дошло до Ираклия. Сам он, однако, пишет в своей автобиографии, со слов одного грузина, что Ираклий получил его первое письмо, хотя и не ответил на него (L. A. J. E., 113).

не упоминает, выражая лишь благодарность за присланные вместе с письмом подарки, о которых Эмин в своей автобиографии ничего не сообщает. Второе письмо, по словам царя, было получено им через своих приближенных⁵⁸; в этом письме Эмин выражал ему соболезнование по поводу смерти его отца, высказывал недовольство в связи с тем, что не получил от него ответа на свои письма, и сообщал о своем намерении приехать в Грузию. Ираклий благодарил его за соболезнование, заявлял, что давно хотел ему написать, но только не знал, где он находится—в Турции, в Англии или в России, и давал согласие на его приезд⁵⁹. Третье же письмо Эмина по словам Ираклия, было получено через его людей⁶⁰. В заключение царь просил Эмина извещать его о себе и любить его по-прежнему.

Это дошедшее до нас письмо грузинского царя ценно и интересно не только как подтверждение рассказа Эмина о его свидании в Эчмиадзине с Захарием и не только вследствие содержащихся в нем сведений о двух других его письмах Ираклию. Оно важно прежде всего потому, что показывает отношение к нему самого царя. Эмин, как видим, ехал в Грузию не как непрощенный гость. В ответ на его запрос Ираклий сразу же, как только узнал о его местонахождении, отправил ему крайне любезное письмо, всецело одобряя его намерение и прямо приглашая его к себе. И письмо это он послал в Россию не с прочей своей корреспонденцией, а со специальным курьером—доверенным Эмина.

Столь же интересно и другое письмо, привезенное Папой Хатуновым. Оно было написано неким Тарханом Маркаре или Тарханом Маркаровым, тоже доверенным лицом Эмина—начальником завербованного им отряда, отправленного им из Кизляра в Грузию. Как мы знаем уже из докладной записки Мангова, отряд этот благополучно прибыл в Тбилиси, где люди Эмина, в ожидании его приезда, «довольствовались пищею», т. е. получали, по распоряжению царя, соответствующий паек.

Письмо Тархана, помеченное 16 ноября 1762 г., адресовано Эмину, названному «князем всех армян» (*սմենայն հայոց իշխան*).

⁵⁸ «Մերոյ իշխանաց ձեռնգր» или, как сказано в русском переводе, «чрез знатных двора моего особ».

⁵⁹ «Գործնայ ի նոյն թղթոջ իշխան էի» առ Կողմս Երկրի մերոյ գալն որ հաւան էր մեզ» или в русском переводе «уведомляя о желании вашем сюда приехать, что я и опробую».

⁶⁰ «Զեռանք աղայոց քոջ» или в русском переводе «от человека вашего».

В своем обращении к нему (тоже не переведенном на русский язык) он именует его знатым и наследственным княжичем, князем князей⁶¹. Письмо начинается с сообщения, что 17 октября он, Тархан, вместе с тридцатью другими, прибыл в Тбилиси, в распоряжение Ираклия⁶². «Когда я,—пишет он далее,—вручил ему письмо моего господина, он очень обрадовался, но когда услышал о возвращении господина моего назад весьма огорчился, а по прочтении письма, меня, слугу твоего, позвал к себе и стал расспрашивать о твоих делах; что я знал, то и рассказал ему наедине о твоём положении. Мне и прочим твоим слугам он большие надежды подает и милости оказывает; после увидим, что господь пожелает и как то будет»⁶³.

Таким образом Тархан и был тем «человеком» Эмина, который привез Ираклию его третье письмо. В этом письме Эмин сообщал о своей неудаче в Кизляре и обратном отъезде в Россию. Именно на это письмо и ответил Ираклий через Папу Хатунова. Второе же письмо Эмина привез царю сам Хатунов, вместе с письмами придворных из свиты Теймураза.

Письмо Тархана еще раз свидетельствует о том, сколь благожелательно относился к Эмину Ираклий, который не только хорошо принял его людей, но и был явно огорчен его вынужденным возвращением в Россию.

Далее, в своем письме, Тархан переходил к описанию положения дел в Закавказье и в Иране. Очевидно, он имел от Эмина задание информировать его о политической ситуации на Кавказе. Эта часть письма Тархана представляет, несомненно, большой исторический интерес, как описание современником политической обстановки в Закавказье в конце 1762 г. Тархан сообщал, что Ганджа и Ереван подчинены Ираклию, что джарцы возбунтовались против него, рассказывал о борьбе Керим-хана

⁶¹ «Մեծալարդ և պերճապատի նրբնկատ և խոհմագոյն ազնուատոմ և պալատ իշխանադուն իշխանաց իշխան...».

⁶² Как видим цифра, приводимая Эмином в своей автобиографии была правильной; набранный им отряд состоял из тридцати человек. Сообщение же Ступишина о том, что в отряде этом было всего двадцать человек, а в Грузию отправилось лишь восемнадцать не соответствует действительности.

⁶³ «Եւ սահիրի քարտեզն ետու իւրն, կարի խիստ ուրախացաւ, բայց յորժամ տես լիտ դանայն սահիրի յոյժ տրտմեցաւ իսկ յորժամ ընթերցեալ էր իւր կարգադրն զիս բանդիդ կոչեաց առ ինքն սահիրի բանն եհարց. ինչպէս խարարութիւն ունի ալնպէս պատմեցի սահիրի որպիսութիւնն առանձին, նաև բանդիդ և այլ նորարացն ումուդ և շափաղաղ լաւ է տալիս, վերջն տեսցուք Աստուած ինչ կու կամենայ և որպէս է լինելոց».

против Фатали-хана, о переговорах Ираклия с Керимом по вопросу о выдаче одного из главных соперников последнего—Азад-хана. Интересно отметить, что он специально информировал Эмина о карабахских делах, особенно того интересовавших, о Панах-хане, увезенном Керимом, его сыне Ибрагиме, находящемся в Шуше, о переезде меликов⁶⁴ в Шамхор, о пребывании гандзасарского католикоса в Гандже. Он сообщал своему шефу также о том, что в Эчмиадзине все обстоит благополучно, благодаря покровительству грузинского царя, и передавал ему привет и благословение от находившегося в Тбилиси священника Исая—очевидно, одного из эчмиадзинских знакомых Эмина. В заключение Тархан извещал его о том, что Ираклий послал ему ответ через Папу, т. е. Папу Хатунова, которому и сам он два дня спустя вручил свое письмо.

Письма Ираклия и Тархана, перехваченные русскими властями, не оказали какого-либо влияния на судьбу Эмина. Они не содержали ничего такого, что заставило бы Коллегию иностранных дел пересмотреть свое решение. Наоборот, они свидетельствовали о готовности Ираклия сотрудничать с ним. То, что могло не понравиться русским министрам—а именно именование его «принцем» (как раз то, в чем обвинял его Ступишин)—осталось Коллегии неизвестным. Соответствующие обращения не были переведены на русский язык (и быть может не случайно) армянами-переводчиками.

Письма эти и другие архивные материалы рисуют однако, несколько иную картину деятельности Эмина, чем та, которую можно составить себе на основании его собственного рассказа. Читая его автобиографию, можно получить впечатление, что он действовал все это время как одиночка. Правда, он упоминает, например, вскользь о завербованном им отряде, но из его слов трудно даже уяснить, были ли эти люди идейно связанными с ним соратниками, или то были простые наемники, поступившие к нему на службу ради денег. Быть может против собственного желания, Эмин в своих воспоминаниях настолько выдвигает на первый план свою личность, что невольно затушевывает своих единомышленников и сотрудников. А дело обстояло именно так: у него были деятельные и активные соратники.

Все данные говорят о том, что провозглашенные Эмином освободительные идеи нашли довольно широкий отклик среди проживавших в России армян. Рост и укрепление в армянских

⁶⁴ Т. е. Мелика-Иосифа и Мелика-Адама, удалившихся в то время из Карабаха. Об этом см. ниже в пятой главе.

колониях в России, буржуазных слоев, распространение просвещения, появление грамотных и образованных людей—предчехов зарождавшейся и на территории России армянской интеллигенции, постепенное формирование национального самосознания, все это создавало предпосылки для распространения среди петербургских, московских, астраханских армян освободительной идеологии. Выступление Эмина с его освободительными идеями и лозунгами отнюдь не осталось поэтому гласом вопиющего в пустыне. Его собственный рассказ о восторженном приеме, оказанном ему в Астрахани и Кизляре армянским населением, всецело соответствует действительности и подтверждается архивными материалами. Ступишина испугало не то, что Эмин называл себя «принцем», а как раз то, что он был «признан принцем» местным армянским населением, приветствовавшим его как грядущего освободителя Армении.

Но дело не ограничивалось выражением симпатии и подарками—пожертвованиями в его пользу, о чем он сам упоминает в своей автобиографии. Находились люди, которые примыкали к нему и становились его активными соратниками. Нам еще далеко не известны все связи Эмина, имена всех его сотрудников. Но некоторые имена мы все же уже знаем: имя его доверенного и «курьера» Папы Хатунова, имя Тархана Маркарова, ожидавшего его в Грузии. Такими его единомышленниками и соратниками являлись и все тридцать молодых армян, вступивших в набранный им отряд, отправленный им в Тбилиси. Несомненно, что среди армянской молодежи было в то время много людей, разделявших взгляды Эмина и готовых бороться за освобождение своего народа и своей родной страны.

Все эти соратники Эмина относились к нему, как к своему признанному руководителю, называя его «князем» и величая соответствующим образом. Следует полагать, что Эмин в то время действительно играл эту роль, с целью придать себе большой вес и вернее добиться осуществления своих проектов. Он не мог, конечно не учитывать, что, в условиях феодального Кавказа, сын купца не пользовался бы таким авторитетом, каким мог обладать человек княжеского рода. Роль армянского князя, которую решил играть Эмин отправляясь на Кавказ, была, таким образом, вызвана политической необходимостью, объяснялась его стремлением обеспечить более благоприятные предпосылки для осуществления своих освободительных планов. Эмин отнюдь не был самозванцем, преследовавшим личные эгоистические цели. Он отнюдь не выдавал себя за «принца», будучи в Англии. Он отнюдь не пытался ввести в заблуждение и русские власти. Мы уже видели выше, что во время своего допроса в Коллегии ино-

странных дел, после возвращения из Кизляра, он заявил, что допускал именовать себя принцем, поскольку действовал как таковой, но чистосердечно признавался, что не являлся по своему происхождению лицом княжеского рода.

Как бы то ни было, соратники Эмина относились к нему, как к своему признанному вождю. Глашатай освободительных идей, Эмин, благодаря своему европейскому образованию, военному мастерству, личной храбрости и волевому характеру, сразу сумел обеспечить себе руководящую роль в армянском освободительном движении.

V

Все это время Эмин жил в Москве, ничего не подозревая о перехваченных письмах и новых интригах против него Ступишина. Спустя две недели после допроса в Коллегии иностранных дел, Голицын, вызвав его к себе, сообщил ему, что он и Воронцов ознакомили императрицу с его планами, что она была очень ими довольна и выразила готовность запастись терпением, так как у него еще достаточно времени для осуществления своих чаяний. Одновременно Эмину было вновь предложено поступить на русскую службу на должность командующего «армянами» в Астрахани, т. е. на службу в так называемый «армянский эскадрон», существовавший с 1736 г. Очевидно русские министры, следуя инструкциям Екатерины, считали целесообразным, всячески обнадеживая Эмина, задержать его временно в России для более эффективного использования в случае войны на Востоке. Но он был непреклонен и хотел немедленно отправиться на Кавказ.

Из «Дневной записки» мы узнаем, что 30 октября 1762 г. Эмин подал в Коллегию иностранных дел официальную «челобитную», прося о выдаче ему вновь паспорта «и о предписании астраханскому губернатору отправить его с конвоем в Кабарду или Черкачи, минуя Кизляр, и о письме об нем кабардинскому князю, дабы велел он его препроводить через горы к принцу Гераклию»⁶⁵. Как видим, Эмин не хотел больше связываться со Ступишиным и просил отправить его в Грузию через Кабарду.

В тот же день последовало распоряжение Голицына о выдаче ему паспорта, о чем мы узнаем из сохранившейся в делах

⁶⁵ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Дневная записка. Октябрь—декабрь 1762 г. Запись за 31 октября.

Коллегии следующей записки в Публичную экспедицию: «Его сиятельство вице-канцлер изволил приказать по приложенному при сем прошению, поданному от армянина Емина, удовлетворять его, кроме того, что требует он, дабы внесены были в паспорт его и те армяне, коих он из вольных и желающих возвратиться в их отечество принять к себе намерен, но в том даваемом ему паспорте написаны б были одни находящиеся при нем служители, о именах которых здесь же взять у него известие»⁶⁶. Эмин, следовательно, хотел, чтобы в его паспорте был оформлен пропуск на всех тех армян, которые пожелают к нему присоединиться. Голицын не считал возможным удовлетворить его просьбу в этой форме и предписывал записать в паспорте имена лишь тех лиц, которые выедут вместе с ним из Москвы.

20-го ноября были подписаны два аналогичных указа в астраханскую губернскую канцелярию и на имя кизлярского коменданта. В указах этих отмечалась прежде всего необоснованность задержки Эмина ибо «по разсуждению Коллегии иностранных дел помянутые обстоятельства не заслуживают, чтоб он Эмин за границу пропущен быть не мог и остановка в его проезде с данным настоящим паспортом сделана совсем излишняя и несходственная». Астраханским властям и Ступишину предлагалось пропустить его с его «служителем» за границу «без малейшего задержания, ибо никакого сомнения в том не усматривается». При этом предписывалось, что «ежели он Эмин возьмет с собою в Астрахани или в Кизляре из армян несколько человек таких, которые вольные и никому ничем не обязанные, тако ж и совершенно такие, которым выезд из России не запрещен, а во отечество свое возвратиться желают, то и оных всех, буде по подлинному свидетельству явятся свободныя люди, с ним Эмином за границу пропустить же без всякой остановки, токмо в даваемых им армянам обыкновенных паспортах отнюдь того не писать, что они при нем Эмине едут, но таким образом те паспорта давать, как протчим прежде отъезжающим даваны были и о том о всем в коллегию рапортовать»⁶⁷.

Через неделю, 29 ноября, был выдан паспорт «для проезда ему Эмину с одним служителем Моисеем Варламовым и со-

⁶⁶ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Определения и записки в публичную экспедицию. 1762 г.

⁶⁷ АВПР, ф. Дневная записка. Октябрь—декабрь 1762 г. Запись за 29 ноября.

всеми находящимися при нем собственными его вещми, чрез Астрахань и Кизляр за границу»⁶⁸.

Кто был этот Моисей Варламов, который должен был сопровождать Эмина в его поездке? Следует иметь в виду, что в то время в русских официальных документах все армянские имена и фамилии в обязательном порядке писались на русский лад. Так Овсеп Эмин обозначается в них как Иосиф (а в некоторых даже Осип), так Ованес Егиазарян превращается в России в Ивана Лазарева. Моисей по-армянски Мовсес, а Варлам—Багра-гам (*Բարձրամ*) или Баграм (*Բարձրամ*). Следовательно, Моисей Варламов—это Мовсес Баграмян или Баграмян. В армянских документах он фигурирует под этими двумя фамилиями, причем более распространенной и общепринятой была вторая форма—Мовсес Баграмян.

В Эчмиадзине о нем имелись следующие сведения. В одном послании, написанном католиком Симеоном десять лет спустя, утверждалось, что он по происхождению карабахец и «как говорят» в юности учился в Новой Джульфе у тогдашнего главы епархии Георга⁶⁹. Сведения эти были, как видим, довольно скудными и неопределенными. Достаточно сказать, что в ряде эчмиадзинских документов его называли «дьячком». Узнав впоследствии об этом Баграмян был настолько взбешен (а к тому времени он был уже влиятельным и богатым человеком), что преемник Симеона католикос Гукас счел в 1791 г. необходимым обратиться к нему по этому поводу со специальным письмом. Он просил его не обижаться на это, так как у армян было издревле принято называть ученых мужей дьячками и они не думали, что это так его возмутит⁷⁰.

Что Баграмян, по своему происхождению, был персидским армянином весьма вероятно, так как Эмин в своей автобиографии повторно называет его своим родственником⁷¹, а сам он также был родом из Ирана, где у его семьи была большая родня. Но если семья Эмина в дальнейшем переехала в Индию, то семья Баграмяна переехала в Россию, в Астрахань. Во всяком случае к моменту встречи с Эмином его семья уже жила там⁷².

⁶⁸ АВІР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Протоколы публичной экспедиции. 1762 г. № 1719.

⁶⁹ ՀԵԶ, 573

⁷⁰ «Որ զի սովորութիւն է եղեալ յազգի մերում զգիտական դպրութեան տիրացու հոգի... Սատի բարեբ Թովմա մեզ և զհանական սիրելիդ այն յատկացուցանել, որ բնակ կարծելով թէ ամբիօրի սիրտ քո նովաւ» («Գրան Հայոց պատմութեան», Գիրք 9, 560).

⁷¹ L. A. F. E., 361, 368, 369, 379, 380, 389.

⁷² Там же, 249, 250.

Где Эмин познакомился со своим родственником? Возможно, что это было в Астрахани, а возможно, это было в самой Москве. Этого мы пока не знаем. Но как бы то ни было из Москвы они отправились вместе в Грузию, а затем в течение ряда лет были неразлучны. В своей автобиографии Эмин характеризует Баграмяна как по природе скромного человека, даже застенчивого, в своей жизни никогда не пившего вина, физически более слабого и выносливого, чем он сам, но в то же время искренне ему преданного⁷³. В дальнейшем этот соратник Эмина также стал одним из видных деятелей и идеологов армянского освободительного движения, о чем нам еще предстоит рассказать.

VI

Хотя теперь все помехи, мешавшие Эмину отправиться на Кавказ, были устранены, но имелась одна важная причина, задерживавшая его отъезд. Весь его маленький капитал, который он взял с собой, выезжая из Англии, был израсходован. Он сидел опять без копейки и не только не мог отправиться в далекий лутъ, но и не имел даже денег на текущие расходы. Он жил на двенадцать рублей, которые ему удалось занять у одного армянского монаха по имени Сукиас из монастыря св. Карапета, с которым он встретился и познакомился в Москве.

Эмину не повезло и в другом отношении. В качестве английского посла в Москву прибыл уже не его старый знакомый, а лорд Букингем. Кейт, чье влияние при русском дворе после заключения мира с Пруссией, возросло в огромной мере, и который пользовался личной благосклонностью свергнутого императора, был однозной фигурой в глазах новой императрицы; убедившись в этом, он сам возбудил ходатайство о своем отозвании, причем и русское правительство со своей стороны предприняло в этих целях демарш в Лондоне⁷⁴. С Кейтом вернулись в Англию и два других знакомых Эмина—Дюмареск⁷⁵ и доктор Монсей. Новый же посол не только не захотел его видеть, но даже откровенно заявил своему капеллану, что считает этого армянина опасным сумасшедшим.

⁷³ Там же, 366, 372, 393, 394.

⁷⁴ Соловьев, V, 1432—1433; Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 147—148.

⁷⁵ Это должно было особенно огорчить Эмина, так как Дюмареск, знаток восточных языков, был близок к Екатерине; под его руководством она занималась словарем языков и наречий (В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, 230).

Хотя старых друзей уже не было, нашлись однако новые, которые помогли ему. Некий английский коммерсант Бод одолжил ему двадцать пять империалов, порвав даже выданный им вексель. Другой проживавший в Москве англичанин Томсон, подарил ему пять золотых. Получил он и обещанные сто фунтов стерлингов от лорда Нортумберленда. Наконец, пришли к нему на помощь и местные зажиточные армяне в лице семейства Лазаревых.

Семейство это, которому предстояло сыграть выдающуюся роль, принадлежало к зажиточной торговой буржуазии, проживавшей со времен Шах-Аббаса в пригороде Испагани Новой Джульфы. Вместе с армянами-переселенцами из старой Джульфы прибыл туда по повелению грозного шаха и Манук Лазарев. Его потомок Лазарь, благодаря своему богатству, пользовался там в эпоху Надира большим влиянием и занимал даже должность калантара—правителя этой армянской колонии. Но в конце сороковых годов XVIII столетия он вместе со своим семейством переселился в Россию, куда перевез и свои капиталы в виде наличных денег и разных драгоценностей. Русское правительство всячески поощряло в то время армянских купцов и предоставляло им значительные привилегии. Неудивительно поэтому, что семейство предпочло, подобно многим другим, обосноваться в России. Некоторое время члены семьи Лазаревых жили в разных городах, потом поселились в Астрахани и, наконец, переселились в Москву. Здесь Лазарь, вложил свои капиталы в ювелирную торговлю и в промышленные предприятия. Он основал крупную шелковую и бумажную мануфактуру, которая вскоре была переведена из Москвы в купленное им подмосковное село Фряново. Фряновская мануфактура, изготовлявшая парчи, штофы, бархаты, не уступавшие знаменитым лионским изделиям, вскоре приобрела большую известность и стала выполнять заказы для двора⁷⁶.

Лазаревы уже с шестидесятих годов XVIII века начинают приобретать большие связи при русском дворе и играть выдаю-

⁷⁶ См. архив Лазаревых, хранящийся в Матенадаране. Папка № 106. «Историческое описание о фамилии их превосходительств господ Лазаревых с обзором происхождения и водворения оной в Россию из бывшей Персидской Армении», стр. 17—20, и более сжатый очерк о семействе Лазаревых в папке № 58, опубликованный в книге «Исторический очерк Лазаревского Института восточных языков», М., 1863, 5—7. См. также *Մ. Մանուկյան, Յիշատակարան կենաց և գործոց մեծանուն պաշտպանուհի Լազարեան տոհմի, Մոսկվա, 1856, 1—6.*

щую роль среди армян, проживавших в России. К моменту приезда в Москву Эмина они были уже настолько влиятельными, что помогали даже русского дворянского достоинства. Правда дворянства они добились лишь в 1776 г., но, как видно из дарованной им тогда грамоты, сведения об их происхождении «от благородной в Армении фамилии» были засвидетельствованы, между прочим, и грузинским царем Теймуразом, очевидно, во время его пребывания в России⁷⁷.

Однако ни старик Лазарь, ни его старший сын Ованес, или, как он называл себя на русский лад, Иван Лазаревич, в России не денационализировались. Они не стремились предать забвению свое национальное происхождение, а, наоборот, даже впоследствии, будучи уже титулованными дворянами и крупными русскими помещиками, выступали в роли представителей армянской нации, являясь выразителями политических настроений и чаяний армянской буржуазии, обосновавшейся на территории Российской империи.

Неудивительно, что Иван Лазарев, которому в то время было всего 27 лет, заинтересовался Эмином и его идеями. Знакомство между ним и Эмином произошло, очевидно, еще до поездки последнего в Кизляр, так как по возвращении в Москву Эмин отправился к Воронцову именно с Иваном Лазаревым, которого называет в своей автобиографии «богатым армянином», «главным ювелиром императрицы» и своим «единственным другом среди стольких армян во всей Российской империи»⁷⁸.

Этот друг выдал ему теперь 25 империалов. Одновременно старик Лазарь, не будучи осведомлен о щедрости своего сына, тоже подарил ему 5 империалов вместе с сорока фунтами сахара и пятью фунтами чая. Именно Иван Лазарев и расписался в получении паспорта, выданного на имя Эмина.

Теперь Эмин был снабжен достаточной суммой денег и мог смело отправиться в путь. В феврале 1763 г. он выехал из Москвы. С ним ехал его родственник—Мовсес Баграмян. Через 15 дней они приехали в Астрахань.

До нас дошел рапорт астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел, извещавшей, что указ «о пропуске чрез Кизляр за границу армянина Иосифа Эмина со имеющимися при нем вещами и с служителем, в астраханской губернии»

⁷⁷ Архив Лазаревых. Папка № 28, стр. 6—10. Выдержки из этого указа опубликованы в «Собрании актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», I, 176, 177.

⁷⁸ Л. А. Ж. Е. 187, 197.

ской канцелярии сего февраля 25 чисел 1763 года получен»⁷⁹. Поскольку этот указ вел сам Эмин, то следовательно, прибыл он обратно в Астрахань в конце февраля по старому стилю⁸⁰.

Местные армяне, смущенные в свое время его высылкой, были очень удивлены его возвращением и всячески выражали ему теперь свое почтение. По его словам они видели в нем того самого человека, появление которого было предсказано шестьсот лет назад, т. е. избавителя Армении; они приходили к нему со своими детьми, prostирались перед ним ниц и предлагали ему ценные подарки. Все это еще раз подтверждает, какой широкий отклик имели освободительные идеи Эмина в местной армянской среде.

На этот раз Эмин не остановился в самом городе, а поселился в палатке на другом берегу Волги. По своим словам он сделал это потому, что не хотел остановиться в доме своей знакомой—вдовы Аван-хана. То была жена одного из карабахских меликов, переехавшего в тридцатых годах на жительство в Россию и умершего там в чине генерала. В то время вдова проживала в Астрахани вместе со своей внучкой Мариам⁸¹. На эту молодую красавицу обратила в свое время внимание сама императрица Елизавета. Когда семья Аван-хана была в Петербурге и имела аудиенцию во дворце, императрица, увидев юную красавицу, внучку Аван-хана, пожелала в знак особого внимания к заслуженному старцу, ее деду, чтобы внучка его жила во дворце в числе придворных фрейлин, которая, до самого отъезда семейства Аван-хана из С.-Петербурга, пользовалась благоволением императрицы; и только по просьбе семейства ее величество дозволила ей сопровождать родителей в отчизну, осыпав ее наградами»⁸².

⁷⁹ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Сношения с Астраханской губернией 1762—1796 гг. № 533.

⁸⁰ Сам он ошибочно пишет, что выехал из Москвы в марте. (Л. А. Ж. Е., 199).

⁸¹ Это подтверждается и сенатским указом от 10 ноября 1759 г. «по челобитной армянского Аван-Хана Бабанова жены его вдовы Евары Мелхиседековой дочери», жаловавшейся на незаконное взыскание с нее поборов астраханским армянским купеческим магистратом и просившей «о неведении ее со внукою и со всеми домашними людьми, кроме касающихся до них дел магистрату и полиции, а о бытии под особым покровительством правительствующего сената в одной астраханской губернской канцелярии». (Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., XV, 389).

⁸² «Собрание актов...», II, 297—298.

С бабушкой и внучкой Эмин познакомился еще во время своего первого пребывания в Кизляре, где те находились в то время проездом. И еще тогда возник роман между ним и молодой увлекающейся девушкой. Роману этому, по-видимому самому серьезному и самому идиллическому в его жизни, Эмин в своей автобиографии посвящает ряд прочувствованных страниц. Если верить его словам, то после его торжественного возвращения в Астрахань вдова Авана не прочь была выдать за него свою внучку, но он отказался от этого лестного предложения, отказался потому, что не хотел ради личного счастья отречься от своей высокой цели—борьбы за освобождение родины.

В Астрахани Эмин пробыл всего три недели. Когда растаял снег и дороги стали проезжими, он отправился дальше в Кизляр. Велико было удивление генерала Ступишина, когда он вновь увидел перед собой Эмина, да еще с новым паспортом и специальным указом от Коллегии иностранных дел, предписывающим пропустить через границу не только его самого, а и всех армян, которые пожелают к нему присоединиться. Но теперь возражать было нечего. Оставалось лишь повиноваться.

У ГРУЗИНСКОГО ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

I

В своем «покорном рапорте» Коллегии иностранных дел кизлярский комендант сообщал, что указ о пропуске за границу «армянина Иосифа Эмина» был им получен 18 марта и что «во исполнение одного ея императорского величества указу означенный армянин Эмин с одним служителем из Кизляра за границу, в Грузию сего ж марта 30 числа пропущен»¹. Этот рапорт Ступишина подтверждает свидетельство самого Эмина о том, что он выехал из Кизляра «после пасхальных праздников»²; в 1763 г. пасха была ранняя и приходилась на 23 марта по старому стилю³.

По распоряжению коменданта до подножий Кавказского хребта Эмина сопровождал отряд из 120 казаков. Здесь Эмин задержался на две недели из-за снежных завалов в горах. Договорившись с проводниками-горцами о соответствующем вознаграждении (кстати не деньгами, а холстом)⁴, он затем со своими спутниками в двое суток перевалил через Кавказский хре-

¹ АВПр, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Сношения с Астраханскою губерниєю 1745—1797 гг., № 258.

² Л. А. Л. Е., 204.

³ Эмин пишет, что он выехал из Кизляра «с тремя слугами». В рапорте же Ступишина говорится об «одном слуге». Возможно, однако, что Ступишин имел в виду лишь Мовсеса Варламова, который ехал с Эмином из Москвы и о пропуске которого имелось специальное предписание Коллегии.

⁴ Это свидетельство Эмина вполне совпадает с другими известными нам данными. В донесении кн. Хвабулова, прибывшего в 1769 г. в Грузию из Кизляра, говорится о проезде через кавказские горы следующее: «надлежит проводников иметь, а им платить холстом, без чего оне провожать не будут; денег оне не имеют и не берут» («Грамоты...», I, 93).

бет и очутился на грузинской территории, в осетинской деревне Степан-Цминда.

Там уже было получено распоряжение царя оказать ему надлежащий прием и предоставить помещение и питание. Эмин написал Ираклию извещение о своем прибытии, которое отправил с одним из крестьян. Через шесть дней был получен ответ царя, находившегося в то время в Кахетии. Ираклий предлагал Эмину доехать до Ананур и там ждать дальнейших распоряжений. После четырехдневного пребывания в Анануре ему было предписано следовать прямо в Тбилиси.

По дороге он был встречен своим маленьким отрядом, несколько месяцев дожидавшимся его в Грузии. Не доезжая до города он увидел, кроме того, поджидавших его многочисленных тбилисских армян — «армянских леди всех классов» — приветствовавших его и выражавших ему добрые пожелания. Для его встречи выслан был также большой отряд грузинской и армянской конницы. Оказанная Эмину торжественная встреча свидетельствовала как о значении, которое на первых порах придавал ему сам Ираклий, так и о надеждах, которые связывало с ним, подобно армянам Северного Кавказа, и армянское население Грузии, поскольку слухи о его планах распространились, несомненно, в Тбилиси еще задолго до его приезда через того же Папу Хатунова, Тархана и других его людей. Можно поэтому черпать его словам, что в эти дни и недели его слава росла с быстротой снежного кома.

Так, торжественно, в сопровождении нескольких сот всадников, въехал Эмин в Тбилиси, куда он уже давно стремился попасть. Поскольку все его путешествие из Кизляра заняло примерно месяц, а выехал он оттуда 30 марта (11 апреля), то следовательно, он прибыл в столицу Грузии в конце апреля по старому стилю или в первой половине мая по новому.

Тбилиси того времени являлся пестрым и красочным восточным городом, городом многолюдным и многонациональным, крупным торговым и ремесленным центром Закавказья с прекрасными дворцами и церквями, с скученными кварталами жилых домов азиатского типа, с шумным базаром, с многочисленными лавками и ремесленными мастерскими. В описании Тбилиси, относящемся к 1768 г., т. е. к эпохе пребывания в Закавказье Эмина, мы читаем: «Тифлис не пространный, но красивый. В нем есть очень хорошие здания публичные и обывательские, даже смею сказать палаты. Наилучшие бесспорно есть те, которые принадлежат царю. Они составлены из многих зал, у которых окна на реку и обширные сады. Рынки построены из камня и содержатся в чистоте... Есть бани, в малом числе, но им

предпочитают теплицы. Эти последние все каменные, со сводами⁵.

По прибытии в Тбилиси, Эмина отвели в дом одного армянского купца, его спутников разместили в других домах, а лошадей отправили в конюшню постоялого двора. Он приказал, однако, своим людям нести охрану у его дома и никого к нему не впускать—ни армян, ни грузин: он не считал удобным разговаривать с кем-либо до своего свидания с Ираклием. Тот не заставил себя долго ждать. Уже через неделю он вернулся из Телавы и на следующий же день вызвал его к себе. Захватив с собой письмо Воронцова, а также подарки—пару пистолетов и две подозрительные трубы—Эмин отправился в царский дворец.

II

Среди исторических фигур Кавказа, да пожалуй и всего Востока XVIII столетия, грузинский царь Ираклий был, бесспорно, личностью далеко незаурядной. Его долгая жизнь была насыщена драматическими событиями. Ему была знакома и радость побед и горечь поражения. Он познал славу, познал и унижение. От тех счастливых дней юности, когда он, любимец грозного Надир-шаха, воевал в далекой Индии, описывая в письмах к сестре боевые подвиги в этой сказочной стране, до того рокового дня, когда орды бывшего евнуха того же Надира жгли его дворец и уничтожали его столицу—таков диапазон жизненной судьбы предпоследнего грузинского царя.

Объединив под своим скипером, после смерти Теймураза, Кахетию и Картлию, Ираклий в первые два десятилетия своего царствования, используя благоприятную обстановку, в частности отсутствие в Иране сильной центральной власти, сумел вновь, правда на относительно короткий срок, вознести свою страну на казалось бы небывалую высоту. Грузия, еще незадолго до того вассальная Персии провинция Гюрджистан, не только вновь приобрела полную независимость, но и сумела превратить в данников соседние ханства—Ереванское и Ганджинское. Правда, очень скоро выяснилась эфемерность этих временных удач. Когда окончились смуты в Иране, Грузия вновь стала жертвой соседних восточных деспотий. Но первоначальные успехи Ираклия, его выдающаяся роль в сложном переплете военной и политической

⁵ П. Иоселиани. Описание древностей города Тифлиса. Тифлис. 1866, 274. Более детальное описание Тбилиси того времени мы находим у Гюldenштедта (Güldenstädt, ук. соч., 1, 268—269).

борьбы на Ближнем Востоке сделали вскоре его имя широко известным далеко за пределами родной страны. Не только в России, с которой историческая судьба все более связывала Грузию, но и в далекой Западной Европе имя Ираклия пользовалось во второй половине XVIII столетия не меньшей известностью, чем имя самого Надира. О нем писали в современных журналах, начиная с «Санкт-Петербургских ведомостей» и кончая немецкими ежемесячниками, его имя неоднократно упоминалось и в исторических сочинениях, и в географических справочниках, и в рецензиях Вольтера.

Все современные иностранные наблюдатели рисуют Ираклия как выдающегося государственного деятеля, высокоодаренного и талантливого человека.

С 1783 по 1787 г. в Грузии в качестве русского представителя и командующего войсками, находился полковник Степан Данилович Бурнашев. По окончании своей миссии, будучи назначен курским губернатором, он издал в 1793 г. интересную брошюру о Грузии. Тонкий и проницательный наблюдатель, хорошо изучивший грузинские дела, он дает следующую характеристику Ираклия: «Муж непосредственного ума, редко терпеливый и беспримерно набожный... удивительно деятелен, бдит во всю ночь до утра, отправляя сам дела своего государства, спит мало, днем дает аудиенции послам, приезжающим от персидских владетельных ханов и от горских народов; производит суд своим подданным даже и в самых малых распрях, сведущ из опытов в политических обычаях азиатских, был весьма долгое время в большой доверенности у Шах-Надира, во всех с ним в Индии походах... ни к чему однако ж так не стремится, как преобразовать народ свой по европейски»⁶.

Бывший французский консул в Смирне и Крыму Пейссонель особо интересовался Грузией. Он не только опубликовал специальное произведение, посвященное событиям в Грузии в пятидесятых годах XVIII века, но и отвел этой стране значительное место в своей очень ценной книге о черноморской торговле. Считая в своей очень ценной книге о черноморской торговле. Считая конъюнктуру весьма благоприятной, он выдвигал проект развития французской торговли с Ираном через Грузию. В этой связи практического француза естественно интересовал вопрос—склонен ли будет грузинский царь вступить в сношения с европейцами? И он приходил к тому же выводу, что и Бурнашев. «Характер принца Ираклия,—писал он,—царствующего в настоя-

⁶ Картина Грузии или описание политического состояния царств Картлийского и Кахетинского. Тифлис, 1896, 10.

шее время в Грузии, чья слава распространилась по всей Европе, заставляет надеяться на получение всех возможных льгот для успеха этого предприятия... Посланный его величества с легкостью добился бы его разрешения водворить французов в его столице, где надлежало бы учредить главную контору»⁷.

В 1788 г. в Меммингене было опубликовано произведение Брейтенбауха «История государств Грузии». В конце своей работы автор дает описание современного ему положения Грузии, и в частности, характеристику царствующего грузинского монарха. «Этот князь,—пишет он,—провел частично свою юность при дворе Надира и в его походах и при этих обстоятельствах привык к персидским обычаям и нравам, которые вследствие этого почти повсеместно распространены и в его землях. Он хитрый и отважный человек и его опасаются его соседи персидские ханы... Во время битвы он всегда является образцом отваги и с обнаженной саблей бросается на врага во главе своих войск, считающихся самыми храбрыми в своей стране. Он любит великолепие и роскошь»⁸.

Так, из показаний иностранных наблюдателей, склонных вообще говоря, критически относиться к восточным монархам, перед нами вырисовывается фигура Ираклия, как выдающегося и талантливого государственного деятеля. Бесспорная личная храбрость и неустранимость сочетались в нем с незаурядным умом, большим трудолюбием и высоким представлением о своем долге как государя. Сторонник абсолютной централизованной монархии, он с начала своего царствования боролся с сепаратистскими тенденциями и стремился обуздать своеволие феодального дворянства и создать более или менее централизованное управление.

Конечно, по своему внешнему облику, жизненному укладу, своим вкусам Ираклий оставался восточным человеком. Отсюда и его любовь к восточной роскоши и умелое использование им хорошо знакомых ему приемов восточной дипломатии—та «хитрость», которую отмечали в нем европейские наблюдатели.

Но грузинский царь знал о силе и могуществе европейских государств, видел мощь своего северного соседа и своим практическим умом сознавал, что эта сила происходила от знания и умения. Перенять европейское мастерство и использовать для

⁷ Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris. MDCCLXXXVII (1787). II, 45.

⁸ G. A. von Breitenbach, Geschichte der Staaten von Georgien. Memmingen, 1788, 90—91.

блага страны полезные знания составляло поэтому одну из основных его задач. Именно поэтому посылал он русскому академику Гюльденштету образцы минералов для выяснения возможности использования природных богатств своей страны; именно в этих целях старался он привлекать в Грузию самых различных специалистов, начиная с русских печников (для усовершенствования системы отопления в своем дворце) и кончая техниками, для разработки руд. Особое внимание уделял он, естественно, развитию военного дела—залога безопасности и силы государства. Он выстроил и восстановил ряд крепостей. Он ввел воинский устав и новую систему ополчения. Он учредил в Тбилиси арсенал и сумел обеспечить свою армию как порохом, так и орудиями собственного изготовления, хотя и не совершенными с европейской точки зрения, но грозными для его соседей.

Вполне понятно поэтому, что Ираклий всецело одобрил приезд в Грузию Эмина. Несомненно, он отнесся с большим интересом к личности этого молодого армянина, получившего образование в Европе и изучившего в Англии военное дело. Эмин был в его глазах прежде всего европейски образованным военным специалистом, который мог оказаться ему очень полезным. То обстоятельство, что он был не иностранцем, ехавшим служить к нему по найму, а армянином, воодушевленным искренним стремлением отдать в его распоряжение свои силы и знания, придавало ему в глазах царя еще большее значение.

Чтобы сразу же покончить с этой темой, скажем прямо, что Ираклий не был способен увлечься политической программой Эмина. Все еще могущественной Османской империи Ираклий сам в это время опасался и вступать с ней в войну ради освобождения армянских земель отнюдь не думал. Что же касается ослабленной Иранской державы, то при всем своем честолюбии, он вполне довольствовался вассальной зависимостью соседних ханств. Это было и менее хлопотливо и более для него выгодно, чем непосредственное подчинение этих территорий. Достаточно сказать, что по современным исчислениям дань только Ереванского ханства составляла одну пятую его (довольно, кстати сказать, скудных) государственных доходов⁹. Дань, уплачиваемая

⁹ Капитан Языков определял в 1770 г. эту дань в 30 000 р. при общем доходе в 150 000 рублей («Грамоты...», I, 187), а английские источники говорят о 7 000 фунтов стерлингов (вместе с данью от Ганджиского ханства) из 26 250 («Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian with an Account of the Caucasian Nations and Vocabularies of their Languages». London, MDCCLXXXVIII (1788). 50).

ереванским ханом Гусейном, была для него, по существу, более выгодной, чем превращение «араратских армян» в своих непосредственных подданных. Поэтому, хотя он несколько раз—и в 1765 г., и в 1769 г., и в 1779 г.—ходил походами на Ереван, когда хан пытался уклониться от уплаты этой дани, но никогда, даже в то время, когда его победоносные войска занимали уже, фактически, армянские области, не думал о присоединении их к своим владениям. Он стремился лишь обеспечить поступление причитавшейся ему дани, собрать побольше контрибуции и, пользуясь случаем, угнать в Грузию трудолюбивых, и поэтому высоко ценимых им, армянских крестьян¹⁰.

Выступая со своей программой, Эмин правильно учитывал благоприятно сложившуюся к тому времени в Закавказье обстановку—усиление Грузии, ослабление и децентрализацию Ирана. Эта обстановка открывала, более чем когда-либо, благоприятные перспективы для освобождения армянских провинций (хотя бы только иранских) от иноземного ига. Строя свои планы, Эмин принимал, несомненно, во внимание и самый характер государства Ираклия. Автор труда по истории Грузии Аллен указывает, что «грузинское царство XVIII столетия было фактически кавказским. Три народа имели свой естественный центр в Тифлисе, городе более армянском и почти настолько же татарском, насколько и грузинском. С точки зрения численности, в пределах всего царства, все три народа были почти равны и каждый из них образовывал ядро, которое могло бы впоследствии привлечь их соплеменников и единоверцев, проживавших за пределами установленных границ»¹¹. Именно из этого и исходил, несомненно, Эмин в своих расчетах.

Но Эмин при этом не учитывал политических интересов и целей самого царя. А дело заключалось именно в том, что сам Ираклий, как справедливо указывает тот же Аллен, стремился строить не «экспериментальную федерацию кавказских народов», а именно грузинское государство. Исторические реминисценции о багратидском происхождении грузинской царской династии и

¹⁰ См. воспоминания вагаршапатского священника Ованеса Воскерчяна, весьма красочно описывающего последний поход Ираклия в 1779 г. Воспоминания эти были опубликованы в начале прошлого столетия в переводе на французский язык известным востоковедом Клапротом, а затем и на армянском языке— М. J. Klaproth, „Mémoires relatifs à l'Asie“. Paris. MDC CXXIV (1824), 229—333; *«Գաղաճիկ հայոց աշխարհին»*, 1862, 278—280.

¹¹ W. E. D. Allen. A History of the Georgian People. London, 1932. 204, 205.

«правах» Ираклия на армянский престол—единственные, в сущности, аргументы Эмина, чтобы побудить его возглавить дело освобождения Армении—были явно недостаточны. Реальные, повседневные интересы грузинского царя шли вразрез с политическими мечтаниями Эмина.

III

Ираклий благосклонно принял подарки, преподнесенные Эмином. Любезно ответив на его приветствие, он, по его просьбе, немедленно отпустил своих придворных и завязал с ним частную беседу. Царь сразу же начал жаловаться на своих дворян, «рожденных за двадцать четыре часа до дьявола», на их ненадежность и вероломство и задал вопрос—как превратить их из «диких зверей» в настоящих людей. Эмин предложил разбить их вдребезги подобно стеклу с тем, чтобы отлить их заново, и с жаром стал излагать свои идеи о роли и значении просвещения, рекомендуя грузинскому царю учредить ряд школ для дворянских детей, где бы те получали соответствующее воспитание. И тут же, пользуясь случаем, он постарался перевести разговор на непосредственно интересовавшую его тему, указывая, что в результате хорошего воспитания, молодые воины, во главе с Ираклием или его сыновьями, могли бы легко разбить похожие на «толпу», хотя и многочисленные, армии турок и персов. Но здесь Ираклий, до этого всячески выражавший одобрение его просвещенным идеям, сразу замял разговор, заявив, что для такого «великого дела» нужно иметь деньги. На том беседа и кончилась.

Эта первая беседа между Ираклием и Эмином, воспроизведенная последним в своих воспоминаниях с известной долей наивности, уже сама по себе довольно характерна. Ираклий проявляет к Эмину большую благосклонность, с охотой выслушивает его советы об обуздании дворянства, о реформе образования и распространении европейских знаний в Грузии, но всячески избегает конкретного обсуждения планов освобождения армянских земель; он проявляет полную готовность воспользоваться услугами Эмина, но лишь в пределах им самим начертанных; Эмин же сразу пытается поставить вопрос о реализации своей политической программы.

Вскоре внешние события с еще большей отчетливостью выявили истинные помыслы и стремления обоих собеседников.

Добрые отношения между грузинским царем и новым владетелем Ирана, «бекилем» Керим-ханом, установились не сразу. В 1762 г. Ираклий оказал поддержку тавризскому Фатали-хану.

выступившему уже за год до этого против карабахского Панах-хана, а затем вторично обложившему Шушу. Этот Фатали-хан был врагом Керима; вскоре он был разбит и пленен последним вблизи Тавриза¹². Хотя грузинские войска и поспешили покинуть своего союзника, когда узнали, что против него выступил сам Керим¹³, но все же помощь, оказанная Ираклием тавризскому хану, не могла понравиться иранскому «векилу». Очень интересные сведения о переговорах между Ираклием и Керимом, имевших место в конце 1762 г., мы находим в письме Эмину Тархана Маркарова. Керим, как видно из этого письма, прислал специального посланца с требованием выдачи ему, кроме бежавшего в Грузию Азад-хана, также двух заложников, царевича Георгия, а также Реваза, отца зятя царя Давида Орбелиани; Ираклий, однако, отверг эти «просьбы» векила.

В июне-июле 1763 г. стали распространяться слухи о намерении Керима совершить поход в Закавказье, чтобы привести в покорность ханства и восстановить вассальную зависимость Грузии. 17 июля исполнявший должность коменданта в Кизляре полковник Бюбберг сообщал Коллегии иностранных дел: «Керим-хан персидской, с войском своим, в числе которого несколько находится афганцев и других народов, и которого до 50 тысяч человек собралось, пошел в Грузию и стоит под городом Тефлизом»¹⁴. Эти слухи вызвали панику в Ереване, напугали Гусейн-хана и вынудили только что избранного католикоса Симеона удалиться из Эчмиадзина¹⁵. Угроза нашествия Керима вызвала, естественно, большую тревогу и в самой Грузии.

Вскоре после свидания с Ираклием, Эмина посетил приближенный грузинского царя¹⁶, передавший ему приказ завербовать

¹² Интересное описание этих событий мы находим и в армянских источниках. См. «Историю Персии» Хачатура Джульфинского (*Հիշատակը Արեւիկայի Չոկոյիցոյ Պատմութիւն պարսից*, 318—319), а также «Գիւնի հայոց պատմութիւն», Գիրք Գ, Սիւնի կաթողիկոսի յիշատակարանը, 57—62. О борьбе Керима с Фатали-ханом говорится и в письме Тархана Маркарова Эмину.

¹³ Brosset, II, 237.

¹⁴ АВПР, ф. Внутренние дела Коллегии иностранных дел. Именные указы с 1753 г. по 1766 г. по азиатским делам, № 29.

¹⁵ Обо всех этих событиях мы здесь, разумеется, подробно рассказывать не можем. См. Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 175, а также *Յիշ.* I, 7—9.

¹⁶ Эмин называет его aide de camp царя, Eshigu Agasy Bashy (L. A. J. E., 209) или Eshikagasy Bashy (там же, 248). Речь идет о придворном чине, который Гюльденштедт называет Escagobash (G ü l d e n s t ä d t, ук. соч., I, 355)

как можно больше молодых армян в особый воинский отряд, ввиду того, что получены сведения о намерении Керим-хана вторгнуться в Грузию со сотысячным войском. Этот приказ Ираклия привел Эмина в большое возбуждение. Ведь это открывало широчайшие перспективы для реализации его проектов. С необычайной энергией, за шесть дней, он завербовал в свой отряд 800 армянских юношей.

Несколько дней спустя Эмин имел новую встречу с Ираклием и, по своим словам, видя колебания последнего (так как часть приближенных советовала царю подчиниться требованиям Керима), всячески убеждал его не менять своих намерений. Как бы то ни было, Ираклий ответил решительным отказом на новые требования «векила». Дело приближалось к решительной развязке. Однако через несколько дней были получены новые сведения: против Керима восстал его брат Зеки-хан, и тот вынужден был со своей армией спешно вернуться из района Урмии, где он находился, в Испагань¹⁷.

Эта новость, по его собственному признанию, крайне огорчила Эмина. Он понял, что потерял прекрасный случай для вовлечения Грузии в борьбу с Ираном. Действительно, вскоре пришло распоряжение Ираклия о роспуске всех завербованных армянских добровольцев, за исключением сорока человек. Тогда, добившись нового свидания с царем, Эмин сделал следующее предложение: он попросил предоставить в его распоряжение отряд в тысячу грузинских всадников, с которым он брался настигнуть армию Керима до того, как она сумеет покинуть пределы Азербайджана, и разгромить ее. Эмин приводил всяческие аргументы в пользу этой экспедиции, обещая, в частности, помощь армян, которые не замедлят присоединиться к его войскам. Но, разумеется, все было напрасно. Ираклий обратился к Эмину с приказом сформировать воинский отряд, когда Грузии грозила реальная опасность. Теперь же он, конечно, и не думал пред-

и который фигурирует в составленной при присоединении Грузии к России «Табели чинам бывшим в Грузии при царях» под названием эшик-ага-башы («Акты, собранные кавказскою археографическою комиссией», I, 194).

¹⁷ Этот Зеки-хан был на самом деле братом Керима лишь по матери. Его восстание окончилось неудачей, и он вынужден был покориться Кериму Malcolm, ук. соч., II, 76). Восстанию Зеки-хана посвящен специальный раздел в упомянутой выше истории Персии армянского современника. (*Հիշատակը Արեւիկայի Չոկոյիցոյ Պատմութիւն պարսից*, 320, 321), См. также *Չոկոյիցոյ Պատմութիւն հայոց*, I, 859.

принимать такое совершенно ненужное с его точки зрения и рискованное выступление. Он наотрез отказал Эмину в его просьбе, заявив, что нет надобности братья за столь опасное предприятие. Чтобы подсластить пилюлю, он отпустил по адресу Эмина комплимент, прося переводчика, священника Филиппа, сказать ему, что его сердце сделано из стали.

Пользуясь случаем, напомним, что Эмин не знал грузинского языка. Будучи в Грузии, он иногда изъяснялся по-турецки; во время же его бесед с Ираклием роль переводчика выполнял, обычно, «священник Филипп». Речь идет, несомненно, об известном Тер-Филиппе Кайтамазове или Кайтамазашвили. В материалах по истории Грузии конца XVIII века, опубликованных Броссе, мы читаем, что католикос Антоний, учредив семинарии в Тбилиси и в Телаве, сам стал преподавать в тбилисской семинарии, а телавскую поручил «армянскому священнику Тер-Филиппу Кайтамазашвили, весьма ученому философу, столь же сведущему в новой, как и в древней философии»¹⁸. Этот Тер-Филипп, близко стоявший к грузинскому двору, и служил посредником между царем и Эмином.

Вскоре («этим летом») Ираклий выехал из Тбилиси, взяв с собой Эмина вместе с его маленьким отрядом. Эмин не сообщает подробностей об этой поездке, указывая лишь, что они проводили время или в развлечениях, или в стычках с лезгинями. Действительно, летом 1763 г., как и в предыдущие годы, лезгины совершали набеги на Грузию. Об этом рассказывают грузинские хроники¹⁹; об этом сообщал 24 августа того же года в своем донесении астраханскому губернатору посланный в Грузию князь Отар Туманом²⁰.

В другом месте Эмин упоминает, что во время этой поездки лагерь царя некоторое время был расположен вблизи деревни

¹⁸ Brosset, II, 237.

¹⁹ Там же, 218, 237.

²⁰ В его донесении мы читаем, «что в нынешнее летнее время собравшиеся немалой партией горские татары лезгинцы имели нападение в Грузию в город Горы и во первых захвативших около города грузинцов пятнадцать человек побили токмо самого города по усиленному отпору находящихся в нем жителей грузинцов не взяв отошли, захватя в плен в околичных местах человек с пятьдесят и напоследок разорили одну грузинскую деревню, называемую Дюшети, где взяли в плен людей обоого пола девяноста человек и с тем обратились в свои места, следуя чрез кахетинское владение, но тамо, подозрев их кахетинцы путь перехватили и павав на них разбили и пленных людей отняли». (АВПР, ф. Сношения России с Персией. 1763 г. Д. № 1. Донесение кн. Отара Туманова, от 24 августа 1763 г.).

Марткопи, к западу от Тбилиси—«место виноградное, фруктовое... климатом приятное», по словам автора географического описания Грузии XVIII столетия царевича Вахушти²¹.

Во время этой экспедиции Ираклий продолжал оказывать Эмину знаки внимания: всегда держал его вблизи себя во время переездов и приглашал в свою палатку.

О том, что в первый период своего пребывания в Грузии Эмин был обласкан Ираклием и принят им с большим почетом, мы знаем не только с его собственных слов. Уже 4 июля житель города Гори, армянин Егор, сообщал в своем письме кизлярскому армянскому старосте Арутюну Романову: «В бытность мою в Кабарде у находящихся во Осетии слова божия проповедников следующее слышал: что приехали из Грузии кабардинцы и сказали, Эмин де находится в Тифлисе и грузинской владетель Ираклий весьма его жалует и респект отдает ему хорошей»²².

В архиве Коллегии иностранных дел сохранился и секретный рапорт от 17 ноября 1763 г., представленный неким Мурзой Салтамамет Шамурзиным, посланным в октябре из Кизляра в Персию до Дербента и в прочие места для секретного о персичких и других тамошних обращениях разведания». В рапорте этот целый параграф (4-ый) посвящен пребыванию Эмина в Грузии, что, кстати сказать, свидетельствует об интересе, который продолжали проявлять к его деятельности русские власти на Кавказе. Там также указывается, со слов прибывшего в Дербент купца Автандила, «что выехавшей пред недавним временем из России армянский купец Иосиф Эмин прибыл к грузинскому владетелю Ираклию и принят им под заступление». В конце этого донесения мы находим и следующее чрезвычайно интересное сообщение: «и ныне де он, Эмин, в Грузии войско обучает российскому артикулу»²³. Сам Эмин об этом ничего не рассказывает, но, как видно из донесения Шамурзина, все эти месяцы Ираклий использовал его для обучения своего войска «российскому артикулу», т. е. европейскому строю и европейскому военному искусству. Человек, учившийся в английской военной академии, действительно оказался крайне ценным для Ираклия. Этим, не-

²¹ Царевич Вахушти, География Грузии, Тифлис, 1904, 115.

²² АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 13. «Перевод с письма грузинского, писанного из Малой Кабарды грузинской области города Гори от жителя армянина Егора сына Макарова к кизлярскому армянскому старосте Арутюну Романову сего 1763 года июля от 4 дня».

²³ Там же, «Копия с поданного терского войска от Мурзы Салтамамета Шамурзина ноября от 17 дня репорта».

сомненно, объясняется то почетное и привилегированное положение, которое Эмин сразу же занял при грузинском дворе.

Эмин, со своей стороны, видимо, тоже находился на первых порах под обаянием личности грузинского царя. Впоследствии, разочарованный в своих лучших надеждах, он вспоминал о нем с нескрываемым раздражением и даже горечью. Этим объясняется множество нелестных отзывов об Ираклии, которые мы находим в его автобиографии, причем часто отзывы явно несправедливых, как, например, повторные обвинения царя в зависти и алчности. Но мы находим в книге Эмина и характеристики, свидетельствующие о том, какое сильное впечатление произвела на него в первое время личность Ираклия, человека аналогичного ему склада, волевого и храброго, незаурядного ума и способностей. Небольшого роста, лишь на полдюйма выше его самого с черно-зеленым, а иногда желтоватым оттенком лица, но хорошо сложенный, сильный телом и духом, он был, по его словам, во всех отношениях первым лицом среди своего народа и достойным командовать над всеми²⁴. Разговор с ним был столь же приятным и поучительным, как разговор с ученым английским джентльменом; он вел беседу без малейшей гордости, принужденности или высокомерия, обычных для других азиатских государей, проявлял большую сообразительность и никогда не хвастал; его голос был столь мелодичным, что был похож на голос ангела²⁵.

IV

Добрые отношения между грузинским царем и его гостем длились, однако недолго. Слишком противоположны были их интересы и стремления, чтобы между ними могло длительное время царить согласие. Не такой человек был Эмин, чтобы ради внешнего почта и привольного житья при грузинском дворе отказаться от своих замыслов и намерений. Ираклий же, всячески обласкивая его, «хотел только, — как писал впоследствии сам Эмин, — сделать его своим орудием»²⁶. Подобное положение не могло долго продолжаться и конфликт между ними был неизбежен.

Здесь необходимо отметить, что как раз в этом месте воспоминания Эмина становятся очень путанными. Он явно нарушает хронологическую последовательность, переходит от од-

²⁴ I. A. J. E., 209.

²⁵ Там же, 225.

²⁶ Там же, 219.

ной темы к другой, его изложение становится более отрывочным. Постараемся, однако, на основании отдельных сведений, им сообщаемых, а также других, имеющихся в нашем распоряжении данных, восстановить картину дальнейших событий, закончившихся окончательным крушением всех надежд Эмина.

Однажды, рассказывает он, царь обратился к нему неожиданно с вопросом: нельзя ли попытаться взять путем внезапного нападения Ереван? Ираклий часто имел трения с Гусейн-ханом, не всегда исправно платившим причитающуюся с него дань, и уже через год, на самом деле, предпринял поход на Ереван. Нет поэтому ничего удивительного в том, что он задал Эмину подобный вопрос.

Последний, однако, по-своему истолковав его намерения, тут же поспешил предложить ему следующий план: царь во всеуслышание объявляет, что по полученным из России сведениям Эмин является шарлатаном, предъявившим поддельные рекомендательные письма; он велит арестовать его и поручает отряду из пятисот человек препроводить его обратно в Россию; по дороге Эмин предъявляет начальнику отряда собственноручное письмо царя, предлагающее беспрекословно ему повиноваться; с этим отрядом, совершенно внезапно для врага, он нападает на Ереван и овладевает этим городом.

Услышав это неожиданное предложение, Ираклий, после долгого молчания, спросил своего собеседника: что же он будет делать вслед за этим? Последний ответил, что о дальнейшем царю не следует беспокоиться: он готов лишь, если тот ему не доверяет, дать клятву в своей верности. Тогда, видя, что Эмин опять пытается навязать ему свои планы, Ираклий снова прервал его, заявив, что подобное рискованное предприятие может иметь плохие последствия. Вместо этого царь сделал ему следующее конкретное предложение: отправить свои сорок человек в Ереван с тем, чтобы они поступили на службу к Гусейн-хану под предлогом, что их хозяин слишком беден и не может их содержать; это дало бы возможность Симеону, начальнику его маленького отряда (таковым, следовательно, больше не являлся Тархан Маркаров), хорошо ознакомиться с находящимися в ереванской крепости армянскими войсками хана и тем или иным способом переманить их на свою сторону. Эмин возражал против этого, не желая «учить своих соотечественников предательству». Но из дальнейшего разговора он понял, что истинной целью царя было распустить его отряд.

Роспуск отряда Эмина, в том числе его верных соратников, которые прибыли с ним вместе из Астрахани, свидетельствовал уже о серьезных трениях между ним и царем, о недовольстве

Ираклия его поведением и подозрениях царя в отношении его намерений.

Вскоре после этого Эмин обратился к Ираклию с новой, на этот раз более скромной просьбой: разрешить ему отправиться «со своими двадцатичетырьмя людьми только что взятыми им на службу» в Ахпатскую епархию и поселившись там, вести борьбу с лезгинами, для которых эта местность служила обычной ареной набегов; он просил лишь обеспечить его отряд продовольствием.

Что побудило Эмина обратиться с этой просьбой? По-видимому, желание действовать—столь характерное для его активной натуры. Видя, как затягивается осуществление его планов борьбы против персов и турок, он возымел желание использовать свободное время для более скромной цели—защиты армянских районов Грузии²⁷ от лезгинских набегов, столь разорительных для местного населения. Возможно, что он думал таким путем вновь собрать вокруг себя армянских добровольцев—кадры будущей армии для освобождения Армении. Как видим, на первых порах в его распоряжении был новый маленький отряд (на этот раз из двадцати четырех человек), который царь, очевидно, снова разрешил ему набрать. Эмин, вероятно, полагал, что Ираклия должно было прельстить его предложение, имевшее целью защиту грузинских границ от лезгин.

Действительно, Ираклий не отказал ему в этой просьбе, дал свое разрешение и даже снабдил его особой грамотой. Если последний точно приводит ее содержание, то выходит, что Ираклий не только уполномочивал его отправиться в ахпатский район для борьбы против лезгин, но и разрешал ему брать под свое начальство всех армян, которые пожелают к нему присоединиться, даже людей зависимых.

Вскоре царь выехал в Кахетию, а на следующий день Эмин со своими двадцатью четырьмя спутниками тоже отправился в путь. Сам он и двое из его людей ехали верхом, остальные были пешие. Не пройдя и шести миль, они натолкнулись на лезгинский отряд из пятидесяти двух всадников. Между обоими отрядами завязалось настоящее сражение, длившееся с перерывами десять часов. Эмин в своих воспоминаниях подробно его описывает, так как он, действительно, имел чем гордиться. Хотя численность его отряда была вдвое меньше числа лезгин, но все же,

²⁷ Знаменитый армянский Ахпатский монастырь, вблизи Сананна, находился на территории армянской области Лори, входившей в то время в состав грузинского царства.

в конце концов, те вынуждены были удалиться потеряв при этом четырнадцать человек; среди же его соратников оказались лишь трое раненых.

В своем рапорте от 17 ноября вышеупомянутый Мурза Салтамамет Шамурзин, со слов купца Автандила сообщал кизлярскому коменданту, что Эмину в Грузии «вручено несколько войска и в прошедшей октябрь месяц со ста человек грузинцов напавших на него тавлинцов до тысячи человек разбил, да тавлинскую деревню, называему Джарду, в которой жительство по большей части находятся грузинцы и армяне, принявшие по утеснению от тавлинцов магометанский закон, взял в протекцию грузинского владетеля Ираклия, а ис живущих тавлинцов, коих побил, а другие разбежались»²⁸. Сам Эмин не рассказывает в своей автобиографии ничего подобного, а он, несомненно, рассказывал бы об этом. Очевидно, упомянутое сообщение приехавшего в Дербент купца Автандила о битве Эмина с нападшими на него «тавлидцами»²⁹ относится именно к его сражению с нападшими на него по пути в Ахпат лезгинами, причем молва увеличила численность его маленького отряда до ста человек, а полсотню лезгин превратила в тысячу. Сражение это произошло, как видим, в октябре 1763 г.

Вечером того же дня Эмин прибыл со своим отрядом в Байдары³⁰, где и остановился в ожидании обещанного Ираклием продовольствия, которое должно было быть выдано ему в этой деревне. Но ему суждено было испытать новое разочарование. Целых пять месяцев он, по своим словам, тщетно ожидал там обещанной муки, отправляя царю все новые и новые письма. В конце концов он вынужден был распустить своих людей, оставив при себе лишь четырех человек.

Это пятимесячное пребывание в Байдарах начинало все более походить на своеобразную ссылку. Наконец, Ираклий прислал ему письменное распоряжение на получение лишь месячного запаса муки. Поняв, что ему больше нечего рассчитывать на царя, Эмин поспешил известить его о том, что он уже распустил свой отряд.

Однако в ответ на это сообщение он внезапно получил от Ираклия очень милостивое письмо с распоряжением явиться к

²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 13. Рапорт Мурзы Салтамамета Шамурзина.

²⁹ Тавлидцами назывались некоторые лезгинские племена (Бутков, Материалы... I, 128).

³⁰ Об этой деревне см. у Гюльденштета. (Güldenstädt, ук. соч., I, 237).

нему в Телав. Эмин немедленно отправился назад в Тбилиси, а оттуда выехал в Телав, куда, следовательно прибыл примерно к марту 1764 г.³¹

Ираклий принял его на этот раз «с необычайной добротой, свойственной скорее любящему отцу, чем государю», и тепло поблагодарил за успешный бой с лезгинами. Эмин провел с царем в Телаве около трех недель, причем часто виделся с ним.

Однажды, рассказывает он, в девять часов вечера, царь вызвал его к себе вместе со священником Тер-Филиппом. Во время завязавшейся беседы Ираклий высказал мысль, что с тех пор как два братских народа, грузины и армяне, разошлись в области религиозных догматов, то по одной этой причине они оказались разобщенными и в результате подпали под иго неверных; необходимо, заявил он, чтобы они объединились воедино (при этом царь для пояснения своей мысли соединил свои две руки); в этих целях необходимо лишь отказаться с обеих сторон от некоторых излишних и бесполезных религиозных церемоний. Эта речь Ираклия, приводимая Эмином, представляет большой интерес, как свидетельство о мыслях, возникавших иногда у грузинского царя, относительно возможности, политически крайне выгодного для него, объединения армяно-григорианской и грузинской православной церквей. Но нас в данное время интересует не это.

Изложив свой проект, Ираклий обратился к Эмину с вопросом, что он думает по этому поводу? Последний, выразив полное согласие с царем, тут же предложил ему, в целях армяно-грузинского объединения, предпринять следующее: в пятидневный срок собрать пяти тысячную конницу и десять тысяч пехотинцев и вторгнуться в Баязет, оттуда в три дня идти до Эрзерума и далее направиться на юг в Битлис, Ван, Муш, опубли-

³¹ Здесь необходимо отметить, что даты, упоминаемые им самим в своей автобиографии в связи с путешествием в Байдары, явно перепутаны и неточны. Он дважды упоминает, что выехал в Ахпат в июне (L. A. J. E., 222, 223), а распоряжение царя о выдаче ему муки, после пятимесячного пребывания в Байдарах, помечает концом ноября (там же, 224). Но это явное недоразумение. Он выехал туда после июльской тревоги, вызванной нашествием Керим-хана, и после летней поездки с Ираклием, продолжавшейся несколько недель. А из рапорта Шамурзина мы знаем, что его сражение с лезгинами по выезде из Тбилиси произошло в октябре. В Байдарах же, по собственным словам, он пробыл примерно пять месяцев и, следовательно, прибыл в Телав лишь к марту 1764 г. Эта последняя дата полностью подтверждается всеми дальнейшими событиями.

ковав прокламацию, что он, Ираклий, идет отвоевывать Армению—свое наследственное царство. Повсюду он будет получать поддержку со стороны местных армян—в Баязете его ждут в готовности 4000 человек, дальше к нему присоединятся еще 12000, мушские армяне выставят 10000 всадников, всего наберется до 40000 бойцов.

На этот раз Ираклий не стал опровергать расчетов своего собеседника и ссылаться на опасности, а наоборот, придя в большое возбуждение, согласился с ним и выразил надежду, что они с божьей помощью будут действовать с большим успехом; он вспомнил далее о своем покойном старшем сыне, который был бы хорошим соратником Эмина. Дело не обошлось без более бурных проявлений взаимной симпатии; Эмин поцеловал руку царя, а тот поцеловал его в лоб, причем оба собеседника расплакались от умиления.

Мы не можем, разумеется, ручаться за достоверность всех сообщаемых Эмином подробностей этого знаменательного совещания, длившегося с девяти часов вечера до трех часов ночи. Но, во всяком случае, из его рассказа с несомненностью вытекает следующее: после его многомесячного отсутствия Ираклий, сам вызвавший его к себе в Телав, принял его гораздо более радушно, чем раньше; теперь он не стал избегать разговоров на тему о совместной армяно-грузинской борьбе против турок, а сам заговорил об этом; слушая предложения Эмина, он не отнекивался, а всячески выражал ему свое одобрение и сочувствие. Одна интересная деталь объясняет нам многое: развивая свой проект вторжения в Западную Армению и упоминая о поддержке, которую окажут местные армяне, Эмин сослался на полученное им письмо настоятеля монастыря св. Карапета.

V

Находясь в Грузии, Эмин вел весьма обширную переписку; он пытался установить связи со всеми теми, кто, по его мнению, мог бы содействовать осуществлению его планов. Из его же слов мы знаем, что он вступил в «переписку» и в «переговоры» с карабахскими меликами и получал от них письма³². В другом месте он упоминает, что среди его бумаг находились «письма из раз-

³² L. A. J. E., 217. В дальнейшем, описывая свое пребывание в Карабахе, он приводит слова жены одного из меликов о том, что во время его пребывания в Тбилиси мелики, полагая, что Ираклий, следуя рекомендациям России, поддержит его, вступили с ним в переписку (Там же, 316).

личных мест Армении»³³. К сожалению, он ничего не сообщает о содержании всей этой переписки. Более подробные сведения мы имеем лишь о его сношениях с настоятелем монастыря св. Карапета Овнаном.

Знаменитый монастырь св. Карапета находился в Западной Армении, вблизи Муша, в шести часах езды от этого города. Он назывался также Глакским монастырем, поскольку первым его настоятелем считался ассирийский монах Зеноб Глак, назначенный, по преданию, самим Григорием Просветителем. Монастырь этот пользовался в Западной Армении большим престижем и влиянием и играл выдающуюся политическую роль³⁴. Настоятели этого монастыря в XVIII столетии занимали в иерархии армянского духовенства в Турции второе место после константинопольского патриарха³⁵.

Мысль о вступлении в сношения с этим влиятельным монастырем возникла у Эмина, по-видимому, еще в Москве. Мы знаем, что он встретился там с монахом этого монастыря Сукиасом, ссудившим его деньгами. Эмин очевидно уже тогда имел возможность убедиться в благоприятном отношении к его проектам руководителей этого монастыря и, в частности, настоятеля Овнана, до которого, как он узнал впоследствии, дошли сведения о его первой поездке в Западную Армению и его призывах к восстанию.

Неудивительно поэтому, что по прибытии в Грузию, Эмин постарался завязать сношения с Овнаном³⁶, которого он впоследствии называл своим единственным другом среди многочисленного армянского духовенства³⁷. Когда Ираклий впервые заставил его распустить свой маленький отряд (т. е., следовательно, еще

³³ Там же, 239. В своем разговоре с царем в Телаве, говоря о поддержке, которую окажут битлисские армяне, он ссылаясь на какое-то полученное им письмо (Там же, 228).

³⁴ ԵճՅԲԵՆԵ, Ստորագրութիւն հին Հայաստանեայց, Մեծ Հայք, Վեներիկ, 1822, 18—102, Սիդաբ, Տեղեկագիր Հայոց Մեծայ, 45—46:

³⁵ Свидетельством этого является в частности тот факт, что они, подобно католикосам и константинопольским патриархам, имели особую форму посланий, причем в сборниках образцов писем XVIII столетия образец письма настоятеля монастыря св. Карапета помещался непосредственно вслед за образцом письма константинопольского патриарха. (Матенадаран. Рукопись № 4466, стр. 5).

³⁶ Эмин называет его в автобиографии Нопан или на английский лад Jopas

³⁷ I. A. J. E. 217.

до поездки в Байдары), он воспользовался этим случаем, чтобы послать бывшего начальника этого отряда Симеона с «длинным письмом» к настоятелю монастыря св. Карапета³⁸.

Через некоторое время он получил от последнего ответ, содержание которого он излагает следующим образом. Овнан, пишет он, «ответил ему с большой добротой, заверяя его, что если он выедет из Тифлиса хотя бы примерно с пятидесятью грузинами, но с согласия Ираклия, так чтобы турки знали, что тот друг Эмина, то четыре тысячи человек будут готовы стать под его начальство; однако без имени Ираклия или поддержки с его стороны это нельзя осуществить»³⁹.

Как видим, дело сразу приняло серьезный оборот. На предложения, содержащиеся в письме Эмина, Овнан ответил согласием, обещая оказать содействие его планам. Вопрос шел не более и не менее как об организации вооруженного восстания в Западной Армении. Овнан требовал лишь, чтобы Эмин вторгся туда хотя бы с небольшим отрядом, но действующим от имени грузинского царя, так как только в этом видел залог успеха.

В следующем своем письме Овнану Эмин сообщал, что он беден и не располагает средствами. В своем ответе настоятель успокаивал его на этот счет, заверяя, что «храбрые христиане» поклялись служить ему не ради денег⁴⁰.

Эмин приводит далее полный текст одного из писем Овнана (возможно, как раз этого второго письма), если и не дословно, то во всяком случае в подробном пересказе. Из этого послания мы, прежде всего, узнаем, что Овнан получил от Эмина целый ряд писем и что в течение одиннадцати месяцев он переписывался с «видными армянами» Константинополя, Смирны, Кайсарие, Токата, Эрзерума, Диарбекира, Вана и других городов. По его словам, ему удалось склонить их на сторону замышлявшегося Эмином предприятия. Он просил последнего поскорее выехать в Муш, хотя бы с двадцатью грузинскими всадниками, лишь бы

³⁸ В связи с этим от внимательного читателя его автобиографии не может ускользнуть следующее обстоятельство. Когда, по требованию Ираклия, Эмин вынужден был распустить свой отряд, то, по своим словам, он роздал своим бывшим соратникам все имевшиеся у него деньги и разрешил им разными путями отправиться в Армению (там же, 217). Очевидно не один только Симеон, а и другие его люди выполняли какие-то его специальные поручения.

³⁹ Там же, 217.

⁴⁰ Там же, 218.

показать местному армянскому населению, что Ираклий является его другом. В этих целях он посылал ему на расходы шестьсот цехинов. Что касается бойцов, то он обещал, что через шесть дней пути к нему присоединятся 40000 человек. Айсоры и курды-езиды также готовы примкнуть к ним. Никаких денег Ираклий на эту цель давать не должен. Все они поклялись принять участие в борьбе, не требуя никакого вознаграждения⁴¹, а продовольствием и аммуницией они хорошо обеспечены.

Касаясь перспектив восстания, Овнан оценивал их очень оптимистически. Турки, по его словам, уже не те, что были сто лет назад; их города не укреплены, и взять их будет легко; среди них распространено суеверное пророчество, что их владычество близится к концу; они слышали, что Эмин прибыл из России, будучи рекомендован грузинскому царю «благославленной императрицей» и не посмеют пролить кровь христиан; а кроме того, с момента его первой поездки в Армению прошло три года и с тех пор все армяне тех деревень, к которым он обращался с призывом, взяли за оружие—даже женщины готовы сражаться. Непременным условием, однако, является поддержка со стороны Ираклия. Если же у него с Ираклием дело не выйдет, то он советует ему не отчаиваться, идти по своему пути и уповать на бога. В заключение Овнан выражал надежду, что Эмин станет орудием освобождения «своих несчастных, страдающих соотечественников от цепей зависимости и от бедствий»⁴².

К сожалению, мы мало знаем о настоятеле Овнане—этом несправедливо забытом, выдающемся деятеле армянского освободительного движения. Эмин упоминает, что он родился в Диарбекире⁴³. В одной хронике XIX столетия, посвященной истории монастыря св. Карапета, Овнан на ван «крестьянином», урожен-

⁴¹ Эти слова дают основание предполагать, что это и есть то второе письмо Овнана, о котором Эмин упоминает в иной связи. Он заявляет, что в своем втором письме Овнан сообщал ему, «что эти храбрые христиане поклялись и готовы вновь поклясться служить под его начальством десять лет, не ожидая платы» (там же, 218), а в приводимом им тексте письма мы читаем: «они все дали клятву на святом писании и на окровавленном кресте нашего святого спасителя, что они будут сражаться под вашим начальством десять лет, не ожидая каких-либо денег» (там же, 235). Далее, как видим, Овнан пишет ему, что в течение одиннадцати месяцев он вел переписку с видными армянами и, следовательно, в течение этого времени не писал Эмину других писем.

⁴² Там же, 231—235.

⁴³ При перечислении городов, с которыми он вел переписку: «...Диарбекир (в этом последнем месте он родился)...» (Там же, 235).

цем деревни Кипиз⁴⁴. В другой рукописной работе, посвященной настоятелям этого монастыря, ему тоже приписывается деревенское происхождение⁴⁵. Если эти сведения соответствуют действительности, то они, несомненно, объясняют многое. Становится понятным, почему Овнан, будучи хорошо знаком с положением народных масс, так глубоко переживал горе и муки своих «несчастных, страдающих соотечественников» и почему он так страстно мечтал освободить их от «цепей зависимости».

Овнан, по-видимому, был человеком выдающихся способностей. Уже в 1749 г. он стал настоятелем монастыря св. Карапета⁴⁶. По свидетельству его современника историка Чамчяна. в 1763 г., после смерти Акопа, его кандидатура выдвигалась даже при выборах нового католикоса⁴⁷. Как и многие духовные лица, он писал стихи (при этом и светского содержания), которые сохранились в ряде рукописных сборников⁴⁸. В шестидесяти годах Овнан был уже пожилым человеком.

Автобиография Эмина проливает яркий свет на помыслы и деятельность настоятеля мужского монастыря. Он выступает перед нами в роли самоотверженного борца за дело освобождения армянского народа, активно подготовлявшего в Западной Армении освободительное движение, используя в этих целях свой

⁴⁴ «Երբ Կիպիզի գիւղացի Յոնան վարդապետը» («Գիւղացի Յոնան վարդապետը», Գիրք Ժ, Մանր ժառանգիրք, ԺԵ—ԺԶ դար, 510):

⁴⁵ «Տ. Նովան Բ. Տարոնացի ի գեղջէ Կիւկալ...», Կարապետ վարդ. Խոսարարան, Յաջորդութիւնը վանահարց ուխտիս Ս. Կարապետի Տարոնի:

⁴⁶ В 1765 г. католикос Симеон писал, что Овнан был настоятелем уже в течение 15—16 лет, т. е. с 1749 г. (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 192). Из его послания мы узнаем также, что Овнан был помазан в епископы католикосом Минасом (там же, стр. 191), который был настоятелем монастыря св. Карапета до 1749 г., когда стал константинопольским патриархом (Օրմանեան, Ազգագրատու, II, 2977); его же преемником был Овнан («Գիւղացի Յոնան վարդապետը», Գիրք Ժ, 510). В 1753 г. имя Овнана, как настоятеля этого монастыря, упоминается уже в надписи на одной церкви, им построенной (Матенадаран. Рукопись № 5901, стр. 296—297).

⁴⁷ Ջամիլեան, Պատմութիւն Հայոց, III, 871.

⁴⁸ В библиотеке венских мхитаристов имеются два рукописных сборника, от 1758 г. и 1765 г., в которых содержатся несколько стихотворений Овнана (Տաշեան, Յուշակ հայերէն ձեռագրաց ժառանգարանին Մխիթարեանց ի վիճակ, 312, 440). В рукописном сборнике стихов 1787 г., в Матенадаране мы также находим два стихотворения Овнана (Рукопись № 8274 стр. 45, 53).

О дальнейшей судьбе Овна нам придется еще говорить ниже. Здесь же, несколько забежав вперед, скажем лишь, что через год после описываемых нами событий Овн был отлучен от церкви. Акт отлучения, являющийся ценным историческим документом, косвенно подтверждающим сведения, сообщаемые Эмпиом, и даже во многом дополняющим его рассказ.

Более любопытны другие пункты обвинения. Ован обвиняется в том, что не только не пускал в свою епархию эчмиадзинских «нвираков» (нунций католикоса, его уполномоченных, собиравших пожертвования в пользу церкви), но и сам рассылал всюду за пределы своей епархии «нвираков» и собирал деньги там, где ему не полагалось. Нарушая привилегию католикоса, он обращался не только к своей пастве, а и ко всей армянской нации с письмами и посланиями⁵¹. Что это была за переписка и с какой целью она велась Ованом, мы знаем из его писем Эмину. Акт отлучения подтверждает, следовательно, его собственные заявления об установлении им связи с различными городами и областями Армении.

¹⁰ Там же, 190.

⁵¹ Там же, 193.

Далее, Овнан обвиняется в том, что оставив надежду на бога, возложил свои надежды на человека, чтит его и опирается на него и именно ему давал церковные доходы; при этом, пресле-

53 «Քանզի դրանիս ակնազգիս կալեալ ու վարձու պահէն տամբքն խրեանց, զորս նա տարաւ ի Տիւնի Ք. Ե. Ն. զորս արտաք ընդարարացաւ»։ (Տաճ. 192).

[illegible]

дую инакомыслящих, он будто бы грозил предать их смерти с помощью этого лица⁵⁵. В самом тексте акта отлучения содержатся лишь эти неопределенные намеки. Дополнительные сведения на этот счет мы находим в так называемой «Памятной книге» — книге входящих и исходящих бумаг, в которой записывалось, с соответствующими пояснениями, краткое содержание полученных и отправленных из Эчмиадзина бумаг и посланий. Там мы находим следующее разъяснение. Оказывается, Овнан давал большие суммы денег «местному тирану» сыну Аладин-бека, причем давал не по принуждению, а добровольно, дабы тот оставался «со другом»⁵⁶. Расходуя большие деньги, он будто бы добывал необходимые для последнего султанские фирманы, в том числе разрешение на постройку крепости, деньги на строительство которых опять-таки предоставлял он сам; ради него он несколько раз добивался смещения битлисских пашей. Сообщая далее, что на такого рода цели Овнан тратил доходы монастыря, эчмиадзинский письмоводитель добавляет еще одну очень интересную подробность: по многочисленным свидетельствам, пишет он, Овнан, когда не хватало денег, плавил драгоценную церковную утварь⁵⁷.

Этот «местный тиран», «сын Аладин бека», назывался, как видно из других записей той же «Памятной книги», Масхут-беком. Он принадлежал, очевидно, к числу полунезависимых курдских вождей. Масхут-бек был довольно беспокойным подданным султана и неоднократно восставал против Порты. Овнан, читаем мы в другой записи, «монастырскую собственность грабил и не жалея давал нечестному местному тирану, называемому Масхут-беком, благодаря чему этот нечестивец усиливался и много раз восставал против османского царя. Поэтому каждый год исходил от двора приказ пашам — каринскому паше и другим — идти с войском на него, голову ему снести и крепость его разрушить»⁵⁸.

В свете этих данных становится понятным, почему Овнан поддерживал с Масхут-беком такие близкие отношения и доб-

⁵⁵ Там же, 190, 191.

⁵⁶ «Վասն զի՝ որպէս թէ երկրորդ աստուած ինքեան ստացեալ զբնաւոր տեղւոյն զորդի Ալադին բէկին, կոչուտ տալը նմա, որ ո՛չ եթէ կանոնաւորապէս, և յազապ նորին բռնութեամբ ինչ պահանջման, այլ անշափապէս և բազմիցս առանց նորին պահանջման այնու մտք, զի միշտ բարեկամ մնասցէ ինքեան...»: (Յիշ. I, 227):

⁵⁷ Там же, 228.

⁵⁸ «Ըղկեանս վանիցն կեղերք և անխնայ տալը պիղծ բռնաւորին տեղւոյն Մախսուտ բէկ կոչեցելոյն, որով զորանալը պիղծն և բազմիցս ապստամբիր ի թագաւորէն ժամանցոց: Ուստի՝ և յամենայնու՜մ ամի ելանէր յարբոնուտա Տրաման ի վերայ փաշային ի վերայ Կարնոյ փաշային և ալոց, զնալ զորու ի վերայ նորա և զգլուխն հատանել և զերդն աւերել»: (Там же, I, 543).

ровольно ссужал его деньгами. Не полагаясь на силу одних армян, он стремился использовать против Порты и местные курдские племена. Именно поэтому он и писал Эмину с такой уверенностью, что курды примкнут к проектируемому им восстанию.

Как видим, эчмиадзинские архивные материалы дополняют рассказ Эмина и дают нам возможность из отдельных сведений и указаний восстановить общую картину политической деятельности настоятеля монастыря св. Карапета. Мы видим Овна, подготавливающего восстание в Западной Армении, ведущего обширную переписку с различными армянскими центрами, рассылающего своих агентов, завязывающего связи с курдами, тратящего на свои политические цели монастырские доходы и даже жертвующего ради этого церковной утварью.

Чтобы лучше уяснить себе политические планы Овна и правильно оценить их историческое значение, необходимо бросить взгляд на общую ситуацию в Османской империи в начале шестидесятих годов XVIII столетия.

Накануне первой русско-турецкой войны Османская империя переживала тяжелый кризис. Все попытки султана Мустафы III, вступившего на престол в 1757 г., и великого везира Рагиб-паша осуществить некоторые, более чем скромные, реформы и хотя бы привести в порядок финансы, не давали должных результатов. Смерть Рагиба в 1762 г. лишила Турцию единственного выдающегося государственного деятеля. После его смерти в короткий десятилетний период сменяется семь великих везиров, в равной мере посредственных и бездарных. После шестимесячного правления Гамза-Гамида, великим везирем становится Мустафа-паша. Период его правления с 2 октября 1763 г. по 30 марта 1765 г. характеризуется необычным усилением и обострением кризиса, который переживала в то время Турция.

Международное положение Османской империи в эти годы было на редкость неблагоприятным. Россия, где к власти пришла Екатерина II с ее замыслами воскрешения петровских внешнеполитических традиций, явно активизировала свою восточную политику, засылая агентов во все части империи и особенно на Балканы. Австрия, несмотря на зигзаги своей политики, уже с XVI века считалась традиционным врагом Турции. Пруссия, с которой у Порты наметилось было сближение, заключила в 1762 г. мир с Россией. Хотя Фридрих II, с присущим ему лицемерием, продолжал заверять Порту в своих дружественных чувствах, но он отнюдь не был намерен поставить ради нее под угрозу свои добрые отношения с Россией. Единственной державой, по традиции поддерживавшей Турцию, оставалась Франция. Но необычайно ослабленная только что закончившейся Семилетней вой-

ной, потерявшая почти все свои колонии, она была лишена возможности играть активную роль на Востоке⁵⁹. Неблагоприятное международное положение Османской империи и падение ее былого престижа было особенно наглядно продемонстрировано как раз весной 1764 г., когда в связи с выборами нового польского короля, русские войска были посланы в Варшаву, а турецкое правительство, несмотря на подстрекательства французского посла Вержена, вынуждено было ограничиться лишь формальным протестом.

Бессилие дипломатическое сочеталось с военной слабостью империи, не составлявшей уже тайны для европейских дворов. Еще в 1762 г. в своей докладной записке Екатерине Воронцов, выражая общее мнение европейских дипломатических кругов того времени, писал, что «турецкая держава через вселившуюся вообще нежную и роскошную жизнь и от внутренних беспорядков приходит в изнеможение и упадок»⁶⁰. Военный советник султана барон Тот, войдя в константинопольский арсенал, не мог придти в себя от изумления при виде печального состояния турецкого вооружения. Турецкая артиллерия, прежде славившаяся как первая в мире, оставалась на уровне XVI столетия. Не в лучшем состоянии был и турецкий флот, малоподвижный и плохо вооруженный⁶¹. Турки, действительно, были уже не те, что сто лет назад, как справедливо писал Овнан.

Внутреннее положение в стране было еще более печальным. Феодалный сепаратизм принимал все более угрожающие размеры. Во многих областях местные паша были по существу полунезависимыми правителями, не подчинявшимися центральной власти, чеканившими свою монету и передававшими свою власть по наследству. Багдадский Ахмед-паша был почти независимым государем. Он не платил Порте никаких налогов и не поставлял никаких военных контингентов. Когда же султан сделал попытку сместить и казнить его, то он сам арестовал султанского посланца и отправил в Константинополь его голову⁶². Столь же независимым был и трапезундский паша Хаджи-Али, а властитель Египта мамелюк Али-бей думал уже возложить на себя египетскую корону.

⁵⁹ О международном положении Османской империи в шестидесятых годах XVIII столетия см. в известной работе Сореля (A. Sorel. La question d'Orient au XVIII-e siècle, Paris, 1878, 1—28).

⁶⁰ «Архив кн. Воронцова», кн. 25, стр. 306.

⁶¹ A. de la Jonquière. Histoire de l'empire Ottoman. Paris, II, 1897, 374—375, 380—381.

⁶² M. de Salaberry. Histoire de l'empire Ottoman. depuis sa fondation jusqu'à la paix d'Yassy, an 1792, Paris—Londres, 1817, III, 277—278.

Один современник так описывал положение в Малой Азии: «Все жители гор от Смирны до Палестины совершенно независимы и рассматриваются турками как неприятели... Они образуют различные нации, которые имеют своих отдельных государей или сеньоров и которые исповедуют даже разные религии; те, которые вблизи Смирны, являются магометанами, далее следуют курды, марониты, друзы»⁶³.

Курды, в частности, на которых так рассчитывал Овнан, были по существу независимыми племенами. Д'Оссон, автор современной «Картинны Оттоманской империи», указывая, что многие районы страны даже формально не входят в состав эйалетов и не подчиняются местным пашам, перечисляет среди них целый ряд курдских «кантонов», управляемых своими наследственными или выборными вождями; он насчитывает девятнадцать таких курдских районов в Члдырском эйалете, тринадцать в Днарбекском и два в Мосульском⁶⁴. Такие независимые курдские «республики» имелись и вблизи Муша, в районе Битлиса⁶⁵.

Двухлетний период везирства Мустафа-паши, а также последующие три года, предшествовавшие русско-турецкой войне, заполнены восстаниями и волнениями в различных частях империи, особенно на ее периферии. В Анатолии разбойничьи шайки господствуют на дорогах, так что приходится принимать чрезвычайные меры для борьбы с ними⁶⁶. В Валоне происходят волнения, во время которых убивают местного Исмаил-пашу⁶⁷. Большое восстание вспыхивает на острове Кипр, где убивают сборщика налогов; на острове начинается настоящая война; для подавления восстания отправляется целая армия на шестнадцати судах⁶⁸. В айдинском санджаке вспыхивает восстание против сборщика налогов Абдурахмана-паши⁶⁹. В Карсе возникают беспорядки, во время которых убивают местного Магомет-пашу; беспорядки эти перерастают в восстание, подавление которого поручается ванскому паше⁷⁰. Волнения и столкновения происходят в Багдаде, Аравии и Египте⁷¹.

⁶³ A. de la Jonquière, ук. соч., 376.

⁶⁴ „Tab'eau général de l'empire Ottoman“. Par M. de M***. D'Ohsson. Paris, MDCCCXXIV (1824). VII, 298—299.

⁶⁵ H. des Combes. Géographie universelle, Londres, 1790, III, 115—116.

⁶⁶ J. de Hammer. Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Paris, 1839, XVI, 103—104.

⁶⁷ Там же, 105.

⁶⁸ Там же, 107, 145—146.

⁶⁹ Там же, 156.

⁷⁰ Там же, 155—156.

⁷¹ Там же, 104—105, 148—151.

Причины всех этих волнений носили разнообразный характер. Частично они были связаны с местными феодальными неурядицами, вызывались конфликтами между войском и пашами, между местным населением и сборщиками налогов. Но на фоне этой картины разложения Османской империи ясно вырисовываются уже контуры освободительных движений среди поработанных народов.

Как раз в этот период освободительное движение на Балканах приняло широкие размеры. В 1763 г. русское правительство отправило «к спартанскому народу» двух греков—Мануила Саро и офицера Паназули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез следующие известия: «как скоро греки услышали от Саро предложение, чтобы в случае войны России с турками восстали против последних, то старшины или капитаны: Трупакки, Дмитриакки, Кумудуро, Мавромихали, Фока и другие созвали большое собрание и объявили, что против турок, как неприятелей православной христианской веры, рады стоять с немалою силою, причем один грек, Бинаки, богатый и почтенный дворянин, говорил на собрании, что он поднимет и лакедемонов, турецких подданных, только бы быть им под покровительством русской государыни». А английский посол Кеткорт, беседовавший с одним из русских эмиссаров, доносил своему правительству: «В Морее, по словам эмиссара, много гаваней, много мореплавателей, мало турок и предосторожности. Греки жаждут свободы и небольшая помощь даст им возможность добыть ее, а укреплением Коринфского перешейка сохранить ее. Албания, Эпир, Занте, Кефалония и соседние острова последуют примеру Морей»⁷².

Таковы были царившие в Греции настроения. Подобная «жажда свободы» наблюдалась и среди других балканских народов. В 1764 г. прибыл в Петербург далматинский епископ Симеон Канцаревич, просивший принять славянские народы—в Сербии, Боснии, Герцоговине и других местах обитающих—под «протекцию» императрицы, обещая «в случае будущей войны с турками поднять против них оружие и действовать соединенными силами в пользу Российской империи»⁷³.

Наиболее серьезный оборот приняли дела в Черногории. Русская пропаганда нашла там особенно благоприятную почву. Уже в 1762 г. приехали в Россию два черногорца—Николай и Иван Петровичи, просившие освободить их страну от турецкого

⁷² Соловьев, VI, 561, 562.

⁷³ Н. Д. Чечулин, Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II 1762—1774. СПб. 1896, 195—197.

ига. В 1765 г. прибыл черногорский архиерей Василий Петрович. Русское правительство, не желавшее в тот момент вовлечь себя из-за Черногории в конфликт с Турцией, всячески убеждало черногорцев, чтобы они пребывали «в тишине и покое». Но освободительное движение в этой маленькой стране приняло такие размеры, что с ним уже нельзя было совладеть. Вскоре в Черногории появился некий проповедник, родом босниец, Степан Малый, призывавший черногорцев покончить с родовой враждой и сплотиться для священной борьбы против турок⁷⁴.

И в то же самое время на другом конце Османской империи шла, все более разгораясь, освободительная война имеретинцев против турецких полчищ. Имеретия находилась в вассальной зависимости от Турции. Царь Соломон предпринял, однако, попытку освободиться от этой зависимости. Турция взимала с Имеретии не только подать, но и скупала там в большом количестве рабов и рабынь, причем «турки тем больше были довольны, нежели самую податью»⁷⁵. Соломон запретил своим поданным продавать людей туркам, «почему турецкой солтан, огорчаясь на такое запрещение, в 1760 году послал в Имеретию при сераскере-паше, называемом Мола-Абдулла, войско, и начал требовать от Соломона сверх прежней многого числа излишней подати, и принуждать к продаже грузинских ясырей туркам, а как владетель Соломон и по тому требованию, особливо от продажи ясырей, отказался, то и началась между ими война»⁷⁶. Но турецкое войско потерпело поражение. В следующем, 1761 г., турки предприняли новое нападение на Имеретию и на этот раз окончившееся неудачно. В 1763 г. Порты выслала против Соломона две армии, одну под командованием сераскера Абдулла-Риман-паши, другую во главе с ахалцхским пашой, всего до 40000 человек. Но и на этот раз Соломону удалось спасти свою страну и после временного отступления разбить неприятеля⁷⁷.

Так в начале шестидесятых годов XVIII столетия от Балкан до Кавказа, от далекой Черногории до Имеретии прокатывается волна национально-освободительных движений, потрясавших одряхлевшую Османскую империю. И в то самое время, когда

⁷⁴ Соловьев, VI, 586—595.

⁷⁵ «Записка, учиненная из объяснения грузинского митрополита Максима» («Грамоты...», I, 15).

⁷⁶ Там же, I, 15.

⁷⁷ Подробное описание событий в Имеретии, в частности турецкого похода 1763 г., мы находим в «Памятной книге» католика Симеона (см. 84 г. I, 76—81).

греческие старшины давали Саро обещание подняться против турок, когда черногорские посланцы просили Екатерину помочь им в освободительной борьбе, когда жители Кипра взяли за оружие, а Соломон храбро бился против турецких войск, настоятель мушского монастыря готовил восстание в целях освобождения родного ему армянского народа от ненавистного турецкого ига.

VI

Грузинский царь, который был в курсе всей переписки Эмина, знал и о первом письме настоятеля монастыря св. Карапета. Сам Эмин говорит об этом совершенно определенно. «Это письмо, читаем мы в его автобиографии, он (Эмин.—А. И.) понес и показал Ираклию, как он показывал и каждое письмо от карабахских вождей и сообщал о переговорах или переписке с ними, дабы предупредить доносчиков»⁷⁸. Эмин заявляет далее, что царь все равно и без его согласия вскрывал его письма и знакомился с их содержанием. Так или иначе Ираклий узнал о его переписке с Овнаном. А она не могла не заинтересовать его, так как здесь дело шло уже не об Иране, а о Турции.

Благодаря отсутствию сильного центрального правительства Иран в те годы был для Грузии соседом не опасным. Неудача попытки Керим-хана вновь напомнить о бывшей вассальной зависимости Грузии, лишь еще раз подтвердила эту истину. Иначе обстояло дело с Османской империей. Ираклий прекрасно знал, что в любой момент Турция могла оказаться наиболее грозным врагом его маленькой державы. Мы знаем также, каким бичом являлись для Грузии постоянные набеги лезгин; связь же между Дагестаном и Турцией была несомненной. На это обстоятельство справедливо указывал впоследствии Панин в своем письме к имеретинскому царю Соломону: «Ваше владение расхищается от турок и от варваров, в горах живущих, лезгинцев, а его (Ираклия.—А. И.) от сих последних, которые пленников туркам же продают, но по превозможении турок и лезгинцы общими силами скорее усмирены быть могут, а, вопреки, усиление одних послужит усилением и для других»⁷⁹. В этих словах была, несомненно, значительная доля истины. А, кроме того, к Турции Ираклий имел и территориальные претензии. Он не хотел отказаться от мысли вернуть отторгнутую туркам Ахалцихскую область, при-

⁷⁸ Л. А. Ж. Е., 217.

⁷⁹ «Грамоты...», I, 25.

надлежавшую ранее Грузии⁸⁰. Все эти соображения и побудили его через пять лет, во время первой русско-турецкой войны, выступить против Османской империи.

Понятно поэтому, что Ираклию было весьма важно знать о положении дел в Западной Армении, быть в курсе антитурецких настроений и движений среди местных армян. Он был не прочь приобрести там, через посредство Эмина, некоторые связи, которые могли ему пригодиться и которыми он не мог пренебрегать. В первое время, однако, он видимо намеревался, допуская переписку Эмина с настоятелем мушского монастыря⁸¹, сам оставаться в стороне. Но вскоре произошли события, заставившие его изменить свое решение.

Вторжение турецких войск в Имеретию до крайности обострило отношения Картли-Кахетинского царства с Турцией. Ираклий не мог не понимать, что окончательное завоевание Имеретии Османской империей было бы для него роковым и в огромной мере усилило бы турецкую опасность и для его царства, которое, находясь между турками и лезгинцами, оказалось бы, таким образом, зажатым в клещи. Поэтому он был непосредственно заинтересован в благоприятном исходе освободительной борьбы своего родственника, царя Соломона, с которым, вообще говоря, у него были не особенно хорошие отношения. В этих целях он оказывал Имеретии тайную помощь и поддержку. Об этом прямо заявлял впоследствии русскому правительству посланец Соломона митрополит Максим, писавший, что «во время нападения турок на Имеретию Ираклий скрытно вспомоществование делал»⁸². Но эта помощь, хотя бы и тайная, была чревата большими опасностями и грозила немедленным конфликтом с Турцией.

Кризис в грузино-турецких отношениях особенно обострился весной 1764 г., когда всюду говорили уже о возможности и вероятности турецкого нашествия на Восточную Грузию.

Тревожные известия стали поступать в Коллегию иностранных дел еще зимой. Вернувшийся в Астрахань из Персии «татарского языка переводчик» Абдрешим Алтышев объявил, что «в турецкой области на границах к Персии приготавливается войско и многое число артиллерии, которое отправлено будет в Персию.

⁸⁰ З. Авалов. Присоединение Грузии к России, СПб, 1901, 108, 123.

⁸¹ Во время разговора с царем в Телаве Эмин напомнил ему, что писал Овнану и другим армянам не без его согласия и одобрения, (Л. А. Ж. Е., 229).

⁸² «Грамоты...», I, 27. В другом его заявлении мы читаем: «владелец же Ираклий с ним, Соломоном, в согласии, однако явной помощи не дает, а секретно помогает» (Там же, I, 17).

но когда никто не знает, для отмщения персиянам за великое и нетерпимое ругательство от них турецкого магометанского исповедания в законе, а при том и завладения персидскими городами...» Сообщение это, пересланное 9 декабря астраханским губернатором в Коллегию иностранных дел, как очень важное, было представлено самой императрице. Сразу же было принято решение «разведать» об этом в Константинополе⁸³.

8 марта 1764 г. из Коллегии был отправлен рескрипт в Константинополь резиденту Обрезкову с предписанием разведать об истине этого сообщения. В рескрипте указывалось, что «есть ли в самом деле собирается на персидских границах войско... то сколько ни желаем мы дабы Порты Оттоманская посторонними и внутренними делами упражнена и тем от европейских вообще, паче ж от нынешних отлучена и отвращена была, но весьма не хотели бы мы, чтобы сие касалось до соседнего с нами персидского государства и чтоб аттенция Порты обратилась на учинение себе тамо приобретений при нынешнем оного королевства междоусобии, ибо в таком случае, кроме других политических кон siderаций, может она свободно к берегам Каспийского моря, а потом и к здешним областям путь себе очистить...». Как видим, Коллегия иностранных дел была не на шутку встревожена возможностью турецкой экспансии в сторону Каспийского моря. Поэтому Обрезкову предлагалось довести до сведения Порты мнение русского правительства «и тем от персидских дел ее отвратить, давая ей между прочим уразуметь, что для чести ее и для самых интересов сходнее, а нам приятнее будет, когда она не вмешается в персидские дела и предоставит их собственному своему решению и жребию...»⁸⁴.

Но вскоре начали поступать еще более тревожные сведения, причем речь шла уже не только о нападении Турции на Персию, но и о турецком нашествии на «персидскую», т. е. восточную Грузию.

30 марта в своем донесении русский консул в Энзели Илья Игумнов⁸⁵ сообщал, что «на сих днях получено здесь из Тевриза

⁸³ АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 13. «Экстракт из объявления посланного из Астрахани в Персию к персидскому Векиль-Керим-хану татарского языка переводчика Абдрешима Алтышева, полученного при дознании астраханского губернатора Бекетова от 9 декабря 1763 году».

⁸⁴ АВПР, ф. Сношения России с Турцией. Д. 352. Рескрипты резиденту в Константинополе Обрезкову. Январь—март 1764 г. № 8.

⁸⁵ Об Игумнове, назначенном консулом в Энзели в 1763 г., и его деятельности в Иране см. В. А. Уляницкий, Русские консульства за границей в XVIII веке, М., 1899, I, 602 и след.

от тифлиского армянина Никиты Васильева грузинское письмо, писанное от 16 февраля к его корешпонденту, армянину Давиду, в коем, между прочим, сим его уведомляет, что Тифлис и вся Грузия от турецкого двора в крайнем смятении и страхе, якобы оттоманский двор имеет намерение нынешнею весной послать из Грузию великую армию с тем, чтобы до основания ее разорить...». В постскрипту к своему донесению консул добавлял: «В самое то время, как я сей пакет законверсировал, получил краткое на словах через ардевилского персиянина, приехавшего из Тевриза, которой оттуда в феврале последних числах выехал, известие, что в лежащем на турецких границах от Тевриза в восьмидесяти милях городе Арзеруме действительно находится сто тысяч турецкого войска, которое хочет идти на малую и великую Грузию с таким намерением, чтоб до основания их разорить»⁸⁶.

В апреле слух о турецком нашествии на Грузию «гораздо вяще прежнего носится». Консул получает сообщение, что шестьдесят тысяч турецкого войска выступило уже будто бы в Ереван, отстоящий в четырех днях пути от грузинской столицы. В связи с этим, 28 апреля он отправляет специального посыльного в Эчмиадзин к католикосу «ради обстоятельного о том разведования», который, однако, туда не доезжает, будучи ограблен по дороге. 12 мая консул вновь отправляет «одного из таврических басурман», поручив ему в двадцатидневный срок привести ответ⁸⁷.

В разгар этой военной тревоги, 5 апреля, в Энзели прибыл «кизлярского шквадрона капитан» Богдан Асланов, посланный в Персию астраханским губернатором со специальным секретным заданием. В представленном им докладе он писал о циркулировавших в то время слухах следующее: «Слух носился тамо о собирании в Турции войска для отправления под командою вавилонского паши чрез Армению в Грузию к нападению на сопротивляющихся турецкой стороне мелетинцов (имеретинцев.—А. И.), называемых по турецки башачук, якобы от Порты Оттоманской Керим хану объявлена война и командирован в Персию и Грузию особый корпус войска под предводительством семи турецких пашей и к грузинскому царю Ираклию послан от турецкого двора нарочный курьер с угрозами за вспоможение его против ту-

⁸⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, К. 10. «Бумаги полученные из Астрахани от губернаторов Неронова, Бекетова, Лебедева, Розенберга и губернской канцелярии». Донесение русского консула в Энзели от 30 марта 1764 г.

⁸⁷ Там же, Донесение Игумнова от 19 июня 1764.

рок мелетинцам; но будто на то от него Ираклия ответствовало, что он никакой помощи им не чинит, однако буде турецкий двор намеревается с ним вступить в войну, то он на то готов и с тем изъяснением отправил в Константинополь четыре человека своих князей⁸⁸.

Такова была политическая ситуация в Закавказье весной 1764 г. Уже с конца февраля «Тифлис и вся Грузия» пребывали «в крайнем смятении и страхе» в связи с угрозой турецкого нашествия и скоплением турецких войск на границах. Турецкий двор открыто угрожал грузинскому царю войной. В марте-апреле турецкое нашествие на Грузию казалось совершенно неминуемым.

В момент, когда кризис в грузино-турецких отношениях достиг кульминационной точки, Ираклий не мог пренебрегать ничем, что могло бы помочь ему в предстоящей тяжелой борьбе с Османской империей. Он знал, что в Западной Армении подготавливалось восстание, которое могло оказаться очень полезным в случае войны с Турцией. Он знал также, что организаторы восстания ставили осуществление своих намерений в зависимость от его прямого одобрения и согласия. Все это побудило его, в условиях создавшейся обстановки, сделать решительный шаг.

VII

О дальнейших событиях мы узнаем из переписки нового армянского католикоса Симеона с грузинским царем.

Епископ Симеон был помазан в католикосы после смерти Акопа. 20 апреля 1763 г., т. е. как раз ко времени приезда в Грузию Эмина. Последний сообщает в своей автобиографии, что Симеон сперва был склонен содействовать ему и даже рекомендовал его царю, как доброго христианина⁸⁹, но в дальнейшем переменил свое отношение и «послал письмо Ираклию с указанием.

⁸⁸ АВПР. Именные указы с 1753 по 1766 г. по азиатским делам, № 130. «Экстракт из репорта и записки, поданных астраханскому губернатору генералу-майору Бекетову 5 июля от армянина капитана Богдана Асланова, посланного в Персию для разведания о подлинности разглашенных пред сим киркискасаками слухов, будто авганцы намерены были против китайцев действовать, в защищение жителей малой Бухарии китайцами покоренных, а от астраханского губернатора при сообщении от 11 июля полученных в Коллегии иностранных дел 6 сентября 1765 г.»

⁸⁹ Л. А. Я. Е., 221.

что тот является царем Армении и Грузии и что он сделал бы лучше отослав неблагоразумного принца (т. е. его, Эмина.— А. И.) туда, откуда он прибыл⁹⁰. В другом месте он добавляет, что Симеон в своем письме просил Ираклия принять во внимание, что поощрение Эмина, не имеющего ни денег, ни войск, может лишь возбудить против него гнев Ирана и Турции и привести к тому, что султан велит перерезать всех армян в Константинополе⁹¹.

Письмо, упомянутое Эмином, это послание Симеона Ираклию от 25 марта (6 апреля) 1764 г., написанное в ответ на несколько писем царя, в том числе, полученных католикосом 12 и 23 марта, чрез тбилисского священника Тер-Габриэля и через племянника одного из ереванских жителей. Послание католикоса, переданное упомянутому Тер-Габриэлю, было отправлено последним 25 марта, еще до своего возвращения в Тбилиси, чрез специального нарочного⁹².

В начале письма⁹³ Симеон извинялся за то, что не ответил сразу на предыдущие письма царя. Остановившись на вопросе о бывшем астраханском «нвираке» вардапете Саркисе, находившемся в Тбилиси и не желавшем ехать в Эчмиадзин и отчитаться в собранных суммах, Симеон переходил затем к основной теме. «Также и о том особо извещаю твое величество,—читаем мы далее в его письме,—что этот наш парон имеет одного-двух людей, которые постоянно приезжают в эти края и смело и открыто говорят неподобающие вещи, которые слышат армяне и мусульмане, причем некоторые высмеивают их, а другие точат по нашему адресу свои языки. Как раз сейчас он имеет некоего махтеси⁹⁴ Григора, который прибыл в Ереван и здесь, нагло разговаривая, поссорился с людьми хана и они поколотили его и раздели, и все бумаги, которые были при нем, взяли и понесли к хану и другим показали. Два письма было при нем, одно от вышеуказанного, а другое от твоего величества, написанные настоятелю св. Карапета вардапету Овнану, которые все увидели. И к нам также принесли и мы, увидев, что твоя печать очень уди-

⁹⁰ Л. А. Я. Е., 221.

⁹¹ Там же, 218—219, 233.

⁹² Зр. 1, 73—74.

⁹³ Матенадаран. Рукопись, № 2912, стр. 51—52. Что это послание и есть именно письмо, отправленное 25 марта, видно не только из его содержания, но и из прямой ссылки в «Памятной книге» на соответствующую страницу книги записей посланий католикоса: «Թողևի յօրինակն իւր տեաքիւն ազգաւորսն ի զորապետարանս Երևանի ի զԿարապետարանս Եւն. (Зр. 1, 73—74).

⁹⁴ Почетное звание паломников, посетивших Иерусалим.

вились, но мы солгали, сказав, что это подложная печать, а не печать вали⁹⁵. Все это узнали земляки и в городе многие люди, и в частности Тер-Габриэл, который все увидел и услышал. А теперь хочу сказать твоей чести, что не считаю подобающим твоему благоденствию имени, твое письмо и твою печать вручать такому дуралею, особенно, что от того вред, а не польза. Пишу это больше из любви, оберегая честь и имя твоего царского величества. Овнан что за человек, чтобы ты ему письмо писал о таких вещах, а к тому же с таким глупым письмоношцем, который всем, хвастаясь, показывал бы; прошу тебя хорошо продумать это; и особенно его также образумь, чтобы свои письма и своих людей при себе держал и действовал с умом, так как наша земля в руках иноземцев и мы находимся в их руках: сам знаешь, что говорю, не только эта земля, но и все другие места, где находится наша нация; так как если это обнаружится, то может в конце концов породить большое горе для нашей нации. А об остальном Тер-Габриэл расскажет»⁹⁶.

Это письмо Симеона не только подтверждает наши сведения о деятельности Эмина в период его пребывания в Грузии, но и дополняет их новыми, крайне выжными и интересными данными. Прежде всего подтверждаются наши сведения о том, что он отправлял в Армению со специальными поручениями завербованных им на свою службу людей, которые вели даже там, по-

⁹⁵ Как и его предшественники, Ираклий имел от Ирана титул «вали Гюрджистана», т. е. Грузии.

⁹⁶ «Գարձեալ և զայս առանձին ծանիցէ տէրութիւնդ զի այդ մեր պարոնին մէկ երկու մարդ ունի, որք միշտ զան յայս կողմանս և համարձակ և բացարձակ խօսեն զբանս անպատշաճս, զորս լուեալ հայր և տաճիկը ոմանք ծաղր առնեն և ոմանք սրեն զխեղութիւն վերայ մեր: Յայս միջոցիս մէկ մահտեսի Գրիգոր մի ունի, եկն յերևան և աստ լրբարար խօսելով կրուեալ է ընդ խանի մարդկանցն, և նորա ևս զանեալ էին զնա և մերկացուցեալ և զոր ինչ գրեանս ունէր առեալ էին և տարեալ խանին և այլոց ցուց տուեալ: Բ զիր էր ունեցեալ մէկն ի զմանէ և մէկն ի տէրութենէդ առ սուրբ Կարապետոս առաջնորդ Յօնան վարդապետն զրեցեալք, զորս տեսին ամենեքեան—և առ մեզ ևս բերին և տեսար որ քո կնիքն էր լոյժ զարմացար: Բայց մեր ստեցար ասելով թէ այդ կնիքդ հնարեցեալ է և ոչ է վալուն կնիքն: Զայս ամենայն իմացան երկրացիքս և ի քաղաքէդ ևս շատ մարդիկը, և մանաւանդ Տեր-Գարրիէլն որ ետես և լուաւ Ուլմ կամիմ ասել Ազնույդ թէ ևս ոչ պատշաճ տեսանեմ օրհնեալ անան քոյ զքո զիրդ և քո կնիքդ այսպէս իմարաց ձեռն անկանիւն, մանավանդ վնաս ունի և ոչ օգտու: Յառաւի սիրոյս զրեցի խնայելով ի պատիւ և յանուն արքայականի տէրութեանդ: Յօնանն որբան մարդ է որ զու նորա զիր զրիցես վասն այդպիսոյ բանի և գրատարն ևս այդպէս յիմար, որ ամենեցուն ցուց տալցէ պարծելով:

видимому, какую-то агитацию и говорили «неподобающие вещи». Далее мы узнаем, что если первое письмо Овнану Эмин отправил через бывшего начальника своего отряда Симона, то одно из его последующих писем вез в марте 1764 г. некий Григор. Но самое важное и существенное это то, что упомянутый Григор вез действительно монастыря св. Карапета не только письмо своего господина, но и послание самого царя.

Мы знаем уже причины, побудившие Ираклия написать это письмо в марте 1764 г., в разгар военной тревоги, вызванной угрозой турецкого нашествия. Именно поэтому он вызвал к себе внезапно Эмина, находившегося в своего рода ссылке в Байдарах, и повел с ним в эти дни в Телаве столь дружественную и необычайную для него беседу, в которой речь шла о планах восстания в Западной Армении и о предложениях Овна. Очевидно, именно из Телавы, куда Эмин прибыл «со своими четырьмя слугами», один из них и был отправлен с письмами к настоятелю монастыря св. Карапета. Однако послание царя вместе с письмом Эмина попало в руки ереванского хана и стало известно католикозу, который поспешил не только известить Ираклия о неприятном происшествии, но и счел необходимым резко осудить деятельность Эмина.

В плеяде армянских католикозов XVIII столетия Симеон, бесспорно, являлся самой выдающейся фигурой. Ученый-богослов, прекрасный знаток древнеармянского языка, грамматики, философии, он был автором многочисленных трудов, в том числе работ, посвященных древнеармянскому философу Давиду Непобедимому, Проклу, Порфирию, Аристотелю. В противоположность своему предшественнику много путешествовавший, побывавший и в Константинополе, и в Иерусалиме и даже в Индии, он обладал большим жизненным опытом и прекрасным знанием света и людей.

Симеон имел очень высокое представление об общественной роли католикоза. Он был глубоко убежден в том, что католикоз—это глава армянской нации, ответственный за ее судьбу. Хотя, писал он в одном из своих обращений, пало мирское царство армян и армяне подпали под власть чужеземцев, однако, осталась духовная власть и имеется духовный князь армянского народа в лице патриарха всех армян—католикоза⁹⁷.

Симеон прекрасно знал и видел невыносимое положение армянского народа под властью Ирана и Турции. Подобно своему предшественнику, в поисках выхода он также обращал свои

⁹⁷ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 167.

взоры в сторону великой северной державы. Уже через два года после описываемых событий, в 1766 г., он отправил в Петербург, со специальной миссией монаха Давида. Предлогом являлся вопрос о восстановлении прав Эчмиадзина в отношении армянской епархии в России. Миссия Давида, поддержанная, по просьбе Симеона, влиятельными армянами, проживавшими в Москве и Петербурге (в том числе Иваном Лазаревым), увенчалась полным успехом. Правительство Екатерины охотно завязало сношения с католикосом всех армян. В своей грамоте от 30 июля 1768 г. Екатерина, идя навстречу пожеланиям католикоса, обещала «как настоящего честнейшего патриарха Симеона, так и будущих преемников его патриаршего престола такожде юзбашей и управителей и весь честный армянский народ в нашей императорской милости и благоволении содержать»⁹⁸. Так завязались сношения между Эчмиадзином и Россией, которые в дальнейшем все более укреплялись. Симеон ввел даже специальный молебен во здравие царской фамилии. Интересно отметить, что в тексте этого молебна русские государи упоминались уже как покровители армянского народа.

Что вся эта политика Симеона на сближение с Россией не носила случайного характера, что Симеон преследовал далеко идущие цели, видно, между прочим, из свидетельства одного из близких ему людей. В 1811 г. в Петербурге вышла в свет книга Егора Хубова, посвященная событиям в Армении с 1779 г. по 1809 г. Этот Егор Хубов был племянником Симеона и воспитывался в Эчмиадзине под наблюдением дяди. «Я старался узнать,—пишет он,—мысли дяди своего, проникнуть в намерения и предприятия его; делал догадки как о том, за чем от него был послан в Россию архимандрит Давид, так и о том, что было предметом всегдашних размышлений и нередких совещаний его с избранными своими епископами. Сообразуя сии догадки в мыслях своих, я утвердился на том, что он искал покровительства сильной Российской державы, подобно патриарху Нерсесу, в древние

⁹⁸ В архиве Коллегии иностранных дел имеется «дело» о миссии Давида (АВПР, ф. Сношения России с Арменией. 1767—1768 гг. «Приезд в Россию армянского архимандрита Давида с грамотою от армянского патриарха»). Копии с грамоты Екатерины, с указа астраханскому губернатору Бекетову и с письма Симеону Панина хранятся в эчмиадзинском архиве (Матенадаран. Архив. Папка 3, № 7, стр. 1—6), где мы находим также письмо Давида из Петербурга с отчетом о своей миссии (там же, папка 3, № 5). См. также Г. Эзов, Начало сношений эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством, Тифлис, 1901, 5—8.

времена имевшему переговоры о союзе с Мануилом, греческим императором; но смерть того и другого предупредила исполнение их намерений, столь важных для народа Армении»⁹⁹. Этим свидетельством племянника Симеона нельзя пренебрегать тем более, что его впечатление совпадает со всеми другими известными нам данными.

Симеон, в тайниках души, мечтал, несомненно, о том времени, когда северная христианская держава избавит армянский народ от тяжелого мусульманского ига. Но дальше этого он не шел. Армянский народ должен ждать своего освобождения извне, а не сам активно бороться за него; всякое самостоятельное выступление армян против таких крупных держав, как Иран и Турция, являлось бы безответственной авантюрой и могло бы привести к гибели нации—таково было твердое убеждение Симеона.

Нельзя отрицать, что эти настроения католикоса объяснялись в известной мере и соображениями иного порядка. Среди печальной армянской действительности Эчмиадзину удалось отстоять свое существование, обзавестись землями и крупным хозяйством и обеспечить себе даже известный политический авторитет. К тому же в шестидесятых годах положение было уже иным, чем при Акопе: благодаря покровительству грузинского царя Эчмиадзин не так страдал от ханского произвола, как в былые годы¹⁰⁰. Освободительное движение среди армян и вызванные им репрессии могли бы, однако, поставить под угрозу благосостояние и даже существование самого католикосского престола. Вот чего, несомненно, Симеон опасался прежде всего.

VIII

Письмо Симеона, отправленное 25 марта Тер-Габриэлем с

⁹⁹ Е. Хубов. Описание достопамятных происшествий в Армении, случившихся в последние тридцать лет, т. е. от патриаршества Симеонова (1779 г.) до 1809 года. СПб. 1811, 1—2.

¹⁰⁰ Вот один характерный пример. Когда, под предлогом угрозы нашествия Керима, Гусейн-хан летом 1763 г. приказал католикосу перебраться с церковным имуществом в ереванскую крепость (а мы знаем, на примере Акопа, чем это обычно грозило), то Симеон сразу обратился к Ираклию, который дал распоряжение хану оставить в покое католикоса, отправившегося искать убежище не в ханскую крепость, а в ючкилский монастырь в Западной Армении. (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 17—18, 35—36, 46, 84 з. 1, 7—8).

нарочным в Тбилиси, было получено Ираклием с большим опозданием. Через месяц, 21 апреля, в Эчмиадзин прибыл посыльный с письмами от грузинского католикаса Антония и царя¹⁰¹, и Симеон, к своему удивлению, прочел в послании Ираклия, что тот уже много времени не имел от него писем. Он поспешно поэтому в своем ответе от 28 апреля¹⁰² сообщить, что послал ему целых два письма—одно, отправленное через Тер-Габриэля, а другое—через вардапета Ованеса. В этом втором письме, написанном за несколько дней до этого, 23 апреля¹⁰³, и тоже дошедшем до нас¹⁰⁴, Симеон писал исключительно о деле бывшего астраханского «нвирака» Саркиса. Но объяснялось это тем, что он дал важное устное поручение упомянутому Ованесу, который, по дороге в Астрахань, должен был остановиться в Тбилиси. Об этом говорилось в том же письме от 28 апреля, в котором встревоженный Симеон спешил уведомить царя, что он поручил Ованесу устно сообщить ему некоторые важные известия, и просил, чтобы тот принял его и поговорил с ним наедине¹⁰⁵.

Таким образом, из этого нового послания Симеона мы узнаем, во-первых, что его письмо от 25 марта было получено Ираклием с большим запозданием (так как еще в середине апреля царь ничего не знал о нем) и, во-вторых, что вардапет Ованес, выехавший 23 апреля в Тбилиси, имел от католикаса важное устное поручение. Более чем вероятно, что это секретное поручение, которое Симеон не хотел излагать письменно, опять-таки касалось Эмина.

Несвоевременное получение Ираклием первого письма католикаса объяснялось, по-видимому, довольно просто. Мы знаем, что как раз в это время царь находился в Телаве, куда приехал из Байдар и Эмин и откуда, по-видимому, и были отправлены письма к Овнану. Очевидно, лишь по возвращении в Тбилиси Ираклию было вручено послание Симеона.

¹⁰¹ Зр. 1, 90—93.

¹⁰² Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 208.

¹⁰³ Зр., 1, 87—88.

¹⁰⁴ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 53.

¹⁰⁵ «... իսկ այժմ նախապէս զայս գրեմ Աստվածազորի արքայիդ, զի Յովանէս վարդապետն, զոր յղեցար յայդր որ գնացէ ի Հաշտարխան, ընդ նմա զիր գրեցար վասն Սարգիս վարդապետին և քանի հարկաւոր զրոյց ևս բերանով պատուիրեցար որ բերանով ծանուցէ տէրութեանդ, ինչորի զի առանձին խօսեցուցան և ընդդռնեցիս, քանզի եթէ կամիս կարող ես և Տէր կատարեսցի զինորիս քոյ ի արքին»:

Это послание не могло не произвести на царя сильного впечатления. Прежде всего он узнал очень неприятную для него новость о том, что его письмо к Овнану попало в руки ереванского хана и получило огласку. Далее он убедился, что армянский католикос решительный противник проектов Эмина и настоятеля мушского монастыря. А он прекрасно знал, каким влиянием среди армян пользовался в то время Эчмиадзин.

Отношения Ираклия и Симеона, в первые годы после избрания последнего, носили самый близкий и дружественный характер. Для грузинского царя католикос был не только духовным главой всех (в том числе и подвластных ему) армян¹⁰⁶, но и ценным посредником между ним и иранскими ханами, а также турецкими пашами, которые, в свою очередь, зная влияние армянского католикаса при грузинском дворе, обращались часто к последнему за посредничеством¹⁰⁷. В одном из своих писем Ираклию сам Симеон указывал, что «и в османской земле и в этой стране все хорошо знают, что ты, богосильный царь, честь нашу и святого престола хранишь и уважение оказываешь и всякую нашу просьбу выслушиваешь и выполняешь из-за особой любви, которую питаешь к нам»¹⁰⁸.

О том, что произошло непосредственно после получения Ираклием письма католикаса, Эмин в своей автобиографии рассказывает следующие. По его словам, царя больше всего рассердило то, что Симеон в своем письме назвал его «нашим принцем». Царь будто бы созвал свой совет и в присутствии всех обратился к Тер-Филиппу с вопросом, как мог католикос назвать Эмина, сына Иосифа из Хамадана принцем? Тогда все присутствующие начали советовать царю немедленно выслать подозри-

¹⁰⁶ Кстати сказать, Эчмиадзин в то время выступал в Грузии и как крупный собственник, владея целой деревней в Кахетии, рядом других земель, крепостными, а также домами и многими магазинами в Тбилиси. («Զարգացում», 1873, 207—209).

¹⁰⁷ Вот один из многих примеров. После поражения турецких войск в Имеретии в 1763 г. среди пропавших без вести оказались сын и племянник баязетского пашы; узнав об этом, паша сразу обратился к Симеону с просьбой ходатайствовать перед Ираклием о розыске и освобождении этих двух пленных. (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 119).

¹⁰⁸ «... զի ամենայն որ թէ յամենցոց երկրոցն, և թէ յայս երկրոցն, զիսնն լաւապէս, զի աստվածազոր արքայդ զխաթրս և զպատիս մեր և արքայ Աթոռոյս մերոյ պահես և զոր ինչ խնդիրս առնեմք, յեսն և կատարես վասն յառուկ սիրոյդ զոր ունիս առ մեզ» (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 411).

тельного армянина и даже убить его. Но Ираклий, после некоторого колебания, отказался на этот раз выполнить их предложение и даже поручил Тер-Филиппу известить его о всем случившемся¹⁰⁹.

В письме Симеона Эмин действительно был назван «нашим пароном». А слово «парон», господин, употреблялось в то время и для обозначения государя, принца, царевича. Тот же Симеон называл в своих письмах «пароном» сына и наследника Ираклия царевича Георгия, а также зятя царя Давида Орбелиани¹¹⁰. Вполне понятно, почему Ираклию не понравилось подобное наименование его гостя. Вспомним, что накануне приезда Эмина он сам в своем письме обращался к нему, как к «князю». В дальнейшем он, видимо, узнал об истинном происхождении «сына Иосифа из Хамадана». Тем более недопустимым казалось ему теперь наименование его армянским принцем. Он, несомненно, всегда подозревал Эмина в честолюбивых замыслах, что видно, в частности, из неоднократных усилий последнего убедить его в обратном¹¹¹. Намек католикоса снова возбудил в царе все его подозрения.

Очень интересно в рассказе Эмина и его сообщение о том, что на совещании у Ираклия против него выступили все присутствовавшие там армяне. Вмешательство католикоса имело и то печальное для него последствие, что против него сразу же ополчились влиятельные при грузинском дворе местные тбилисские армяне, причем, возможно, дело не обошлось и без прямых инструкций Симеона.

Конкретно Эмин упоминает имя «испаганского купца» Тархана, сына Агамала, выступившего против него с целой речью. Этот Тархан был джюльфинским купцом, ведшим торговлю меж-

¹⁰⁹ L. A. J. E., 219, 222. Из рассказа Эмина следует, что все это произошло еще в 1763 г., до его поездки в Байдары. На упомянутом совещании Ираклий будто бы говорил, что Эмин находится у него всего «четыре или пять месяцев» (там же, 221); в Телаве он будто бы говорил об этих событиях, как о прошлогодних (там же, 229). Но это, как видим, явное недоразумение. Когда Эмин через двадцать лет писал по памяти свои воспоминания, то он, естественно, путал даты и последовательность некоторых событий, происшедших во время его пребывания в Грузии.

¹¹⁰ См. напр., *Յիշ.*, I, 22, 419.

¹¹¹ Даже во время столь дружественного разговора в Телаве Эмин счел нужным специально подчеркнуть, что он, сын хамаданского купца, не претендует на верховную власть в Армении, а работает лишь на него, Ираклия (L. A. J. E., 229).

ду Грузией и Ираном и проживавшим в то время в Тбилиси. Подобно многим армянским богатым купцам, он был в близких отношениях с Симеоном и поддерживал с ним переписку¹¹². В этот период он пользовался очень большим влиянием и при грузинском дворе. Тот же Симеон сообщал его отцу Агамалу, что «боголюбивый царь Ираклий постоянно заботится о нем и всегда пишет нам о его положении, а мы всегда посылаем ему письма с благославлениями и радуем его»¹¹³. Десять лет спустя Тархан возымел желание, по примеру многих своих богатых соотечественников, переселиться в Россию. Это вызвало гнев царя, который не хотел допустить, чтобы богатый купец увез из Грузии свои капиталы. В эчмиадзинском архиве сохранилось письмо Ираклия от 16 ноября 1773 г., посвященное этому делу, которое лучше всего свидетельствует о положении, которое Тархан занимал до этого при грузинском дворе. «Ты же раньше знал и теперь знаешь,—писал царь католикосу,—с какими почестями мы держали его и какой почет он имел от нас»¹¹⁴.

Далее, Эмин упоминает как об одном из своих самых ожесточенных преследователей и о местном армянском епископе Захарии, том самом Захарии, который во время первого его путешествия в Армению виделся с ним в Эчмиадзине и даже отведал его письмо Ираклию. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные рисуют этого, старого уже в то время, епископа как личность далеко не привлекательную. Вскоре после свидания с Акопом в Эчмиадзине, Захарий был отлучен католикосом от церкви. В эчмиадзинской «Памятной книге» это объясняется спором, возникшим относительно доходов ахпатской епархии, которой принадлежал ряд приходов в Тбилиси¹¹⁵. Письма самого Акопа рисуют, однако, все это дело в более неблагоприятном свете. Оказывается, что Захарий просто-напросто присвоил и растратил церковные доходы. Когда же католикосом был послан уполномоченный для проверки, то тбилисский епископ пытался сфальсифицировать отчет, утаить некоторые суммы, но был пой-

¹¹² *Յիշ.*, I, 420, 534, 574.

¹¹³ «Աստուածատէր Արքայն Հերակլ ունի զնա միշտ ի խնամս իւր և միշտ գրէ մեզ զբարիտօքիւնս իւր, և մեր առ նա զթողիւն օրհնութեան գրեմք միշտ և ուրախացանք»: (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 254).

¹¹⁴ «...որ յառաջմէ իմացեալ ես և գիտեալ... թէ որչէս պատուօք պահեցար կամ որչիւր մեծարանս ունիր ի մենք»: (Матенадаран. Архив, Папка 4, № 24). Из рассказа самого Эмина мы узнаем, что Ираклий подарил Тархану дом и сад (L. A. J. E., 221).

¹¹⁵ *Յիշ.*, I, 532.

ман с поличным. Дело дошло до того, что Акоп, прямо обвиняя его в воровстве, требовал от царя суда над ним¹¹⁶. Захарию кое-как удалось выпутаться из этой темной истории, главным образом, благодаря поддержке покровительствовавшего ему Ираклия, и получить от Симеона утверждение в должности ахпатского епархиального начальника¹¹⁷. С тем большим рвением тбилисский епископ стремился выслужиться перед новым католикосом. И в первое время Симеон, которому нравилось это усердие, охотно использовал его услуги, считая его верным человеком¹¹⁸. Неудивительно поэтому, что Захарий, по первому же указанию католикоса, начал травлю Эмина. А глава местного армянского духовенства также был в Тбилиси очень влиятельной фигурой.

Но не только одни армяне выступили против Эмина. По словам последнего, грузинский царь в дальнейшем говорил ему, что в его плохом обращении с ним повинны как Симеон и Захарий, так и «многие другие среди моих собственных грузин»¹¹⁹. Враждебное отношение к Эмину грузинского дворянства вполне понятно и легко объяснимо. Вспомним только его советы царю об обуздании дворян и принятии против них самых суровых мер, об их насильственной европеизации путем принудительного обучения детей в школах и т. п. Пришелец, внушавший царю идеи европейского просвещенного абсолютизма, не мог не стать ненавистным влиятельным кругам грузинского феодального дворянства.

Несмотря на беспокойство царя, вызванное письмом католикоса, несмотря на ожесточенные нападки на Эмина со стороны его же влиятельных соотечественников и недовольство грузинского дворянства, Ираклий некоторое время явно колебался. Письмо Симеона он получил, как видим, в конце апреля, и тогда же его посетил вардапет Ованес с устным поручением от католикоса. Но прошло еще больше месяца, прежде чем он что-либо предпринял. Колебания царя объяснялись, по-видимому, тем, что опасность турецкого нашествия все еще оставалась реальной и окончательно порывать с Эмином он не хотел. Но вскоре новые события заставили его изменить свое намерение.

¹¹⁶ Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 52—54, 71—72, 75—77.

¹¹⁷ Там же, стр. 115.

¹¹⁸ Когда, например, в середине 1765 г. возник спор между двумя претендентами на пост агванского католикоса, то все переговоры, связанные с этим ответственным делом, Симеон поручил именно Захарию («*Համբար*», 89—91).

¹¹⁹ L. A. J. E., 386.

IX

Однажды утром царь вызвал к себе Эмина. Между ними произошел довольно бурный разговор, причем речь шла о письме Симеона, которое Ираклий потребовал вернуть. Из этого следует заключить, что письмо католикоса было до этого переслано им Эмину, очевидно через Тер-Филиппа. Во время последовавшего объяснения вспыльчивый Эмин (если хотя бы частично верить его рассказу) наговорил царю много дерзостей. Интересно отметить, что в процессе разговора у Ираклия вырвалось следующее откровенное признание: «Эмин-ага, что я могу поделать? Ваш собственный католикос, со всеми епископами и монахами, против вас; добрая часть моих подданных армяне, которые смотрят на них как на пророков и апостолов; если я буду действовать вместе с вами, не обращая внимания на то, что они говорят, они будут считать меня христианином не больше, чем султана»¹²⁰.

По возвращении от царя Эмин застал у себя тринадцать «курдистанских армян», которые привезли ему новое письмо от Овна, подробное содержание которого мы уже приводили выше. Здесь необходимо лишь добавить, что за месяц, протекавший со времени возвращения Эмина из Телава, он, видимо, успел информировать своего сообщника о враждебных действиях католикоса и его сподручных, так как Овнан в своем письме отзывался весьма нелестно о «волках», которые претендуют быть учениками спасителя, а на самом деле всегда вредили нации и являлись лишь орудиями в руках неверных. Посланцы Овна привезли также и упомянутые в письме шестьсот цехинов, посланные Эмину на необходимые расходы.

При этом выяснилось следующее. Один из посланцев Овна, некий Мелик Степан, оказался по дороге из Еревана в Тбилиси случайным попутчиком приближенного Ираклия Заза-бека, который вез царю послание от католикоса. Этот Заза-бек, сочинив небылицу о намерении Ираклия послать Эмина с несколькими тысячами всадников в Муш, сумел выведать от своего наивного спутника всю подноготную, узнав, в частности, о деньгах, пересланных настоятелем монастыря св. Карапета.

О времени поездки Заза-бека в Эчмиадзин мы знаем вполне точно из Эчмиадзинской «Памятной книги»: Заза-бек, вместе с другим приближенным Ираклия Аслан-беком, прибыл в Эчмиадзин 29 мая (9 июня); в тот же день он выехал оттуда обратно с письмами Симеона царю, грузинскому католикосу Антонию и некоторым другим лицам¹²¹. Таким образом, устанавливается

¹²⁰ Там же, 233.

¹²¹ *Յիշատի*, I, 107—109.

точная дата описываемых Эмином событий, которые, следовательно, произошли в конце мая—начале июня 1764 года¹²².

Мы можем теперь понять, почему именно в это утро произошло столь бурное объяснение между Эмином и царем. Ираклий только что получил новое письмо Симеона, а также узнал от своего приближенного о миссии Мелик-Степана.

Письмо Симеона от 29 мая тоже дошло до нас. В конце своего послания католикос повторно указывал, что поручил Заза-беку устно передать царю некоторые «нужные просьбы», которые настоятельно просил выполнить¹²³. Заза-бек был доверенным лицом Ираклия¹²⁴. Неудивительно поэтому, что Симеон поручил Заза-беку устно переговорить с царем. Он, по-видимому, не ограничился этим. С Заза-беком он отправил письма не только Ираклию, но также и сардару Ревазу, отцу зятя царя Давида Орбелиани, и грузинскому католикосу Антонию. Письмо к Ревазу содержало лишь благословения и добрые пожелания, но зато в послании к Антонию Симеон опять писал о важном устном поручении, данном им Заза-беку, и просил своего коллегу оказать ему содействие в этом деле¹²⁵.

В чем состояло это поручение католикоса, все усиливавшего, таким образом, и через Заза-бека и через Антония, свое давление на царя, мы в точности не знаем, но исходя из содержания его последующих писем и учитывая неслучайный интерес, проявленный Заза-беком к Мелик-Степану, есть веское основание полагать, что речь шла опять об Эмине.

Одновременно с этим Ираклий, от того же Заза-бека, узнал и другую новость, которая произвела на него, быть может, еще

¹²² Эмин пишет, что упомянутый выше разговор с царем произошел «через несколько дней» после возвращения из Телава (L. A. J. E., 232). Как видим, на самом деле прошло свыше месяца. Эти данные еще раз опровергают приводимые им даты о своей поездке в Байдары. Ведь в Телаве он пробыл, по своим собственным словам, три недели, а прибыл он туда непосредственно из Байдар. Следовательно, он не мог выехать из Байдар в конце ноября 1763 г.

¹²³ «... և զայլս ոմանս Հարկատր խնդիրս մեր զորս ծանուցաք զազապէկին զի ծանուցէ բնդ, խնդրեմ ներեցնս և լսող լինիցիս»: «... և զայլս ասելիս ի զազապէկեղ իմանալով, ողջ լեր»: (Матенадаран. Рукопись № 911, стр. 217).

¹²⁴ Симеон пишет о нем в своих письмах к царю: «близкий твой и наш любимый Заза-бек», *Հարազատն քո և մեր սիրելի զազապէկն*. (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 69—99 и др.).

¹²⁵ «... և զայլս Հարկատր խնդիրս մեր և զասելիս, զորս բերանով ծանուցաք սիրելուն մերոյ Զազա-բէկին, ի նմանէ իմանալոց ես... որոց և դու լիցիս հոգացող»: (Там же, 59).

более сильное впечатление, чем устное послание католикоса: он узнал о прибытии к Эмину целой делегации от Овнана не только с новым письмом, но и со значительной суммой денег, что свидетельствовало о том, что заговор в Западной Армении, нити от которого шли в Грузию, вступал в решающую фазу. А после истории с его собственным письмом, получившим столь нежелательную огласку, все это грозило крайне неприятными для него последствиями, тем более, что политическая обстановка в начале июня была уже не та, что в марте и апреле.

К июню опасность турецкого нашествия не казалась уже реальной. Большую роль в деле предотвращения турецкого вторжения в Восточное Закавказье сыграл, несомненно, русский демарш в Константинополе, который Порты не могла игнорировать. Во всяком случае, уже в своей реляции от 8 мая Обрезков извещал Коллегию иностранных дел, что сообщение о концентрации турецких войск на персидской границе «нимало не согласуется ни с здешней миролюбительной системой, ни с получаемыми из тех стран известиями, но напротив того кажется Порте непоколебимо пребывает в принятом намерении при настоящих в Персии обстоятельствах оставить ее со своей стороны в целом покое...»¹²⁶.

9 июня католикос Симеон писал в ответ на запрос консула Игумнова о прибытии турецких войск и имени сераскера¹²⁷, что со времени прошлогоднего нашествия на Имеретию, он ничего не слышал о приходе турецких войск и что, следовательно, эта новость является ложной, так как, в случае приближения турок, его непременно известили бы об этом¹²⁸.

18 июня прибыл из Тавриза в Энзели армянин Исая Макаров, сообщивший русскому консулу, что турецкое войско соби-

¹²⁶ АВПР, ф. Сношения России с Турцией. № 356. Реляции резидента в Константинополе Обрезкова. Апрель—май 1764 г., № 19.

¹²⁷ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 63. Что это письмо было написано Симеоном в ответ на полученный им запрос Игумнова, видно из того, что, по словам католикоса, запрос ему был сделан по распоряжению *շահ-шах-а*; персидское же слово *շահ-шах-а* означает консул. Далее он указывает, что полученное им письмо было привезено тавризским посыльным, т. е. тем самым «тавризским басурманином», которого отправил Игумнов в Эчмнадзин 12 мая.

¹²⁸ «... և յայնմ օրէ մինչև ցայտը, որ 8 ամիս է, ոչ երբէք լուար և ոչ իմացաք ազգային Համրաւ և կամ զառաւս զորաց յայնց կողմանց. իսկ եթէ լիայ էր դիմող յայտը կոյս և կամ յալլ մերձակայն մեր, բարեկամք մեր գրէին մեզ, որեմն ալդ Համրաւ վասն զալտեան նոցա ոչ է ճշմարիտ, վասնզի մեր մինչև ցայտը ոչ լուար զազգային Համրաւ»: (Матенадаран. Рукопись № 2919, стр. 63).

рается походом на Имеретию, а «что касается до Арарата и другой большой Грузии, т. е. Тифлиса и до Перся, то никакого о том слуха он ни от кого не слыхал, чтоб турецкое войско на помянутые города собиралось»¹²⁹.

Грузии больше не грозило турецкое нашествие. Теперь для Ираклия не было уже непосредственной надобности ни в Овнане, ни в Эмине. Наоборот, всякая дальнейшая связь с армянскими заговорщиками могла лишь скомпрометировать его, и вновь навлечь на него гнев Порты. Поэтому он счел теперь необходимым в корне пресечь дальнейшую деятельность Эмина, который, к тому же вызывал такое недовольство как среди влиятельного армянского духовенства и купечества, так и среди грузинского дворянства.

Х

Развязка наступила быстро. Через два дня бывший слуга Эмина, им в свое время уволенный, затеял ссору с одним из посланцев Овнана. Интересно отметить, что этот последний принадлежал «к первым семьям Муша», что также дает представление о масштабе заговора Овнана и свидетельствует об участии в нем именитых жителей этого города. В результате лошадь зачинщика ссоры была ранена. По убеждению Эмина все это было сознательной провокацией, подстроенной епископом Захарием. Как бы то ни было, его бывший слуга бросился к епископу, который сразу отправился с ним к Ираклию. Вызванный к царю Эмин был тут же арестован и препровожден в свою квартиру под конвоем.

Вскоре к Эмину явились приближенные царя, которые забрали два его чемодана с одеждой, книгами и бумагами. Царь хотел просмотреть не только всю его переписку, но и ознакомиться с его книгами, подозревая и здесь неладное. Он вызвал с этой целью двух находившихся в это время в Тбилиси католических миссионеров, которые успокоили его на этот счет, так как то были лишь английские книги по военному искусству. После этого чемоданы с вещами и книги были возвращены Эмину, однако, его английское ружье было конфисковано.

В течение двадцати четырех дней Эмин оставался под домашним арестом. Все это время Ираклий, видимо, колебался, не

¹²⁹ АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 10. Донесение Игумнова от 19 июня 1764 г., подcriptum.

зная как поступить. Наконец, «две армянских леди», отношения которых к Эмину остаются неясными, убедили последнего написать царю покорное письмо и заверить его, что он никогда и никому не говорил, что царь он, а не Ираклий. Речь опять шла, следовательно, об обвинении Эмина в честолюбивых намерениях, что являлось, видимо, одним из основных аргументов его врагов. Письмо такого содержания было написано этими «леди» и отправлено Эмином царю. Если верить его рассказу, то оно было послано в самый подходящий момент, ибо как раз в это время Ираклию была представлена «петиция», просившая царя казнить его. Если только эти сведения Эмина в какой-либо мере соответствуют действительности, то мы видим, какой острый характер приняла борьба против него.

В конце концов Ираклий решил выслать его обратно в Россию. К этому, очевидно, побудило царя не столько его покаянное письмо, сколько, пользуясь выражением самого Эмина, «уважение, должное русским»¹³⁰. Ираклий не считал удобным держать у себя в заключении человека, находившегося под покровительством русского правительства. Поэтому через шесть дней Эмин получил предписание отправиться вместе с царем в Сагареджо, откуда он должен был выехать через кавказские горы назад в Россию.

Непродолжительное путешествие в Сагареджо ознаменовалось для Эмина еще одним приключением, на котором мы не стали бы останавливаться, если бы оно чуть было не изменило все его планы. По выезде из Тбилиси он заметил отсутствие одного из своих людей, некоего Григора (не того ли самого, который своим бестактным поведением в Ереване нанес ему такой вред?), у которого хранились его деньги — остаток ста цехинов, полученных им до этого от Овнана¹³¹. Поняв, что он обворован, он обратился к «принцу Давиду, зятю Ираклия». Князь Давид Орбелиани, женатый на дочери царя Тамаре, в то время молодой человек двадцати пяти лет, относился, видимо, к Эмину с симпатией и уважением. Он сделал неудачную попытку убедить своего грозного тестя разрешить Эмину поехать назад в город. Тогда Эмин, на свой страх и риск, отправился с одним преданным слугой из лагеря царя, остановившегося в Авчалах, назад в Тбилиси и отобрал у вышеупомянутого Григора свои деньги.

¹³⁰ Л. А. Ж. Е., 241.

¹³¹ Привезенные ему накануне ареста шестьсот цехинов он, по своим словам, отказался принять, так как не мог поехать в Муш. Таким образом, Овнап по крайней мере дважды высылал ему деньги.

И тут, вновь встретившись с тринадцатью посланцами Овна, Эмин предложил поехать вместе с ними в Муш. Но те не согласились, заявив, что не имеют на это полномочий от Овна и не могут сделать это против воли Ираклия. Из письма Овна мы уже знаем, что последний ставил проектируемое им восстание в зависимость от содействия грузинского царя, предлагая Эмину приехать не одному, а хотя бы с маленьким отрядом грузинских войск. Понятно поэтому, что его уполномоченные, видя истинное положение дел, не решились в этот критический момент бежать из Грузии с Эмином, отвергнутым грузинским царем. Эмину оставалось только покориться своей участи и вернуться в авчальский лагерь.

На следующее утро Ираклий со своей свитой и войском двинулся дальше и вскоре прибыл в Сагареджо. Согласно приказу царя, полученному им еще в Тбилиси, Эмин должен был отсюда отправиться вместе с тридцатью черкесами к кавказским горам. Черкесы немедленно двинулись в путь, но Эмин не поехал с ними. В самый последний момент он еще надеялся на перемену настроения Ираклия. По-видимому, в этом был повинен Давид Орбелиани, сообщивший ему по дороге, что царь будто бы вновь отозвался о нем благожелательно. Но вскоре рассеялась и эта иллюзия. В три часа дня Эмина посетил приближенный Ираклия, передавший ему строгий приказ, чтобы он, не задерживаясь больше ни минуты, немедленно отправился через кавказские горы в Россию, «где были его друзья».

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КАРАБАХЕ

I

Получив приказ царя, Эмин с Баграмяном и несколькими попутчиками вынужден был тотчас же выехать из Сагареджо. Через четыре дня они добрались до Степан-Цминда—деревни у подножья горы Казбек. Здесь они наняли провожатых-горцев, которые переправили их через Кавказский хребет¹. Об этом путешествии через горы Эмин говорит в своей автобиографии очень коротко, не сообщая никаких подробностей. Он вернулся из Грузии через Осетию и Кабарду.

Сорок дней, проведенные Эмином в доме одного черкеса, у которого он остановился, были очень для него тяжелыми. Он серьезно заболел. Видя, что ему становится все хуже, он в конце концов обратился к хозяину с просьбой найти проводника, который доставил бы его в Брагуны, местечко в двенадцати милях от Кизляра, где, как он знал, проживало несколько армянских семейств, которые могли оказать ему помощь и взять на себя заботу о нем. Его хозяин сейчас же раздобыл двух лошадей, для него и его спутника, и привел черкесов, которые, за известное вознаграждение, согласились сопровождать их. После четырехдневного утомительного пути они прибыли в Брагуны.

Местечко Брагуны было заселено в основном черкесами, хотя вокруг обитали чеченские племена. Оно представляло собой отдельное маленькое княжество, подвластное русским². По сло-

¹ Эмин пишет: «это было в июне месяце» (Л. А. Ж. Е., 249). Вернее, однако, это было в июле. Он был арестован в первых числах июня по старому стилю, а просидел под арестом, по собственному свидетельству, «ровно тридцать дней» (там же, 242). Это соответствует также его заявлению, что он пробыл в Грузии «четырнадцать месяцев» (там же, 238), а приехал он туда, как мы знаем, не раньше конца апреля 1763 г.

² См. «Материалы по истории Дагестана и Чечнии». Махачкала, 1940. III, 323—324, прим.; П. Зубов. Картина Кавказского края. СПб. 1835, II, 155.

вам Эмина, в то время в Брагунах обитали «восемьсот черкесов, смешанные с немногочисленными татарами»; там проживало шесть армянских семейств и примерно тридцать холостых армян-лавочников, людей зажиточных и не плативших никаких налогов³.

В одном из этих армянских домов Эмин нашел гостеприимный приют. Он рассчитался с проводниками и расстался с Мовсесом Баграмяном, отправившимся в Астрахань, где проживала его семья. До ноября Эмина продолжала трести перемежающаяся лихорадка. Но местные армяне всячески заботились о нем, так что он ни в чем не нуждался. Когда ему бывало лучше, они возили его «к горячим водам примерно в трех милях от этого места». Речь идет о горячих источниках в семи верстах от Брагун, которые в 1771 г. дважды посетил Гюльденштет, называющий их St. Petersburg⁴. Местные жители широко пользовались этими источниками в лечебных целях⁵.

В начале ноября в Брагуны прибыл «один из его слуг», Тархан, т. е. известный уже нам Тархан Маркаров, бывший начальник завербованного в Астрахани отряда. Тархан был послан им «за восемь или десять месяцев до этого» из Тбилиси в Петербург для получения там ста фунтов стерлингов, пересланных, согласно обещанию, в третий и последний раз Нортумберлендом. Тархан привез не только эти деньги, но и три куска английской материи и часы, стоимостью в десять фунтов стерлингов—подарки от Ивана Лазарева. Какие другие поручения Эмина выполнил Тархан Маркаров в России, мы, к сожалению, не знаем.

В Брагунах Эмин прожил «около десяти месяцев»⁶. Вернуться в Грузию он не мог, а ехать дальше в Астрахань не хотел. Это значило окончательно отказаться от всех своих планов и надежд, а с этой мыслью Эмин никак не мог примириться. Он не имел, однако, никаких перспектив, колебался, не знал, что предпринять. И как раз в этот тяжелый для него момент судьба снова приготовила совершенно неожиданный для него сюрприз.

Однажды, после полудня, когда он сидел на крыльце своего дома, во двор вошел горец, приветствовавший его как человека, известного своей храбростью. Завязав с ним беседу, горец этот, по имени Ачахан⁷, предложил Эмину стать предводителем его

сородичей. На заявление последнего, что он не имеет денег, Ачахан откровенно объяснил ему, что им важно, чтоб он руководил их боевыми операциями и научил воевать подобно русским, а деньги они сами будут добывать в неограниченном количестве. На второе возражение Эмина относительно различия их религий горец ответил в том смысле, что «религией солдата является его меч» и что упомянутое обстоятельство никак не может помешать их верности и дружбе.

Через несколько дней Ачахан прибыл в сопровождении сорока своих родственников, а вслед затем с шестьюстами вооруженных всадников, от имени которых он сообщил Эмину, что все эти люди одного племени, пришедшие просить его взять над ними командование, и что их число в ближайшие дни может возрасти до нескольких тысяч. Все они, заявил он, вооружены, имеют двухмесячный запас продовольствия и готовы ему повиноваться. Приняв от них присягу, Эмин отпустил их, обещав вызвать, как только окончательно поправится. После этого через каждые два-три дня горцы возвращались, причем их число все увеличивалось и, примерно через месяц, достигло восьми тысяч.

Горцев, впервые обратившихся к нему, Эмин называет «нацией muchkiz»⁸, а Ачахана, приведшего их, «горцем muchkiz»⁹. Несколько далее он заявляет, что к нему обратилась «нация michkiz из лесной провинции Чечни»¹⁰.

В XVIII веке термин muchkiz или michkiz употреблялся в двояком смысле. Гюльденштет, совершивший в 1770—1771 гг., т. е. через пять-шесть лет после Эмина, поездку в кавкаские горы и детально изучивший жизнь, быт и язык горских племен, сообщает по этому поводу следующее. Всю территорию, лежащую между рекой Сунджей и предгорьями Кавказского хребта, включая самые эти предгорья, т. е. территорию, граничащую на западе с Малой Кабардой, на севере с Терекон, на юге с лезгинскими и грузинскими районами, он называет Кистией, а племена, там обитающие, кистами, предпочитая, по собственному объяснению, грузинское наименование. Но одновременно он сообщает, что лезгины и большая часть черкесов называют эти

подписавших мы находим фамилию Ачи-кирес. (АВПР, ф. Сношения России с Кабардой, 1761 г., № 5). Возможно, что этот старшина и есть Ачахан Эмина.

³ L. A. J. E., 256.

⁴ Там же, 253, 254.

¹⁰ Там же, 270.

² L. A. J. E., 250.

⁴ Guldénstädt, I, 152, 158.

⁵ Napway, ук. соч. 251.

⁶ L. A. J. E., 250.

⁷ В архиве Коллегии иностранных дел сохранилось прошение от 20 мая 1765 г., поданное кизлярскому коменданту чеченскими старшинами. Среди

племена Mitzdschegen¹¹. Однако точно так же, как термин «чечены», в настоящее время более распространенный и общепринятый, являлся названием одного из кистинских племен (Tschetschenen по Гюльденштету), так и термин «мичигизы» являлся названием одного из народцев, населявших эту область. Мичигизы, «в собственном смысле этого слова», сами себя так называвшие проживали, по словам Гюльденштета, в районе между реками Сунджей и Аксай и двадцати одной деревне, названия которых он тут же перечисляет¹².

Таким образом, во второй половине XVIII века термин «мичигизы» употреблялся и в общем смысле, как название всех кистов, и как конкретное наименование одного из их племен. Племя это проживало в районе, расположенном поблизости от Кизляра, юго-восточнее тех самых Брагун, где находился Эмин.

Все свидетельства современников рисуют чеченские племена того времени как наиболее примитивные по своему общественному развитию, по сравнению с другими кавказскими горцами, не только по сравнению с черкесами, но даже с лезгинами. Если в соседнем Дагестане имелись уже сравнительно развитые феодальные княжества, то среди чеченских племен процесс феодализации только начинался. То были родовые союзы¹³, непрерывно враждовавшие между собой, воинственные племена, без письменности и писанных законов, для которых разбой и грабеж служили не менее важным источником существования, чем примитивное земледелие и скотоводство. «Их занятием, как и всех кавказцев,—писал Гюльденштет,—является животноводство и земледелие; дополнительным промыслом, который многие превращают в основное занятие, являются набеги на территорию своих соседей для похищения скота и людей, частые мелкие войны, во время которых они грабят и жгут. В этих целях они все вооружены и полностью военизированы, подобно русским казакам. Мужчины являются представительными, хорошего роста, предприимчивыми и хитрыми»¹⁴.

Чеченские племена в шестидесятых годах XVIII века уже подчинялись формально России и даже посылали в Кизляр за-

ложников. Однако эта зависимость была очень условной и не мешала им совершать набеги не только на своих соседей, но и на русские станицы за Терек. Карательные экспедиции, предпринимавшиеся время от времени русскими властями на Кавказе, не давали должных результатов¹⁵. Чеченцы были, по выражению одного современного французского автора, «беспокойными и опасными протеже», по территории которых можно было развезжать лишь с надежным эскортом¹⁶. «Различные племена этой беспокойной и буйной нации,—читаем мы о чеченцах в изданном в Англии в 1788 г. описании кавказских народов,—обычно враждуют друг с другом и со всеми своими соседями»¹⁷.

Особой воинственностью отличались как раз мичигизы, обратившиеся к Эмину. Описывая одну из их деревень, Гюльденштет называет их «опасными и пользующимися дурной славы разбойниками»¹⁸. Эту незавидную репутацию мичигизы имели еще и в начале XIX столетия. «Из всего обитающего чеченского племени,—читаем мы в одной докладной записке,—мичиковцы или мичигизы более всех известны неукротимой ненавистью, зверством и до совершенства доведены искусством в воровстве, грабеже и убийствах»¹⁹. «ущелье сей реки (Мичика.— А. И.),—сообщается в другом рапорте,—с давних пор считается вертепом мошенников и разбойников, которые, по беспрестанным своим грабежам и воровством, на линии и у кумыков, для различия от других чеченцев, получили название мичиковцев или мичегозовцев»²⁰.

Общинно-родовые начала среди чеченских племен были еще столь прочны, что некоторые племена, в том числе и мичигизы, не имели даже наследственных князей, а сами выбирали себе временных старшин. «Немногие,—пишет тот же Гюльденштет,—имеют независимых владетельных князей... другие же не имеют дворянства и выбирают из своей среды богатейших (особенно если у тех большое родство) на должность старшин, которым, однако, они повинуются лишь столько времени, сколько

¹¹ G ü l d e n s t ä d t, ук. соч., I, 477—478.

¹² Там же, 480, 481.

¹³ Еще в первой половине XIX столетия чеченцы жили в условиях патриархально-родового быта, правда, уже в стадии его разложения. См. Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, СПб, 1871, I, 451 и след.; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», III, 18—19.

¹⁴ G ü l d e n s t ä d t, I, ук. соч., 478—479.

¹⁵ Там же, 477, 479.

¹⁶ Levesque, „Histoire des different peuples soumis a la domination des russes“, 1783, II, 399.

¹⁷ „Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black sea and the Caspian“, London. MDCCCLXXXVIII (1788), 38.

¹⁸ G ü l d e n s t ä d t, ук. соч., I, 481.

¹⁹ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», III, 236.

²⁰ Там же, 309, прим.

им хочется»²¹. В одной из докладных записок Воронцова, представленных Екатерине в 1762 г., про «киштинцев» говорится, что «управляются они старщинами»²².

Очень часто один или несколько чеченских народцев объединялись вокруг того или иного предводителя, с целью совершения набегов на соседние области. Как только совместная цель была достигнута, или когда избранный предводитель не оправдывал возлагавшихся на него надежд, от него столь же легко отрекались, как до этого добровольно ему подчинялись.

Подобные отряды, организовавшиеся в целях совместных набегов, были обычным явлением среди кавказских горцев еще в первой половине XIX века. В такой партии, в количестве нескольких тысяч человек, обычно принимало участие все мужское население тех или иных народцев, за исключением стариков и детей. «Каждый обязывался иметь с собой необходимую одежду, состоявшую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или из толстого горского сукна. Продовольствие такой партии обыкновенно составляли гомия (пшено), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, варенное на меду. Все продовольствие каждый, кроме предводителя, нес на себе на целый месяц». «Последним мог быть только человек, известный своей храбростью... Предводитель должен был быть крепкого сложения, в состоянии переносить холод и голод, чтобы служить примером для всех остальных. Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением своей партии; каждый член ее обязан был следовать за ним всюду»²³. «Он был полный глава и распорядитель... Успех партии давал предводителю две доли из добычи, славу, знаменитость и доверенность; неудача была позором для него и, случалось, влекла за собой смерть предводителя»²⁴.

При выборе такого вождя его личные качества, как храброго воина, играли, как видим, первостепенную роль. Эмин же пользовался именно такой славой еще с того времени, как по дороге в Закавказье был задержан Ступишиным, что, по его словам, уже тогда произвело сильное впечатление на местных горцев. Вскоре среди горских племен стали распространяться сведения о его воинских подвигах в Грузии в стычках с лезги-

²¹ *Güldenstädt*, ук. соч., I, 477.

²² «Архив князя Воронцова», кн. 25, стр. 299.

²³ *Дубовин*, ук. соч., 254—255.

²⁴ Там же, 250.

нами. Об этом рассказывает не только он сам; из приведенного нами сообщения горийского жителя Егора явствует, что сведения о его пребывании в Грузии привезли вернувшиеся оттуда «кабардинцы». Мы можем поэтому верить словам Эмина, когда он сообщает, что жена брагунского князька утверждала даже, что во всем Дагестане его называли *armanily pateschahy*, т. е. армянским падишахом²⁵. Большое впечатление производило, в частности, на горцев его европейское военное мастерство, умение вести битву «подобно русским».

Неудивительно, поэтому, что узнав о его пребывании в Брагунах и ссоре с Ираклием, чеченцы обратились именно к нему. Он вполне справедливо указывает, что в этом не было ничего необычайного, так как и до этого горцы, обычно, использовали во время своих набегов грузин, переходивших на их сторону²⁶. Не было ничего странного и в том, что горцы-мусульмане задумали избрать своим вождем христианина. Все современные источники единодушно характеризуют кавказских горцев, и в частности чеченцев того времени, как плохих мусульман, отнюдь не фанатиков своей религии, у которых мусульманство носило скорее внешний, показной характер и среди которых были еще прочно укоренены прежние религиозные верования, особенно идолопоклонство²⁷. Русское правительство в те годы (до появления среди чеченцев, двадцать лет спустя, «пророка» Мансура) было настолько убеждено в их индифферентности к мусульманству, что считало их даже «весьма наклонными» к принятию христианства и усиливало среди них миссионерскую деятельность, боясь лишь, чтобы православное духовенство не опередили католические патеры²⁸.

II

В своей автобиографии Эмин не скрывает, что обращение

²⁵ *L. A. J. E.*, 255.

²⁶ Там же, 264. Это вполне совпадает со свидетельством Буриашева, который, говоря о нападениях лезгин на Грузию, пишет: «к таковым повсеместным хищениям руководствовали самые грузинские князья, кои, озлобясь на царя, за собственные же их против него измены, убегали в Дагестан и оттуда, собрав бродяг, терзали собственное свое отечество». («Картина Грузии...», 13). См. также *Allen* ук. соч., 199—200.

²⁷ *Levesque*, ук. соч. II, 114; *Güldenstädt*, ук. соч. I, 479—480. «Большая часть из них суть магометане, но столь несведущи во всем, что и о законе своем едва понятие имеют». («Плещеева обозрение российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии». СПб., 1790, 175).

²⁸ «Акты, собранные кавказскою археографическою комиссией», I, 82—83.

к нему мичигизов «было для него известным утешением». Оно не только льстило его самолюбию, но и предоставляло, казалось, желанный выход из создавшегося положения, давало ему возможность вернуться в Закавказье в качестве предводителя воинственных горцев, которых боялись и с которыми должен был бы считаться изгнавший его Ираклий.

Весть о формировании Эмином многотысячного отряда из горских племен дошла вскоре до Грузии и до русских властей в Астрахани. Прежде всего об этом узнали, разумеется, в соседнем Кизляре. Эмин был информирован, что один армянин донес обо всем происходившем в Брагунах новому русскому комендату, преемнику Ступишина, т. е. генерал-майору Потапову; последний, однако, не только не обратил внимания на этот донос, но и приказал выпороть доносчика; он разъяснил при этом окружающим, что Эмин, перешедший в свое время границу с согласия русских министров, не может своей деятельностью нанести ущерб русским и не будет тревожить русские границы, что цель его припугнуть, с помощью горцев Ираклия, столь неразумно изгнавшего его из своей страны²⁹. Видимо, новый кизлярский комендант не только имел сведения об Эмине и его деятельности в Закавказье, но и был явно недоволен его высылкой из Грузии³⁰.

В конце мая 1765 г. Эмин составил окончательный список завербованных им горцев, число которых достигло двенадцати тысяч. Вблизи горячих источников, в трех милях от Брагун, состоялся смотр его войска, на котором он выступил со следующим предложением: все воины, за исключением тридцати пяти старшин, должны разойтись по домам, в ожидании его дальнейших приказаний; сам же он со старшинами поедет в Аварское княжество для совешания с тамошним Магомет-ханом; затем военачальники вернутся назад за всем войском, чтобы вторгнуться в Грузию. Этот план был одобрен горцами, еще до того давшими клятву беспрекословно выполнять его приказания.

Рассказывая обо всем этом, Эмин тут же указывает, что он сознательно вводил горцев в заблуждение, создавая впечатление, что не хотел больше мириться с Ираклием; на самом же деле он не променял бы одного грузина-христианина на всех магометан Азии. Мы не имеем никаких оснований сомневаться

²⁹ Л. А. Ж. Е., 257—258.

³⁰ Весьма возможно, что сведения об Эмине имеются в рапортах Потапова за 1765 г. в т. № 17 «кабардинских дел». К сожалению, именно этот том «кабардинских дел», по-видимому, затерялся.

в его искренности. Фанатически преданный идее освобождения родины, Эмин решил стать предводителем горцев отнюдь не для того, чтобы возглавить их разбойничьи набеги. Он хотел лишь, выражаясь словами кизлярского коменданта, припугнуть Ираклия, продемонстрировать перед ним свою силу и обеспечить себе почетное возвращение в Грузию. Он руководствовался не непримиримой ненавистью к грузинскому царю и желанием мщения, а, наоборот, стремлением добиться с ним примирения.

Накануне его отъезда из Брагун его посетил прибывший туда монах Сукиас из монастыря св. Карапета, его старый знакомый по Москве³¹. Сукиас сообщил, что он имел письменное распоряжение от Овнана вручить ему все деньги, собранные им среди армян России—всего 646 туманов. Эмин и на этот раз отказался принять эту сумму, заявив, что полученные им от Нортумберленда 100 фунтов стерлингов на первое время вполне достаточны, обладание же чрезмерно крупной суммы во время пребывания среди полудиких горцев могло бы ему лишь повредить.

Наконец наступил день отъезда. Купив себе черкесского коня и наняв слугу-туземца, Эмин с тридцатью горскими старшинами отправился в деревню Чечня, где остановился в доме одного из этих старшин, тамошнего князя Али-Султана.

Как видим, в набранном Эмином отряде находились не только одни мичигизы, первые завязавшие с ним сношения. Уже тот факт, что в его отряд набралось постепенно до двенадцати тысяч человек, показывает, что к нему присоединилось не одно, а несколько кистинских племен. Во всяком случае, среди них было и племя чеченцев во главе со своим князем. Чеченцы жили в районе нижнего течения реки Аргун и Сунджи, т. е. тоже вблизи Брагун, юго-западнее этого местечка, в то время как мичигизы жили юго-восточнее. Чеченцы также были одним из самых воинственных племен и поэтому их именем, как и именем

³¹ Сукиас действительно мог в тот момент оказаться в Брагунах. Дело в том, что незадолго до этого астраханский епархиальный начальник Степанос выслал находившегося в Астрахани сборщика пожертвований в пользу монастыря св. Карапета, выдвинув против него обвинение в колдовстве. Этот последний, вернувшись в монастырь, в свою очередь обвинил Степаноса в клевете и в присвоении собранных им денег. Тогда Овнан послал в Астрахань для выяснения этого дела Сукиаса. Все это произошло весной 1765 г., так как написанное по этому поводу письмо Степаноса было получено в Эчмиадзине 2 апреля этого года (ВРЗ. I, 180—183). Таким образом, Сукиас, выполнив свое поручение, действительно мог в конце мая—начале июня очутиться, на обратном пути, в Брагунах.

мичигизов называли уже часто весь народ кистов. В противоположность мичигизам чеченцы имели князей. В описываемую нами эпоху чеченским князем был Али-Султан из фамилии Казбулатовых. Он княжил уже с сороковых годов и был родственником аварского хана³².

Эмин прожил у Али-Султана две недели, после чего вернулся на два дня в Брагуны, а затем со своими тридцатью военачальниками отправился в Хунзак—столицу Аварии для переговоров, согласно намеченному плану, с тамошним ханом.

Плану этому не суждено было, однако, осуществиться. Еще по дороге в Аварию произошел разрыв между ним и горскими вождями. По словам Эмина, случилось это следующим образом. За день до прибытия в Хунзак он оказался со своими спутниками в Андии. Местечко Андия, в округе того же имени, являлось в то время центром работорговли; именно сюда пригоняли горцы захваченных пленных и похищенных ими детей, где и продавали их,—главным образом крымским татарам. Здесь Эмин и сопровождавшие его горцы встретили лезгин, гнавших на рынок для продажи шестилетнюю грузинскую девочку. Его спутники начали ее осматривать столь грубым образом, что он вынужден был вмешаться. Тогда Али-Султан обратился к нему с указанием, что, поскольку он не имеет денег, то должен терпеть, чтобы его войска сами себя вознаграждали рабами и рабынями, а если у него столь милосердное сердце, то пусть лучше он отпустит их обратно. Последовало объяснение, в результате которого горцы распрощались с ним, впрочем вполне миролюбиво.

Очевидно, для Эмина становилась постепенно все более ясной химеричность его первоначальных иллюзий о возможности использования горцев в своих политических целях. Он не мог вскоре не убедиться, что чеченцы думали лишь о грабеже и разбое и что, при всем его авторитете, он не смог бы им в этом воспрепятствовать. Порывистый и увлекающийся, он был склонен предаваться иллюзиям, но когда проходило первое увлечение, умел трезво оценивать реальную действительность.

Несомненно, что и горские вожди убедились к тому времени, что Эмин не жаждущий наживы авантюрист, готовый возгласить их набеги ради личного обогащения, а человек, преследующий какие-то другие, совершенно чуждые им цели. Неудивительно, что в этих условиях разрыв между ними был неизбежен и случайный повод оказался достаточным для того, чтобы они окончательно разошлись.

³² Бутков, Материалы..., I, 221, 258, 301; Güldenstädt, ук. соч., I, 482.

После ухода горских вождей Эмин продолжал свой путь в Хунзак. Вместе с ним ехал туда и Али-Султан. В своих воспоминаниях Эмин дает очень яркий портрет этого хитрого и лицемерного, столь же алчного, сколь и бедного горского князька, не гнушавшегося самого обыкновенного воровства. Зная, что у Эмина имеется некоторая сумма денег, он в течение всей дороги норовил выяснить, где они у него припрятаны, залезая под разными предлогами даже в его карманы³³.

На следующий день после отъезда из Андии Эмин со своим беспокойным спутником прибыл в Хунзак. Аварское ханство являлось в то время одним из самых могущественных феодальных княжеств Дагестана. Тогдашним ханом, или по-лезгински, нуцалем, являлся Магомет-Муса-хан.

Этот Магомет-хан принял Эмина крайне любезно. Он сам был очень невысокого мнения о своем бедном родственнике Али-Султане, которого поспешил отправить обратно. Эмин же провел у хана четыре месяца³⁴, которые причисляет к счастливейшим дням своей жизни. Особенно он был тронут вниманием и заботой, которые проявила в отношении его первая жена хана³⁵.

³³ Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы вполне подтверждают характеристику этого чеченского князька, данную Эмином. В архиве Коллегии иностранных дел имеется дело «о желании чеченского владельца Али-Султана приехать в Санкт-Петербург на поклон ея величества». Из этого «дела» мы узнаем, что в начале 1764 г. последний обращался к кизлярскому коменданту с просьбой разрешить ему поехать в Петербург. Цель его была вполне определенная—добиться чина и прибавки к пенсии, которую он получал от России в размере 75 рублей. Ознакомившись с этой просьбой, Панин, сразу поняв о чем идет речь, поставил вопрос о том, чтобы отделаться от него «малой прибавкой жалования». На этом, по-видимому, дело и кончилось. Но уже в начале 1765 г., т. е. всего за несколько месяцев до описываемых событий, Али-Султан вновь кланчил у Потапова «принадлежащее аманатчикам денежное жалование», которое будто бы должна была ему казна. АВПР. ф. Сношения России с Кабардой, 1764 г., № 5.

³⁴ Гюльденштет сообщает, что резиденцией Магомет-хана в начале семидесятых годов была деревня Кабуда (там же, 485). В рассказе Эмина нет, однако, никаких указаний на то, что он покидал Хунзак, где жил, очевидно, в том самом ханском дворце, который существовал еще в середине XIX столетия. (См. А. Берге. Материалы для описания Нагорного Дагестана, Тифлис, 1859, 15).

³⁵ Ее звали, говорит он, Bakher. В этом он ошибается. Bakher было не имя ханши, а ее титул—беки или бике (от слова бек), которые носили аварские ханши. Но Эмин был вполне прав, заявляя, что она являлась дочерью

166

167

ная ситуация. Все более усиливается напор кочевников. Обитавшие в карабахской равнине племена, занимавшиеся главным образом скотоводством, использовали горные кочевки, находившиеся на территории меликств. Естественно поэтому, что племена эти стремились завладеть этими кочевками, утвердиться в Нагорном Карабахе. Выразителем этого стремления был предводитель джванширского племени из рода сариджалу, некий Панах.

Быстро возвысившись, этот коварный, жестокий, но способный человек умело использовал анархию в иранском государстве после смерти Надира и даже получил, за соответствующую мзду, от одного из претендентов, Адил-шаха, титул хана. Подчинив себе племена низменности, он ставит перед собой целью проникнуть в Нагорный Карабах. Уже в конце сороковых годов он делает попытки строить крепости в карабахских горах, но эти его опорные пункты тотчас же разрушались меликами.

Вскоре, однако, для происков Панах-хана создается благоприятная обстановка, в связи с начавшимися среди меликов феодальными неурядицами. В Варандском меликстве произошел переворот. Мелик-Иосифа, тихого и слабовольного человека, убил его младший брат Шахназар и захватил власть в свои руки. Другие четыре мелика объединились и выступили против узурпатора. Тогда Мелик-Шахназар, человек честолюбивый и беспринципный, обратился за помощью к Панах-хану, причем предоставил Панаху территорию в пределах своего меликства, где последний, в начале пятидесятых годов, построил, среди неприступных гор, крепость Шушу, куда и переселился.

Так, Панах-хан осуществил свое намерение и водворился в Нагорном Карабахе, превратив варандского мелика в своего вассала. Вскоре ему удалось подчинить себе и меликство Хаченское. Захватив и убив мелика Аллаверды, Панах назначил тамошним меликом бывшего деревенского старосту Мирзахана, ставшего его приспешником.

Оставались лишь три независимых меликства—Гюлистанское, Джрабердское и Дизакское. Панах сделал попытку подчинить себе Джрабердское меликство тем же способом, каким он подчинил Хаченское. Когда джрабердский мелик Алла-Гули Султан прибыл к нему для переговоров, он убил его. Но брат последнего Адам, ставший меликом в Джраберде, не только не подчинился Панаху, но совместно с гюлистанским Мелик-Иосифом и дизакским Мелик-Исаем начал войну против хана и его вассалов—Мирзахана и Шахназара. Не станем описывать все подробности этой многолетней борьбы, в которой армянские

воины показали образцы отваги и храбрости³⁹, борьбы, в процессе которой мелики старались использовать и внешние силы, вступая в соглашения с шемахинским Хаджи-Челеби-ханом, и с грузинским царем⁴⁰. Скажем лишь, что дизакский Мелик-Исай, чье южное меликство было изолировано от территории его союзников, должен был, в конце концов, подчиниться карабахскому хану, а изнуренные борьбой Мелик-Иосиф и Мелик-Адам вынуждены были в начале шестидесятых годов удалиться со своими подданными из Карабаха и переселиться на территорию соседнего Ганджинского ханства, в район Шамхора⁴¹.

Наследовавший в 1763 г. своему отцу новый карабахский хан Ибрагим стремился вернуть назад обоих армянских меликов с их людьми. В этих целях он повторно предпринимал соответствующие шаги и перед меликами и перед ганджинским Шаверди-ханом. Сам мелики склонялись к тому, чтобы вернуться в Карабах, но Шаверди-хан, заинтересованный в том, чтобы они оставались на подвластной ему территории, препятствовал этому. Он продолжал поддерживать близкие отношения с Мелик-Адамом, который неоднократно в прошлом оказывал ему помощь и «который был его другом»⁴², но с Мелик-Иосифом у него произошел разрыв. Последний удалился в Грузию под защиту Ираклия, который «имел вражду к Шаверди-хану»⁴³. Столь же

³⁹ Об этом в местном армянском фольклоре сложились целые легенды. (См. Րաֆֆի, *Խաչատուրյանի թղթերը*, Չիկենա, 1906, 61 и след.). Книга знаменитого армянского писателя Раффи о карабахских меликствах не является научным произведением, но ценна как раз из-за собранных им во время своей поездки в Карабах, в восьмидесятых годах прошлого столетия, фольклорных материалов, широко использованных им в своей работе.

⁴⁰ Все эти нашествия на Карабах и происходившие там войны подробно описаны в произведении Мирза-Адигозали, имеющемся и в армянском переводе (Матенадаран. Рукопись № 4463, стр. 19—27), а также в сочинении одного из чиновников карабахских ханов, Джемалю, переведенном на русский язык А. Берже («Кавказ», 1855 г. № 61—69. «Карабах». Соч. Джемалю Джебаваншира Карабаха. Перевод с персидского А. Берже).

⁴¹ Матенадаран. Рукопись № 4463, стр. 14—15. См. также *Թիշ.* I, 491. В письме Тархана Маркарова, написанном Эмину в ноябре 1762 г., упоминается о переселении Мелик-Адама и Мелик-Иосифа в Шамхор: «Սեփիդիկի որդիքն էն կղզու կղզու ի Շամքոր».

⁴² *Թիշ.* I, 521.

⁴³ Там же, I, 492. Еще в 1749 г. ганджинский хан вошел в созданный против него коалицию, которую Ираклию, разбившему напавших на него лезгин, удалось своевременно расстроить. (Brusset, II, 211; Бутков, «Материалы...».

враждебно относился к нему и ширванский Гусейн-хан, предпринявший против него поход еще весной 1765 г.

В результате в 1766 г. против Шаверди-хана образовалась мощная коалиция. На него ополчился как Гусейн-хан, так и Ибрагим-хан; одновременно Ираклий выслал против него Мелик-Иосифа вместе с войском из подвластных ему казах.

Как раз в это время против ганджинского хана восстали шамшадинцы. Это племя шамшадинцев (или, как они называются в современных русских документах, «шамшадильцев»), проживавшее между Ганджей и Казахом и подвластное Шаверди, неоднократно восставало против него и прибегало к покровительству Ираклия. Грузинский царь объяснял это впоследствии русскому представителю Львсу «несносными налогами» и «утеснениями», которым они подвергались со стороны хана⁴⁴.

В этот критический для себя момент Шаверди-хан не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью и содействием к джарским лезгинам, обещая им щедрое вознаграждение⁴⁵. А в одной из джарских деревень проживал в то время Эмин.

Собираясь в поход, тамошние лезгины обратились к нему с предложением присоединиться к их экспедиции⁴⁶. Тяготясь бездействием и видя в этом удачный способ вернуться в Закавказье, он принял это предложение и выступил в путь с восьмьюдесятью лезгинскими старшинами, вслед за которыми должно было двинуться многотысячное войско.

По приезде в Ганджу оказалось, однако, что в помощи джарцев уже не было надобности. Действительно, Шаверди-хану на этот раз удалось отвести от себя нависшую над ним угрозу. Ему удалось добиться примирения как с Гусейн-ханом, так и с Ибрагим-ханом. Узнав об этом, Мелик-Иосиф тоже решил воз-

И, 236—237). В 1752 г. Ираклий со своим отцом ходил походом на Ганджу, ввиду отказа Шаверди-хана выплачивать ежегодную дань. Правда, теснимый Панахом, ганджинский хан часто вынужден бывал обращаться за помощью и поддержкой к Ираклию, но тот все же имел основание быть недовольным его поведением.

⁴⁴ «Грамоты...», I, 387.

⁴⁵ *ՅԻԶ.*, I, 492.

⁴⁶ В своей автобиографии Эмин упоминает, что эта экспедиция была принята по просьбе Шаверди-хана в связи с восстанием шамшадинцев (Л. А. Л. Е., 287). Он, однако, ничего не говорит о созданной против хана коалиции, ошибочно полагая, что Мелик-Иосиф обратился за помощью непосредственно к шамшадинцам, а не к Ираклию.

держаться от военных действий и написал обо всем Ираклию, ожидая его дальнейших распоряжений⁴⁷.

Но, несмотря на это, через несколько дней в Ганджу прибыл двухтысячный отряд лезгин. Шаверди-хану нужно было теперь что-то предпринять, чтобы избавиться от этих опасных и требовательных гостей. В этих целях он предложил лезгинам отправиться в поход на юг, обещая там богатую добычу, на что те согласились. Эмин пишет в своей автобиографии, что лезгины намеревались совершить набег на Нахичеванскую область, а он, зная, что там проживает много армян, решил присоединиться к ним, дабы расстроить их замыслы и спасти своих соотечественников⁴⁸. Но ему, видимо, не была известна вся истина, которая заключалась в следующем.

Шаверди-хан нарочно распространил слухи о походе лезгин на Нахичевань. На самом деле лезгины шли прямо на Ереванское ханство. Об этом Шаверди сам же поспешил известить ереванского Гусейн-хана⁴⁹. Одновременно и из Тбилиси поступили сведения о движении лезгин. В Ереване поднялась невероятная паника. Гусейн-хан, по своему обыкновению, дал приказ всем окрестным жителям укрыться в ереванской крепости. Сам католикос Симеон считал на этот раз необходимым (ввиду того, что строительство возводимой им вокруг эчмиадзинского монастыря крепостной стены еще не было закончено) удалиться в Ереван вместе с престарелыми и немощными монахами и детьми-прислужниками⁵⁰.

Тревога, царившая в эти дни в Ереване и Эчмиадзине, нашла свое отражение и в дошедших до нас письмах католикоса. В августе, уже после того, как опасность миновала, Симеон писал константинопольскому патриарху: «В это время дошла до нас смертоносная весть о проклятом народе лезгин, будто бы они придут, сделают набег на нашу страну и мы и страна наша немало по этому поводу тревожились, но милостью божьей, уничтоженные, они до нас не дошли»⁵¹. Знал ли католикос, когда пи-

⁴⁷ *ՅԻԶ.*, I, 493.

⁴⁸ Л. А. Л. Е., 279.

⁴⁹ *ՅԻԶ.*, I, 493. Он писал ереванскому хану о походе 5000 лезгин, что по сведениям эчмиадзинской «Памятной книги» было намеренным преувеличением, так как на самом деле лезгин было 700—900 человек. Из свидетельства Эмина мы знаем, однако, что эти обе цифры были неточными; на самом деле лезгин было около двух тысяч.

⁵⁰ Там же, I, 493—494.

⁵¹ «... յալմ ժիւցի համրա ժահարի ի յանիծելոց աղգն լէկզեաց առ մեզ ժամանեաց, որոնք թէ զալոց ապառաւիկելոց իցեն զերկիրս մեր, և մեր և երկիրս

сал эти строки, что обязан этим, он был столь нелюбимому им Эмину?

По рассказу последнего, еще будучи в Гандже, он узнал о том, что племя кеоланских курдов движется из Ереванского ханства на север, желая стать под покровительство Шаверди-хана; он поэтому всячески торопил лезгин, рассчитывая, что в случае быстрого марша они встретят на своем пути переселенцев-курдов и, поживившись за их счет, повернут обратно. Было ли в действительности все заранее им рассчитано, или же делу помог благоприятный случай, мы не знаем. Как бы то ни было, лезгины, действительно, столкнулись на своем пути с кеоланскими курдами.

Это курдское племя проживало на территории Ереванского ханства, но восстав против Гусейн-хана, решило удалиться под покровительство не Шаверди, как пишет Эмин, а карабахского Ибрагим-хана⁵². Достигнув побережья озера Севан, курды встретились с лезгинами. Эмин не указывает точно, где это произошло, но из эчмиадзинской «Памятной книги» мы знаем, что это было у деревни Варденик на южном побережье озера⁵³. Разгорелся жаркий бой. В воспоминаниях Эмина мы находим детальную и красочную картину этого сражения. Курды бились очень храбро и с большим ожесточением, но, застигнутые врасплох, были в конце концов, побеждены. Лезгинам досталась громадная добыча: свыше восьмисот пленных—мужчин, женщин, детей, восемь тысяч овец, две тысячи голов крупного рогатого скота, шестьсот кобыл, двенадцать тысяч туманов золотом и серебром, много домашнего скарба и т. п. Потрясающе драматична описываемая Эмином картина наступившей после боя ночи—криков и плача насилованных женщин, стонов пленных, связанных врезывавшимися в тело ремнями.

Среди пленных имелось до шестидесяти армян, находивших-

«*Եւրոպայի տաճարի վրայ գտնուեցաւ, բայց ողորմութեամբն Աստուծոյ ուղղեացեալք տա յնկ
ն Կաթիկէն»* (Матена даран, Рукопись № 2912, стр. 212) Дата (10 августа)
устанавливается по «Памятной книге» (В 12. I, 516).

⁵² В 12., I, 494. Впрочем, в дальнейшем Эмин сам исправляет свою ошибку, рассказывая о пребывании кеоланских курдов в Карабахе (Л. А. J. Е., 310 и след.).

⁵³ В 12., I, 494. Среди деревень района озера Севан значились в то время по церковным спискам две деревни под этим названием—Верхний Варденик (*Վարդենիկ վերին*) и Нижний Варденик (*Վարդենիկ ներքին*) (В 12. II, 38, 38).

ся среди курдов и тоже захваченных лезгинами⁵⁴. Все они обратились к Эмину с просьбой спасти их. Последний хорошо понимал, что сделать это один он не мог. Он решил поэтому прибегнуть к помощи извне. Когда лезгины расположились лагерем в открытой местности, где задержались на три дня⁵⁵, он стал каждую ночь освобождать по несколько курдов и отправлять их к шамшадинцам с тем, чтобы побудить последних напасть на лезгин и отбить у тех добычу и пленных. Что рассказ Эмина соответствует действительности, видно из эчмиадзинской «Памятной книги», в которой даже названы имена двух бежавших из плена курдских вождей—неких Чрахы (*Չրախ*) и Ата (*Աթա*)⁵⁶.

Эти последние обратились за содействием к Шаверди-хану, но тот, продолжая вести двойную игру, не предпринял ничего конкретного. Тогда они отправились к шамшадинцам, среди которых находился в то время Мелик-Иосиф. Шамшадинский вождь Аллаверды-султан и Мелик-Иосиф согласились выступить против лезгин и тотчас отправились в поход. Рано на рассвете они напали на ничего не подозревавших лезгин⁵⁷. Застигнутые, в свою очередь, врасплох, лезгины вынуждены были бежать, бросив свою добычу и пленных. Все это произошло летом 1766 г., не позже июля, так как описание этих событий в эчмиадзинской «Памятной книге» помечено 30 июля (11 августа) этого года.

Вместе с лезгинами удалился и Эмин, считавший свою миссию законченной. После ряда приключений он прибыл в находившуюся в джарском округе деревню Белаканы, где провел около двух недель. Вскоре спустился с гор со своей семьей и своими стадами его друг Хаджи-Мустафа, взявший его с собой в Катех.

Тут снова появляется на сцене неизменный спутник Эмина Мовсес Баграмян. По словам Эмина, он вынужден был оставить последнего вблизи Ганджи вследствие его болезни. Выходит, следовательно, что Мовсес вновь присоединился к нему еще до предпринятой им поездки в Закавказье, вернувшись из Ас-трахани, куда он ездил в 1764 г. Теперь Баграмян стал всячески убеждать своего патрона не оставаться больше среди лезгин.

⁵⁴ По сведениям эчмиадзинской «Памятной книги», двадцать армянских семейств (Там же, I, 494).

⁵⁵ Это было у деревни Кыдабек (В 12., I, 405).

⁵⁶ Там же, 494.

⁵⁷ Там же, I, 494—495. Эмин, не называя Мелик-Иосифа, говорит о нападении на лезгин «шамшадинского клана» и «армянских горцев» (Л. А. J. Е.).

IV

Пока Эмин отдыхал в Белаканах и Катехе, события в соседнем Ганджинском ханстве продолжали развиваться с калейдоскопической быстротой, столь характерной для непрерывных смут и феодальных неурядиц в Закавказье той эпохи. Поведение Шаверди-хана, особенно его обращение к лезгинам, а также его новые вымогательства, в связи с необходимостью уплатить джарцам обещанное им вознаграждение, вызвали общее недовольство в самой Гандже. В результате против него возник заговор, имевший целью его убийство и истребление всего его рода. Своевременно предупрежденный об этом Шаверди-хан бежал в Шамхор к своему другу Мелик-Адаму. Восставшие же ганджинцы впустили в город войска карабахского Ибрагим-хана. Шаверди обратился за помощью к тем же шамшадинам и вместе с ними, а также с людьми Мелик-Адама, отправился в поход на Ганджу. Однако Ибрагим-хан, выйдя навстречу, нанес ему поражение. Тогда ганджинский хан вновь обратился за помощью к грузинскому царю. Ираклий, хотя и недолголюбивавший его, все же решил оказать ему помощь, чтобы еще больше подчинить его себе. Он послал в Ганджу грузинское войско, к которому присоединился и Мелик-Иосиф. Ибрагим-хан не стал, однако, дожидаться прихода грузин, а захватив богатую добычу, вместе с крамольными ганджинцами и их семьями, удалился в Шушу⁵⁸.

Таким образом, при помощи Ираклия, Шаверди-хан был восстановлен в Гандже. Но все эти события, происшедшие в первой половине августа⁵⁹, оказали непосредственное влияние на судьбу карабахских меликов. Мелик-Иосиф перешел всецело под покровительство Ираклия и, по его указанию, поселился со своими людьми в деревне Геташен (теперешнем Чайкенде)⁶⁰.

Именно в это время Эмин и решил осуществить свое давнишнее намерение. Осенью он покинул Катех и отправился в Геташен к Мелик-Иосифу.

Гюлистанский мелик был одним из героев Карабаха. Человек необразованный⁶¹, прямой и бесхитростный, типичный

⁵⁸ В 1722, I, 520—524.

⁵⁹ Соответствующая запись в эчмиадзинской «Памятной книге» помечена 20 (31) августа.

⁶⁰ Там же, I, 573.

⁶¹ По свидетельству католика все тогдашние мелики не умели «ни писать, ни читать» (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 239).

предводитель воинов-горцев, он отличался своей храбростью, бесстрашием и отвагой, которые внушали уважение даже его врагам. Рано став сиротой, он уже в молодости слыл бесстрашным храбрецом. Он вступил в свои права после убийства его дяди Тамраза, правившего в Гюлистане в годы его несовершеннолетия и ставшего одним из приспешников Панах-хана. В последовавших затем войнах против карабахского хана Мелик-Иосиф приобрел славу храброго воина—славу, широко распространившуюся и за пределами его родного Карабаха. Мелик-Иосиф принял Эмина весьма радушно, и тот был очень доволен и счастлив подобным приемом. Мелик-Иосиф не думал постоянно оставаться в Геташене, а намеревался вернуться к себе на родину в Карабах после получения урожая из Шамхора, где он проживал до последних событий. Зная это, Эмин стал убеждать его немедленно покинуть Геташен, указывая на опасность, грозившую ему со стороны Шаверди-хана. Мелик, однако, не считал нужным торопиться. Очевидно, он полагал, что хан побоялся предпринять что-либо против него, поскольку он находился под покровительством Ираклия. Кроме того, он рассчитывал на близость к хану Мелик-Адама. Поэтому он продолжал жить беспечно, охотясь по утрам и до поздней ночи пируя со своими бутылниками. Эмин же проводил время совершая дальние прогулки по окрестностям и за сорок дней своего пребывания в Геташене хорошо изучил расположение деревни с точки зрения возможностей ее обороны.

Опасения Эмина вскоре оправдались. Действительно, Шаверди-хан, несколько оправившись после августовских событий, отнюдь не хотел добровольно выпускать из своих рук Мелик-Иосифа с его людьми. По его повелению, его старший сын Магомет-Гасан-хан предпринял вскоре поход на Геташен. Описание разыгравшихся в результате этого событий мы находим как в автобиографии Эмина, так и в эчмиадзинской «Памятной книге».

Оба источника единодушно свидетельствуют, что нападение Магомет-хана было совершенно внезапным, поскольку, выступив со своим войском из Ганджи, он нарочно распространил ложные слухи о своем походе против лезгин, вторгшихся будто бы на территорию Ганджинского ханства⁶². Эмин добавляет к этому следующую любопытную подробность: оказывается Мелик-Иосиф был настолько беспечным, что в связи с праздником св. Якова распустил своих воинов, которые отправились в род-

⁶² В 1722, I, 773; L. A. J. E., 295.

ные деревни, чтобы попить там перед начинавшимся постом; таким образом в его распоряжении оставался лишь маленький отряд из сорока человек. Эти сведения особенно ценны потому, что дают возможность установить точную дату описываемых событий: в 1766 г. праздник св. Якова (*Ս: Հակոբի փառիկին*) приходился на 10 декабря по юлианскому календарю или на 21 декабря по новому стилю.

В час ночи (на 11/22 декабря) мелик, от одного прибывшего в Геташен из Ганджи армянина, встретившего по дороге войска Магомет-хана, узнал о приближении последнего. Он разделил свой маленький отряд на четыре части и занял оборонительные позиции на подступах к деревне. Вскоре подошли войска Магомет-хана, которые, зная малочисленность армян, открыли беспорядочную стрельбу с тем, чтобы запугать последних. Проснувшись от этого шума Эмин сразу оказался в центре сражения. Мы можем верить ему, что его военный опыт в немалой мере содействовал стойкой и мужественной борьбе малочисленного армянского отряда. В эчмиадзинской «Памятной книге» все заслуги приписываются сыну Мелик-Иосифа Бегяру, об участии которого в этом сражении рассказывает и сам Эмин. Во всяком случае немногочисленным армянским бойцам удалось в эту ночь отразить натиск полчищ Магомет-хана.

На следующий день, получив новые подкрепления, а также несколько орудий, Магомет-хан вновь приблизился к Геташену. Туда, однако, уже вернулись из своих деревень пятьсот воинов мелика. Армяне чувствовали себя теперь настолько сильными, что ночью Эмин предложил даже Мелик-Иосифу план внезапного нападения на вражеский лагерь, но последний не решился на это. Утром (13/24 декабря) в Геташен прибыл Мелик-Адам вместе с приближенными Магомет-хана и передал Мелик-Иосифу требование последнего вернуться в Шамхор и вновь признать себя подданным Шаверди-хана. Мелик-Иосиф отказался выполнить это. Через некоторое время Мелик-Адам вернулся вновь, предлагая на этот раз мир без всяких условий, на что Мелик-Иосиф выразил согласие. Войска Магомет-хана отправились обратно, взяв в качестве временного заложника младшего сына Мелик-Иосифа Абова, вернувшегося через полтора дня с подарками от Шаверди, в знак окончательного примирения.

Тут между рассказом Эмина и записью в эчмиадзинской «Памятной книге» имеется существенное расхождение. По словам «Памятной книги», Мелик-Иосиф, разбив армию Магомет-хана, преследовал ее до ворот Ганджи и в течение многих дней держал город в осаде, удалившись лишь после вмешательства

Ираклия, к которому вновь обратился Шаверди-хан⁶³. Следует, однако, полагать, что свидетельство Эмина—непосредственного участника этих событий—является более достоверным.

Сразу же после этого Мелик-Иосиф решил, не откладывая, осуществить свое давнишнее намерение—вернуться к себе на родину в Гюлистан, так как карабахский Ибрагим-хан, заинтересованный в возвращении обоих меликов, давал им и до этого всяческие обещания⁶⁴. Уже на третий день после геташенских событий (т. е. 16/27 декабря) мелик со своими людьми и Эмином отправился в путь. Через полтора дня они прибыли в Гюлистан.

Эмин прожил в Гюлистане⁶⁵ почти десять месяцев⁶⁶. Подробности о своем пребывании там он не сообщает. Он пишет лишь, что к концу десятого месяца Мелик-Иосиф прислал сказать ему, чтобы он покинул его владения, так как он, Эмин, слишком известное лицо, он же, мелик, является подданным Ибрагим-хана и вынужден опасаться соседних магометанских властителей.

Излагая вслед за этим свой последующий разговор с гандзасарским или агванским католикосом Ованесом⁶⁷, Эмин приводит и другую причину, побудившую будто бы Мелик-Иосифа выслать его. Ованес, пишет он, напомнил ему о том, что накануне его изгнания, в Гюлистан прибыл из гандзасарского монастыря посланец Мовсес, вручивший Мелик-Иосифу какое-то письмо: это письмо, по словам Ованеса, содержало послание ка-

⁶³ Зр., I, 774.

⁶⁴ По преданию между ним и обоими меликами был заключен даже соответствующий договор, гарантировавший невмешательство хана в дела меликов и их подданных. (*Քաղաքի մէջ իրենց անկախութիւնը պահպանելու մասին պայմանագրով*, 111—112, прим.).

⁶⁵ Крепость мелика, находившуюся около деревни Гюлистан, видел еще в восьмидесятых годах прошлого века Рчффи; даже в полуразрушенном состоянии она производила внушительное впечатление. (*Քաղաքի մէջ իրենց անկախութիւնը պահպանելու մասին պայմանագրով*, 247).

⁶⁶ L. A. J. E., 309.

⁶⁷ В гандзасарском монастыре в Карабахе (на территории древне-армянской провинции Арцах) существовал отдельный католикосат, хотя и подчиненный Эчмиадзину и находившемуся там верховному «католикосу всех армян», но занимавший видное место в иерархии армянской церкви и игравший в то время большую политическую роль, поскольку в его епархию входили армянские меликства.

толикоса Симеона, требовавшего удаления Эмина; Симеон прислал его вместе с другим письмом на имя самого Ованеса, прося последнего переслать его Мелик-Иосифу; одновременно он отправил будто бы письма и остальным четырем карабахским меликам, предлагая им, под угрозой отлучения, не оказывать содействия планам Эмина⁶⁸. Выходит, таким образом, что и на этот раз слым гением последнего был все тот же Симеон, неотступно преследовавший его, даже в далеком Карабахе.

Из эчмиадзинской «Памятной книги» мы имеем точные сведения о переписке Симеона как с Мелик-Иосифом, так и с гандзасарским католикосом Ованесом в интересующий нас период. Непосредственно Мелик-Иосифу Симеон пишет письма 30 июля 1766 г. и 2 ноября того же года⁶⁹. 27 декабря он пишет письмо католикосу Ованесу, отправленное лишь 22 января 1767 г.⁷⁰ Следующее его послание относится к 7 июня, причем он сам указывает, что с 22 января не писал ему никаких других писем⁷¹. После этого лишь 24 сентября Симеон пишет новое письмо Ованесу и одновременно послание пяти меликам, которое вместе со своим письмом отправляет гандзасарскому католикосу⁷². Это наиболее интересное для нас письмо, так как, во-первых, совпадает по времени с удалением Эмина из Гюлистана (на десятый месяц его пребывания там, считая с декабря предыдущего года), а, во-вторых, по форме своей пересылки вполне соответствует его рассказу (письмо меликам, пересланное через католикоса Ованеса, вместе со специальным посланием к последнему). Сохранилась не только краткая запись содержания этого письма в «Памятной книге», но до нас дошел и полный текст другого послания католикоса к Ованесу и меликам от 1-го ноября этого же года, в котором он ссылается на свое предыдущее письмо. Озаканчиваясь с этими документами, мы не находим в них чего-либо непосредственно относящегося к Эмину. Поскольку полный текст сентябрьского послания до нас не дошел, то мы не можем, конечно, категорически утверждать, что там вообще не упоминалось об Эмине. Но если даже там о нем ничего не говорилось, то все же нетрудно установить, что могло послужить причиной недоразумения и заставить Эмина предположить, что письма эти к Ованесу и меликам были направлены против него.

⁶⁸ Л. А. Л. Е., 321.

⁶⁹ Збр., I, 535, 573.

⁷⁰ Там же, I, 628.

⁷¹ Там же, I, 719.

⁷² Там же, I, 775—776.

Свои сентябрьские послания к гандзасарскому католикосу и меликам Симеон написал по следующему поводу. Из письма Ованеса он узнал, что Мелик-Адам, который тоже решил вернуться в Карабах, хотел взять с собой туда отлученного от церкви претендента на пост гандзасарского католикоса Исразля, проживавшего в Гандже. Не в нраве Симеона было относиться терпимо и снисходительно к своим врагам. Поэтому он сразу же потребовал немедленного изгнания этого человека из пределов Карабаха и с этой целью написал письмо меликам, требуя не принимать у себя этого «язычника». В своем ноябрьском письме, посвященном тому же вопросу, он следующим образом излагал содержание своего сентябрьского послания: «Также написали письмо и вам, чтобы вы ни в коем случае его не принимали и не желали бы ему какого-либо добра и не здоровались бы с ним, а считали бы его сатаной»⁷³.

Подобное содержание писем Симеона и могло ввести Эмина в заблуждение. Перед его отъездом из Гюлистана к Мелик-Иосифу действительно прибыл гонец от католикоса Ованеса с письмом из Эчмиадзина. Что этот факт на самом деле имел место, подтверждается и тем, что Эмин вполне точно приводит имя этого посланца: у католикоса Ованеса действительно был в то время рассыльный по имени Мовсес⁷⁴. Вскоре он узнал кое-что и о содержании писем Симеона, требовавшего чьей-то высылки и грозившего, в противном случае, проклятием и отлучением. Все это слилось, очевидно, в его памяти с разговорами, которые он вел с Ованесом о недружелюбном отношении к нему эчмиадзинского патриарха, и привело его к тем выводам, которые он приводит в своей автобиографии как реальный факт. Рассказ Эмина о прибытии к Мелик-Иосифу посланца Ованеса дает, однако, возможность более точно установить дату его отъезда. Он выехал, следовательно, из Гюлистана в октябре 1767 г.

Но если Симеон не был, возможно, повинен на этот раз в изгнании Эмина, то чему же следует приписать его высылку? Очевидно, вполне достаточно то объяснение, которое приводил, по его же словам, сам Мелик-Иосиф.

В шестидесятых годах XVIII столетия армянские меликства в Карабахе находились уже в состоянии упадка и переживали глубокий кризис. Мелик-Шахназар был явным изменником. Мелик-Мирзахан также являлся ставленником и приспешником Иб-

⁷³ ընդհանրապես գրեցար զԹուղթ մի ևս ան ձեզ, զի մի ընկալիք զնա էրբեր, և մի գրարի ինչ վասն նորա կամեցիք, կամ բարե տալցէր և անուղիւր, այլ իբրեկ զստանայ համարեցիք զնա: (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 297).

рагима. Мелик-Исай был обессилен долгой борьбой. Что же касается джраберского Мелик-Адама и гюлистанского Мелик-Иосифа, то, лишь недавно вернувшись из Ганджинского ханства к себе на родину, они тоже принуждены были считаться с могущественным шушинским ханом и думали в то время не о борьбе против него и других соседних властителей, а лишь о том, чтобы он не нарушал своих обещаний и оставил в покое их самих и их маленькие владения.

На слабость армянских меликств, в результате внутренних раздоров, справедливо указывал католикос Симеон. Упрекая меликов в том, что не занимаясь своими делами, они лишь ссорятся друг с другом, он писал в одном из своих посланий: «Так самонадеянно друг на друга кидаясь, армянское царство упразднили, армянскую страну разрушили и выдали иноземцам, и будучи всего несколькими оставшимися меликами, жаждете крови друг друга»⁷⁵.

Последний подъем освободительной борьбы армянских меликств, приведший к их окончательной гибели, имел место лишь двадцать лет спустя, в восьмидесятых годах, в связи с вполне реальной перспективой прихода русских войск и в результате прямых поощрений со стороны русского правительства. Ничего подобного не было, однако, в момент пребывания в Карабахе Эмина. В глазах Мелик-Иосифа последний был просто храбрым и искусным воином, оказавшим ему в геташенской битве значительные услуги, но дальнейшее пребывание которого в Гюлистане могло, в связи с его политическими планами и замыслами, вызвать серьезные осложнения и привести к новому конфликту с могущественным и опасным Ибрагим-ханом. У нас нет также никаких оснований полагать, что все это время Эмин сидел сложа руки, не вел переписки со своими единомышленниками и не занимался своей обычной пропагандистской деятельностью. По-настоящему поэтому, что после десятилетнего гостеприимства гюлистанский мелик все же счел себя вынужденным предложить ему удалиться из своих владений.

⁷⁴ Именно этот «слуга католикоса Ованеса Мовсес» и привез в июне письмо последнего в Эчмиадзин. (ՅԻԶ, 1, 717).

⁷⁵ «Այդպէս իրենհանդիմանք և ընդ միմեան անկանխով զթագաւորութիւնն հայոց բարձր գահաւոր հայոց անբեկիւր և մատնեցաւ ալազկեան գիրի. և մի քանի միւր որք մնացեալ էր միմեանց տրան սպառք» (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 2-9 240).

Принужденный покинуть Гюлистан, Эмин отправился в гандзасарский монастырь, находившийся на расстоянии полутора дней пути. Католикос Ованес принял его приветливо, но не стал скрывать свою тревогу по поводу возможных последствий его приезда. Считая крайне рискованным его пребывание во владениях Ибрагима, он посоветовал ему тотчас же самому отправиться к хану, не дожидаясь, чтобы тот через своих шпионов узнал о его прибытии в Гандзасар и велел его арестовать. На следующее утро он вручил ему письмо на имя Ибрагима. Рекомендуя хану Эмина и прося принять его подобающим образом, он особенно подчеркивал два обстоятельства: роль сыгранную Эмином в деле освобождения кеоланских курдов, находившихся под покровительством хана, и его участие в геташенских событиях, в результате которых сделалось возможным возвращение в Карабах Мелик-Иосифа с его людьми.

Причина беспокойства Ованеса была вполне понятной. Дело в том, что, как узнал впоследствии сам Эмин, карабахский хан был в курсе его переписки с меликами в бытность его в Тбилиси; один армянский священник ознакомил хана с содержанием всех его писем. Ибрагим знал, следовательно, о планах Эмина, о его проектах освобождения армянских земель. Ясно поэтому, какая реальная опасность грозила теперь Эмину, несмотря на косвенные услуги, оказанные им хану, в связи с помощью кеоланским курдам и геташенскими событиями.

В день прибытия Эмина в Шушу Ибрагим находился в отъезде. Эмин передал письмо Ованеса ханскому заместителю, который распорядился поместить его в доме Мелик-Мирзахана. Хаченский мелик тоже отсутствовал, но его пожилая жена приняла Эмина как родного сына. Она, однако, также была уверена, что ему не избежать мести Ибрагим-хану, и была искренне обеспокоена и встревожена грозившей ему опасностью⁷⁶. По ее совету, он в тот же вечер отправился к находившемуся в Шуше дизакскому Мелик-Исайю, дабы тот оказал ему содействие. Дизакский мелик был очень испуган его появлением и, хотя принял его и угостил ужином, но категорически отказался вступить за него перед ханом.

⁷⁶ Эмин приводит ее очень интересный, подробный рассказ о событиях в Карабахе (L. A. J. E., 313—316). Следует, однако, отметить, что жена Мирзахана оправдывала, естественно, своего мужа, прислужничество которого Ибрагиму описывала как вынужденное.

На следующий день, узнав о возвращении Ибрагима, Эмин отправился к нему. О своих трех свиданиях с ханом—в этот и последующие два дня—он повествует очень неопределенно. Он будто бы заявил хану, что приехал для того, чтобы попросить у него коня для своего слуги, но отказался принять ту старую и хрошую лошадь, которую предложил ему Ибрагим, причем это смелое поведение, произведшее на хана и его окружающих большое впечатление, очень помогло ему. Дело, конечно, обстояло не так просто. Из описания самого Эмина видно, что Ибрагим был весьма склонен тут же разделаться с ним, отнюдь не считаясь с тем, что он был его гостем. Спасло Эмина скорее не то, что за него вступились находившиеся в Шуше вожди кео-ланских курдов, а то, что он сообщил хану о своем немедленном отъезде в Шемаху, т. е. о своем намерении удалиться из пределов Закавказья. Ибрагим знал о связях Эмина с русским правительством, которого он побаивался. Он счел, поэтому, нецелесообразным покончить с Эмином как раз накануне его возвращения в Россию. Эмин сам, впрочем, понимал это, отмечая в автобиографии, что Ибрагим не осуществил свои «неистовые намерения», «боясь нанести обиду русским или лезгинам»⁷⁷, причем первое соображение сыграло, несомненно решающую роль.

Можно, конечно, задать вопрос: если Эмин намерен был вернуться в Россию, то почему же он, вместо того чтобы ехать из Гюлистана прямо в Шемаху, отправился во владения Ибрагим-хана и подверг себя такой опасности? Объяснялось это, очевидно, довольно просто. Изгнанный Мелик-Иосифом, он все же не хотел окончательно складывать оружие и намерен был позондировать других меликов, и прежде всего попытать счастья в Гандзасаре у католикаса Ованеса. Ему, однако, сразу же пришлось испытать и здесь полное разочарование.

Из Шуши Эмин вернулся в Гандзасар, где католикос Ованес принял его с нескрываемым удивлением, настолько он был убежден, что ему не сдобровать у Ибрагима. Последовавшая беседа должна была окончательно развеять все иллюзии Эмина, если он еще имел таковые.

Ованес, правда, высказывал ему сочувствие и с большой горечью и раздражением отзывался о Симеоне. В этом мы можем, несомненно, верить свидетельству Эмина. Ованес стал гандзасарским католикосом после длительной и тяжелой борьбы со своим конкурентом, упомянутым Исразлем, тоже имевшим могущественных покровителей в лице некоторых меликов и ганд-

⁷⁷ Л. А. Ж. Е., 323.

жинского Шаверди-хана. Победа досталась ему не легко. Первое время Симеон не проявлял к нему особых симпатий. Он утвердил его в его звании лишь после того, как Ованес принудил себя сделать то, чего не хотел делать более строптивый Исразль, а именно отправиться в Каноссу, т. е. в Эчмиадзин. Однако и после этого его положение было непрочным и к моменту прибытия Эмина Исразль, как мы уже видели, вновь появился в Карабахе. Симеон, хотя и поддерживал, ради собственного престижа, своего помазанника, но третировал его с нескрываемым высокомерием. Достаточно прочесть его письма этого периода, чтобы убедиться в этом. Его послания полны упреков по адресу Ованеса за лень и беспечность, полны наставлений и увещеваний, а также язвительных замечаний о том, что если он раскаялся и не хочет больше быть католикосом, то пусть поспешит сообщить об этом⁷⁸. Этот высокомерный, менторский тон был тем более оскорбительным для Ованеса, что в силу сложившихся обстоятельств он вынужден был волей неволей подчиниться Симеону, без поддержки которого он в то время никак не мог обойтись. Но вполне естественно, что при удобном случае он готов был дать волю своим чувствам. Для историка любопытно, в частности, одна деталь, приводимая Эмином: Ованес очень презрительно отзывался о «низком происхождении» Симеона. Принадлежа сам к княжескому роду Гасан-Джалалянцев, Ованес особенно тяготился тем, что вынужден был сносить высокомерное обращение со стороны человека более низкого происхождения⁷⁹.

Но осуждая Симеона и его неправильную политику, препятствовавшую освобождению армян из-под чужеземного ига, Ованес считал момент совершенно неподходящим для каких-либо

⁷⁸ См., напр., письмо от января 1767 г. (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 285—286).

⁷⁹ О происхождении Симеона, родившегося в Ереване, мы не имеем точных данных. Делались попытки приписать ему дворянское происхождение, основываясь на словах упомянутого выше князя Георгия Хубова, называющего его своим дядей. Но, как выяснил Гют Аганянц в своей биографии Симеона, Хубовы получили дворянское достоинство лишь впоследствии, в России, представив явно фальсифицированную генеалогию. О дворянском происхождении Симеона упоминалось, правда, и в написанной при его жизни биографии, экземпляры которой, однако, он сам распорядился изъять и уничтожить. (Գրական հայտն պատմության հիմունքներ, Գրքեր Գ, XLII—LXI). Сведения, сообщаемые Эмином, подтверждают, таким образом, предположение о принадлежности Симеона к зажиточной, но не родовитой ереванской семье.

активных действий. Он развивал перед своим гостем план освобождения Армении и заключения союза с могущественными русскими, но считал безнадежным предпринимать что-либо при наличии противодействия со стороны эчмиадзинского католикоса. Он предлагал Эмину дождаться смерти последнего, уповая, что его преемник окажется лучшим патриотом. Эти высказывания Ованеса, записанные Эмином, крайне ценны для характеристики личности гандзасарского католикоса и его политических убеждений. Они свидетельствуют, что он еще в шестидесятих годах мечтал об освобождении своей родины при помощи русских—план, который он активно поддерживал двадцать лет спустя, поплатившись за это жизнью. Но в тот момент он считал невозможным предпринять что-либо; а для Эмина было существенно только это.

Убедившись еще раз в полной безнадежности осуществления своих планов в Карабахе, Эмин уже через три дня покинул Гандзасар, тем более, что не хотел навлечь на своего гостеприимного хозяина гнев Ибрагим-хана. В тот момент, потерпев неудачу во всех своих начинаниях, он действительно думал о возвращении в Россию. Он вынужден был принять это решение также и по той причине, что все имевшиеся у него деньги были уже израсходованы.

После ряда новых приключений он, через неделю, добрался до деревни Гедалар, в двух милях от Шемахи. На следующий день он послал в город Мовсеса Баграмяна (который, следовательно, все это время находился при нем), чтобы узнать, нет ли каравана, отправляющегося в Баку или Дербент. Мовсес вернулся с известием, что в Шемахе находится монах Сукиас из монастыря св. Карапета, которого Эмин в последний раз видел в Брагунах.

Вскоре Сукиас появился сам. Он тотчас же осведомился у Эмина о его дальнейших намерениях. Тот ответил, что думает ехать в Дербент, а оттуда в Астрахань. Тогда монах поспешил вручить ему письмо, написанное священником Тер-Габриэлом. Письмо это, столь случайно попавшее в руки Эмина, заставило его сразу же изменить свои намерения.

СНОВА В ГРУЗИИ

I

Имя тбилисского священника Тер-Габриэла, письмо которого столь взволновало Эмина, нам приходилось уже упоминать, рассказывая о событиях 1764 г. Именно этот Тер-Габриэл приезжал в марте этого года с письмом от Ираклия к католикосу Симеону, и на его глазах разыгралась история с неудачливым посланцем Эмина Григором, попавшим в руки ханских служащих. Именно на свидетельство Тер-Габриэла и поспешил сослаться Симеон в своем письме к грузинскому царю, сообщая последнему об этом неприятном происшествии. Но как мог знать в то время католикос, что он имел дело с тайным сообщником Эмина?

«Два с половиной года тому назад,—читаем мы в письме Тер-Габриэла, полученном Эмином,—когда вы были в Тбилиси и в хороших отношениях с его величеством, нашим благословенным царем Грузии Ираклием ... он и вы единодушно согласились дать мне рекомендательные письма, с поручением поехать в Эчмиадзин, чтобы добиться там от его святейшества католикоса жалованной грамоты для поездки в Армению под предлогом выпрашивания подаваний и сбора денег на восстановление и перестройку разоренной церкви Kains вне укреплений Тифлиса и этой отговоркой ввести в заблуждение магометанских правителей наших соотечественников в различных городах, провинциях и деревнях»¹.

Таким образом, еще во время пребывания Эмина в Тбилиси, весной 1764 г.² Ираклий, написавший как раз в то время письмо Овану, одновременно принял решение отправить в За-

¹ Л. А. Л. Е., 226.

² Не «два с половиной года назад», как сказано в письме, помеченном 20 октября 1767 г., а три с половиной года назад.

падную Армению своего личного доверенного Тер-Габриэла под предлогом сбора средств на постройку церкви. В связи с этим Тер-Габриэл поехал в Эчмиадзин в марте этого года. Но тут произошла история с Григором, и Тер-Габриэл вернулся в Тбилиси. А вскоре, как мы знаем, царь выслал из Грузии Эмина.

Однако год спустя Ираклий вспомнил об этом плане и решил его осуществить. Объяснялось это, очевидно, новым обострением турецко-грузинских отношений, в связи с очередным турецким нашествием на Имеретию. Уже в июле 1765 г. кизлярский комендант Потапов сообщал о приближении к Грузии турецких войск и об отказе Ираклия, вопреки настояниям Порты, пропустить эти войска через свои владения для похода на Имеретию³. Положение Ираклия осложнялось еще тем, что русское правительство, заинтересованное в то время в поддержке мирных отношений с Турцией, старалось всячески избежать какого-либо конфликта с Портой из-за Грузии. На сделанный Портой Обрезкову запрос о поддержке Россией Ираклия, русский резидент считал даже необходимым отметить, что «сии доходящие к Порте известия, единыя коварства и происки недоброжелающих высочайшему вашему двору»⁴.

Как бы то ни было, Тер-Габриэл отправился в далекий путь, чтобы выполнить свою секретную миссию. Об этом мы находим сведения в эчмиадзинском архиве, данные которого, таким образом, еще раз документально подтверждают точность рассказа Эмина и подлинность приводимых им писем и документов.

В эчмиадзинской «Памятной книге» мы находим следующую запись, сделанную в декабре 1765 г.: «Вне города Тифлиса была церковь, называвшаяся Камоевской, священники и прихожане которой не могли там молиться во всякое время из-за боязни лезгин. Тогда старший священник той церкви, которого звали Тер-Габриэл, задумал построить при помощи горожан церковь внутри города⁵. Но, так как он не получил от них помощи из-за их бедности, то дело осталось недоделанным. Тогда горожане, составив прошение, послали Тер-Габриэла к его пре-

³ АВПР, ф. Сношения России с Персией. Кн. 13. Рапорт Потапова от 3 июля 1765 г.

⁴ АВПР, ф. Сношения России с Турцией. Реляции резидента в Константинополе Обрезкова. 1765 г. 5 марта—16 апреля. Л. 65 об.—66.

⁵ Как видно из описи армянских церквей в Тбилиси, составленной в начале XIX столетия, там имелись две церкви, построенные Тер-Габриэлом: «6. Ур. Чаршакан Фаджнх зхнхал и Сир Фаррхет 1778 и նորոգեալ ի Տիր Անարոն 7. Ур. Գեորգ Բաժոյնց տեղն բնծալեալ ի Բեժանքեկէ և շինեալ ի Տիր-Գար-

освященству, дабы он дал ему грамоту на сбор пожертвований в пользу этой церкви. Вследствие чего его преосвященство дал ему грамоту на сбор пожертвований на восточные стороны»⁶.

Подлинный текст этой грамоты, помеченной 5 декабря 1765 г., мы также находим среди писем и посланий католикоса. В ней говорилось об обязанности христиан взаимно помогать друг другу, а далее излагалась суть дела: прихожане Тер-Габриэла, чья церковь находилась вне города Тифлиса, не могли спокойно молиться из-за боязни лезгин; тогда Тер-Габриэл решил построить церковь внутри города, но местные горожане не смогли оказать ему нужную помощь, и он впал в долги; поэтому католикос предлагал, путем добровольных пожертвований, помочь ему завершить строительство церкви⁷.

Предлог, как видим, был выбран удачно и католикос полностью поддался обману, выдав просимую грамоту, и тем самым, без своего ведома и против своей воли, облегчив выполнение секретного задания Тер-Габриэла. Из эчмиадзинской «Памятной книги» мы знаем точную дату отъезда последнего из резиденции католикоса: Тер-Габриэл, вместе с другим священником, приехавшим туда по своим личным делам, выехал из Эчмиадзина 7 (18) декабря 1765 г.⁸.

О своей поездке в Западную Армению Тер-Габриэл сообщил Эмину следующее: «Вслед за тем я всесторонне выполнил данное мне поручение, разузнав о мыслях и настроениях всех, особенно народа Муша, где стоит церковь св. Иоанна, архиепископ которой Овнан от всего сердца хотел принять вас, при условии,

րիկէ...» (Гос. музей Грузии ф. Агшеніаса № 33 (1633) стр. 11). Церковь *Ս. Կարապետ Բաժոյնց* была построена в семидесятых годах, о чем упоминается и в сохранившемся в архиве Эчмиадзина письме Тер-Габриэла от 10 ноября 1779 г. (Матенадаран. Архив. Папка 5, № 29). Следовательно, здесь речь идет о другой, состроенной Тер-Габриэлом церкви, а именно церкви *Ս. Գեորգ Բաժոյնց*.

⁶ Յիշ., I, 354.

⁷ «Արդ այժմ սիրելիք մեր ի յօրհնեալ և յԱստուծախնամ քաղաքն Թիֆլիզ. Տեր-Գարրիէլ քահանայդ այլ, սիրելի որդիդ մեր և ժողովորդք զորին, ունելով զհկեղեցի արտաքոյ քան զքաղաքն ոչ կարէին անդ աղօթիլ և զպատարագ ծառայանել ապա երկրորդ-տնօրէն-րեկեղեցին: Եւ իբրեւ կարի անձարացան, ապա կամեցաւ սիրելի որդիդ մեր Տեր-Գարրիէլ խոհեմամբ քահանայդ, խորհեցաւ զխորհուրդ բարի և արդիւնաւոր և կամեցաւ ի մէջ քաղաքին շինել զհկեղեցի, օգնականութեամբ քաղաքին իրեանց: Սակայն որովհետեւ քաղաքն է ի մէջ նեղութեան ոչ կարացին քաղաքացիքն օգնել զմա ապա չքաղվորութեան իրեան: (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 147).

⁸ Յիշ., I, 354.

что царь Ираклий окажет вам небольшую помощь; об этом, по моем возвращении в Тифлис, последний был информирован, но отверг этот проект»⁹.

Когда Тер-Габриэл прибыл к Овнану, в жизни последнего успели произойти крупные события.

Настоятель монастыря св. Карапета уже давно находился на подозрении у Эчмиадзина. Еще при католикосе Акопе с ним произошла серьезная размолвка по поводу пересланных ему денег, причем обвинительное письмо в связи с этим делом написал именно Симеон, бывший тогда епископом¹⁰. После смерти Акопа при выборах нового католикоса, была, как мы знаем, выдвинута и кандидатура Овнана, который, по убеждению Симеона, всячески старался добиться этого поста, а затем не хотел признавать его, считая свой престол равным престолу эчмиадзинского и иерусалимского патриархов¹¹. Когда, вскоре после своего избрания, Симеон летом 1763 г. вынужден был на несколько месяцев переехать в Западную Армению, в ючкилисский монастырь, всего в двух днях пути от монастыря св. Карапета, и Овнан не считал даже нужным явиться к нему¹², то он стал относиться к последнему с еще большей подозрительностью и враждебностью. Вслед за тем, с разных сторон—от многих лиц, как друзей, так и недругов—до него начали доходить слухи о враждебной «святому престолу» и «вредноносной» деятельности настоятеля монастыря св. Карапета¹³. Наконец, весной 1764 г. из перехваченных писем он узнал о подпольной деятельности Овнана и его переговорах с Эмином и Ираклием.

Зная авторитет и популярность Овнана, католикос, видимо, не решился сразу же принять против него крутые меры. Он попытался сперва, не доводя дела до широкой огласки, лично воздействовать на него, и в этих целях вызвал его в Эчмиадзин. Об этом мы узнаем из дошедшего до нас письма Симеона к настоятелю ючкилисского монастыря Захарию от 8 декабря 1764 г., в котором католикос напоминал, что уже до этого вызывал его к себе вместе с Овнаном, но не получил никакого ответа, и поэтому вновь предлагал ему явиться в Эчмиадзин, пе-

⁹ Л. А. I. Е., 326.

¹⁰ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 190, 191. До нас дошло два письма католикоса Акопа к Овнану, причем одно из них по поводу «расканий» последнего. (См. рукопись 2911, стр. 97—98, 189—190).

¹¹ Там же, стр. 191, 194.

¹² Там же, стр. 193, 194.

¹³ Там же, стр. 146.

зависимо от того, как поступит последний¹⁴. Захарий, действительно, приехал туда¹⁵. Овнан же не явился. Раздраженный Симеон писал 16 февраля Захарию, что раз тот не желает приехать в Эчмиадзин, то и не нужно настаивать на этом¹⁶. Наконец, окончательно убедившись, что Овнан продолжает упорствовать, католикос считал необходимым предпринять решительный шаг.

5 июня 1765 г. он написал послание об отлучении от церкви и проклятии настоятеля монастыря св. Карапета. Мы приводили уже выдвинутые против последнего обвинения. Здесь следует лишь добавить, что за это время до Симеона дошли сведения и о личных выпадах против него Овнана, о том, что он его всюду поносил, «лаял» на него промеж себе подобных и писал письма, в которых осуждал его¹⁷. Нужно признать, что в этом была, несомненно, значительная доля истины: достаточно вспомнить приводимое Эмином письмо Овнана, чтобы убедиться, как резко отзывался он о католикосе. Но это объяснялось не личными чувствами. Овнан прекрасно знал о враждебном отношении Симеона к освободительному движению и не мог поэтому не осуждать его.

Отлучение Овнана вызвало в Западной Армении целую бурю. Настоятель монастыря св. Карапета был очень популярной личностью, имел большие связи в кругах зажиточной городской буржуазии и пользовался большим влиянием, и попытка Симеона разом покончить с ним путем отлучения не могла не натолкнуться на решительное сопротивление.

Первым вступился за Овнана Махсут-бек. По его просьбе, он написал письмо в Ван своему родственнику Исагу-ага. «Который был главой и как бы правителем города Вана»¹⁸. В Ван

¹⁴ Там же, стр. 246.

¹⁵ Вр. 2., I, 115, 120.

¹⁶ Там же, 145.

¹⁷ «... իսկ զու պղծաշուքի զմեզ ի քնէ անտի ի հոտեալ բերանդ անեալ վատարանն եւ վարիվերոյ հաշա անդադար բանիւ ի մէջ բոլապիտեաց եւ գրով աստ եւ անդ եւ անբան համարձակեալ մինչ զի լաթոսս եւ լաթս բարեկամս մեր եւ զբն անհեթ գրաւ, իմաստեամբի բանիւրդ՝ զբեզ արգարացոցանելով եւ զմեզ մեղադրելիս եւ զատապարտելիս ցոցանելով...» (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 190).

¹⁸ Вр. 2., I, 104. Этот Исаг-ага (Исаг-Աղա) был в то время в Ване весьма влиятельной фигурой. О нем мы находим сведения в современной хронике, написанной одним ванским священником. В 1766 г. он фактически оставался, в течение некоторого времени, единственным хозяином в области, до

обратился с письмом и сам Овнан. В результате, в августе в Эчмиадзин прибыли письма как от Исага, так и от граждан и всего армянского населения этого города. Все эти послания не только содержали настойчивые просьбы о снятии с Овнана отлучения, но и требовали удаления из Вана эчмиадзинского «нвирака» вардапета Багдасара, который за год до этого, т. е. в 1764 г. уже приезжал в Западную Армению и, по словам ванцев, оклеветал настоятеля¹⁹.

Еще более интересные события разыгрались в городе Карине (Эрзеруме). 20 июля из Эчмиадзина выехал в Константинополь личный посланец католикоса махтеси Овнан, который должен был, между прочим, отвезти туда грамоту об отлучении настоятеля монастыря св. Карапета²⁰. Ему было поручено остановиться по дороге в Эрзеруме и дать прочесть там эту грамоту во всех церквях. Но когда, по его прибытии, об этом узнали тамошние именитые горожане, то они не только не допустили его огласить послание католикоса, но и задержали его в городе, уговорив не ехать в Константинополь до тех пор, пока они не снесутся с Эчмиадзином и не добьются снятия отлучения с Овнана²¹. Одновременно они вызвали к себе последнего, и тот явился в Эрзерум вместе со своими монахами, а также настоятелем ючкилесского монастыря Захарием²². Там к нему присоединились два представителя эрзерумских горожан, и вместе с этой внушительной свитой (а также злосчастным махтеси Овнаном, так и не доехавшим до Константинополя), он выехал в Эчмиадзин²³.

Дело, следовательно, приняло совсем иной оборот, чем тот, на который рассчитывал Симеон. Отлучение Овнана натолкнулось в Западной Армении на самое решительное сопротивление, причем на его защиту выступили именитые горожане таких крупных центров, как Ван, Эрзерум. Это еще раз подтверждает

приезда нового пашы («Գրական հայոց պատմություն», Գրք Ժ, Մարտի 139, 140, 142).

¹⁹ ՅԻԶ, I, 276—279. Весьма возможно, что этот доверенный Симеона и информировал католикоса о деятельности Овнана.

²⁰ Вместе с письмом, предлагавшим удалить Овнана из монастыря св. Карапета, выслать его в Эчмиадзин или отправить в изгнание (Там же, I, 248—249, 251, 280).

²¹ Там же, 280—281.

²² Там же, 285—293.

²³ Там же, 285.

достоверность его сообщений Эмину о своих связях с «видными армянами» крупных городов Западной Армении.

Сперва Симеон хотел было настоять на своем, не ответил на ходатайство ванцев и послал в Эрзерум негодующие письма, требуя от махтеси Овнана немедленного отъезда в Константинополь и выполнения возложенной на него миссии²⁴. Но вскоре он убедился, что при создавшихся условиях он должен уступить²⁵.

Когда Овнан явился в Эчмиадзин, то католикос тотчас же согласился снять с него отлучение, потребовав лишь его публичного покаяния. После соответствующей процедуры отлучение с Овнана было снято, о чем последнему было выдано соответствующее письменное свидетельство²⁶. Католикос оказался также вынужденным выполнить требование ванцев об отозвании вардапета Багдасара и назначении ванским «нвираком» недавно проклятого им Овнана²⁷, который, вслед за тем, 7 сентября выехал вместе со своими спутниками из Эчмиадзина²⁸.

Вскоре после этого, в декабре того же 1765 г. или в начале 1766 г., в монастырь св. Карапета прибыл Тер-Габриэл. Только что пережитые события не могли пройти для Овнана бесследно. Правда, ему удалось избежать и ссылки и гражданской смерти, на которую хотел обречь его Симеон, удалось при помощи своих многочисленных покровителей и друзей в Западной Армении восстановить свое положение. Но сама настойчивость, с которой он добивался снятия отлучения, согласившись даже пойти на публичное покаяние, свидетельствовала, что при всем своем влиянии и всех своих связях, он не мог открыто противостоять католикосу. Слишком могуществен был авторитет главы армянской церкви, чтобы можно было открыто с ним бороться.

²⁴ Там же, 280, 281.

²⁵ Симеон тем менее мог противиться требованиям о снятии отлучения с Овнана, что с теми же именитыми эрзерумскими гражданами, например, столь рьяно вступившимися за мушского настоятеля, он был связан и серьезными материальными интересами: только за год до этого он брал у них взаймы деньги (Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 210).

²⁶ ՅԻԶ, I, 286, 290. Текст этого послания также сохранился в эчмиадзинском архиве (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 146). В нем Симеон вновь называет Овнана своим братом и обещает любить его столь же искренно, как и раньше.

²⁷ Поспешив сообщить об этом в Ван, в Эрзерум и в Муш (ՅԻԶ, I, 290, 291, 292, 295).

²⁸ Там же, 294.

ся. Все это вынуждало Овнана действовать теперь с еще большей осторожностью. Неудивительно поэтому, что он и на этот раз повторил Тер-Габриэлу то, о чем писал до этого Эмину, а именно ставил осуществление планов восстания в Западной Армении в зависимость от прямой поддержки со стороны Ираклия. Тер-Габриэл доложил об этом по возвращении царю, но тот и на этот раз отмежевался от всех этих проектов.

«На своем обратном пути до возвращения в Тифлис,—читаем мы далее в письме Тер-Габриэла,—я счел необходимым посетить христиан-несторянцев в стране Хой-Салмаст и нашел среди этой нации в деревне, называемой Хосров, монаха, ставшего римско-католиком и обратившего в католичество около 800 семейств из числа своих соотечественников, который уверил меня, что если вы отправитесь к нему, имеющему влияние на несторянских горцев, то он поставит вас во главе 18 тысяч из них. И он сказал также, что эти люди, живущие в высоких, почти недоступных горах и не платящие дани какой-либо могометанской державе, зная вас хорошо по наслышке, будут очень рады принять вас, если только вы дадите себе труд надлежащим образом руководить и предводительствовать ими. Я сказал ему, что вы нуждаетесь в деньгах. Он ответил, что они не требуют денег и хорошо знают, что он (Эмин.—А. И.) их не имеет; их оружие добудет все, что будет необходимо, как только он придет туда, чтобы стать предводителем этих храбрых людей».

В заключение Тер-Габриэл писал Эмину, что если у него ничего с ними не выйдет, то он мог бы вернуться в Грузию к Ираклию, который очень сожалеет, что плохо обошелся с ним²⁹.

II

Теперь нам понятно, почему письмо Тер-Габриэла так заинтересовало Эмина и заставило его сразу же переменить свои планы на будущее. Он узнал не только о том, что Ираклий вновь был склонен принять его, но и о совершенно неожиданной возможности стать во главе нескольких тысяч горцев-несторянцев.

Об айсорках-несторянах того времени, проживавших как в

²⁹ Л. А. Ж. Е., 326—327. Письмо Тер-Габриэла, помеченное 20 октября 1767 г., было написано, как явствует из его слов, в Шемахе, где он был проездом в Астрахань, и передано им находящемуся там монаху Сукиасу для пересылки Эмину.

пределах Турции (в Днабекире и Месопотамии), так и в Иране (западнее оз. Урмия) и об их политических настроениях мы находим очень ценные сведения в записке от 14 июня 1769 г., пересланной Ираклием через своего посла кн. Андроникова Панину. В ней мы читаем следующее: «Сирияны, которые состоят подле Персии и турецкого владения, между оными народами—весьма многочисленны и места гораздо удобные, вера их христианская и склонна больше верою армянскою, народ весьма к воинству мужественной: один год присылают своего человека из больших чиновных людей послом к нам и просят, чтобы совсем их оттоль снять и поселить в нашем отечестве. Из оных поселени некоторые части от нас вблизи и в отдалении, почему с нашей стороны намерение было оных от того места совсем снять и в поход выступить желали, для того однакож оное оставили и от нас им удовольствие во всем происходит; и как в том намерении были, но в тож самое время получили милость все христианство от всероссийского двора покровительство и милостливое сожаление возсияет, и принять изволят в свою протекцию, то в тож время от сирийского народа большую силу мы от них получим, и которой уже в околичности и близости, чтоб от нас дойти известие могло, то оноже народ как оне никому не вподданстве, весь на нынешняго супротивника, турка, выступить заподлинно будут от нас согласны обще на войну»³⁰.

Как видно из этого донесения Ираклия, айсоры считались народом «весьма к воинству мужественным». Многие их племена были фактически полунезависимыми—«никому не в подданстве». Они были настроены очень враждебно в отношении Турции и Ирана. Как раз в описываемое нами время некоторые из них намеревались даже переселиться в Грузию, дабы проживать на территории христианского государства. Именно поэтому Ираклий и был убежден, что они охотно согласятся выступить против турок.

Общность исторических судеб сближала айсор с армянами. Несмотря на различие в вероисповедовании, айсоры чувствовали себя близкими к армянам, чтити Эчмиадзин и нередко прибегали к его содействию и помощи.

Вот характерный пример армяно-айсорских отношений того времени. В 1767 г. католикос Симеон выдал грамоту на сбор пожертвований двум айсорам, дети которых были взяты в плен

³⁰ «Описание городам и местам, ближним к Грузи и Кахети, где какое воинство и какой народ обитает жительство и чьего владения есть оные». («Грамоты...» I, 438).

войсками Керим-хана и выкуплены одним джюльфинским купцом, которому те остались должны. «Вследствие чего приехали эти айсоры к его преосвященству, умоляя дать грамоту на сбор пожертвований. И хотя они были айсорами, но ради христианской веры, дал им его преосвященство эту грамоту...»³¹. Случай этот любопытен в двояком отношении. Он, прежде всего, показывает общность положения армян и айсор, одинаково страдавших от гнета и произвола иранских ханов и турецких пашей; далее, на этом примере мы видим, как айсоры прибегали к помощи армян и как армянский католикос считал даже возможным выдавать им грамоты на право сбора пожертвований, кстати сказать, как среди айсорского, так и армянского населения.

Из другой записи, сохранившейся в эчмиадзинской «Памятной книге», видно, что именно армяне часто играли роль посредников между айсорами и грузинским царем. Например, в 1776 г. католикос выдал свидетельство о сборе пожертвований некоему хойскому священнику Тер-Хачатуру, который, вместе с одним айсором, ездил по важным делам к царю Ираклию и пуждался в этой бумаге, чтобы оправдать в глазах хойских властей свое путешествие³².

Нет поэтому ничего удивительного в том, что один из влиятельных представителей айсорского духовенства, имевший сведения об Эмине, заявил Тер-Габриэлу о готовности айсоров выступить под его руководством.

Некоторого пояснения требует лишь тот факт, что Тер-Габриэл называет этого монаха католиком, обратившим в католичество восемьсот семейств своих соотечественников. Еще с XVI столетия Ватикан делал попытки подчинить несторианскую церковь Риму. Католическим миссионерам частично удалось добиться этого. Несторианский патриарх того времени Илья, в результате имевших место переговоров, признал главенство папы. Но к этой унии примкнула лишь часть несторианцев, которых называли в Европе «халдейскими христианами»; другие же продолжали поддерживать самостоятельную несторианскую церковь, во главе которой стояли католикосы (мар-шимуны)³³.

³¹ *Вп*, II, 25.

³² Там же, II, 475.

³³ О переговорах несторианцев с Римом и их унии с католической церковью см. статьи о несторианцах в известном историческом словаре XVIII столетия Морери (Moreri. Le grand dictionnaire historique., MDCCLX. (1740, VI, 51)) и в знаменитой французской энциклопедии («Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences des arts et des métiers», Neufchâtel MDCCLXV (1765), XI, 106—107). Морери подтверждает также сообщения в воинственности и мужестве айсор, заявляя, что курдские вожди набирают из них свою гвардию и лишь при их помощи противостоят турецкому могуществу.

Упомянутый Тер-Габриэлом айсорский монах являлся, следовательно, не католиком, в собственном смысле слова, а одним из представителей «халдейских христиан» — униатской несторианской церкви.

Вполне понятно, что перспектива стать во главе этих отважных горцев для борьбы против иноземных поработителей, не могла не быть для Эмина крайне соблазнительной. Прочитав письмо Тер-Габриэла, он тут же заявил Сукиасу, что готов вернуться в Армению и вновь возобновить свои попытки. Хотя Тер-Габриэл сообщал в своем письме, что Сукиас может выдать ему те шестьсот туманов, от которых он отказался в свое время в Брагунах, однако монах, по той или иной причине, не захотел выплатить всю эту сумму, а вручил ему только тридцать рупий. После этого Эмин со своим неизменным спутником Мовсесом Баграмяном немедленно отправился в путь.

Путевые эпизоды, которые приводит Эмин в своей автобиографии, еще раз свидетельствуют о той известности, какую он приобрел среди местного армянского населения. Так, в одной деревне, где ему пришлось остановиться, крестьяне отнеслись с особой предупредительностью к нему и его спутнику, как только узнали, кто он. Там же он встретил молодого нахичеванского армянина, который стал всячески восхвалять его и заплакал от волнения, когда узнал, кто был его собеседник.

Район Шуши Эмин проехал ночью, дабы Ибрагим-хан не узнал о его возвращении. Но могущественный карабахский хан все же получил сведения об этом через своих многочисленных шпионов. В одной деревне ханский служащий, некий Хатам-бек, всячески пытался спровоцировать Эмина, избив нанятого им слугу, а потом предъявив последнему обвинение в том, что он является лицом, похитившим крупную сумму денег у грузинского царя. В результате Эмин и Мовсес провели очень тревожную ночь. На следующее же утро Хатам-бек внезапно примирился с ними и дал им даже в провожатые своего слугу-армянина. По дороге, однако, выяснилось, что этот слуга имеет недобрые намерения. Когда Эмин припугнул его, он признался, что получил задание убить его по приказу самого Ибрагим-хана; он был выбран с той целью, чтобы покровители Эмина, особенно русские, получили сведения, что последний убит не магомед-танином, а своим соотечественником-христианином. Мы видим,

жестве айсор, заявляя, что курдские вожди набирают из них свою гвардию и лишь при их помощи противостоят турецкому могуществу.

насколько карабахский хан опасался Эмина и как он намеревался покончить с ним, узнав о его возвращении в Карабах.

Вскоре Эмин прибыл в знаменитый Татевский монастырь, где имел свидание с настоятелем Минасом³⁴. Подробностей об этой беседе он не сообщает. Отметим лишь, что Татевский монастырь находился в то время в очень тяжелом положении³⁵ и рассчитывать там на помощь Эмин вряд ли мог. Проведя ночь в монастыре, он на следующий же день отправился с Мовсесом в Мегри и далее в Ордубад. Здесь ему пришлось задержаться довольно долго в ожидании попутного каравана, причем все это время он прожил в местном каравансарае.

Наконец, караван отправился в путь. Чтобы сохранить свое инкогнито и скрыть истинную цель своего путешествия Эмин сочинил небылицу о том, что направляется в Хосров по денежным делам. Он ехал с караваном в течение нескольких дней до того места, где разветвлялись пути на Хой и на Хосров. Здесь он покинул своих спутников и вместе с Мовсесом и нанятым им в Ордубаде слугой отправился в это местечко, которое еще и в XIX веке служило местопребыванием несторинского епископа³⁶.

Отыскать айсорского монаха, которого звали Иоанн, оказалось нетрудно. Эмин открылся ему не сразу. Сперва он попытался узнать его настроения и проверить правильность сообщения Тер-Габриэла. Он убедился, что Иоанн на самом деле мечтал об освобождении айсор и армян от иноземного ига, всячески восхвалял Эмина и осуждал Ираклия и католика Симеона за противодействие его планам. Интересно отметить, что он был, очевидно, в курсе заговора Овна, так как вспоминал об имевшейся в свое время возможности совместного восстания айсор и «курдистанских армян». Весьма вероятно, что этот айсорский монах и был тем лицом, с которым Овн вел переговоры в то

³⁴ Об этом настоятеле Татевского монастыря Минасе см. в эчмиадзинской «Памятной книге» (842, I, 391, 469, 506, II, 28).

³⁵ В 1762 г. монастырь был разграблен Фатали-ханом, а в 1763 г. прежний настоятель Ованес был убит подосланным Ибрагим-ханом убийцей (842, I, 57—62. См. письмо Симеона к монахам этого монастыря в связи с убийством настоятеля. Матенадаран. Рукопись № 2911, стр. 203—204). В 1768 г. по просьбе католика константинопольский патриарх обращался даже со специальным призывом о сборе пожертвований в пользу Татевского монастыря, лишившегося всего, даже церковной утвари (Матенадаран. Рукопись № 2614, стр. 73—74).

³⁶ См. Արշակ, Տեղագիր Հայոց Մեծայ, 57:

время, когда он писал Эмину о готовности айсор примкнуть к предполагаемому восстанию.

Однако, когда Иоанн узнал, что имеет дело с самим Эмином, он сразу же заговорил по-иному. Он попросил своего гостя или немедленно вернуться назад, или отправиться к айсорам-горцам. Эти горцы были полунезависимыми племенами, в то время как айсоры-жители равнины находились в полной зависимости от хойского хана. Иоанн откровенно высказал опасение, что они могли быть истреблены хойским Ахмед-ханом, если бы Эмин задержался среди них длительное время. В случае же его поездки в горы, он обещал оказать ему содействие и написать рекомендательное письмо, тут же советуя ему, однако, не обольщаться надеждами на успех.

Повествуя об этом, Эмин опять-таки приписывает подобное отношение к себе своей бедности, которой он вообще склонен был объяснять многие свои неудачи. Но дело заключалось, очевидно, не в этом. Из его же рассказа можно уяснить, что именно разочаровало Иоанна и заставило его проявить такую сдержанность. Он сам приводит его слова о том, что горцы не поверят в то, что он—Эмин, если он явится к ним один без сорока-пятидесяти армян. Айсоры, следовательно, ожидали Эмина не одного, а во главе воинского отряда, хотя бы и небольшого. Далее Иоанн не только связывал планы восстания с помощью грузинского войска, но и прямо рекомендовал своему гостю вновь отправиться к Ираклию. Опять перед Эмином вставала роковая для него дилемма—или отказаться от своих замыслов, или заручиться содействием грузинского царя, поскольку не только его соотечественники, но и айсоры ставили любые планы восстания в зависимость от поддержки со стороны Ираклия.

Вскоре Эмин и сам убедился, что нет никакой надежды добиться чего-либо от айсор в том положении одинокого странника, в каком он в то время находился. Он вынужден был отказаться от поездки в горы, так как даже его верный спутник Баграмян не захотел сопровождать его туда. Оставалось лишь ехать снова в Тбилиси, где судя по письму Тер-Габриэла, он вновь мог рассчитывать на гостеприимный прием.

На обратном пути он чуть было не попал в беду. Служащий ханской таможни принудил его заехать в Хой, где глава таможни, некий тбилисский армянин, купец Меграб, выяснив его личность, немедленно сообщил о нем Ахмед-хану, как об опасном человеке, приехавшем в хойскую область с целью поднять восстание айсор или курдов. Низкий донос этот остался, однако, без последствий.

В этой связи любопытно отметить, что этот Меграб, проявивший к нему такую враждебность, тоже был одним из близких католикусы Симеону людей. Разъезжая между Хоем и Тбн-лиси, он доставлял католикусы письма от Ахмед-хана и от Ирак-лиси, выполнял его предписания, делал для него закупки. Именно ему поручал Симеон такие довольно некрасивые дела, как, например, арест в Хое строптивых служителей церкви³⁷. Быть может, поэтому, его донос на Эмина объяснялся скорее усердием перед католикусом, чем перед хойским ханом. Кстати сказать, в 1765 г. между ханом и Симеоном возник острый конфликт в связи с конфискацией денег у эчмядзинского «квивирака», знакомого нам вардапета Багдасара, при возвращении последнего из Вана³⁸. Хотя в дальнейшем продолжали оставаться довольно холодными, и Ахмед-хан, видимо, вовсе не был расположен быть особенно предупредительным в отношении армянского католикусы.

III

Много воды утекло с того дня когда Эмин вынужден был спешно покинуть лагерь грузинского царя и выехать в горы. С того времени произошло много новых событий, побудивших Ираклия вновь вспомнить о нем и отнестись благосклонно к его возвращению в Грузию.

³⁷ Bk 7, II, 137, 180, 210, 255, 547.

³⁹ Нападение, совершенное Шаверди-ханом на Мелик-Иосифа, вызвало большое негодование Ираклия. «И с того дня, читаем мы в эчмиадзинской «Памятной книге»... пал нечестивый Шаверди в глазах царя Ираклия и очень стал ненавистен ему...» (ВР., I, 174).

Сам Эмин, отправляясь в Грузию, полагал, что Ираклий, соглашаясь на его приезд, хотел «исправить свою нелюбезность в отношении могущественных русских», которые в свое время рекомендовали его царю⁴⁰. Это соображение тоже могло, несомненно, сыграть известную роль, особенно если припомнить, что накануне русско-турецкой войны Ираклий был более склонен к сближению со своим могущественным соседом, чем за несколько лет до этого, и что уже через год он заключил формальный союз с Россией. Эмин же был известен на Кавказе если не как прямой русский агент, то как человек, находившийся под покровительством русского правительства и как активный сторонник русской ориентации.

Еще в 1765 г. против царя был составлен заговор в целях его убийства. Во главе этого заговора стоял побочный сын скончавшегося в России картлийского царя Вахтанга, Паата, в нем приняли участие многие видные представители грузинского дворянства⁴¹. Хотя заговор Паата был своевременно раскрыт, но он воочию показал Ираклию всю непрочность его положения, стремление некоторых кругов дворянства избавиться от него и наличие, в связи с этим, довольно сильного легитимистского течения.

Уже 5 июня 1767 г. кизлярский комендант Поталов доносил Военной коллегии, что князь Александр «обрел себе от пер-

⁴¹ О заговоре Паата см. в грузинских хрониках (Blosset, II, 238—239). Интересные сведения об этом заговоре мы находим в переписке Симеона. О заговоре Паата упоминает в своей автобиографии и Эми, узнавший об этом событии во время своего пребывания в Катехе. (L. A. J. E., 276—277). Из его слов можно даже заключить, что в бытность его в Грузии будущие заговорщики делали ему какие-то предложения, которые он отклонил. Это очень любопытная подробность, но, к сожалению, он не распространяется на эту тему.

снян отменное почтение» и не скрывает своего намерения завладеть грузинским престолом, что он послал будто бы вызов Ираклию, который собрался было в поход, «но приметя недоброежелательство к нему подданных, остался в Тифлисе»⁴².

Спустя некоторое время положение в Грузии стало еще более напряженным. Очень интересные сведения на этот счет мы находим в рапорте Потапова Военной коллегии от 25 июня 1768 г. Прибывший из Грузии кизлярский армянин Георгий Отиев сообщил коменданту, что в бытность его в Тбилиси, там, среди жителей, носились слухи о походе на Грузию Керим-хана с большим войском в целях возведения на грузинский престол князя Александра. «А по уведомлению о приближении Керим-хана, все знатные грузинские князя и дворяне на место Ираклия князя Александра в грузинское владение принять охотно желают, токмо купцы и другие подлые люди, опасаясь чрез такую перемену быть разорению, находятся в немалом сумнении, и желают дабы остался Ираклий без перемены, по какому обстоятельству он, Ираклий, будучи в опасности, грузинской нации князьям и дворянам ни в чем не доверяет и более содержит при себе во услужении и при всем доме своем также в суды и расправы употребляет доброжелательных ему из армян»⁴³.

Слухи о походе Керим-хана, как выяснилось впоследствии, оказались ложными. Но важно и существенно было то, что в конце 1767 г. и в первой половине 1768 г. Грузия, как казалось многим, вновь находилась под угрозой нашествия и, в связи с этим, с особой ясностью выступала расстановка классовых сил внутри страны. Значительная часть грузинского феодального дворянства, явно предпочитала свои узкоклассовые интересы интересам национальным и давно уже недовольная централизаторской и абсолютистской политикой Ираклия, готова была приветствовать возведение на грузинский престол Александра, даже при помощи Керим-хана, т. е. ценой восстановления иран-

⁴² ЦГВИА (Центральный военно-исторический архив), ф. 20, св. 130, д. 3, л. 95.

⁴³ ЦГВИА, ф. 20, св. 180, д. 3, л. 209 об. «Записка, учиненная в Кизляре при секретной экспедиции по разговорам генерал-майора кизлярского коменданта Потапова с прибывшим из Грузии кизлярским жителем армянином Георгием Отиевым». Рапорт с изложением сведений, сообщенных Отиевым, был переслан Потаповым также и в Коллегию иностранных дел. См. АВПР, ф. Сношения России с Персией, к. 17, «Экстракт из рапорта Коллегии иностранных дел от генерал-майора кизлярского коменданта Потапова от 4 июля, полученного 11 августа 1768 года».

ского владычества над Грузией. На стороне же царя были купцы (т. е. армянская торговая буржуазия, заинтересованная в то время в сохранении самостоятельного и сильного государства Ираклия) и «другие подлые люди». Обстановка, как видим, была в тот момент для Ираклия довольно серьезной. «Будучи в опасности», он, с полным на то основанием, не доверял большей части грузинского дворянства и стремился окружить себя верными и преданными ему людьми, в первую очередь из числа армян.

В сложившейся обстановке возвращение Эмина могло быть для царя только желанным. Ведь Эмин был носителем новых антифеодальных идей и поборником самой жесткой политики в отношении своевольного дворянства. Его приезд в Грузию вызвал поэтому в свое время значительный переполох среди грузинской аристократии, враждебное отношение которой и явилось одной из причин его высылки. Теперь, в момент обострения борьбы Ираклия с феодальным дворянством, такой человек был ему нужен. А ведь, кроме того, Грузии вновь могло грозить нашествие и использование Эмина и как военного, и как организатора армянского национального восстания в тылу врага, могло оказаться весьма полезным.

Ясно, что в этих условиях не должно было играть решающего значения враждебное отношение к Эмину армянского католикоса. Не такой человек был Ираклий, чтобы свои непосредственные интересы подчинять интересам кого-нибудь другого. А, кроме того, как раз накануне возвращения Эмина в отношениях между Ираклием и Симеоном наступило значительное охлаждение.

Еще в 1766 г. произошел конфликт между католикосом и царевичем Георгием, задержавшим его письма, отправленные в Астрахань⁴⁴. В следующем же году Симеон жаловался уже на холодное и недружественное отношение к нему самого Ираклия. В своем письме от 24 марта 1767 г. он выражал изумление, что в течение продолжительного времени не получал от царя никаких известий⁴⁵; в письме от 24 сентября того же года он прямо сетовал на невнимание к нему царя⁴⁶.

⁴⁴ Матеналаран. Рукопись № 2912, стр. 180, 236, 354, 372, 419, 421, 459, 460, 533, 535.

⁴⁵ «Զի միտքս յովոր անցին, յորս զթուղթ սիրոյ քոյ ոչ ընկալար, ի միտքս ընդհանրապես արտի մերոյ» (Матеналаран. Рукопись № 2912, стр. 263).

⁴⁶ «Մանուցումն իցի, զի միտքս յովոր անցին, յորս ոչ ընկալար զգիր սիրոյ և միտքս ընդհանրապես ի տերութենեդ, որոյ զպատճառն ոչ գիտեմք ի վարանման».

Одна из причин подобного охлаждения царя к католикосу была, по-видимому, связана с тем же заговором Паата. Дело в том, что среди наиболее близких к Симеону людей был один знатный тбилисский армянин Агало, неоднократно приезжавший в Эчмиадзин с письмами и поручениями от царя. Из дошедших до нас двух личных писем к нему Симеона можно заключить, что он был не только посредником между ним и Ираклием, но и его главным светским агентом в Грузии, информировавшим его обо всем, происходившем в Тбилиси и при дворе⁴⁷. И как раз этот близкий Симеону человек оказался замешанным в заговоре Паата. В связи с этим делом он был арестован, так как Паата перед казнью назвал его в числе своих сообщников. Уже одно это было компрометирующим для католикоса. К тому же Симеон сразу вступился за него и стал писать Ираклию письма, в которых оправдывал своего подопечного и просил царя не спешить выносить ему обвинительный приговор⁴⁸.

Хотя впоследствии этому Агало и удалось, по-видимому, выйти сухим из воды, но вся эта история вряд ли могла в тот момент содействовать укреплению дружественных отношений между грузинским царем и армянским католикосом.

IV

Эмин прибыл в Грузию в конце 1767 г. Он оставался там примерно до апреля 1768 г.⁴⁹. О своем вторичном пребывании

წიგნიჲ ი ზედაწერილ სეროიჲ ხმ სიღაჲრდჲჲ, որ ոչ թողու զբեզ մոռանալ և Կամ մերժել զմեզ և սիրոյ. որքան ոչ այլ ինչ պատճառ զոչ եթե ոչ անբախտութիւն մեր: (Там же стр. 368. Это письмо не датировано, но дата устанавливается по записи в „Памятной книге“—*ՅԻԶ*, I, 770—771, 775)

⁴⁷ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 111, 123. В этих письмах, а также в письмах к Ираклию, он называл его не иначе, как «любимым Агало», своим «другом», «верным и полезным сыном св. престола» (Там же, 111, 123, 149, 69—90 и пр.).

⁴⁸ *ՅԻԶ*, I, 247, 279. Хотя до этого, при получении первых известий о заговоре Паата, он сам же призывал царя не оказывать никакого снисхождения виновным. (Там же, 223).

⁴⁹ О сроках своего вторичного пребывания в Грузии сам Эмин, не называя конкретных дат, сообщает следующее: он прибыл к Ираклию «в начале осени» (L. A. J. E., 387) и оставался там «следующую весну до середины лета» (там же, 393), «целых девять месяцев» (там же, 388). Эти его сведения, по-видимому, также неточны. Из Карабаха он удалился, как мы знаем, лишь в октябре—через «две недели» после получения Мелик-Иосифом письма

Ираклия он рассказывает очень кратко и как бы неохотно⁵⁰ и наши сведения об этом периоде его жизни и деятельности по-прежнему остаются неполными.

Прибыв в Тбилиси, Эмин узнал, что царь только что выехал за город. Он сразу поехал вслед за ним и вскоре догнал его. Ираклий принял его очень радушно, поблагодарил за его отказ возглавить набег горцев на Грузию и даже откровенно выразил сожаление по поводу своего плохого обращения с ним, добавив, что в этом были повинны католикос Симеон, тбилисский епископ Захарий и «многие грузины».

Вскоре после приезда Эмина у Ираклия чуть было не произошел серьезный конфликт с Ганджой. Шаверди-хан, проявлявший все большую враждебность к грузинскому царю, снова вступил в переговоры с лезгинами для приведения в покорность шамшадинцев, находившихся под покровительством Ираклия. Узнав об этом, царь послал в Ганджу отряд из пятисот всадников. Хан, однако, рассчитывал при помощи лезгин справиться с грузинскими войсками, тем более, что и часть шамшадинцев находилась на его стороне. Все это могло привести к серьезным событиям, но как раз в это время Шаверди-хан был убит одним из своих слуг.

Если, таким образом, Эмину не довелось принять участие в походе на Ганджу, зато он принял участие в очередном походе Ираклия на лезгин.

Тесным туркам, Соломон обратился за помощью к лезгинам и нанял лезгинское войско, которое помогло ему в борьбе с османцами и с их союзником, непокорным имеретинским князем—рачинским эриставом. А далее, как мы узнаем из грузинских хроник, произошло следующее: когда Ираклий получил сведения о возвращении лезгин, то он «собрал свои войска, от-

Симеона, отправленного 24 сентября (5 октября). Письмо Тер-Габриэла помечено 20 (31) октября и, следовательно, было вручено ему Сукиасом не раньше этого времени. Путешествие из Шемахи в Хосров и обратно в Тбилиси заняло, если верить его исчислениям, целых два месяца (16—17 дней пути в Хой, не считая двухнедельной задержки в Ордубаде, трехдневное пребывание в Хосрове, несколько дней до Хоя, 14 дней в Хое и 12 дней от Хоя до Тбилиси). Возможно, конечно, что он преувеличивает сроки своих остановок в Ордубаде и Хое. Как бы то ни было, он прибыл в Грузию не «в начале осени», а в начале зимы 1767 г. Выехал же он оттуда, как мы увидим ниже, не «в середине лета», а весной 1768 г.

⁵⁰ Своему вторичному пребыванию в Грузии он посвящает в автобиографии всего несколько страниц, причем отводит значительное место общим рассуждениям о характере Ираклия и т. п.

правился и стал на берегу реки Иор, где выставил часовых, дабы быть уведомленным об их переправе; когда лезгины прибыли со своими стадами и многочисленными пленными, царь дал им битву, отобрал у них стада и пленных, и устроил такую резню, что не осталось никого, кто мог бы доставить известие об этом в Дагестан»⁵¹.

Подробное описание этого сражения мы находим также в письме, полученном кизлярским комендантом от отправленного в Грузию архимандрита Григория. В письме этом не только перечисляются общие потери обеих сторон, но и указывается точная дата битвы—12 (23) декабря 1767 г.⁵²

В этом сражении принял участие и Эмин. Он дает его детальное и очень красочное описание, сообщая при этом много новых интересных подробностей. По его словам, он не проявил во время битвы особой активности и на вопрос Ираклия ответил, что не стрелял в лезгин, так как они были его друзья и, кроме того, помогли Соломону в его борьбе против «жесточких турок».

Вслед за тем наступила будничная жизнь. Царь распорядился выдавать Эмину продовольственный паек, состоявший из хлеба, мяса, вина. Но паек этот был совершенно недостаточен, особенно принимая во внимание, что Эмин должен был делиться им со своим соратником Мовсесом Баграмяном. К тому же получать его было нелегко: Мовсесу приходилось затрачивать на это полдня.

На что надеялся и рассчитывал в то время Эмин и какого рода разговоры он вел с царем, видно из следующего его признания: «Эмин изо дня в день льстил себя надеждой, из-за вкрадчивых слов царя, что тот окажет ему поддержку, дав ему начальство над отрядом войск»⁵³. Как можно заключить из этих слов, он опять развивал перед Ираклием свои планы, добивался его помощи и просил предоставить в его распоряжение воинский отряд; царь же, не давая никаких конкретных обещаний, снова поддерживал в нем эти надежды.

Наконец, подобная жизнь надоела его неизменному спутнику. Когда в 1763 г. Мовсес Баграмян выезжал с Эмином из Моск-

⁵¹ Хроника Херхеулидзе (Brosset, II, 219. См. также аналогичное описание, стр. 239).

⁵² АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 17, «Перевод с письма грузинского, присланного из Грузии осетинской комиссией от архимандрита Григория к генерал-майору кизлярскому коменданту Потапову, полученного в Кизляре января 25 дня 1768 года».

⁵³ Л. А. Ж. Е., 388.

вы, то он, видимо, подобно многим молодым армянам, искренне верил в своего незаурядного родственника. Но с тех пор прошло целых пять лет, и Мовсесу пришлось за это время испытать много разочарований. Когда Ираклий со своим двором и войском отправился в Горы, то уже во время первой остановки в Михете, Мовсес «имея больше здравого смысла, чем Эмин, чтобы подобно ему следовать за царем понапрасну», выпросил у него разрешение удалиться. Эмин приехал на следующее утро в Горы уже один.

Пробыть ему там пришлось недолго. Через пять-шесть дней к нему явился князь Иванэ Абашидзе с приказом Ираклия немедленно покинуть пределы Грузии. Царь грозил ему даже смертью в случае ослушания.

Что заставило Ираклия вторично выслать его? Сам Эмин, любящий приписывать свои несчастья злосчастному вмешательству католикоса Симеона, на этот раз не говорит об этом ни слова, что уже само по себе достаточно характерно⁵⁴. Лишь одна фраза, вложенная им в уста князя Абашидзе, может, пожалуй, пролить некоторый свет на обстоятельства его высылки. Князь, пишет он, сказал ему, что поскольку добрая часть подданных царя армяне, последний «очень подозрителен и даже боится восстания с их стороны, последствия которого могла бы быть для него роковыми»⁵⁵.

Как понять эту фразу? Вряд ли, конечно, Эмин собирался поднять восстание против самого Ираклия. Но, очевидно, и на этот раз он не сидел в Грузии сложа руки. Убедившись, что царь и теперь не идет дальше неопределенных обещаний, он, видимо, вновь завел тайные связи и стал готовить с помощью армянских земель, путем ли самовольного вторжения в Иран или в Турцию, или в какой-либо другой форме. Именно о такого рода «восстании» и говорил, очевидно, князь Абашидзе. А оно, действительно, могло иметь для Ираклия очень серьезные последствия. Узнав об этом, он и на этот раз как и в 1764 г. решил сразу же положить конец деятельности Эмина и именно поэто-

⁵⁴ К сожалению, в эчмиадзинской «Памятной книге», столь ценном и незаменимом для нас источнике, имеется пробел как раз с декабря 1767 г. по август 1769 г. В числе же сохранившихся писем Симеона имеется лишь одно послание к царю, относящееся к 1768 г., в котором он поздравляет его с удачей каких-то его супостатов. (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 319—320).

⁵⁵ Л. А. Ж. Е., 394.

му пригрозил ему даже смертью в случае отказа немедленно удалиться из Грузии.

В этой связи очень большой интерес представляет написанное тридцать пять лет спустя письмо известного армянского архиепископа, главы армянской церкви в России, Иосифа Аргутинского. 2 мая 1793 г. в своем письме Платону Зубову, Аргутинский, говоря об армянских делах и упоминая об Эмине, сообщал о нем следующее: «Между прочим честь имею донести вашему сиятельству, что в 760 году был в Санкт-Петербурге приехавший из Англии армянин Эмин Осипов Еминов, уроженец города Амадана, человек высокого разума и просвещенного науками, для того как в Англии, так и здесь в России удостоен был благоволения многих знатных особ, в числе коих и правившей тогда должность канцлера его сиятельство князь Голицын, отличившись оказал ему милости, пригласив и жительство иметь в своем доме. Он будучи с природы смел, отважен и предприимчив, по приезде через Астрахань в отечество свое, мыслил об освобождении оного. Для исполнения сего намерения прибрал к себе великую партию и нигде не являлся без сопровождения пятисот и более единомышленников с ним людей. Турки, видя его со дня на день усиливающегося и опасаясь ис того следствий, стали крайним образом притеснять армян в своих областях. Царь грузинский Ираклий слыша о их притеснении, притом рассуждая, что предприятие Еминово без подкрепления великой силы совершится не может, решился избавить их от большого угрожающего бедствия разрушением партии Еминовой и самого его изгнанием»⁵⁰.

Сведения, сообщаемые Аргутинским, несомненно, очень ценны. Независимо от тех или иных не совсем точных деталей (вроде сообщения о том, что Эмин являлся всюду в сопровождении пятисот человек), они содержат крайне важные для нас данные. Мы узнаем, что в целях освобождения Армении Эмин «прибрал к себе великую партию» и что он имел «единомышленников с ним людей». Мы узнаем далее, что основную роль в окончательном разрыве между ним и Ираклием сыграло то обстоятельство, что его деятельность в Грузии грозила вызвать конфликт с Турцией и что, в конце концов, Ираклий решил избавиться от этой опасности изгнанием его самого и «разрушением партии еминовой». Эти данные подтверждают наши сведения о том, что Эмин, будучи в Грузии, сумел приобрести многочисленных единомышленников из числа местных армян и создать там центр армянского

⁵⁰ АВПР, ф. Сношения России с Арменией. Д. № 464, л. л. 117 об.—118.

освободительного движения. Они свидетельствуют, что Ираклий не только окончательно изгнал из пределов Грузии его самого, но и предпринял репрессии против его сторонников, «разрушив» его «партию».

Так вторично, и на этот раз окончательно, потерпели крушение надежды Эмина добиться освобождения армянских земель с помощью грузинского царя. Потерпел полную неудачу его излюбленный план создания объединенного армяно-грузинского государства под покровительством России—мечта, которую он делал в течение многих лет и от которой не хотел отказаться и в дальнейшем. Даже много лет спустя, рассказывая обо всех этих событиях, он все еще считал свой проект вполне реальным и полагал, что Ираклий имел полную возможность освободить армян и являлся человеком, достойным быть государем армян и грузин⁵⁷.

Слухи о поездке Эмина в Грузию и его пребывании у Ираклия распространились, по-видимому, довольно далеко. То ли через его русских знакомых, то ли через его лондонских друзей, слухи эти циркулировали, видимо, даже и в Западной Европе.

В 1771—1774 гг. в разгар военных действий между Россией и Турцией, в Германии была опубликована многотомная «История теперешней войны между Россией, Польшей и Османской Портой». В книге этой мы, между прочим, читаем, что грузинский принц Ираклий, при весьма необычайных обстоятельствах попавший в Европу, служил в свое время в Англии, «чтобы изучить военное дело»⁵⁸.

Броссе, впервые обративший внимание на сведения о Грузии, приводимые в этом сочинении, высказывает (не вдаваясь в детали) предположение, что Ираклий спутан здесь со своим родственником, известным нам Паатом, посетившим Европу и казненным в 1765 г.⁵⁹ Но дело в том, что в этой же книге мы находим и другие крайне странные сведения об Ираклии.

Мы узнаем, например, что Ираклий был также и в Петербурге, где вел переговоры с русским правительством и с частными лицами об освобождении грузинских и других пограничных стран из-под власти Порты, что он получил там от некоторых лиц деньги и был отправлен на свою родину, чтобы беспокотить оттуда турецкие границы⁶⁰. Мы узнаем далее, что он изу-

⁵⁷ L. A. J. E., 243—244.

⁵⁸ «Geschichte des gegenwärtigen Kriegs zwischen Russland, Polen und der Ottomanischen Pforte». Frankfurt und Leipzig, 1771, I—II, 150.

⁵⁹ Brosset, II, 374.

⁶⁰ «Geschichte des gegenwärtigen Kriegs...», VI, 43.

чал в Англии военное дело с целью «освобождения своей родины от тяжелого ига», что в этой связи он обратился к своим соотечественникам с воззванием, в котором говорил о «любви к свободе, врожденной всем нациям» и о «чести, которая дорога каждому разумному существу»⁶¹.

Совершенно очевидно, что грузинский царь Ираклий здесь всюду идентифицирован с каким-то другим лицом, имевшим к нему то или иное отношение. Невольно возникает вопрос, не был ли этим лицом, изучавшим в Англии военное дело в целях освобождения своей родины, ведшим переговоры в России и внушавшим своим соотечественникам идеи о прирожденной любви к свободе и о правах разумных существ, не кто иной, как Эмин, а не являются ли все эти фантастические сведения об Ираклии, которые мы неожиданно находим в опубликованной в далекой Европе книге, искаженными отголосками слухов о поездке Эмина к грузинскому царю? На этот вопрос трудно, конечно, дать прямой ответ.

V

Вынужденный вновь покинуть владения Ираклия, Эмин сразу же решил отправиться в Имеретию, чтобы попытать счастья у другого грузинского царя или, выражаясь его словами, «выяснить, из какого металла сделан царь Соломон». По картам, изученным им еще в Англии, он знал, что страна эта расположена на западе от Картлии. Получив ряд дополнительных указаний, он отправился в путь.

Сперва он ехал верхом один и чуть было не утонул, переправляясь вброд через приток Куры (очевидно реку Ляхву), разлившуюся в результате дождей и таяния снега в горах⁶². Ночь он провел в местечке Цхинвали, последнем пограничном городе на территории Картлии, в здании армянской церкви, так как местные армяне, узнав, что он изгнан Ираклием, не решились предоставить ему ночлег, хотя и выражали ему свое сочувствие.

Из Цхинвали Эмин вместе с одним молодым имеретинским дворянином, выехал в Tzeretel—«первое местечко на территории этого княжества»,—куда прибыл на следующее утро. Этим именем Эмин обозначает, очевидно, пограничный с Картлией Чхер-

⁶¹ Там же, V, 67.

⁶² Л. А. Ж. Е., 365. Из этого также можно заключить, что он покинул владения Ираклия не «в середине лета», а весной.

ский округ с центром—крепостью Чхерис-пихе⁶³, являвшийся моуравством князей Церетели.

Очень интересны для историка сведения, сообщаемые Эмином о крайней бедности своего спутника—этого типичного представителя имеретинского дворянства. Нашествия турок и лезгин так разорили его, что он постеснялся даже ввести гостя в свой дом и пригласил его расположиться тут же на лужайке. Вскоре к ним присоединились соседи, причем каждый принес с собой бурдюк вина и различную еду. Это импровизированное пиршество затянулось до позднего вечера, когда прибыл человек от князя Церетели, который, по поручению последнего, отвел Эмина в дом, принадлежавший одному армянину. Там Эмин прожил «ровно сорок дней». Наконец, наступил день, когда он узнал о прибытии Соломона в сопровождении князя Церетели и отряда из трехсот дворян.

Нам неоднократно приходилось уже упоминать о Соломоне и его ожесточенной борьбе против турок за независимость своей страны. Турецкое нашествие 1763 г. не оказалось последним. В 1765 г. турецкие полчища, во главе с семью пашами и сераскером Аслан-пашой вновь вторглись в Имеретию⁶⁴. На этот раз задача турок облегчилась тем, что на их стороне была часть имеретинского дворянства, недовольная Соломоном, во главе с князем Абашидзе и рачинским эриставом Ростомом. При помощи этих изменников туркам удалось не только захватить большую часть Имеретии, но и провозгласить царем двоюродного брата Соломона Теймураза⁶⁵. Вынужденный бежать, Соломон нашел приют у князя Николоза Церетели⁶⁶, о котором и идет речь в рассказе Эмина. Укрываясь в горных крепостях, он оставался неуловимым и продолжал партизанскую войну против иноземных захватчиков⁶⁷. Наконец в 1767 г. турки, не достигнув своей цели «не имея чем себя содержать» удалились из Имеретии, оставив гарнизоны лишь в некоторых городах. Это дало возможность

⁶³ По Гюldenштету «имеретинская пограничная крепость Tcheheri (Güldenstädt, ук. соч., I, 313) Tcheri (320) или Tzcheri (407). Языков в своей записке о Грузии называет ее крепостью Чхеримела («Грамоты...», I, 194), что не совсем точно, т. к. Чхеримела—река в Чхерском округе.

⁶⁴ «Грамоты...», I, 15—16.

⁶⁵ Brosset, II, 239; Бутков, I, 276.

⁶⁶ «Грамоты...», I, 31; Brosset, II, 239.

⁶⁷ По словам Моуравова, он «в лесах и узких дорогах чинил нападение на их (турок.—А. И.) только арьергарды и всегда оные разбивал». (Там же, I, 73).

Соломону привести в покорность мятежных князей и низложить турецкого ставленника Теймураза⁶⁸.

Хотя Соломону и на этот раз, после тяжелой борьбы, удалось отстоять независимость своей страны, положение его было не из завидных. Правда, летом 1768 г. в момент посещения Имеретии Эмином, в стране временно царило спокойствие⁶⁹. Но турки продолжали требовать ежегодную дань девушками и признание их «протектората». Турецкие войска продолжали занимать Кутаиси и ряд других центров и крепостей страны, так что русские дипломаты заявляли даже, что «Соломон ни одного города и местечка не имеет»⁷⁰. Он вынужден был со своими приближенными жить по деревням и кочевать с одного места на другое. «Ездит царь,—сообщал Языков,—с князьями по деревням и приехав, когда у поселян все съедят и выпьют, то в другую поедет»⁷¹.

Несмотря на то, что ряд крупных феодалов был приведен в повиновение, феодальный сепаратизм отнюдь не был ликвидирован. Власть царя, писал в своем донесении князь Моуравов, «как от турков, так и от княжеских фамилий весьма стеснена»⁷². В результате турецких нашествий и длительной междоусобной войны страна была опустошена и разорена. Хотя Соломон,—сообщал тот же Моуравов,—«до восьми тысяч дворов крестьянских имеет, но оныя от турков совсем разорены и в крайнюю нищету приведены»⁷³. Даже дворянство поражало современников своей бедностью: «имеретийцы в самом бедном и жалостном состоянии находятся; князья и дворяне их носят платье из серова сукна»; сам царь «пышности, приличной царю, не имеет»⁷⁴.

Регулярно и хорошо вооруженного войска в Имеретии не существовало. «Пушек при войске не имеют, образ войны их не регулярной, войско собирается по трубе»⁷⁵, «поход их, и то внутри Имеретии, ни для каких нужд, за неимением чем себя содержать, более трех недель не продолжается»⁷⁶. Вооружение имере-

⁶⁸ Brosset, II, 239; «Грамоты...» I, 16, 73.

⁶⁹ Представитель Соломона митрополит Максим сообщал в ноябре 1768 г. русскому правительству, что царь «в нынешнем году имеет от турков спокойствие». («Грамоты...», I, 16).

⁷⁰ Там же, 71.

⁷¹ Там же, 72.

⁷² Там же, 195.

⁷³ Там же, 72.

⁷⁴ Там же, 71, 195.

⁷⁵ Там же, 196.

⁷⁶ Там же, 74.

тинцев было примитивное; «во время баталий» они употребляли «ружья, сабли и копыя»⁷⁷. Неудивительно поэтому, что русские представители, прибывшие через год после Эмина для выяснения военных возможностей Имеретии, приходили к выводу, что «царь Соломон находится в весьма слабом состоянии и без Ираклия никакого действия учинить не может»⁷⁸.

Соломон сам прекрасно сознавал свою слабость, и поэтому, теснимый турками, домогался покровительства России. Еще в конце 1766 г. он через кизлярского коменданта Потапова обратился к русскому правительству с просьбой вступить за него, перед Турцией, а в случае необходимости разрешить ему эмигрировать со своей семьей и своими приближенными на русскую территорию⁷⁹. Несмотря на то, что в следующем году ему удалось отразить турецкое нашествие, его положение продолжало оставаться настолько непрочным, что как раз к моменту приезда Эмина он решил предпринять вторичную попытку добиться покровительства России, отправив туда специального посланца—митрополита Максима⁸⁰.

Эмин знал об эпической борьбе имеретинцев против турок, до него, очевидно, доходили также слухи о русской ориентации Соломона. Неудивительно поэтому, что изгнанный Ираклием, он решил отправиться к имеретинскому царю, рассчитывая, несомненно, что последний легче воспримет его политическую программу. Но Эмин был плохо осведомлен о действительном положении дел в Имеретии, о том, что Соломон, при всей своей вражде к туркам, сам в то время нуждался в помощи. Весь расчет Эмина был поэтому совершенно нереальным, и он не мог сразу же не убедиться в этом.

Узнав о прибытии царя, Эмин поспешил ему навстречу. Соломон приветствовал его с большим радушием. В то время царю было всего 34 года. Небольшого роста, полноватый, с круглым румяным лицом, с большими темноглубыми глазами, он неизменно производил на окружающих приятное впечатление. Вспыльчивый и неуравновешенный, но в то же время веселый и прямо-

⁷⁷ Там же, 30.

⁷⁸ Там же, 65.

⁷⁹ Там же, 1—6. Русское правительство в то время отклонило это обращение, не желая создавать по этому поводу конфликт с Турцией.

⁸⁰ Там же, 12—14. Миссия эта оказалась более удачной; в связи с начавшейся войной с Турцией, русское правительство охотно согласилось выполнить просьбу Соломона.

душный, он в обиходе был очень обходителен, прост и приветлив⁸¹.

Во время обеда, который вскоре был подан, царь посадил Эмина рядом с собой и был с ним очень любезен. По словам последнего, Соломон тут же предложил ему остаться в Имеретии, но он отказался, заявив, что приехал лишь для того, чтобы познакомиться с государем, освободившем свою страну от турецкого ига; теперь же долг повелевает ему вернуться к своему престарелому отцу, которого он не видел двадцать лет⁸².

Эмин, несомненно, отправился в Имеретию не ради мимолетного знакомства с царем, но, очевидно, сорок дней, проведенные им там, были достаточным сроком, чтобы рассеять все его иллюзии. Даже из его собственного рассказа можно убедиться, как глубоко поразила его бедность страны, разоренной турками и лезгинами, и тяжелые условия существования ее обитателей. Он не мог не понимать, что оставшись у Соломона, он превратился бы в его рядового приближенного, кочующего вместе с ним из деревни в деревню, без всяких перспектив на осуществление своих политических планов.

Впрочем, по собственному признанию, он не сразу принял окончательное решение. Для характеристики его увлекающейся натуры весьма любопытна причина, положившая конец его колебаниям. К Соломону прибыл посланец Ираклия, от людей которого он услышал, что грузинский царь будто бы очень доволен, что он хорошо отозвался о нем во время пиршества с Соломоном. И сразу же, воодушевленный этим известием, он решил отправиться назад в Гори, откуда за два месяца до этого должен был удалиться под угрозой смертной казни.

Разумеется, ничего хорошего из этого выйти не могло. По его словам, прибыв в Гори, он встретил там тбилисского епископа Захария, сообщившего ему, что Ираклий им очень доволен и хочет дать ему важное поручение; на это он будто бы ответил, что едет в Индию к отцу, после чего Захарий не проронил больше ни слова. Однако весь этот сбивчивый рассказ более чем по-

⁸¹ П.-р.-Г.-в. «О царе Соломоне II и бывшем при нем управлении» («Кавказский календарь» 1859 г., стр. 423—424). Эта его простота очень шокировала русских дипломатов: «в разговорах весьма лехкомысленной—писал про него Моуравов—и в обхождениях с простыми имеретинцами никакого различия не имеет и кто его персонально не знает, то и отличить от подлых не может» («Грамоты...», I, 72).

⁸² L. A. J. E., 404. См. также аналогичное заявление на предыдущей странице.

дозрителен. Упомянутый Захарий был, как мы знаем, его самым лютым врагом при грузинском дворе, а, кроме того, рассказ этот противоречит его же словам о причинах, побудивших его вернуться в Гори: если он так обрадовался слухам о благосклонном отношении к нему Ираклия, то почему, приехав туда, он гордо отклонил протянутую ему руку?

Как бы то ни было, Эмин с очень большой поспешностью покинул пределы Грузии. Пробыв в Гори всего два дня, он отправился в Тбилиси, а оттуда, на следующий же день, «не оглядываясь назад», выехал с караваном в Ганджу. На этот раз он покидал Грузию навсегда.

VI

Через десять или двенадцать дней после приезда в Ганджу, Эмин, по доносу ехавших с ним купцов, был вызван к хану. Магомет-хан, сын убитого незадолго до этого Шаверди, был его давнишним знакомым—ведь именно против него сражался Эмин два года назад в достопамятной битве при Геташене. Но Магомет-хан не думал ему мстить. Он принял его очень хорошо, выразил сожаление, что его отец, Шаверди-хан, не воспользовался в свое время его услугами, и тут же предложил ему остаться у него на службе в качестве одного из военачальников. Эмин отклонил это предложение, мотивировав свой отказ желанием вернуться в Индию.

В этой связи он приводит очень любопытное объяснение столь терпимого к нему отношения, в течение всех этих лет его скитаний по Кавказу со стороны многих представителей местных властей и даже ханов. Дело в том, что не все они, подобно Ибрагим-хану, бывшему в курсе его переписки с меликами, знали о его истинных намерениях. По его собственному признанию, он сознательно вводил их в заблуждение, убеждая их, что им нечего опасаться армянского восстания, что армяне не могут мечтать о независимости, так как они малочисленны и их страна расположена между обширными империями, которые всегда имеют возможность их сокрушить; если, однако, указывал он, армяне, рассеянные по всему свету, узнают, что персы обращаются с ними хорошо, то они вернутся в Иран, что принесет большую пользу этому государству. Так он «усыплял» ханов и их подчиненных и «делал свою проповедь приемлемой для них»⁸³. Такая тактика давала свои результаты.

В Гандже Эмин прожил, по своим словам, три ме-

⁸³ L. A. J. E., 411—412.

сяца, выехав оттуда в августе⁸⁴. Не станем описывать его дальнейшее путешествие через Тавриз и Багдад в Басру, о котором он подробно рассказывает в своей автобиографии. Его рассказ, существенно дополняющий свидетельства других contemporанов ему европейских путешественников, представляет большой интерес для историка, изучающего жизнь и быт Ближнего Востока середины XVIII столетия. Но для биографии самого Эмина достаточно сказать, что после четырехмесячного пути, он благополучно прибыл в Басру 25 декабря 1768 г. Там ему пришлось задержаться на длительный срок в ожидании корабля в Индию.

Басра являлась в то время одним из крупнейших портов Востока, на долю которого приходилась значительная часть индийской торговли⁸⁵. Там проживало много армян, главным образом джульфинских купцов, принимавших деятельное участие в турецко-ирано-индийской торговле, а также выполнявших функции банкиров и ростовщиков. Среди них оказался какой-то родственник Эмина, приютивший его у себя. Эмин упоминает также о благожелательном отношении, которое проявил к нему один из крупнейших местных армянских богачей Петрос-ага. Этот армянский купец был в то время в Басре очень видной и влиятельной фигурой. Католикос Симеон поддерживал с ним, как с одним из самых почтенных соотечественников, оживленную переписку⁸⁶. Петрос-ага предложил Эмину деньги, от которых тот, однако, отказался, не желая одалживаться у армянских богачей, поскольку, по его словам, те считали бы, что дали ему милостыню.

Резидент Ост-индской компании Генри Мур, сперва принявший Эмина очень холодно, впоследствии изменил свое отношение к нему. Однажды утром к Эмину явился армянский переводчик резидента Шех-Погос⁸⁷, передавший ему, от имени Мура, пригла-

⁸⁴ Там же, 412. Таким образом, выходит, что он уехал из Иракия весной 1768 г., а не в «середине лета». Ведь после этого он, по своим же словам, полтора месяца пробыл в Имеретии, а затем месяца три в Гандже.

⁸⁵ См. описание Басры того времени в дневниках служащих Ост-индской компании Гоуэля и Франклина, (Th. Howel, ук. соч. 23: A General collection of the best and most interesting Voyages and Travels in all Parts of the World*, London, 1811, IX, 276).

⁸⁶ См., напр., *Зр.*, I, 614, 617 и др.

⁸⁷ Shekh Pogos. Для того, чтобы еще раз убедиться в точности рассказа Эмина, достаточно сказать, что даже это второстепенное и совершенно случайно упоминаемое им лицо—личность вполне достоверная. В эминдзинской «Памятной книге» мы читаем, что католикос отправил письмо в Басру к Шех-Погосу (*ш. 24-я-Чигриш*, *Зр.*, I, 617).

шение к обеду. На другой день после посещения резидента ему принесли шестьсот рупий и записку от секретаря Мура Лятуша⁸⁸, в которой тот просил принять эту сумму. Вскоре Эмин очень сдружился с Муром и стал бывать у него чуть ли не ежедневно. Он обедал и ужинал и у двух других местных англичан, тоже оказывавших ему широкое гостеприимство—неких Бомона и Ливинуса⁸⁹.

Так прожил Эмин в Басре «около восьми с половиной месяцев»⁹⁰, т. е. до осени 1769 г.⁹¹. Во время его пребывания там, произошли, однако, события, чуть было не заставившие его вновь изменить свои намерения и снова обнажить меч за свободу своей родины.

⁸⁸ Имя этого Лятуша упоминает и служащий Ост-индской компании Джеймс Каппер при описании своего путешествия в Индию через Басру в 1778 г. Он отмечает, что Лятуш пользовался большим уважением среди местного населения. (*Voyage... par Thomas Howel, suivi d'observations sur le passage dans l'Inde par l'Egypte et le grand désert par James Capper*, Paris, An V. 288, 290, 291, 299, 301).

⁸⁹ Бомон впоследствии, в семидесятых годах, попал в плен к персам и по его поводу разыгрался целый конфликт между Ост-индской компанией и Керим-ханом. Ливинус же в дальнейшем переехал в Калькутту, где получил должность хранителя военных складов и стал одним из ярых противников Уоррена Гастингса. (L. A. J. E., 453—455).

⁹⁰ Там же, 429.

⁹¹ Еще 18 сентября он написал письмо из Басры лорду Нортумберленду (Там же, 434).

1769 ГОД

1

Русско-турецкая война, начавшаяся в ноябре 1768 года, привела в движение все подвластные туркам народы. Мечта об освобождении от тяжелого ига казалась становилась близкой реальностью. Укреплению этих надежд содействовала сама русская дипломатия. С самого начала войны царское правительство поставило перед собой целью «возбудить» против турок христианское население Османской империи. Русские эмиссары были посланы в балканские страны. В манифесте Екатерины к грекам и славянам прямо говорилось об освобождении подвластных Турции христианских народов, как об одной из основных задач начавшейся войны: «Увещеваем,—заявлялось там от имени императрицы,—всех их вообще и каждый особенно полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться к свержению ига и к приведению себя попрежнему в независимость, ополчаясь, где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага... наше удовольствие будет величайше видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы руководством нашим вступающие в следы своих предков»¹.

Слова эти звучали призывом не только для населения балканских стран, но и для всех порабощенных народов вообще, в частности и для армян. Надежда на избавление от многовекового гнета особенно усилилась среди армян к лету 1769 г., когда начали распространяться слухи о предстоящем вступлении в войну против Турции Грузии и Имеретии и прибытии на Кавказ русских экспедиционных войск. Весть об этом произвела исключительное впечатление на армянское население пограничных турецких областей и сразу же привела к массовому переселению местных жителей на грузинскую территорию. Так, например, 12

¹ Соловьев, VI, 585.

июня 1769 г. русский консул в Сальянах Суляков доносил, что «ныне известно есть, что из туретской области немалое число тамошних жителей з женами и з детьми, а при том и с своими имениями прибегнули под защиту грузинского принца Ираклия, прося ево, чтоб от него приняты были они в ево протекцию, которые тем Ираклием и приняты»; «все,—сообщал он далее, говоря о настроениях в иранских областях,—единодушно иного ничего не желают, как того, чтоб предпринятое ея императорского величества противу Оттоманской порты намерение з добрым успехом окончилось, а при том, чтоб и они остались под высочайшею ея императорского величества державою»².

Русско-турецкая война не могла не возбудить надежды и среди тех проживающих в России армян, которые уже давно мечтали мечту об освобождении своей родины.

8 июня 1769 г. Коллегии иностранных дел был представлен очень интересный проект, предусматривавший освобождение армянских областей и воссоздание независимого армянского государства под протекторатом России³.

Проект этот был представлен от имени «содержателя» астраханского шелкового завода «армянина Моисея Буниятова сына Сарафова». То был один из выдающихся представителей проживавшей в России армянской буржуазии. Выходец из Ирана, Сарафов, по переезде в Россию, занял вскоре видное положение среди зажиточных астраханских армянских купцов. В 1763 г. специальным указом было предписано отвести земли «армянину Моисею Сарафову, который обещал развести в Астраханской губернии сады для заведения шелкового завода», и выдать ему кредит в сумме 10000 рублей⁴. В том же году «выехавшему из персидской области армянину Моисею Сарафову» было дано дозволение «в постройке судов по Каспийскому морю». Когда же в дальнейшем астраханский губернатор, идя навстречу пожеланиям русского купечества, сделал попытку отнять у него это право, то Канцелярией опекуинства иностранных сразу же было предписано губернатору, «чтоб ему Сарафову в содержании су-

² АВПР, ф. Сношения России с Персией. К. 16. Донесение Сулякова от 12 июня 1769 г.

³ АВПР, ф. Сношения России с Грузией. Д. № 2 (к. 59а) 1761 г. л. л. 89—93. Проект этот, сохранившийся в архиве Коллегии иностранных дел, был подшит не к армянским, а к грузинским делам и, к тому же, к книге, содержащей в основном дела 1761 г. и озаглавленной: «Выписка о приезде грузинского царя Теймураза и крымского Калги-Салтана».

⁴ «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.», XVI, 387.

дов никакого препятствия не чинить, но еще и оказывать ему в том спомоществование»⁵.

Именно к этому «Мовсесу», как к одному из самых влиятельных армян, и обращался в 1767 г. католикос Симеон в связи с миссией посланного им в Россию монаха Давида⁶. В эчмиадзинском архиве сохранилось также письмо астраханского епископа Степаноса от 1 мая 1767 г. с жалобой на ряд лиц, в том числе на «Мовсеса, сына Бунната»⁷. Из письма этого видно, какую выдающуюся роль последний играл в то время в Астрахани; он пользовался там таким влиянием, что решался даже выступать против местного армянского епископа и брать под свою защиту лиц, которых тот преследовал.

Этот богатый и влиятельный армянский предприниматель и негоциант, имевший связи в правительственных сферах и даже при самом дворе⁸, представил упомянутый проект лично от своего имени. По своим словам, узнав о намерении правительства открыть фронт против турок «и с азиатской стороны», он счел своим долгом высказать по этому поводу свои соображения. «В рассуждении,—писал он в своей докладной записке,—что я азиатский поведению и обычаи несколько знаю потому, что в Персии в нашей Арагатской земле мое рождение и отчество, а в Турции довольно для коммерции жительствам, то о сем от усердия моего к России кому надлежит открыл, почему и приказано мне о том сочиня подать мнение».

Имеются, однако, все основания полагать, что Сарафов подал свое «мнение» если не от имени, то с ведома целой группы проживавших в России влиятельных армян. В конце своей докладной записки он предлагал запросить мнения ряда в Санкт-Петербурге «жительствоющих из национальных же армян людей знатных», имена которых тут же перечислял. Вряд ли, конечно, он стал бы ссылаться на эти лица, если бы не был уверен в совпадении их «мнений» с высказанными им взглядами и сделанными им предложениями. Среди перечисленных им имен мы на-

⁵ Там же, XVIII, 1019.

⁶ ВРЗ., I, 685—687. Сарафов сам первый написал письмо католикосу и предложил ему свои услуги. Впоследствии, однако, Симеон разгневался на него, узнав, что он хотел выпытать у Давида сведения об истинной цели его поездки в Петербург (ВРЗ., II, 41).

⁷ Матенадаран. Архив, Папка 3, № 14.

⁸ По словам эчмиадзинской «Памятной книги», его слово имело вес при самом дворе: «Եւ Էր նա այժմ պրիմիալ յոյժ յաշխարհի և Բոսոր նորին տաշխարհի ընդունելի էր յոյժ» (ВРЗ., I, 656).

ходим не только имя армянского священника Шерестанова⁹, но и имена ряда видных представителей армянской буржуазии, в том числе владельца шелковых фабрик и крупного негоцианта Григория Кампанова¹⁰ и знакомого нам «гоф-ювелира» Ивана Лазарева, еще в начале шестидесятых годов интересовавшегося планами освобождения Армении и оказавшего помощь Эмину¹¹.

Докладная записка Сафарова состоит, кроме введения и постскриптума, из четырнадцати параграфов.

В целях «побуждения армянского народа» к выступлению против турок—говорится там—Российское государство располагает для связи с армянами коммуникациями как через Каспийское море, так и через Грузию. Первоочередной задачей поэтому является вовлечь в войну против Турции обоих грузинских царей, т. е. Ираклия и Соломона, «ибо егда оныя цари явно откроются по самой истине турку противниками, то немалое чрез то туркам последовать может утеснение и упадок». Как только они обещают свою помощь, надлежит направить в Грузию одного из русских генералов с армейским корпусом, в котором было бы много штаб, обер и унтер офицеров, особенно знающих «инженерство», искусство фортификаций и подкопов, «со всеми при них принадлежащими инструментами и машинами».

Одновременно надлежит выбрать «одного имеющего в России свою фамилию, жену и детей, разумного, доброго состояния и верного человека» из русско-подданных армян и поручить ему

⁹ Об этом священнике Шерестанове (или как он сам подписывался на своих прошениях, Տէր Յոսէփն Պետրոսի որդի Շիրոսեանց), переселившемся в 1731 г. из Персии в Петербург, см. АВПР, ф. Сношения России с Арменией. 1740 г. Д. № 2.

¹⁰ В том же 1769 г. Григорий Кампанов, ссылаясь на разрешение, данное его соотечественнику и коллеге Сарафову, ходатайствовал от имени всех астраханских армянских купцов «для приумножения коммерции как ему, так и прочему астраханскому из подданных армян мещанству в постройке мореходных судов... для отвоза и привоза своих и других товаров також и для хождения из порта в порт учинить позволение», что специальным сенатским указом и было дозволено. («Полное собрание законов Российской империи», XVIII, 1019).

¹¹ Имена почти всех лиц, перечисляемых Сарафовым, мы находим в списке именитых петербургских армян, представленном двенадцать лет спустя, в 1781 г., Иосифом Аргутинским католикосу. В этом списке, в числе десяти видных петербургских армян, мы находим имена Ивана Лазарева, старшего священника Тер-Ованеса, Макара Манучарова, Григория Кампанова и, наконец, самого Моисея Сарафова (Матенадаран. Архив, Папка № 26).

организовать воинский отряд из проживающих в Москве, Астрахани, Кизляре, Моздоке и других городах России армян и грузин. Отряд этот должен быть набран на добровольных началах, причем жалование надлежит выплачивать лишь лицам необеспеченным; лица же зажиточные сами должны заботиться о своем довольствии. «Армянский командир» должен находиться в подчинении командующего русским экспедиционным корпусом. Сформированный им отряд следует отправить вместе с русскими войсками в Грузию. Лица, завербованные в этот отряд, могут использоваться не только как бойцы, но и для выполнения секретных поручений, как секретные агенты для разного рода разведываний, для тайных сношений, под видом купцов и лекарей с армянским католикосом и меликами.

Поскольку посылка войск в Грузию потребует значительных расходов, то предлагается следующий план финансирования этой экспедиции, без вывоза из России золота и серебра. Три армянских купца учреждают агентства в Петербурге, Москве и Астрахани и закупают на казенный счет товары, имеющие сбыт в Иране. Астраханский агент передает эти товары русским и армянским купцам для продажи в Иране, получая от них векселя, суммы по которым выплачиваются командующему русскими экспедиционными войсками в Грузию.

Следующей основной задачей является вовлечение в войну против Турции армянских меликов. Автор проекта хорошо знал о разладе, происшедшем среди меликов, о подчинении некоторых из них Ибрагим-хану. Он выражал, однако, надежду, что Ираклию, совместно с командующим русским экспедиционным корпусом и армянским командиром, удастся склонить большинство из меликов на свою сторону. Если же «из них один или два и ни чрез какие способы склонности на то и делания иметь добровольно не похотят, в таком случае оным всем согласившимся меликам и царям грузинским обще с российским и армянским командирами можно склонить к тому страхом военной руки». При этом надлежит, однако, осведомиться о нуждах меликов—«и кто из них в чем-либо объявит недостаток, то тотчас того надобно всем потребным, а именно, деньгами ль или мастеровыми и искусными в науках инженерами артиллеристами и прочими тому подобными людьми или воинскими орудиями и припасами, как-то пушками, ружьями и порохом и прочим удовлетворять».

Однако все переговоры с грузинскими царями и армянскими меликами должны держаться в секрете «и дотоль бы турок не мог ничего увидеть, доколи уже формальным образом время настоять будет вступить с ним в баталию».

Далее следует изложение плана кампании. Автор докладной записки предлагает начать военные действия не с вторжения в турецкие области, а с захвата Еревана. Он указывает, что этот пограничный город имеет очень большое стратегическое значение и русским войскам крайне важно иметь эту крепость в своих руках, как базу для развертывания операций против Турции. Ереван, однако, должен быть занят не путем открытого нападения. «Для того, чтоб оной город был совершенно в дирекции и содержании российских войск, надлежит Ираклию с советом российских начальников употребить к тому какие-нибудь всемерные политические способы, чтоб в оном персияне никакой власти не имели и из него были выманены вон, и как сие учинено будет, то вместо того определить ему, Ираклию, в тот город своего природного из грузинцов достойного и искусного к военным делам человека ханом, придав ему своего грузинского и армянского воинства для защищения, в конх число привмешать и нашего российского корпуса принадлежавшую по рассмотрению партию, состоящую в военных, а наипаче в сведущих фортификацию, артиллерию и прочих тому подобных науках..., а дабы о российских людях нисколько не было известно персам и туркам, то оных в ту крепость Реван препровождать обще с грузинскими и армянскими войсками под именем и во образе платьем и прочим наподобие грузинцев и армян».

Когда Ереван окажется, таким образом, под контролем русских войск и весть об этом распространится среди турецких и иранских армян, то многие тысячи из них, особенно из числа людей холостых, «с крайнею охотою и усердным желанием прибегнут в сию крепость Реван и к прочим грузинским границам и соединятся с нашими войсками в помощь на турка для избавления каждой единовверных своих братьев от ига своего супостата».

После захвата Еревана должны начаться совместные военные действия против турок русского экспедиционного корпуса, грузинских войск и армянских отрядов. Ираклий откроет военные действия нападением на близлежащие турецкие крепости Ахалцих и Карс. Войска, которые выступят из Еревана, должны напасть на Баязет, оттуда двинуться к Вану, «а потом есть ли бог поможет и далее поступить каждому где способнее».

Когда русские войска вступят в турецкие области, то их сила возрастет еще в большей мере, благодаря присоединению к ним добровольцев из числа местных армян, «которые с охотою присовокупятся к нашим войскам на побеждение и искоренение сих варваров пожелают».

Особых расходов русская казна при этом нести не будет, так как в завоеванных городах можно будет брать не только «городовые доходы», но и налагать контрибуции на турок и даже на христианское население. В случае же крайней надобности, можно, не колебаясь, взять на покрытие необходимых расходов и церковное имущество—«не только имение церковное, но и вещи яко то серебрянные и золотыя сосуды, кресты и прочее, дорогие каменья, жемчуг и другое тому подобное»—«ибо лучше все сие взяв употребить для избавления христианского рода от рук иноплемennых на свободу, нежели не касаясь сего, а по недостатку, оставить христианския души в руках мучительских на погубление».

Затем автор проекта переходит к наиболее важному пункту—о целях участия армян в освободительной войне против турок. Он дипломатически оговаривается, что не знает наперед, что могут попросить мелики в награду за свою помощь, но, со своей стороны, для «охотнейшего» «побуждения и склонения» их предлагает следующее: «Когда всемогущаго благоволением и счастьем ея императорского величества и их при том обще с российскими и грузинскими войсками помощью турки будут завоеваны, тогда, восстановить им из них же армян одного над всеми ими царя или владетеля по их атестатам, равно как у грузинцов царь или у калмыков хан, которому и быть со всем тем армянским народом под единственною протекциею и покровительством как ея величества, так и высоких ея потомков и оных признать за своих верных подданных». В этих целях и в мирный трактат, который должен быть заключен с Портою Оттоманской надлежит внести пункт с том, «что оной армянский народ есть точно верноподданныя Российской империи и чтоб турок и ево подвластные ни под каким предлогом им обид, насилий и утеснения не чинили». Россия должна взять на себя обязательство оказывать армянам военную помощь в случае нападения на них соседей. Армянский же «владетель», со своей стороны, должен по первому требованию, предоставлять России военную и всякую иную помощь против любого неприятеля.

Следующие параграфы проекта посвящены вопросу о необходимых мерах предосторожности для успешного осуществления намеченных мероприятий. Необходимо отослать поскорее назад в Грузию присланного оттуда митрополита (т. е. посланца Соломона митрополита Максима), чтобы не навлечь подозрения турок, которые в противном случае могут наводнить своими войсками грузинские границы и сделать затруднительным вторжение на их территорию. Надлежит предписать русскому консулу в Иране отправить нарочного в Тавриз и Хой и осведомиться,

нет ли поблизости турецких войск, а если таковые имеются, то немедленно оккупировать побережья Каспийского моря. Преувеличивать силы турок нет надобности, так как их войска не дисциплинированы «и регул никаких в военных экзерцициях, каковы есть в России не знают». Если в эпоху Надира даже персы разбивали их, то тем более им не устоять против русской армии и русской артиллерии.

В случае успеха предложенного плана «всероссийская империя» наипаче от бога и человек будет превознесена в славе и все вышеписанныя армянския и прочия пребывающия чрез многия лета под игом сих варваров в заключении народы, сих агарян от злостных нападений и мучительных утеснений избавятся, и пребывая потом под всевысочайшим ея императорского величества покровительством и протекциею, равно с национальными российскими подданными, будут препровождать в жизни своей златыя веки и спокойствие с неизреченной радостью.

В заключение автор докладной записки выражал готовность «письменно объяснить», относительно «пути ведущего чрез Персию сухим и морским трактом до турецких границ и о прочем», если ему будет сделан соответствующий запрос.

Таков был проект, представленный в июне 1769 года русскому правительству Моисеем Сарафовым от имени целой группы проживавших в России влиятельных армян. Проект этот, сохранившийся в архиве Коллегии иностранных дел, представляет, несомненно, большой исторический интерес. В нем предусматривалось освобождение армянского народа от чужеземного ига при содействии русских войск и создание армянского государства под покровительством и защитой России. Речь шла при этом не только об освобождении армянских областей, подвластных Турции. Вопрос ставился, по существу, об освобождении всей Армении. Именно поэтому предполагалось начать военные операции с захвата Еревана. Искренность рассуждений автора докладной записки о стратегическом значении этой крепости весьма сомнительна. Под этим предлогом автор проекта стремился добиться лишь одного, а именно оккупации русской армией, совместно с грузинскими войсками и армянскими добровольческими отрядами, территории Восточной Армении. Восстановленное армянское государство должно было быть монархией, причем верховную власть предусматривалось вручить армянину, по-видимому одному из армянских меликов.

Интересно отметить ту большую роль, которая, согласно проекту Сарафова, отводилась самим армянам в деле своего освобождения. Армяне не должны были уповать лишь на русские войска или оказывать им лишь пассивную помощь. Проект пре-

дусматривал не только создание специального добровольного корпуса из проживавших в России армян, во главе с «армянским командиром», но и широкое привлечение добровольцев из числа местного населения Восточной и Западной Армении, не говоря уже о самой широкой мобилизации средств, вплоть до использования церковной утвари.

Все эти идеи весьма напоминают планы Эмина о формировании добровольческого отряда из русских армян для вторжения в персидские и турецкие области и организации там армянского повстанческого движения. Если припомнить, что Эмин вел свою пропаганду в России всего лишь за несколько лет до этого, что именно в Астрахани набрал он свой маленький отряд, что по единодушному свидетельству и Ступишина, и астраханских властей его появление там произвело очень сильное впечатление на местных армян, то можно даже вполне законно поставить вопрос—в какой мере проект 1769 года, обязанный своим возникновением предшествующей агитации Эмина? В этой связи особенно интересно отметить, что, по его собственному свидетельству, будучи в Астрахани, он имел сношения с тамошними «армянскими купцами», видевшими в нем грядущего освободителя Армении и предлагавшими ему поэтому щедрые дары¹². А среди этих «армянских купцов» такие лица, как Сарафов и Кампанов, были в то время наиболее видными фигурами.

О судьбе представленного Сарафовым проекта мы узнаем из следующей ремарки, сделанной в Коллегии иностранных дел одним из чиновников: «По сей записке докладывалось было его сиятельству графу Никите Ивановичу Панину статским советником Бакуниным, но его сиятельство по выслушании оной, не находя ее достойною уважения, приказал только словесно надворному советнику князю Моуравову, отправленному в Имеретию, объявить, чтоб он в бытность тамо разведать, и самого имеретинского владельца спросил, в какой конечной он и другие грузинские владельцы с армянами находятся и могут ли они к чему-либо с пользою, и каким образом употреблены быть и чтоб по соображении получаемых о том известий, он князь Моуравов и сюда донес. Такое ему при отъезде его объявление и действительно učinено статским советником Бакуниным».

Как видим, Панин не обратил особого внимания на представленную ему докладную записку Сарафова. Его могла заинтересовать лишь идея использования армян в военных действиях на кавказском фронте, хотя и к этой возможности он отнесся до-

вольно скептически. Дело ограничилось поэтому лишь тем, что решено было поручить отправленному на Кавказ князю Моуравову разведать об этом на месте.

Моуравов, по прибытии в Грузию, выполнил данное ему поручение. 3 сентября, в своем донесении Панину, он сообщал, что Ираклий его «обнадежил, то живущих в Эрване, персидской области, армян, кои по его уверению хорошие солдаты, может подвинуть против турок»¹³.

Ираклий при этом повторил лишь то, что говорил еще до этого другому русскому представителю князю Хвабулову, имевшему аналогичное поручение от кизлярского коменданта. Еще 24 июля Хвабулов в своем рапорте писал Потапову: «В продолжение мое в Тефлизе, по словесному вашему превосходительства приказу, представлял я царю Ираклию о возбуждении с его стороны и арацких армян ко общему составлению противу турок войны. Напротиву чего царь Ираклий объявил, что он весьма легко их к тому возбудить может, якоже некоторая часть и поданными ему ис тех армян счисляются... и намерение имеет, возбуждая на войну и арацких армян, от их стороны взять движение на турецкия города»¹⁴.

Ведя переговоры с русским правительством, Ираклий и по собственной инициативе брал на себя обязательство, в случае предоставления ему помощи войсками, «вступить против турка в войну и чем возбудить ... и арацких армян... и начать воинския поиски от арацких гор и продолжать до самого Царяграда»¹⁵.

Деятельность Эмина в Грузии также не прошла бесследно. Очевидно не без влияния проектов и предложений Эмина. Ираклий, начиная в союзе с Россией войну против Турции, сразу же стал строить планы об использовании в этой войне армян и о «возбуждении» их против турок.

Но пока в России и Грузии разрабатывались все эти проекты, армянское освободительное движение в самой Армении, в связи с начавшейся русско-турецкой войной, вновь переживало период подъема. И на этот раз выдающуюся роль в нем играл неутомимый борец за свободу армянского народа, хорошо знакомый нам Ован.

¹³ «Грамоты...», I, 65.

¹⁴ Там же, I, 431.

¹⁵ Там же, I, 92.

Овнану не суждена была спокойная старость. Не прошло и нескольких месяцев после посещения его Тер-Габриэлом, как в монастыре св. Карапета разыгрались новые события.

В сентябре 1766 г. католикос Симеон, из письма самого Овнана, узнал, что тот вынужден был бежать из монастыря, находясь в городе Балу (западнее Муша) и что из Константинополя послан десятник, чтобы доставить его туда¹⁶. Вскоре в Эчмиадзин поступили и дополнительные сведения о происшедших событиях.

Мы уже знаем, что мушский Махсут-бек, столь тесно связанный с Овнаном, неоднократно бунтовал против турецкого правительств. Такой его мятеж произошел, видимо, и летом 1766 г.¹⁷; «от османского царя снова были посланы против него трое пашей, чтобы, выступив против него, крепость его разрушить и голову ему снести»¹⁸. Во всей этой истории вновь оказался замешанным Овнан, и на этот раз снабдивший его деньгами¹⁹.

Всех подробностей происшедших событий мы не знаем, но несомненно, что на этот раз дело приняло серьезный оборот. «Многие из братьев...—читаем мы в эчмиадзинской «Памятной книге»,—бежав, там и тут прятались и, наконец, сам Овнан, также бежав, стал скитаться по разным местам»²⁰.

Под влиянием этих событий в монастыре произошел раскол: часть монахов, недовольная действиями настоятеля, выступила против него и, видимо, это и явилось непосредственной причиной, побудившей его бежать оттуда²¹.

Сведения обо всех этих происшествиях вызвали большое недовольство в кругах армянского патриархата в Константинополе.

¹⁶ ВРЗ., I, 536. 542—543.

¹⁷ В 1766 г. восстания и беспорядки в различных провинциях Турции, в частности азиатских, приняли самые широкие размеры. 19 апреля этого года русский посол доносил своему правительству: «Замешательство в Кипре продолжается, да и в разных других провинциях, а особливо азиатских, как слышно порядки в великое расстройство приходят и непослушания обывателей к начальству день ото дня приумножается» (АВПР, ф. Сношения России с Турцией. Реляции резидента в Константинополе Обрезкова и поверенного в делах Левашева. 1766 г. Апрель-май. № 12. стр. 17).

¹⁸ ВРЗ., 565—566.

¹⁹ Там же, I, 565, 566.

²⁰ Там же, I, 543.

«...ином мин с элэжэ эшпавяжэб эшлоторокэн эжэу эшпавяжэж внан Овнан» (Там же, I, 544).

потребовавших немедленного приезда Овнана в столицу для отчета²².

До нас дошло письмо Овнану в Балу, написанное по этому поводу константинопольским патриархом Григором Басмаджяком²³. В своем послании патриарх сообщал, что, по зрелому размышлению, сам он и именитые константинопольские армяне нашли лишь один выход из создавшегося положения, а именно, чтобы Овнан «на время удалился бы с глаз притеснителей и приехал в город» (т. е. в Константинополь)²⁴. Патриарх убеждал его не верить обманчивым слухам об улучшении положения дел в монастыре и не обольщаться лживыми надеждами. Он указывал, что уговаривает его приехать как друг, но намекал, что в противном случае в отношении него будут приняты более энергичные меры. Он сообщал также о своем распоряжении приостановить пересылку пожертвований в пользу монастыря до того, как полностью не рассеется буря²⁵.

В то самое время, как шла эта переписка между Константинополем и Балу, Махсут-бек собрал всех оставшихся в монастыре монахов, а также «именитых мужей области Муша и Багеша (Битлиса.—А. И.), как друзей, так и недругов Овнана», и заставил их написать послание католикосу с просьбой оказать помощь Овнану и восстановить его в должности настоятеля. Одновременно, в этот критический для себя момент, он и сам написал письмо Симеону, с просьбой заступиться за него перед Портой через посредство константинопольского патриарха и тамошних влиятельных армян.

Положение католикоса было довольно трудным. Он, как мы знаем, относился неприязненно к Овнану и решительно осуждал его действия. Но, в то же время, он, видимо, опасался, как бы

²² Там же, I, 543—544.

²³ В Матенадаране имеются две рукописи, содержащие переписку константинопольских патриархов за вторую половину XVIII столетия—№ 2614 и № 4480, причем переписка Григора Басмаджяна содержится в первой из них. Там мы не находим, однако, вышеупомянутого письма. Послание это нам удалось обнаружить среди нескольких других писем Басмаджяна, случайно вплетенных в рукопись № 2622, вместе с целым рядом других материалов различного содержания.

²⁴ «...հոգ տարեալ և գործութեամբ խորհրդակցեալ ընդ մեծախորհուրդ իշխանացն մերոց գոյար գալն միայն հնար զի զու ժամանակ ինչ հեռանայցնիր լաւաց Կեդրոցազ և գալիր Ի քաղաք» (Матенадаран. Рукопись № 2622, стр. 101 об.).

²⁵ «...միմէ և լաւ մի ոչ պարզիցի մարիկն» (Там же, стр. 101 об.—102).

мушские события не имели серьезных последствий, и поэтому хотел поскорее забыть все это дело. К тому же он был недоволен, что противники Овнана обратились не к нему, а к константинопольскому патриарху, а он всегда очень ревниво относился к своим правам и прерогативам.

Симеон, поэтому, на первых порах не поддержал противников Овнана, а наоборот, постарался выступить в роли беспристрастного арбитра. 5 ноября он написал письмо в Константинополь, в котором, напоминая об отлучении и прощении им Овнана, настаивал на восстановлении последнего в должности настоятеля. Одновременно он потребовал прислать в Эчмиадзин вардапета Петроса, возглавлявшего монахов, недовольных Овнаном²⁶. Более того, он счел необходимым, хотя и без всякой охоты, обратиться к турецкому правительству с ходатайством о прощении самого Масхут-бека.

Дальнейшие события, связанные с этим делом, рисуются в следующем виде. В апреле 1767 г. католикос пишет Овнану письмо, свидетельствующее, что к этому времени последний находился уже в Константинополе²⁷. Из другого его письма мы узнаем, что оставшиеся в монастыре монахи, вместе с Масхут-Беком (решившим почему-то отмежеваться от Овнана)²⁸ обратились, спустя некоторое время, к католикосу с просьбой назначить настоятелем упомянутого выше вардапета Петроса²⁹. Симеон в своем письме к монахам монастыря от 18 июня 1767 г.³⁰ сперва ответил им отказом, но затем, в сентябре, переменял свое решение и написал послание о назначении Петроса исполняющим обязанности настоятеля³¹.

²⁶ Там же, I, 581, 582. Он написал письмо и самому Овнану, извещая его о предпринятых им в Константинополе шагах и рекомендуя ему, поэтому, ехать туда безбоязненно. (Там же, I, 586).

²⁷ Там же, I, 695—696.

²⁸ Что Масхут-бек и другие связанные с ним лица изменили в это время свое отношение к Овнану, видно и из другого факта. В мае того же года родственник Масхута, знакомый нам Исаг-ага, поддержал ходатайство вандев о назначении «нвираком» вардапета Багдасара—того самого Багдасара, которого в 1765 г. он обвинял в клевете на Овнана и удаления которого требовал в столь решительной форме (Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 267).

²⁹ *ՅԻԶ.* I, 734.

³⁰ Матенадаран. Рукопись № 2912, стр. 268—269.

³¹ Там же, стр. 225. Аналогичное письмо он написал и самому Петросу. (Там же, стр. 369). Одновременно он известил о своем решении и Масхут-бека (*ՅԻԶ.* I, 780).

Однако через три дня он получил от Овнана письмо, из которого узнал, что влиятельные константинопольские армяне и патриарх приняли решение навсегда удалить Петроса из монастыря св. Карапета и всецело поддерживают его, Овнана³². Симеон, хотя и был этим очень недоволен, все же принужден был затребовать назад свое послание о назначении нового настоятеля. Он велел лишь передать Петросу, чтобы тот оставался в монастыре и не ехал в Константинополь³³. Последний не преминул воспользоваться советом католикоса. Овнан, однако, со своей стороны, отказался вернуться в монастырь до удаления оттуда главы враждебной ему партии³⁴.

Время шло, а Овнан все еще оставался в Константинополе, приобретая там все большее влияние и пользуясь расположением патриарха Григора Басмаджяна. В бумагах последнего мы находим собственноручное письмо Овнана от 1768 г., в котором речь идет о пожертвованиях в пользу монастыря св. Карапета, поступавших в течение предыдущих двух лет в распоряжение патриарха, а затем переданных ему как настоятелю монастыря³⁵. Нам известно также, что Басмаджян совещался с ним по важным делам и выслушивал его советы³⁶.

В таком положении находился Овнан к моменту русско-турецкой войны. О дальнейших событиях в его жизни мы узнаем, прежде всего, из документов, сохранившихся в архиве константинопольского патриархата.

В своем послании от 20 августа 1769 г. патриарх предлагал верующим жертвовать в пользу монастыря св. Карапета, имевшего большие долги. Он напоминал о том, что вследствие тяжелого положения монастыря, настоятель вынужден был приехать в Константинополь и задержался там длительное время. «Но теперь,—читаем мы далее,—благодарение богу, удалось ему вновь вернуться на свой престол»³⁷. Из этого послания мы узнаем, та-

³² *ՅԻԶ.* II, 2—3.

³³ Там же, II, 3—4.

³⁴ Там же, II, 13.

³⁵ «ՅԻՇԱՊԱԿԱՐԱՆ ՊԱՏՄԱՇԽԱՆ ԳՐԻԳՐ ՍԿԱՐԻՍԱՐԻՔԻ», Պարիս, 1908, 43:

³⁶ Так, например, в том же 1768 г. он совещался по делу одного монаха с «нвираком» Захарием и «настоятелем св. Карапета вардапетом Овнаном» (Матенадаран. Рукопись № 2614, стр. 123).

³⁷ «...որոց պատճառաւ մեծապատիւ սիրելի մերոյ Յանն տառապարհ վարդապետին հարկ եղև զայ՛ ի մեծն Պօլիս, որ այսրան ժամանակ եկաց մեաց ի բազարս, բայց այժմ զո՛րթին Աստուծոյ որ յաջողեաց զանկալ վերստին ի յաթոն իւր...» (Матенадаран. Рукопись № 2614, стр. 98, об. 99).

ким образом, что в 1769 г. Овнан снова вернулся в свой монастырь.

Вторичное его пребывание там оказалось, однако, кратковременным. Произошло нечто, заставившее его вновь удалиться из Армении. Очень ценные сведения на этот счет мы находим в другом письме патриарха от 1 июля 1770 г. Последний вновь обращался с призывом к верующим жертвовать в пользу монастыря св. Карапета и, считая, очевидно, необходимым ответить на различные толки, писал, между прочим, следующее: «И не говорите, что настоятель не находится на том святом престоле; этому не придаем значения, возлюбленные мои; выкиньте из вашей головы эти праздные мысли; настоятелю теперь, в это бедственное время, там не должно быть; не без причины и размышления сделано это, возлюбленные мои; надобность так требует, чтобы некоторое время он вдали находился, до подходящего времени»³⁸.

Следовательно, в 1770 г. Овнан вновь покинул монастырь. Имелась какая-то очень важная причина, вынудившая его вновь удалиться оттуда, так что Басмаджян считал даже совершенно необходимым, чтобы он некоторое время пробыл вне Армении.

Что же произошло в 1769 г. в мушском монастыре? Почему после многолетнего пребывания в Константинополе Овнан поспешил вернуться в свой монастырь и почему он вскоре должен был удалиться оттуда?

Ответ на этот вопрос дают следующие сведения, которые мы находим в автобиографии Эмина. «Эмин,—пишет последний, рассказывая о своем пребывании в Басре,—расходуя очень малую часть имевшейся у него суммы в 600 рупий, тщательно сохранял остальные деньги, все еще в надежде вернуться в Армению и в Муш, в Курдистане, в монастырь св. Иоанна, где жил тогда его единственный друг, отец Овнан, который припас восемь тысяч ружей (figeagms, огнестрельного оружия), готовый раздать их тем, кто их не имел»³⁹.

Русско-турецкая война все более разгоралась. С весны 1769 г. поговаривали уже о начале военных действий на Кавказе, о выступлении против турок грузинских владетелей и о прибытии в Закавказье русских экспедиционных войск. Сбывались, казалось, давнишние мечты Овнана о вовлечении в борьбу про-

³⁸ «Են ժի աւեր Թէ Առաջնորդն ի լաշն սուրբ Աթոռն չէ. նորա համար հարկանցի կու նախիր, սիրելիք. զալդ սնան մտածմունքն հանեցէր ի մտաց ձերոց. Առաջնորդին այժմս ալս նեղութեան ժամանակիս ալս տեղն չի լինիլն առանց պատճառի և խորհրդեան չէ սիրելիք իմ. հարկն ալսպէս կու պահանջէ, որ փոքր ինչ ժամանակ հետի գտանելի, մինչև ի պատշաճ լինելոյ ժամանակին»: Там же, стр. 99 об.)

³⁹ L. A. J. E., 427.

тив Османской империи царя Ираклия и сбывались даже со стороны. Вместе с грузинами шли против турок и войска великой северной державы. Такого исключительно благоприятного момента самоотверженный борец за свободу родной страны упустить не мог. Он поспешно возвращается в свой монастырь и, видимо, вновь приступает к подготовке вооруженного восстания, заготовив в этих целях несколько тысяч ружей для раздачи их «тем, кто их не имел».

Именно к этому времени, по словам Эмина, относится приезд в Басру каких-то двух эмиссаров для переговоров с ним об организации восстания в Западной Армении. К нему явились, рассказывает он, два армянских мелочных торговца; один из них имел товаров на шесть тысяч рупий, другой четыре тысячи наличными. Все эти деньги они предложили ему, если только он вновь вернется в Армению; они сообщили ему о начавшейся войне между Россией и Турцией, а также о том, что народ «Курдистана», т. е. южной Армении, давно ждет его и что сейчас самый подходящий момент для осуществления «плана». Совершенно ясно, о каком «плане» шла речь: вопрос снова шел об организации восстания в Западной Армении в благоприятных условиях русско-турецкой войны.

Далее Эмин рассказывает, что после непродолжительного размышления он одобрил их предложение и, со своей стороны, рекомендовал сделать следующее: сам он через Багдад и Иран отправится в Армению, а они должны добраться туда под видом купцов, продающих по дороге товары на местных рынках. На этом они и порешили. Однако, спустя некоторое время, купцы эти стали проявлять колебания. Особенно сильное впечатление произвела на них казнь в Басре «знаменитого Мигл Вапа с острова Харк» и семи других арабов. Они стали высказывать опасения за свою жизнь в случае, если им суждено будет попасть в руки турецких властей, и он вынужден был расстаться с ними⁴⁰.

«Знаменитый Мигл Вапа», упоминаемый Эмином,—это известный арабский вождь Меер Мохиппа или Mig Mahappa, захвативший в шестидесятых годах у голландцев остров Харк в Персидском заливе. В 1769 г. против него восстали его же войска, и он вынужден был бежать в Басру, где был схвачен, заключен турецкими властями в тюрьму и казнен⁴¹. По сведениям, полученным Коллегией иностранных дел, «Мирман-арап» был приве-

⁴⁰ Там же, 427—429.

⁴¹ Malcolm, ук. соч., II, 74—75; Sacy, Histoire des arabes, 457.

зен арестованным в Басру «в марте месяце»⁴², казнен же он был, как свидетельствует сам Эмин, через месяц после ареста. Следовательно, если эти сведения точны, то переговоры между Эмином и прибывшими к нему эмиссарами имели место, примерно, в апреле—мае 1769 г. Как следует заключить из его слов, к этому времени, т. е. к концу весны—началу лета этого года, относятся и приготовления к восстанию, которые делал в своем монастыре Овнан.

О всех этих событиях Эмин говорит очень сдержанно, боясь, возможно, скомпрометировать замешанных лиц. Из его слов трудно даже понять, имели ли прибывшие к нему купцы какое-нибудь отношение к Овнану, или же они действовали по поручению кого-либо другого.

О том, что в связи с русско-турецкой войной среди армян подготавливались какие-то вооруженные выступления против турок, мы знаем и из документов русских архивов.

В архиве Коллегии иностранных дел сохранилось безымянное письмо, посланное из Тифлиса и помеченное 23 декабря 1769 г., в котором, между прочим, сообщалось следующее: «Находящиеся за Баязетом ассириане, кои считаются за христиан, так же и живущие в Эриване армяне пишут к царю Ираклию и уверяют, как скоро он их потребует, то к нему придут и против христианских врагов турков себя не пощадят»⁴³.

В письме, помеченном 27 декабря 1769 г. и адресованном командующему русским экспедиционным корпусом графу Тотлебену, сам Ираклий, упоминая о неоднократном обращении к нему айсор, писал, что «егда высочайшего ея императорского величества от главного министра в области сей получили мы милостивейшее письменное повеление, оное мы тем айсорцам и армянам знать дали и на сей случай от них письменное известие мы получили, которым предуведомляют, что желают они сообщитца с нами и против неприятеля рода христианского сопротивлятца готовыми себя изъявляют. Десятой месяц, что как о себе, так о ж и находящихся в области здешней христианах ея императорского величества всемилостивейшей государыне служить желание высочайшему двору представили, то токмо на оное никакой повелительной ответ еще нами не получен»⁴⁴.

⁴² АВПР, ф. Сношения России с Персией, К. 16. Донесение астраханского губернатора Бекетова от 21 августа 1769 г.

⁴³ АВПР, ф. Сношения России с Грузией, Д. № 6, 1768—1771 гг., л. 363 об.

⁴⁴ АВПР, ф. Сношения России с Грузией, Д. № 22, 1769 г., лл. 47—48.

Из этого сообщения грузинского царя мы узнаем, что еще за несколько месяцев до этого айсоры и армяне письменно заверили его в своей готовности поднять оружие против турок. Ираклий жаловался, однако, что на его обращения ответа от русского правительства не последовало, что «за неполучением по се время на представление наше повелительного ответа весьма здешней христианской народ скучается» и поэтому настоятельно просил в самом непродолжительном времени прислать таковой.

Очевидно, эти сведения, полученные Коллегией иностранных дел, и явились одним из источников слухов об освободительном движении среди армян, которые распространялись в то время русской печатью. В «Санкт-Петербургских ведомостях» можно было, например, читать сообщения о том, что «в Армении и местах около гор араратских последовало общее возмущение»⁴⁵, что «армяне от турок отложились, а их патриарх, который имеет великую власть, уведомил своих одноверцев, коих великое множество в Константинополе, чтоб они с греками пребывали в согласии, и в нужных случаях действовали бы совокупными силами»⁴⁶.

Если в архиве Коллегии иностранных дел мы не находим, к сожалению, более подробных данных о сношениях грузинского царя с армянами, то мы имеем сведения о дальнейших его переговорах с айсорами, а также с езидами.

Посредником в этих переговорах, как видно из сохранившихся документов, был «армянский епископ Исая». Что этот Исая был именно армянским епископом, а не айсором, видно и из того, что на подлинниках его писем царю, написанных на грузинском языке, имеется его печать с армянской надписью, на которой можно различить следующие слова «Յի Բի Սև... Սիւմիսիւնի», т. е. «раб Иисуса Христа... в Салмасте». Очевидно, этот Исая был в то время армянским епископом в районе местожительства айсор западнее озера Урмия»⁴⁷. Он владел грузинским языком и свободно писал по-грузински, будучи, следовательно, или уроженцем Грузии или лицом, долгое время проживавшим там⁴⁸.

⁴⁵ «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 18 мая 1770 г.—Бутков, I, прил. 5, 465.

⁴⁶ В номере от 5 февраля 1770 г.

⁴⁷ Возможно, это был епископ Исая, начальник хойской епархии, упоминаемый в эчмиадзинской «Памятной книге». (Յիշ., III, 416).

⁴⁸ Не был ли это тот самый Исая, который в 1762 г. посылал из Тбилиси через Тархана Маркарова привет и благословения Эмину?

Как видно из дошедших до нас документов, епископ Исайя привез Ираклию письмо от «ассурского католикоса», написанное «в первых числах июля» 1770 г.⁴⁹ В своем письме айсорский католикос, в ответ на запрос грузинского царя, заверял последнего в готовности айсор поднять оружие против турок и обещал предоставить в его распоряжение «двадцать тысяч военных людей» (т. е. почти такое же количество бойцов, какое за три года до этого, по сообщению Тер-Габриэла, было обещано айсорами Эмину). Он просил далее царя прислать указ с обнадеживанием, «дабы мы более могли оттого ободриться и неприятелей турок нестрашится, от которых теперь такую опасность имеем, что не могли осмелиться отправить к вам своего человека».

Эта последняя фраза объясняет, почему в роли посредника между айсорами и Ираклием выступал армянский епископ Исайя. Но Исайя не ограничился только этим. В августе, по поручению грузинского царя, он отправился в качестве тайного агента в Западную Армению к «куртбазетскому начальнику» Чобан-ага. «Сей Чобан-ага,—писал сам Ираклий в ремарке на его письме,—родом ездид, он ни христианин, ни магометанин, однако ж больше склонности имеет к христианам, нежели к магометанам, и как народ его от сих последних великие утеснения и обиды претерпевает, то и хочет с нами соединиться». Об этом ездидском вожде Чобан-аге мы находим упоминание и в эчмиадзинской «Памятной книге», где он назван «*ყაზრბი Աշխուր*»⁵⁰, т. е. владельцем, правителем области в районе горного хребта Аладага, южнее Днадина и юго-западнее Баязета⁵¹.

Мы знаем уже, что еще за несколько лет до этого Овнан отводил езидам, как и айсорам, очень важную роль в подготовлявшемся им общем восстании против турок. Он вел какие-то переговоры с езидами (т. е., очевидно, именно с этим Чобан-агой) и еще в 1764 г. с уверенностью писал Эмину, что езиды также согласны примкнуть к ним и вместе с армянами взяться за оружие.

⁴⁹ В архиве Коллегии иностранных дел сохранился подлинник этого письма на ассирийском языке, его перевод на грузинский язык и перевод на русский язык, сделанный в Коллегии с грузинского текста. (АВПР, Сношения России с Грузией. Д. 12, 1769—1776 гг., л. л. 127—129). Русский текст опубликован в «Грамотах...», I, 165.

⁵⁰ *Յրգ.*, II, 37, 54. В дальнейшем Чобан-ага, притесняемый и пашами, и ханами, после многократных обращений к Ираклию, переселился со своими подданными в Хой, откуда перебрался в Грузию (там же, III, 299—301).

⁵¹ *Արշ.*, III, 313.

Теперь, когда к Чобан-ага прибыл епископ Исайя, то ездидский вождь сразу же согласился выступить против турок и письмом от 13 августа⁵² известил грузинского царя о своей готовности стать его подданным и выполнять его распоряжения.

Одновременно до нас дошли также два письма епископа Исайя от 13 и 16 августа с отчетом о выполнении возложенной на него секретной миссии⁵³. Из этих писем мы узнаем, между прочим, следующую интересную подробность. «Доношу вам честнейшему государю,—сообщал Исайя царю,—что я, отправясь от счастливейшего вашего двора с повелениями к Курт Баязетскому главному начальнику, прибыл в Эреванской армянский монастырь для богомолния, где хотя и всячески старался никому о себе не давать знать, однако ж католикос меня узнал и приказал посадить под караул, где мне много озлоблений оказано, но по щастию моему чрез одного человека называемого Чичпогли Гургина я от того избавился и отправился в Курт Баязетию...». Исайя просил поэтому царя дать специальное повеление на имя католикоса и его самого снабдить соответствующим указом, чтобы он мог «с лутчею безопасностью здесь жить».

Как видим, Симеон и теперь с той же непреклонностью боролся против всех повстанческих движений в Западной Армении, не останавливаясь перед арестом епископа, хотя последний и являлся доверенным лицом и агентом самого Ираклия.

Все эти данные рисуют картину глубокого брожения среди армян и других подвластных туркам и персам народов в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Ереванские армяне сносились с Ираклием и готовы были взяться за оружие. В самой Западной Армении подготавливалось восстание и через специальных эмиссаров велись переговоры с грузинским царем. Пришли в движение айсоры и езиды. Вернувшийся из Константинополя Овнан заготовлял оружие в своем монастыре.

Почему же не осуществились все эти повстанческие планы? Сам Ираклий, настойчиво просивший русское правительство прислать «повелительный ответ» на обращения армян и айсор, так характеризовал, в ремарке на письме епископа Исайя, создавшееся положение. Если бы, писал он, русское войско и царь Соломон с ним соединились, «то б мы и границы свои от неприятелей защитили и всеб здешния христиане против ненавистников имени христианскаго турок помощь нам учинили». Но дело за-

⁵² АВПР, ф. Сношения России с Грузией. Д. № 12, 1769—1776 гг., л. л. 125—126.

⁵³ Там же, л. л. 131—134.

ключалось именно в том, что военные действия, развернувшиеся на Кавказском фронте, не могли содействовать осуществлению повстанческих планов и поощрить подвластное население к открытому выступлению против турок.

Прибытие в августе 1769 г. в Грузию русских войск под командованием Тотлебена и начало военных действий на Кавказе не привело к тем результатам, на которые рассчитывали враги Османской империи. Русское правительство, рассматривавшее эту экспедицию лишь как побочную «диверсию», послало в Закавказье не большое войско, как вначале предполагали многие⁵⁴, а лишь маленький вспомогательный корпус, состоявший всего из 3767 человек.

Как расценивало русское правительство военные действия на Кавказе и какое место оно отводило им в общем плане войны против Турции, видно из инструктивного письма Панина Тотлебену: «Обращая впредь все наши взоры на Ираклия,—писал он,—мы стремимся, однако, лишь к тому, чтобы наилучшим образом использовать его собственные силы, а не перебросить в Азию целую армию и открыть там новый театр военных действий»⁵⁵.

Начало военных действий против турок на кавказском фронте было явно неудачным. 13 октября Тотлебен, после четырехдневных безуспешных попыток взять маленькую крепость Шаропань, снял осаду, возвратился в Картлию и расположился со своим корпусом в Гори и Цхинвали, где оставался в бездействии до конца года. Соломон вместо наступательных операций сам должен был обороняться против соединенных сил мингрельцев, абхазов и турок, нападение которых ему удалось отразить лишь к концу декабря. Не дала ожидаемых результатов и экспедиция, предпринятая Ираклием в сторону Карса и Баязета.

Еще худший оборот приняли дела в 1770 г., когда уже совершенно явно выявилось нежелание Тотлебена вести активные наступательные действия. Предпринятое в апреле русско-грузин-

⁵⁴ Не только на Кавказе, но и в Европе было в то время широко распространено убеждение, что экспедиция Тотлебена преследовала далеко идущие цели. Вполне серьезно писали даже о том, что задачей Тотлебена являлось пройти через все турецкие провинции и подойти к Константинополю со стороны Малой Азии. (Geschichte des gegenwärtigen Kriegs..., VII, 24).

⁵⁵ «En tournant désormais toutes nos vues vers Heraclius nous ne cherchons toutefois qu'à tirer le meilleur parti possible de ses propres forces et non pas à transporter une armée en Asie et y ouvrir un nouveau theatre de la guerre». (АВПР, ф. Сношения России с Грузией G № 21, 1769—1771, л. 90).

ское наступление на Ахалцих было сорвано Тотлебенем, вернувшимся со своими войсками, под предлогом недостатка провианта, назад в Грузию и оставившего Ираклия без поддержки. Вслед затем началась открытая распря между грузинским царем и русским главнокомандующим, приведшая к полному разрыву между ними. Летом этого года Тотлебен со своим корпусом отправился в Имеретию, где стал вести военные операции местного значения, осаждая отдельные турецкие крепости, до своего отозвания из Грузии в начале 1771 г.

Подобный ход военной кампании на Кавказе не мог не обескуражить армян и другие подвластные народы, мечтавшие освободиться от турецкого и иранского ига. И армяне, и айсоры, и езиды обещали Ираклию свою помощь и выражали готовность взяться за оружие, рассчитывая на приход русских и грузинских войск. Надежды эти, однако, не сбылись и все намеченные планы восстаний и вооруженных выступлений против турок остались, естественно, неосуществленными.

Заготавливая оружие, Овнан также рассчитывал, очевидно, использовать его в момент вторжения в Западную Армению русско-грузинских войск. Однако никакого вторжения не произошло, и это, очевидно, и побудило его отказаться от своих замыслов. Но, видимо, он был уже настолько скомпрометирован, что вынужден был вскоре вновь покинуть монастырь⁵⁶. Весьма возможно, что и на этот раз против него ополчились враждебные его проектам монахи его же собственного монастыря. Как бы то ни было, патриарх Григор Басмаджян считал до поры до времени невозможным его возвращение в Армению.

Сам Григор Басмаджян, которому русские газеты приписывали участие в антитурецком заговоре, имел в то время многочисленных врагов среди константинопольских армян, благодаря

⁵⁶ Не настроения ли этого периода его жизни, связанные с крушением всех его надежд, отражены в одном из дошедших до нас стихотворений Овнана, полном глубокого пессимизма?

«...Բանի միամ գերիս թշուառ
ալ լուսեթէ շունիմ ինձ ճար.
ո՛հ դու ես գորութիւն իմ և կար
տէր իմ...
Միթէ զէմ իցեմ կամ մագնիս
որ ոչ քակտեսցէ ցաւն դիս
կամի լինէն մեկեկէ հոգիս
ո՛հ տէր իմ, տէր իմ...»:

(Матенадаран. Рукопись № 8274, стр. 45).

пронскам которых в 1773 г. он был отстранен от своей должности специальным султанским фирманом. Интересно отметить, что в своем дневнике он упоминает об угрозах, которые делал ему «в год войны между турками и москвитями» один паша, а также о том, что в декабре 1769 г. неким лжехристианном было совершено «злое предательство» и была возведена на него «злая клевета», из-за которой он претерпел большие неприятности⁵⁷. Трудно сказать, однако, имело ли все это какое-либо отношение к деятельности находившегося под его покровительством настоятеля монастыря св. Карапета. Вопрос о освободительном движении среди турецких армян в эпоху русско-турецкой войны 1768—1774 гг. требует еще специального изучения.

Дальнейшие упоминания об Овнане мы находим в эчмиадзинской «Памятной книге». Мы не можем, разумеется, приводить подробно все эти записи, не связанные непосредственно с нашей темой. Скажем лишь следующее. Спустя год или два Овнан вновь возвратился в свой монастырь. Он примирился с главой враждебной ему партии вардапетом Петросом, который, несмотря на пребывание в монастыре настоятеля, продолжал называться «епископом»⁵⁸—заместителем, играя, следовательно, роль коадьютора при престарелом Овнане, жаловавшемся в 1777 г. в своем письме католикусу на болезнь и немощь⁵⁹.

О последних годах жизни Овнана нам ничего не известно. Из письма преемника Симеона католикуса Гукаса мы знаем, что в апреле 1782 г. в монастыре св. Карапета имелся новый настоятель вардапет Аствацатур, который, однако, в то время еще не был рукоположен⁶⁰. Другое послание католикуса свидетельствует, что вокруг должности настоятеля этого монастыря велась напряженная борьба, и за короткий срок сменилось много пре-

⁵⁷ «Յիշատակարան Պատմական Գրիգոր պատրիարքի», 21:

⁵⁸ Зр., II, 288:

⁵⁹ Там же, III, 79. Несмотря на это, враждебность и подозрительность католикуса к своему бывшему сопернику оставалась прежней. В 1772 г., после очередной ссоры, он вновь дарует ему прощение (там же, II, 211—212), но в 1774 г. между ними вновь возникает конфликт, причем Симеон, вспоминая все прошлые прегрешения Овнана, вновь обвиняет его в непокорности (там же, II, 276—277, 286—288, 291). В дальнейшем отношения между ними как будто улучшаются (там же, II, 362, 372—373, 415—416, III, 79, 146), но в 1778 г. Овнан вновь оказывается вынужденным оправдываться перед католикусом от обвинений в ереси, защищая и своего бывшего врага вардапета Петроса, отлученного Симеоном от церкви (там же, III, 284—286).

⁶⁰ Матенадаран. Рукопись № 4538, стр. 1009.

тендентов⁶¹. Наконец, из специальной записи о рукоположенных епископах и настоятелях мы узнаем, что упомянутый Аствацатур был рукоположен 19 февраля 1783 г.⁶²

Овнан умер, следовательно, не позже начала восьмидесятых годов.

⁶¹ «Գրական հայոց պատմութեան»: Գիրք Գ, 405—407:

⁶² Матенадаран. Рукопись № 2882. «Ժամանակագրութիւնը ձեռնագրութեանց Մինաս, Յակոբ, Սիմէոն և Դուկաս կաթողիկոսաց»: «Ի ՌՄԼԲ թուղն ի փետրվարի թիվ... վեցերորդ ձեռնագրեաց եպիսկոպոս զԱստուածատուր վարդապետն նիգիւնցի ի լաւաջնորդութիւն Մշու Սուրբ Կարապետ վանիցն» (стр. 5).

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ. АВТОБИОГРАФИЯ

Выехав из Басры осенью 1769 г., Эмин через три месяца прибыл в Калькутту. Отец принял его не столь радушно, как он предполагал. Объяснялось это возможно тем, что у Иосифа имелся уже в то время другой сын от третьего брака, и Эмин, следовательно, не был теперь его единственным наследником.

В сентябре 1770 г. Эмин получил письмо от Нортумберленда, которому он писал за год до этого из Басры. Из этого письма мы узнаем, что он намеревался в то время вернуться в Англию, а оттуда отправиться в Россию, чтобы поступить на русскую службу и принять участие в войне против Турции. Нортумберленд убеждал его не делать этого, полагая, что он все равно не успеет прибыть в Россию до окончания войны¹. Несмотря на это, в своем ответе Эмин снова ставил вопрос о своем возвращении в Лондон, указывая, что если русско-турецкая война и закончится в ближайшее время, то вскоре возобновится вновь, так что он сможет поехать в Россию и поступить в русскую армию. В своем письме от 17 мая 1771 г. Нортумберленд, однако, в еще более настойчивой форме предлагал ему оставаться в Индии и жить там в спокойствии среди своей семьи и своих друзей².

Это новое письмо Нортумберленда было получено Эмином, когда он уже находился на военной службе. При помощи английских знакомых ему удалось устроиться на службу в войсках Ост-индской компании. Приказ о его зачислении на должность младшего лейтенанта, сохранившийся в индийских архивах, помечен 27 октября 1770 г.³

Видимо до этого Эмин обращался и к Бёрку. Сохранилось письмо Бёрка от 30 октября 1772 г., адресованное Джону Сти-

¹ L. A. J. E., 434—435.

² Там же, 440—441.

³ Там же, 438.

вурту, назначенному военным прокурором в Бенгалии и прибывшем туда в 1771 г. вместе с новым губернатором Уорреном Гастингсом. В письме этом он просил его оказать содействие Эмину. Характеризуя Эмина Бёрк писал: «Он пытался осуществить великие цели, положил огромный труд, подвергался бесчисленным опасностям и оказался в конце концов в том же положении, с которого начинал, бедным и без друзей в Бенгалии... Я знаю, что многие считают его самованцем, но я могу засвидетельствовать правдивость его утверждений ..., а также терпение, честность и силу духа, с которыми он стремился пополнить свои познания во всех доступных ему областях». Ссылаясь на службу Эмина в английских войсках в Германии и во время экспедиции в Сен-Мало, Бёрк просил предоставить ему должность в войсках Ост-индской компании⁴. Это письмо Бёрка еще раз свидетельствует о его высоком мнении об Эмине и о его постоянной готовности оказывать ему возможную помощь. Но оно пришло в Индию тогда, когда Эмин не только уже находился на военной службе, но и строил новые планы.

Дело в том, что в сорокашестилетнем возрасте он не хотел еще примириться с крушением всех своих надежд, не хотел отказать от своей мечты, осуществлению которой посвятил всю свою жизнь. Он решил поэтому вновь попытаться счастья. Эмин оставался на военной службе лишь до конца 1772 г., когда получил от бенгальского губернатора Уоррена Гастингса, бессрочный отпуск с разрешением отправиться в Басру⁵.

В начале 1773 г. Эмин прибыл в Мадрас. Мадрас был в то время одним из центров армянского освободительного движения. Там имела группа патриотически настроенных армянских деятелей во главе с богатым негоциантом Шаамиром Шаамиряном. Кружок Шаамиряна, тоже находившийся под влиянием идей английской просветительской философии, вел активную пропаганду за освобождение Армении и создание независимого армянского государства. Как раз в это время в основанной в Мадрасе армянской типографии печаталось произведение, имевшее целью пробудить в армянской молодежи любовь к родине, патриотизм и свободолюбие.

Автором этой «Новой книги, называемой увещание», был никто иной, как бывший спутник и долголетний соратник Эмина

⁴ The Correspondence of Edmund Burke v. II Cambridge-Chicago 1960 p. 359—360.

⁵ Разрешение это, также сохранившееся в индийских архивах, помечено 31 декабря 1772 г. (Там же, 443).

Мовсес Баграмян. Расставшись с Эмином в Гори Мовсес отправился в Мадрас, где познакомился с Шаамиряном и будучи хорошим знатоком армянского языка и грамматики стал учителем его сыновей⁶. В 1772 г. начало печататься его произведение, которое вышло в свет в начале следующего года, т. е. как раз ко времени пребывания в Мадрасе самого Эмина.

Эмин был крайне радушно принят Шаамиряном и его единомышленниками. В своей автобиографии он сам рассказывает, что Шаамирян, который по его словам отличался «от тысячи других армян», сразу же отвел его к себе домой и продержал у себя три дня; хотя после этого он и нанял отдельную квартиру, но ежедневно обедал и ужинал у Шаамиряна⁷.

Шаамирян охотно пошел ему навстречу. Он убедил «других армянских торговцев» дать обещание совместно выдавать Эмину по двенадцать тысяч рупий в год с тем, чтобы он снова отправился в Армению и набрал там «некоторое количество войск». Мадрасские богачи должны были, следовательно, финансировать вооруженную борьбу за освобождение Армении, которую Эмин вновь брался организовать и возглавить.

Один из них «Григор, сын Микаэля», т. е. известный мадрасский негодник Григор Чакикенц-Ходжаджанян, близкий приятель и единомышленник Шаамиряна, обещал даже завещать ему на эти освободительные цели часть своего состояния, если только ему удастся заручиться содействием католика Симоона⁸.

Поскольку как раз в это время заканчивалось печатание «Новой книги», то решено было, очевидно, использовать и это произведение для подготовки намеченной экспедиции Эмина. Во всяком случае в конце книги было помещено следующее обращение к читателям: если выступают армянские князья, каковые имеются в Армении, или кто бы то ни было другой, кто станет прилагать усилия к освобождению армянского народа, то пусть все окажут ему помощь, пусть дадут ему хотя бы один из десяти налогов, уплачиваемых чужеземцам, а он сам уже будет знать что делать, и бог да поможет ему⁹. Именно таким человеком, который

⁶ Л. А. Ж. Е., 472. Это сообщение Эмина еще раз свидетельствует (если это было вообще необходимо), что неизменный спутник Эмина Мовсес был никем иным, как Мовсесом Баграмяном.

⁷ Л. А. Ж. Е., 444.

⁸ Подобное условие с его стороны было вполне понятным, так как он был очень близок к католику и поддерживал с ним деятельную переписку. Именно на его средства и была основана Симеоном типография в Эчмиадзине (ВР, II, 161—162, 307, 316, 328—329, 368, 418—421 и пр.).

⁹ «Այլ զայս կամիմք ասել, զի թէ ելցեն իշխանք յազգէ հայոց՝ և ենն իսկ յաշխարհին Հայաստանայց. կամ ուրիշ որ վասն ազատութեան ազգին հայոց զոն»

должен был начать борьбу за освобождение армянского народа, и был Эмин, о посылке которого в Армению договорились как раз в это время Шаамирян и его единомышленники.

Мадрасские богачи намерены были уже подписать с Эмином соответствующее соглашение, когда в дело вмешался епископ Ованес, собиравший в то время в Индии пожертвования в пользу Иерусалимского монастыря.

Этот Ованес был одной из самых отрицательных фигур среди тогдашнего армянского духовенства. Беспринципный интриган, не гнушавшийся никакими средствами для достижения своих целей, он сумел, однако, сделать хорошую карьеру и впоследствии, в 1781 г., стал даже константинопольским патриархом, хотя и не смог продержаться на этом высоком посту больше восьми месяцев¹⁰. В 1772 г. он находился в Калькутте, где вызвал своими поступками такое недовольство, что местное армянское духовенство заявило даже коллективный протест против его действий¹¹. Калькуттские армяне хотели было пожаловаться на него губернатору, но, по словам Эмина, этому помешал его отец Иосиф, который впоследствии раскаивался в своем великодушии¹².

Теперь, приехав в Мадрас одновременно с Эмином¹³ (который, кстати сказать, приходился ему дальним родственником), этот епископ Ованес, исходя из общих политических установок Эчмиадзина и желая, очевидно, выслужиться перед католиком, принял все меры, чтобы воспрепятствовать осуществлению планов, намеченных Эмином совместно с Шаамиряном и его единомышленниками. Под его влиянием местные армянские богачи

զորեալ շահայցէ, յառաջեցեն համայնքն՝ մին բան դման օգնել նմա. ըստ արմ, ոչ որպէս թէ բազում ինչ զըմարութեամբ, այլ զիրութեամբ, որպէս և ի վերն աստուծոյ: Զի զիրին է, եթէ զմին ի տասանց հարկաց իրեանց՝ զորս տան ալիզգիաց, որպէս յայտ է վերագոյն, տալցեն այնմիկ օգնութիւն. և նա ինքն զիտացէ թէ որպէս պարտ է ասնել, արասցէ. և Տէր եղիցի նմա օգնական: («Նոր տեսարկ...», 206):

¹⁰ См. Օրմանեան, Ազգապատում, II, 3152—3155.

¹¹ В эчмиадзинском архиве сохранилось письмо калькуттского духовенства к Ованесу от 23 апреля 1772 г., в котором в резкой форме осуждается его поведение в Калькутте. (Матенадаран. Архив. Папка 4, № 29). Отголоски этого дела мы находим и в записях эчмиадзинской «Памятной книги» (см. ВР, II, 325, 340, 414—416).

¹² Л. А. Ж. Е., 445—446.

¹³ В эчмиадзинском архиве сохранилось послание армянских жителей Сейдарабада от 30 января 1773 г., в котором, между прочим, сообщается, что Ованес, закончив сбор пожертвований в этом городе, выехал в декабре в Мадрас. (Матенадаран. Архив. Папка 3, № 12).

отказались от обещанной ими помощи, тем более, что некоторые из них еще до этого обуславливали свое содействие благоприятным отношением к этим проектам церкви и католикоса. По словам Эмина, лишь один Шаамирян до конца оставался на его стороне, негодуя против поведения Ованеса и осуждая невежество своих соотечественников, подпавших под его влияние, но ничего не мог с этим поделать.

Из Мадраса Эмин отправился в Бомбей, где ему пришлось задержаться девять месяцев, ввиду эпидемии чумы в Басре. В Басру он прибыл лишь в начале 1774 г., а оттуда поехал в Багдад. Там он также прожил девять месяцев в ожидании каравана, который должен был отправиться в Армению. Но вскоре его друзья и родственники дали ему знать, что турецкие власти получили сведения о его намерениях, что багдадский Омар-паша решил арестовать его и что ему грозит большая опасность. Ввиду этого он вынужден был вернуться назад в Басру.

Эмин, однако, не хотел отказаться от мысли о поездке в Армению и изыскивал средства добраться туда беспрепятственно. Спустя четыре месяца Басра была осаждена иранскими войсками¹⁴. Тогда он предложил свои услуги английскому резиденту, своему старому знакомому Муру, и получил от его секретаря Лятуша записку (помеченную 23 марта 1775 г.), извещавшую о назначении его на должность офицера на корабле «Сюкес». В этой должности он принял участие в происшедшем через три недели столкновении между иранскими судами и двумя кораблями Ост-индской компании, отправившимися вслед за тем в Бушир. Но вскоре Мур (тоже находившийся на одном из этих кораблей) получил предписание воздержаться от какого-либо вмешательства в военные действия между турками и персами.

Еще за год до этого, когда Эмин предпринял путешествие в Багдад, Мур снабдил его рекомендательным письмом к католикосу Симеону. Теперь он снова обратился к Муру с просьбой отпустить его в Армению. Однако на этот раз английский резидент не хотел давать своего согласия. Лишь с большим трудом Эмину удалось добиться от него разрешения покинуть службу и удалиться.

На этот раз он решил отправиться в Армению не через Турцию, а через Иран. Он высадился в Бушире и после длительного пребывания там, отправился в Шираз—резиденцию Керим-хана,

¹⁴ Об осаде в 1775 г. Басры иранскими войсками, под командованием брата Керима Садых-хана, взявшего город после тринадцатимесячной осады, см. Malcolm, ук. соч., II, 78—81; Sykes, ук. соч., II, 377.

где, по его словам, нарочно задержался несколько месяцев, чтобы избежать подозрений со стороны персов. Будучи в Ширазе, он обратился с прошением к повелителю Ирана, прося разрешить ему поселиться на иранской территории. Учитывая видимо свой предыдущий опыт в Турции, он хотел применить в Иране иную тактику, а именно: поселиться там совершенно легально, скрывая до поры до времени от иранских властей свои истинные намерения. Но это ему также не удалось, хотя, по его словам, Керим-хан и удовлетворил его просьбу.

По прибытии в Испагань он хотел было отправиться с ближайшим караваном дальше в Армению, но тут его опять предупредили, что местный губернатор отдал распоряжение арестовать его за день до отхода каравана. Одновременно вардапет Маркос, прибывший вместе с ним из Шираза,—куда он возил подарки Керим-хану от католикоса—в дружеской форме дал ему понять, что если он даже тем или иным способом избежит в Исфагани грозившей ему опасности, то все равно Симеон выдаст его ереванскому Гусейн-хану¹⁵. Учитывая подозрительность иранских властей и неизменно-враждебное отношение к нему католикоса, Эмин и на этот раз вынужден был отказаться от своего намерения и остался в Исфагани.

II

В армянском пригороде Исфагани, Новой Джульфе, Эмину, вопреки своим ожиданиям, пришлось прожить шесть лет. Он не был уже молодым человеком. В момент прибытия в Исфагань ему исполнилось пятьдесят лет. Желая обзавестись семьей, он женился и вскоре стал отцом четырех детей—двух мальчиков и двух девочек.

¹⁵ Согласно записи в эчмиадзинской «Памятной книге», вардапет Маркос, отправившийся в Шираз в ноябре 1775 г., выехал оттуда в июле 1776 г. (8^й кн., II, 559—560). Эти данные свидетельствуют, что Эмин в своей автобиографии снова приводит не вполне точные сведения о сроках своего пребывания в тех или иных местах. По его словам, он находился на корабле «Сюкес»—куда как мы знаем из записки Лятуша, он поступил на службу в конце марта 1775 г.—около трех месяцев (три недели до столкновения с иранским флотом и «почти два месяца» после этого), затем провел в Бушире «около семи месяцев», а в Ширазе девять месяцев. Выходит, следовательно, что он был в Исфагани только осенью 1776 г., в то время как он выехал туда уже в июле. Очевидно, он несколько преувеличивает сроки своего пребывания в Бушире и Ширазе.

Новая Джульфа, вместе со всей Испаганью, переживала с начала столетия период упадка. Эта прежде богатая и населенная армянская колония постепенно разорялась и обезлюживалась. Еще в 1744 г. иезуитский миссионер, отмечая упадок Испагани, называл ее наполовину разоренным городом¹⁶. В конце же семидесятых и начале восьмидесятых годов обстановка там была еще более печальной. Граф Ферьер-Совбеф, посетивший Испанью в марте 1784 г., описывает бывшую столицу Шах-Аббаса как город руин, где нужно в течение трех часов идти по дорогам, являвшимся раньше улицами, чтоб попасть в центр города. Говоря о джульфинских армянах, он отмечает их массовую эмиграцию в Багдад и Басру, указывая, что армянский квартал испытал «все ужасы разграбления и опустошения»¹⁷.

Особенно большие бедствия довелось пережить джульфинским армянам как раз во время пребывания там Эмина, в период новых смут, наступивших в Иране после смерти Керим-хана в 1779 г. Произвол временщиков, захватывавших Испанью иногда всего на несколько недель, и бесчинства их наемных войск принимали невероятные размеры. Во время сорокадневного правления Али-Наги-хана его прислужники и евнухи обходили все дома в Новой Джульфе, вымогая непомерные «налоги», забирая вино и съестные припасы и выискивая красивых девушек, причем родители для спасения своих дочерей должны были отдавать им последнее. Настоятель местного монастыря вместе с другими монахами был подвергнут пыткам, пока не вынужден был указать место, где были спрятаны церковные драгоценности, которые и были забраны другим претендентом Али-Мурад-ханом. Солдаты-наемники того же Али-Мурада врывались в армянские дома, требовали обильного угощения и забирали все, что попадалось под руку¹⁸.

В эти тяжелые годы Эмину приходилось каждодневно опасаться за себя и свою семью. Когда приближенные Али-Наги-хана обходили кварталы Новой Джульфы, он сумел спасти свой дом от разорения лишь заявив армянским старшинам, сопровождавшим их, что застрелит ханских офицеров; те же, зная, что он вооружен и способен сделать это, обошли улицу, где он проживал, так как не сомневались, что подобное убийство повлекло бы за собой поголовное избиение армян.

¹⁶ „Lettres édifiantes et curieuses“. Paris, MDCCXXX (1780), IV, 365.

¹⁷ „Mémoires...“, II, 30—33.

¹⁸ Տե՛ր-Հովհաննէս, Պատմութիւն նոր Զուղայու որ լիւարահան, նոր Զուղա, 1880, I, 326—331; «Քիւան հայոց պատմութեան»: Գիրք Ժ, 168—170:

Однажды он был вызван к Али-Мурад-хану, получившему сведения о том, что он знал военное дело и служил в свое время в английской армии. Новый повелитель Ирана желал, чтобы он стал одним из его военачальников—командиром отряда джульфинских армян, которых он должен был обучить европейскому военному искусству. В течение месяца Эмину пришлось ежедневно ходить по утрам во дворец, чтобы подобно другим военачальникам представляться новому шаху, пока, наконец, с большим риском для себя он не избавился от этой тягостной для него должности.

Лишь в 1783 г., после того как смуты в Иране временно прекратились в результате упрочения власти Али-Мурада, Эмину удалось получить пропуск на выезд в Индию. Вместе со своим старшим сыном Аршаком, которого он решил взять с собой, он снова отправился в длительное путешествие, во время которого ему пришлось перенести тяжелую болезнь. Его краткое письмо, написанное из Маската, по всей вероятности тестю, помечено 20 декабря 1783 г. Через месяц после выезда из Маската, он прибыл в Бомбей.

В этом городе проживал в то время Мовсес Баграмян. Публикование «Новой книги» вызвало необычайный гнев католика Симеона: Представитель клерикальных кругов, он не мог естественно, разделять буржуазно-просветительские идеи, пропагандировавшиеся в этом произведении и относился к ним с нескрываемой враждебностью. Он осудил эту книгу как пагубную для нации и в категорической форме потребовал от Шаамиряна порвать всякие отношения с «обманщиком Мовсесом»¹⁹. После этого выступления католика, Шаамирян, очевидно, не мог больше держать последнего у себя в доме, хотя отнюдь не хотел лишать своей поддержки человека, с которым был так близок и идеям которого сочувствовал. Как бы то ни было, он отправил Мовсеса по своим торговым делам сперва в Египет, а затем в Иран, откуда тот вернулся после начала междоусобиц, вызванных смертью Керима, и по указанию своего покровителя временно поселился в Бомбее²⁰. За время своей коммерческой деятельности Мовсес, видимо, и сам разбогател и стал зажиточным человеком.

Очевидно, это новое социальное положение Баграмяна и было основной причиной, побудившей католика Симеона, накануне смерти, изменить свое к нему отношение. Об этом мы узнаем со слов его преемника католика Гукаса, который в марте

¹⁹ ՅԻԶ., II, 578:

²⁰ L. A. J. E., 472.

1781 г. в своем письме индийскому «нвираку» Григору сообщал, что еще в прошедшем, т. е. 1780 г., Симеон, выполняя просьбу Шаамиряна, отправил послание о снятии отлучения с Баграмяна²¹. Сам же Гукас поддерживал уже постоянные сношения с Баграмяном. В имеющихся в архивах католикоса списках именитых армян, с которыми велась переписка, постоянно фигурирует имя, находящегося то в Бомбее, то в Мадрасе «г-на Мовсеса Барагамяна» или «г-на Мовсеса Баграмяна»²². Мы приводили выше письмо Гукаса Баграмяну, написанное в декабре 1791 г.²³, в котором он извинялся за то, что в некоторых предыдущих посланиях Баграмяна называли «дьячком». В этом же письме католикос, намекая на события семидесятих годов, всячески просил его забыть прошлое и заверял в своей любви и своем уважении. Вряд ли католикос написал бы подобное письмо, если Баграмян не был в то время одним из почтенных и богатых индийских армян, считавшим себя даже в праве (как видно из того же послания) обижаться, когда приехавший в Индию эчмиадзинский «нвирак» вовремя не представился ему.

По приезде в Бомбей Эмин сразу отправился к Баграмяну, но, по его словам, Мовсес принял его столь высокомерно и так старался всячески подчеркнуть перемену, происшедшую в их взаимоотношениях, что спустя две недели он вынужден был покинуть его дом. Трудно сказать, конечно, как обстояло дело в действительности и насколько справедливыми были горькие упреки Эмина по адресу своего бывшего соратника.

С помощью местных англичан, многие из которых были его старыми знакомыми, Эмину удалось, спустя несколько месяцев, отправиться морским путем в Калькутту. По дороге он задержался в Мадрасе, где его друг Шаамирян заставил его сойти на берег и принял его в своем доме с необычайным радушием. По его словам, Шаамирян всячески утешал его по поводу того, что он не смог осуществить свой «благородный замысел»²⁴.

В Калькутту Эмин вернулся после одиннадцатилетнего отсутствия осенью 1784 г.

²¹ «Զի լուսաճողին բանիցս անգամ յետ այնորիկ գրեաց զթուղթս օրհնութեան և միմիարութեան և շահնգությունեան առ պարոն Շահամիր Աղայն: Եւ մանաւանդ՝ նա վասն Բաղրամեան Մովսէսին արձակման գիր էր խնդրեալ, լուսաճողին զայն ևս գրեալ յղեալ յանցեալ ամին, որպէս ահա տեսանելոց ես՝ ի յօրինակն գրոյ լուսաճողոյն՝ գոր ալմմ առ բնդ յղեցաք» (Матенадаран. Рукопись № 3738, стр. 220).

²² См. напр. рукопись № 2949, стр. 292, рукопись № 4481, стр. 345.

²³ «Դիւան հայոց պատմութեան»: Գիրք Գ, 559—562.

²⁴ L. A. J. E., 476—477.

В течение долгого времени ему пришлось добиваться своего восстановления в должности лейтенанта и выплаты жалования за истекшие годы, на что он имел право, так как при его отъезде в 1772 г. в Иран он не был уволен со службы, а получил бессрочный отпуск. В индийском государственном архиве сохранились два прошения Эмина от 14 апреля 1785 г. и 30 марта 1786 г., поданные на имя преемника Гастингса губернатора Макферсона, в которых он настойчиво просил удовлетворить его просьбу, принимая во внимание его тяжелое материальное положение²⁵.

Наконец в Калькутту на пост командующего армией прибыл генерал Слопер, который знал его еще в Англии в эпоху семилетней войны. Он сразу же уладил это дело, и Эмин, которому к тому времени исполнилось уже шестьдесят лет, вновь получил должность младшего лейтенанта в калькуттских войсках. Хотя генерал Слопер вскоре вернулся в Англию, но и новый начальник гарнизона полковник Пирс, старый знакомый Эмина по вульвичской академии, продолжал ему покровительствовать. Когда подразделение, в котором он служил, было переведено из Калькутты в другое место, Пирс добился для него разрешения остаться в городе с сохранением содержания.

III

Чувствуя приближение старости, Эмин, по совету друзей, решил рассказать историю своей столь интересно прожитой жизни, похожей на роман. Его автобиография, написанная на английском языке, должна была, по его замыслу, познакомить европейское общество с армянским освободительным движением и поставить вопрос об освобождении Армении. Она должна была далее просветить его собственных соотечественников, пробудить их от долгой спячки, призвать их к борьбе за свою независимость. Он твердо надеялся, что его книгу будут читать молодые армяне. «Кто знает,—писал он,—быть может она несколько просветит их умы, если они расскажут ее содержание другим армянам. В будущем она может оказать им пользу и пробудить их от дремоты, пока они постепенно не откроют глаза и не поймут истинного значения свободы»²⁶. Быть может, со временем его соотечественники, ознакомившись

²⁵ Там же, 480—483.

²⁶ L. A. J. E., 48'.

с его мемуарами, будут «побуждены ими совершить необходимое усилие для достижения сладостной свободы»²⁷.

Книгу, написанную Эмином в Калькутте в конце восьмидесятых годов, нельзя, поэтому, рассматривать как автобиографический очерк в узком смысле этого слова. Это одновременно прекрасный образец политической публицистики, занимающий почетное место в истории армянской общественной мысли. Просветительские и освободительные идеи, пропагандируемые Эмином, превращают его автобиографию в одно из самых примечательных произведений армянской просветительской литературы XVIII столетия, наряду с книгами опубликованными в Мадрасе кружком Шаамиряна. По существу Эмин выступает в армянской действительности как первый пропагандист и популяризатор современных ему передовых идей европейского буржуазного просветительства, поскольку идеи, изложенные в его автобиографии, широко пропагандировались им, как видно из его писем, еще с конца пятидесятых годов.

Рассказывая историю своей жизни, Эмин повторно подчеркивает свое твердое намерение говорить исключительно правду²⁸. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные подтверждают искренность этих слов Эмина. Мы имели уже неоднократно возможность убедиться, сколь правдивы все приводимые им сведения, как бы иногда они и не казались маловероятными. Архивные материалы, дошедшие до нас письма и прочие документы полностью подтверждают все его рассказы, вплоть до малейших и, казалось бы, второстепенных деталей. Все эти данные, правда, значительно дополняют сообщаемые им сведения, но не опровергают их. Самая слабая сторона его мемуаров—это, безусловно, упоминаемые им сроки и даты. Мы имели уже случай убедиться, что здесь память часто изменяла ему. Но это ни в малейшей мере не снижает ценность его автобиографии как правдивого рассказа о его жизни и деятельности.

В этом отношении автобиография Эмина является характерным продуктом эпохи. Известно, что XVIII столетие—век реалистических, иногда до цинизма откровенных автобиографий. Жизнеописание Эмина, написанное в стиле правдиво-реалистического повествования, является характерным для современной ему автобиографической литературы.

Книга Эмина написана крайне своеобразным, красочным языком. Хотя сразу чувствуется, что писал ее не англичанин, хо-

²⁷ Там же, 363.

²⁸ Там же, XXIX, XXX, 41.

тя некоторые фразы и выражения не совсем согласуются даже с правилами английской грамматики, но ее исключительно выразительный, образный, правда, несколько цветистый («азиатский», по словам самого Эмина) стиль производит неизгладимое впечатление. Эмин обладал, несомненно, незаурядным художественным талантом. Вполне права была Елизавета Монтегю, сравнивая в одном из своих писем его описание наружности Фридриха II с картиной художника-портретиста. Его рассказ—не сухой перечень происшествий, а красочные сцены различных событий, яркие бытовые зарисовки и образные характеристики действующих лиц. Такие зарисовки, как, например, картина грузинского лагеря, ночь после битвы лезгин с курдами, портрет Ираклия—являются настоящими художественными полотнами. Тем большую ценность имеет автобиография Эмина не только как первоклассный источник по истории армянского освободительного движения, но и для изучения истории, жизни и быта Закавказья, Северного Кавказа и Ирана в середине XVIII столетия.

В работе над автобиографией Эмину оказал существенную помощь его новый калькуттский друг Джонс. Уильям Джонс был не только знаменитым ориенталистом, положившим начало изучению санскрита. Он был одновременно выдающимся правоведом и общественным деятелем, принимавшим, до переезда в Индию, активное участие в происходившей в то время в Англии политической борьбе, выступая как один из представителей нового радикального течения и как горячий поборник избирательной реформы²⁹. В шести фолиантах собрания его сочинений, опубликованных после его смерти в 1799 г., мы находим не только многочисленные работы по истории, литературе и языкам восточных народов, но и политические статьи и памфлеты, в которых он пропагандировал свои радикально-демократические воззрения³⁰.

²⁹ См., напр., его «речь о реформе парламента», произнесенную в 1782 г., в которой он требовал полного уничтожения феодальных пережитков путем расширения избирательного права: „Speech to the assembled inhabitants of the counties of Middlesex and Surrey, the cities of London and Westminster, and the borough of Southwark“ (The Works of Sir William Jones, London, MDCCXCIX (1799), VI, 714—724).

³⁰ См., напр., «диалог между джентльменом и фермером» о «принципах правительства» („The Principles of Government in a dialogue between a Gentleman and a Farmer“), в котором он, развивая идеи Локка о праве нации самим провозглашать законы, требует предоставления избирательного права всем гражданам и призывает народ вооружиться для борьбы против засады „нескольких крупных лордов и богатых людей“, держащих в подчинении короля и парламент (Там же, IV, 569—576).

В 1783 г. Джонс был назначен судьей калькуттского верховного суда. Между ним и Эмином сразу же возникла настоящая дружба. Джонс явился своего рода преемником Бёрка в качестве ментора Эмина. Последний сам признавал это, сравнивая его с Бёрком в своем письме Елизавете Монтегю, написанном в августе 1785 г. Он писал своей бывшей покровительнице, что «почти каждый день» бывает у Джонса и наслаждается его ученым обществом³¹. В других письмах он отзывался о Джонсе, как о своем «ангеле-хранителе»³². Сама Монтегю в письме к сестре, сообщая новости об Эмине, называла Джонса (лично ей хорошо знакомого) его «добрым патроном»³³. Со своей стороны Джонс также очень высоко ценил и уважал своего нового друга. В письме к губернатору Макферсону, написанном в мае 1786 г., он характеризовал его как «прекрасного малого» и отмечал его храбрость³⁴.

Именно Джонсу мы обязаны опубликованием автобиографии Эмина, так как он не только всячески побуждал его написать свои мемуары, но и взял на себя труд просмотреть рукопись и исправить грамматические ошибки³⁵. Он снабдил также ее книгу предисловием в форме письма к автору³⁶, в котором отмечал, что тот имел «весьма похвальный» проект ввести в Армении политические порядки по образцу английского конституционного строя.

Автобиография Эмина, которую он писал в течение двух с половиной лет³⁷, была закончена, как видно из предисловия Джонса, помеченного 10 августа 1788 г., летом этого года. 1 января 1789 г. в «Калькуттской газете» появилось объявление об условиях подписки на его книгу³⁸. В письме к Монтегю от 15 января Эмин сообщал, что поручил одному своему знакомому, некоему Томпсону, сдать рукопись в печать в Англии и вручил ему необходимую сумму на типографические расходы³⁹.

³¹ L. A. J. E., 486.

³² Там же, 491, 494.

³³ Там же, 488.

³⁴ J. Prior. Life of the right honorable Edmund Burke c. 241 42 43.

³⁵ Оставив, однако, в неприкосновенности его стиль (L. A. J. E., XIX, 480, 491).

³⁶ Там же, XIX, XX.

³⁷ Там же, 491.

³⁸ Там же, 489—490.

³⁹ Там же, 491. Он был очень удивлен и огорчен, когда из письма этого Томпсона узнал, что его старая покровительница приняла все меры, чтобы уго-

Его книга, напечатанная в Лондоне, вышла в свет в 1792 г. В списке подписчиков, помещенном после предисловия Джонса, мы находим имена многих английских друзей Эмина. Находим мы там имена и некоторых армян, в том числе имя его мадридского единомышленника Шаамиряна, подписавшегося на целых четыре экземпляра.

Опубликование автобиографии Эмина вызвало оживленные отклики среди индийских армян. В своей книге Эмин очень резко отзывался и об армянском духовенстве и об армянском купечестве. Неудачу своих освободительных планов он прямо приписывал алчности и эгоизму «богатых людей» и противодействию духовенства. Армянских торговцев, в частности, он характеризовал, как трусливых и невежественных «слуг маммоны», не имеющих никаких возвышенных чувств, думающих лишь о наживе, всецело находящихся во власти предрассудков и охотно сносящих, ради корыстных целей, свое унижительное положение⁴⁰. Ясно, что подобные отзывы не могли не взбудоражить армянские купеческие круги и местное духовенство.

Интересные отголоски волнений и споров, вызванных в армянской среде в Индии произведением Эмина, мы находим в первом армянском журнале «Аздараре», издававшемся в 1794—1796 гг. в Мадрасе священником Арутюном Шмавоняном.

В одном из номеров «Аздарара» за 1794 г., в отделе хроники, помещено извещение о выходе в свет автобиографии Эмина. Автор заметки хотя и заявляет, что он не имел возможности прочесть эту книгу и подробно ознакомить читателей с ее содержанием, но все же не скрывает своего положительного отношения к факту ее опубликования. Он выражает при этом уверенность, что основной целью автора являлось намерение обратиться к христианским державам и призвать их помочь делу восстановления армянского государства—ибо иначе зачем стал бы он писать свою работу на английском языке? Одновременно в заметке этой дается весьма положительный отзыв о самом Эмине, причем упоминается о его пребывании в Армении и в Европе, о его просвещенности и его патриотизме⁴¹.

Ворить последнего не печатать его книгу. Очевидно, Монтегю, вопреки его мнению, возражала не столько против высокой цены им назначенной, сколько опасалась, чтобы он в своих мемуарах не допустил бестактности в отношении своих прежних лондонских знакомых, в частности ее самой. Но затем она все же прислала ему десять гиней в счет подписной платы (Там же, 493—494).

⁴⁰ Там же, 156, 198, 426 и пр.

⁴¹ «Ազգայնոր», Արմի տալիս 1794, էջ 182.

Но в том же самом номере журнала, на следующей же странице, мы находим статью, в форме анонимного письма в редакцию, всецело направленную против произведения Эмина⁴². Автор этого письма рассказывает, что, посетив одного приятеля, он застал его в очень возбужденном состоянии за чтением какой-то книги. На его вопрос тот будто бы ответил, что это книга, написанная по-английски одним армянином, который вместо того, чтобы сеять семя на собственной почве и поучать свою нацию, стал хулить ее на чужом языке. Он рассчитывал, очевидно, обьявляя свою нацию невежественной и только себя знающим, приобрести славу. Но, видимо, он не подумал о том, что среди его соотечественников есть много разумных людей, которые, рассмотрев его необузданное произведение, станут смеяться над его младенческой выдумкой (кажущейся лишь ему самому возможной) о создании армянского государства, над его льстивыми похвалами по адресу чужих наций и высмеиванием всего своего. По-видимому, он не понял письма к нему одного достойного калкутского господина (т. е. Джонса), иначе не стал бы печатать ни своей книги, ни этого письма, в котором в вежливой форме отмечается его чрезмерное тщеславие⁴³.

В одном из номеров «Аздарара» за 1795 г. мы находим новое анонимное письмо⁴⁴. Автор его сообщает, что посетив вновь своего друга, он узнал, что последний обижен тем, что он опубликовал их беседу. Этот приятель будто бы заявил, что говорил все это лишь для его сведения; правда, прочтя упомянутую книгу, он не мог не быть оскорбленным, но, вспомнив персидскую поговорку, гласящую, что ответом пустослову служит молчание, решил сменить свой гнев на смех; он советует ему поэтому впредь вести себя более скромно, особенно в тех случаях, когда бесполезно поступать иначе, и если даже какой-нибудь невежда станет несправедливо проклинать его отца, то и тогда оставаться спокойным. Смысл этой новой статьи заключался в том, что не следует создавать рекламу книге Эмина, хотя бы чересчур горячо порицая ее, а надлежит просто ее игнорировать.

Подобного рода нападки на Эмина не ограничивались, очевидно, полемическими выступлениями в прессе, являвшимися лишь отголосками толков, вызванных опубликованием его автобиографии среди индийских армян. Встреченное сочувственно в

⁴² Там же, 184—185.

⁴³ В своем письме Джонс, действительно, рекомендовал Эмину вычеркнуть все те места, которые могли бы быть истолкованы, как самоодобрение.

⁴⁴ «Ազգային» թղթի տնայ 1795, էջ 23—24:

прогрессивно-патриотической среде, его произведение навлекло на него гнев со стороны более консервативно настроенных буржуазно-клерикальных кругов, что доставило ему, несомненно, немало неприятностей.

IV

Публикуя на седьмом десятке лет свою автобиографию, Эмин отнюдь не думал, однако, закончить на этом свою общественную деятельность. Даже на старости лет он не хотел ограничиваться пропагандой просветительных и освободительных идей, а готов был снова, в случае необходимости, принять активное участие в освободительном движении.

Уже с конца семидесятых годов Россия активизирует свою восточную политику. Возникает знаменитый «греческий проект», имевший целью изгнание турок из Европы и воссоздание под русским протекторатом греческой империи. Одновременно разрабатываются планы экспансии в Закавказье. В связи с этим для русской дипломатии приобретал актуальность вопрос об установлении русского протектората над Грузией, что привело к заключению в 1783 г. известного Георгиевского договора. Вместе с тем, выдвигался и армянский вопрос, в частности вопрос об армянских меликствах. Неудивительно, что в этих условиях русское правительство не могло не вспомнить об Эмине и о проектах, которые он за двадцать лет до этого излагал Коллегии иностранных дел.

В январе 1780 г. в Петербурге состоялись совещания между Потемкиным, Суворовым (который должен был отправиться в Астрахань для подготовки нового персидского похода), Иваном Лазаревым и Иосифом Аргутинским. На совещаниях этих, как мы узнаем из дневника Аргутинского, Потемкин и Суворов подробно расспрашивали его и Лазарева о Грузии и Армении, об армянских делах, об Эчмиадзине и армянских меликах, намекая на возможность воссоздания независимого армянского государства. Во время беседы, состоявшейся 3 января, Потемкин, в связи с этим, поручил Лазареву написать Эмину, чтобы он приехал в Россию; тот написал письмо Эмину, прося его приехать поскорее и отправил это письмо астраханскому губернатору с тем, чтобы последний переслал его в Джульфу⁴⁵.

⁴⁵ «Հրամայեց և Աղայ Յովհաննէսին գրել ի Զուղայ էմին Աղային որ եկեցէ որ և գրեց և գալի գիրն առաքեց Հաշտարխան գործընտրին, որ նա չդեցէ ի Զուղայ առ նա, որ շուտով եկեցէ»: Матенадаран. Архив. Папка 7. № 4.

Об этом поручении Потемкина мы узнаем не только из дневника Аргутинского, но и из его письма от 2 мая 1793 г. Плутону Зубову, где в разделе, посвященном Эмину, мы читаем следующее: «В 780 году его светлость покойный князь весьма желал его иметь, для того Ивану Лазаревичу приказал к нему писать в место пребывания его, индийской город Калкат, приглашая сюда приехать, но слух пронесся тогда, что он умер, он же Емин, находясь в живых и узнав что призываем был в Россию, в 790 и 791-м году писал ко мне, представляя свои услуги высочайшему двору хотя и в престарелости лет подкрепляемый двумя сыновьями на сей конец воспитанными»⁴⁶.

Как видно из этих слов, Эмин своевременно не получил сведений о сделанном ему предложении. В связи с этим интересно отметить, что если в дневнике Аргутинского говорится об отправке Эмину письма в Джульфу, т. е. в Испагань, то в его письме к Зубову упоминается о Калькутте. Возможно, что Аргутинский и Лазарев и сами в тот момент не знали точно, где находится Эмин. То было время, когда после смерти Керима в Исфагани, переходившей из рук в руки, царил полная анархия. К тому же Эмин и на самом деле вскоре покинул этот город. Как бы то ни было, письмо Лазарева затерялось и своевременно не дошло до него. Аргутинский же и Лазарев, получив ложное известие о его смерти, не предпринимали больше попыток связаться с ним.

Лишь десять лет спустя Эмин каким-то образом узнал о случившемся. И шестидесятипятилетний старик, только что закончивший свою автобиографию и, тем самым, как бы подведший итоги своей жизни, тотчас же обратился к Аргутинскому, вновь охотно предлагая свои услуги русскому правительству⁴⁷.

Воодушевленный, очевидно, этим известием, он вновь стал мечтать о поездке в Англию и в Россию. В своем письме Елизавете Монтегю от 15 августа 1791 г. он писал о своем намерении отправиться в «грядущем сезоне» со своим старшим сыном в Анг-

стр 7). Этот дневник Аргутинского опубликован в ряде изданий, в том числе в серии «Архив армянской истории». (См. «Գրական հայոց պատմություն»: Գրք Բ, 24).

⁴⁶ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, Д. № 464, л. 118.

⁴⁷ Аргутинский в начале 1791 г. послал ему ответ на его письма. Об этом мы узнаем из приписки Аргутинского к своему письму от 4 апреля 1791 г., отправленному в Индию. «Эмин-ага, читаем мы там, написал нам письма, от-
вет ему мы тоже написали вместе с этим письмом». («Էմին աղան ինչ թղթեր էր գրել, պատասխան նորին եւ գրեցաք ընդ սոն թղթերուս»: «Գրական հայոց պատմություն»: Գրք Բ, 120).

лию, чтобы оставить его там для учебы, а самому поехать в Россию, а оттуда в Испагань за своей семьей»⁴⁸.

Мысли о благе родной страны не покидали его ни на минуту. В том же письме к Монтегю он выражал пожелание, чтобы «несчастливая Армения» находилась хотя бы на положении Индии под властью просвещенной нации, а не оставалась поработенной персами и турками. Говоря это, он, несомненно, имел в виду установление русского владычества на Кавказе, которое он, вполне справедливо, считал предпочтительней ирано-турецкого ига, даже если это и не привело бы к восстановлению армянской государственности, что было его самой заветной мечтой.

V

Эмину, однако, не пришлось больше покинуть пределы Индии, где ему суждено было провести свои последние годы.

Мы имеем очень мало сведений о его жизни в этот период. Он вышел в отставку и, как бывший военный служащий, получал от Ост-индской компании пенсию в размере 91 рупий в месяц⁴⁹. Если в первое время по возвращении в Индию он находился в тяжелых материальных условиях, то на старости лет его материальное положение было вполне удовлетворительным. Во всяком случае, в своих письмах Монтегю он утверждал, что является обеспеченным как никогда и имеет независимое положение⁵⁰. В статье о калькуттских армянах, опубликованной в 1801 г. в журнале «East Indian Chronologist», упоминается «дом господина Иосифа Эмина» в районе калькуттского базара⁵¹, что также свидетельствует о его материальном благополучии в последние годы жизни.

Большой радостью для старика были письма его бывших друзей, которые он время от времени получал из Англии в ответ на свои послания. Так, в 1789 г. он получил трогательное письмо от Бёрка, знаменитого уже в то время публициста и государственного деятеля, написанное 29 марта этого года. Бёрк, называя его своим «дорогим старым другом», заверял, что он

⁴⁸ Вновь, побывать в Англии было его давнишней мечтой, о чем свидетельствуют все его письма Монтегю (L. A. J. E., 486, 496).

⁴⁹ Там же, 496. В индийских архивах сохранилось его имя в списке пенсионеров за февраль 1797 г. (Там же, 483).

⁵⁰ Там же, 490, 494. Возможно, что ему, в конце концов, удалось получить и кое-какое наследство от отца, умершего, как свидетельствует надгробная надпись, еще в 1777 г.

⁵¹ Seth «Armenians in India», 430.

всегда помнит о нем. «Вы пытались осуществить, писал он далее, великие цели, исходя из благородных принципов. Вы потерпели неудачу, но быть может лично для вас это лучше, чем если бы вы преуспели, так как вы сейчас являетесь честным и, как надеюсь, счастливым частным лицом»⁵². Получил он в девяностых годах и несколько писем от Елизаветы Монтегю, сообщавшей ему новости о его прежних лондонских знакомых. Большой утратой для него была, несомненно, смерть его «ангела-хранителя» и ученого собеседника Уильяма Джонса, скончавшегося в 1794 г.

Жил он на старости лет не одиноко. После долголетней разлуки к нему приехали из Испании его жена с младшим сыном и двумя дочерьми. Правда, ему пришлось пережить тяжелое семейное горе. По всей вероятности, еще в девяностых годах умер его старший сын Аршак, на которого он возлагал такие надежды и которого хотел сделать своим достойным преемником. Зато ему довелось дожить до женитьбы своего второго сына Иосифа и увидеть рождение внука⁵³.

Эмин скончался в возрасте восьмидесяти трех лет. Согласно церковной записи, в его похоронах приняло участие все местное армянское духовенство⁵⁴, что также свидетельствует о том, что умер он в довольстве и достатке, пользуясь репутацией одного из почтенных армянских граждан Калькутты.

Его гробница сохранилась до наших дней. На могильной плите из белого мрамора, на которой в виде эмблемы изображены пушки и барабаны, выгравирована следующая краткая надпись:

«Здесь покойся прах хамаданца Эмина,
сына Иосифа из рода Эминов, который
удалился в лучший мир 2 августа 1809 г.»

⁵² The Correspondence of Edmund Burke v. V Cambridge-Chicago 1965 p.455—459. Сохранился также отрывок письма Бёрка от 1 сентября 1789 г., адресованного Джорджу Томпсону, бывшему секретарю Уоррена Гастингса, вернувшегося в Англию. Бёрк благодарил за доставку ему письма, посланного его старым знакомым Эмином. «Я рад, что он не пал духом после стольких разочарований и гибельных предприятий. Насколько я понимаю, он предполагает опубликовать некую историю своей жизни...» (The Correspondence of Edmund Burke. v. VI Cambridge-Chicago 1967 p. 12).

⁵³ Как мы узнаем из записей армянской церкви в Калькутте. Иосиф же: нился в 1806 г., а через год у него родился сын. (L. A. J. E., 517).

⁵⁴ Там же, 518.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ ЭМИНА И КРУЖОК ШААМИРЯНА

I

Идеи европейского просветительства, которые Эмин, первым в армянской действительности, пропагандировал еще в пятидесятых-шестидесятых годах XVIII века, были восприняты и развиты в семидесятых-восемидесятых годах в Мадрасе кружком Шаамиряна, одним из выдающихся представителей которого был многолетний соратник Эмина Мовсес Баграмян. Мы знаем также, что сам Эмин, вернувшись в Индию, не только познакомился с Шаамиряном, но и установил с ним самые дружеские отношения, которые поддерживал в течение долгих лет. Возникает поэтому два вопроса: в какой мере просветительные взгляды Эмина воздействовали на формирование мировоззрения Шаамиряна и его соратников и не принимал ли сам Эмин непосредственного участия в разработке их планов и проектов.

Мы не можем рассматривать здесь всю публицистическую и политическую деятельность кружка Шаамиряна, которая подробно описана нами в монографии «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия». Нас здесь интересуют лишь два основных трактата, опубликованные в Мадрасе—«Новая книга» и «Западная честолюбия», в которых изложена политическая платформа передовых деятелей армянского освободительного движения, основанная на идеях европейского просветительства.

Мы уже знаем, что «Новар книга, называемая увещанием», вышла в свет в 1773 г.¹ Она принадлежала перу Мовсеса Баг-

¹ «Նոր տեղեկիւնք, որ Կոստի յորդորակ», Մադրաս, 1772. Хотя на титульном листе значится 1772 г., но послесловие помечено 1773 г.; в то же время там указывается, что печатание книги заняло около семи месяцев. Таким образом, она вышла в свет в начале этого года.

рамяна, названного на тутульном листе «наставником» сына Шаамиряна, Акопа, опубликовавшего эту книгу. Поэтому именно на Баграмяна и обрушился весь гнев католикаса Симеона.

В своей книге Баграмян излагал историю армянского народа и давал подробное географическое описание Армении в целях ознакомления молодых армян с их родиной, с ее славным прошлым и ее героями, дабы пробудить в них чувство национальной гордости. Он подробно подсчитывал те налоги и поборы, которые взимали с армян персы и турки, чтобы армянская молодежь узнала и уяснила себе, как «грабят чужеземцы армянскую нацию». В стихах оплакивал он участь родной страны, находящейся в тяжком плену, и призывал своих молодых соотечественников пробудиться и смело вступить в бой за свободу своей отчизны.

Армяне, указывал он, почти дословно повторяя слова Эмина, потеряли независимость потому, что не следовали примеру своих предков, отважно защищавших родину. Пусть же армяне последуют примеру испанцев и португальцев, которые не каким-либо чудом и не с помощью других, а собственной отважной борьбой освободили себя от ига неверных. Лучше сразу пасть смертью храбрых, чем жить в унижительном порабощении. Пусть пробудится армянская молодежь от сна и оцепенения, пусть станет она мужественной и не считает неприятеля непобедимым. Пусть армянские девушки воодушевляют юношей на борьбу. Пусть старцы, не думая о своем преклонном возрасте, также послужат делу свободы, призывая молодых быть храбрыми и отважными.

В специальном разделе Баграмян анализировал причины падения армянской государственности и порабощения армянского народа чужеземцами, так как, указывал он, нельзя сваливать все несчастья на бога, «заявляя, что так пожелал господь». К числу этих причин он относил взаимную вражду и распри, лень и нерадивость, непокорность и неповиновение.

Одной из важнейших причин считал он невежество, которое восторжествовало над мудростью и знанием и содействовало порабощению армян. «Не из-за чего иного выпало на нашу долю все это ... если не из-за нашего невежества и несогласия». Поэтому в своей книге он призывал соотечественников не быть самодовольными, а стремиться стать похожими на европейцев, так как лишь учение и образование может помочь армянской нации найти выход из ее тяжелого положения.

Не менее пагубным считал он и самодержавие армянских государей и князей, желавших править по собственному усмотрению, не слушая ничьих советов, подобно современным восточ-

ным деспотам. В этой связи он развивал идеи конституционного строя. Поскольку, указывал он, настроения человека переменчивы и каждому свойственно ошибаться, то власть не должна зависеть от суждений и усмотрения одного лица; было бы гораздо лучше, если бы нерушимая конституция и неизменные законы навеки поставили власть в зависимость от избранных советников и различных палат. Подобно тому, как свод, опирающийся на многочисленные колонны, не рушится, даже если рушится одна из них, так и государство прочно, если не зависит всецело от одного лица и если при князе или царе имеются «выборные мужи», которые могут немедленно исправлять допущенные им ошибки.

Призывая к борьбе за освобождение Армении Баграмян старался одновременно наметить пути и средства для достижения этой цели. Специально упоминал он о карабахских меликах — этих армянских князьях, сохранивших свои владения после падения армянской государственности. Он характеризовал всех пятерых меликов, особенно тепло отзываясь о Мелик-Иосифе — «храбром муже и весьма доблестном», — у которого ему, вместе с Эмином, довелось прожить около года. Ему удалось выяснить, заявлял он, почему три мелика подпали под власть персов, хотя он и предпочитал «из стыда» не распространяться на эту тему. Но он тут же указывал, что не все безнадежно потеряно, а «есть еще надежда на спасение». «Персидский князь» держится в Карабахе лишь при помощи армян: даже его стражники и воины большей частью армяне. Последние могут поэтому изгнать его, если только они будут действовать солидарно.

Столь же большие надежды продолжал он возлагать и на Ираклия. Развивая те же мысли, что и Эмин, он многозначительно намекал, что Ираклий является прямым потомком армянской багратидской царской династии. Он детально описывал его владения и подробно характеризовал его самого, рассказывал о его войнах против соседних ханов и о его непрерывной борьбе с лезгинами, в которой он сам, вместе с Эмином, принимал в свое время непосредственное участие. Он восхвалял его храбрость, мудрость и великодушие, его многочисленные добрые дела. Обо всем этом, писал он вспоминая о своем пребывании в Грузии, могут свидетельствовать все очевидцы.

Освободительные и просветительные идеи Баграмяна, его политическая программа освобождения Армении путем национального восстания при активном участии карабахских меликов и поддержке со стороны Ираклия, его резкая критика деспотизма и политический идеал конституционного строя — все это носило яркий отпечаток общественно-политических воззрений и идеалов Эмина. Сам Эмин писал впоследствии в своей автобиографии

фин, что всеми своими знаниями Мовсес был обязан именно ему². Хотя писал он это в раздраженном тоне и в порядке упрека, но это безусловно соответствовало истине. Именно от Эмина, бывшего в течение стольких лет его политическим и идейным руководителем, заимствовал Баграмян свои освободительные и просветительные идеи, которые в дальнейшем он развил, дополнил и обогатил. Он был соратником, ближайшим помощником и учеником Эмина, человека, в которого он долгое время глубоко верил и за которым самоотверженно следовал в течение многих лет. Книга, опубликованная им в Индии, носила поэтому не только отпечаток идей Эмина, но и как бы обобщала опыт их предыдущей совместной практической деятельности. Открывая новую страницу в истории армянского освободительного движения, она одновременно как бы подводила итог и обобщала опыт освободительной борьбы шестидесятих годов, борьбы, столь неразрывно связанной с именем Эмина.

II

После опубликования «Новой книги» кружком Шаампиряна был разработан проект конституции и законодательства будущего независимого армянского государства.

План этот был опубликован в произведении, носившем название «Западная честолюбия»³. Книга эта состоит из двух частей. Первая часть представляет собой обширное историко-теоретическое введение, в котором излагаются и обосновываются основные принципы государственного строя. Вторая часть является сводом законов будущей независимой Армении.

² I. A. J. E., 475.

³ «Գիրք անտանեալ Որդայի Փառաց Վասն կայանաորելոյ ամենայն գործ անկարգութեան: Շարդրեցեալ Յակորայ Շահամիրեանց Նոր Զորայեցելոյ ան ի օգուտ յազգին հայոց: Ի հայրապետութեան Տեառն Սրբազան Սիմէոնի ամենայն Հայոց կաթողիկոսի ի Վաղարշապատ: Ի թագաւորութեանն Յօղոստիայոյ Տեառն երկրորդ Հերակլիոսի ի Թիպղիս: Յամի Տեառն Փրկչին մերոյ Քրիստոսի 1773: Ի Հնդկիս եւ ի Սալթա բաղարն Սադրատ: Ի տպարանի նոյն Յակորայ Շահամիրեանց»: Второе издание—Թիֆլիս, 1913:

Название «Ворогайт парац» дословно означает «Западная славы». Мы переводим, однако, «Западная честолюбия», руководствуясь смыслом этого названия. Произведение это названо так, потому что предлагаемые в нем законы должны явиться как бы западней, не для славы (в положительном смысле этого слова), а для честолюбия, честолюбивых замыслов отдельных лиц.

Историко-теоретическое введение начинается с беглого обзора армянской истории, причем сразу же делается вывод, что именно самодержавие и самодержавная власть царей причинили Армении «безграничный ущерб» и содействовали ее порабощению. Даже хорошие цари держали своих подданных в рабстве, а временами, в силу изменчивости человеческих настроений, превращались и в прямых притеснителей; плохие же и сделали их пленниками других наций. Всякое нарушение законности, последствия, и именно это и явилось причиной несчастий и позора армянской нации. Многие самодержавцы сменились на армянской земле и оставили армян сиротами, вынужденными расплачиваться за каждое их беззаконие стократным рабством.

Но раз дело обстоит таким образом, то не следует допускать, чтобы впредь среди армянской нации появился князь, царь, военачальник или кто-либо иной, облеченный самодержавной властью. Нужно избавить народ от деспотов, действующих лишь по собственной прихоти и личному произволу. Не следует снова ошибиться и посеять плеveled беззакония, загубив тем самым после свободы.

Сама нация должна быть собственным царем и управлять своей страной. Люди должны быть и оставаться свободными, как создал их господь бог⁴. Бог дал Адаму власть над природой, но не над разумными существами; никто, следовательно, не может царить над людьми кроме бога. Люди рождаются равными⁵. Поскольку человек одарен разумом, то он не должен повиноваться себе подобным, так как даже животные не терпят владыков. Если разумное существо подчиняется тирану лишь потому, что последний имеет возможность обречь его на смерть, то ведь такую смерть может причинить и ничтожный скорпион, и поганая змея и, следовательно, всякое ядовитое животное может быть его повелителем.

Если люди хотят оставаться свободными, сами управлять своей страной, свободно располагать своим имуществом и получать почести лишь сообразно своей добродетели, то необходимо, чтобы над ними не властвовал никто, кроме закона. В самой природе царит закономерный порядок; все, начиная с жизни живых существ и кончая временами года, подчиняется определен-

⁴ «...դի կացցուք եւ մնացուք ազատ որպէս Արարիչն Աստուած ի սկզբանէ արար մեզ...»:

⁵ «...բնութիւն մարդոց ի լերես երկրի բնականապէս հավասար ծնանք...»:

рой закономерности. Такие же неизменные законы должны царить и в человеческом обществе. Нерушимые законы должны сдерживать изменчивую человеческую натуру с тем, чтобы ни один человек не имел бы возможность творить зло.

Люди должны подчиняться лишь законам, установленным ими самими, сообразно своей природе, ко всеобщему благу. Никому не следует управлять ими иначе, как согласно законам. Все должностные лица обязаны быть слугами страны, слугами армянского народа⁶. Во всех своих действиях они должны руководствоваться законом и не должны иметь права сорвать хотя бы один волос с чьей-либо головы, иначе как по закону или по приговору суда. Закон должен обеспечить всем личную и имущественную безопасность⁷, каждый должен быть свободным в своих делах и быть уверен, что он хозяин своего имущества и что никто не может отнять у него даже малейшего пустяка.

Если таковы преимущества строя, основанного на законности, то возникает вопрос—почему же всюду царят самодержцы и деспоты? Это, однако, не совсем так. Существовали и теперь существуют такие государства, где царит закон. В прошлом таким государством был Рим. В настоящее время среди европейцев также имеются нации, короли которых всегда руководствуются мнением парламента (*խորհրդարան*) и сената (*ժեմադուր*). Такова прежде всего нация британцев.

В этой связи в книге дается подробный обзор римской истории, цель которого показать, как процветал и преуспевал Рим при республике, под сенью законов, и как погубила его впоследствии тирания. В духе распространенных в XVIII столетии представлений, упадок Рима объясняется установлением наследственной империи, повинной в ослаблении и падении этого государства.

Печальное и жалкое положение армянского народа побуждает спешно искать средства для его спасения. Ведь лекарство нужно принимать до смерти, а не после нее. К счастью, армянский народ не находится пока в безнадежном состоянии и может иметь еще надежду на спасение. Теперь найдено нужное лекарство и необходимо его поскорее применить. Нерушимые законы сделают армян счастливыми, освободят их от рабства, будут поощрять их к добрым делам и побуждать добровольно выполнять свой общественный долг.

⁶ «...և պաշտոնատարր օրինաց մերոց եղիցին սպասաւոր աշխարհին և հասարակ ժողովրդոց հայոց...»:

⁷ «ապահովութիւն անձանց և ստացուածոց...»:

Армяне имеют ту же человеческую природу, что и другие счастливые народы. Бог оказался особенно милостивым к ним, дав им обильную араратскую землю. Необходимо лишь, чтоб они вышли из состояния оцепенения. Поэтому нужно обучать детей грамоте, чтобы все могли прочесть полезные книги. Сыновей же надо, кроме того, обучать и военному искусству.

Свобода—высшее благо. Желание американцев во главе с «мудрым Вашингтоном» освободиться от британского владычества вполне естественно, «так как на земле для человека нет ничего слаще свободы»⁸.

Вторая часть «Западни честолюбия» содержит проект законодательства независимого армянского государства, а именно свод законов, состоящий из 521 параграфа.

Государственный строй, описываемый в этом проекте, основывается на принципе, что вся власть исходит от народа и что должностные лица являются лишь народными уполномоченными. Каждый должен быть убежден, что власть правителей исходит от граждан, которые дали им власть не для того, чтобы они управляли народом по своему произволу, а для того, чтобы они осуществляли закон (§ 43).

От каждой области, насчитывающей до 12 000 домов, выбирается по два уполномоченных, доверенных лица. Выборы эти производятся следующим образом. В каждом населенном пункте избирается один представитель, причем это должно быть обязательно лицо армяно-григорианского вероисповедания. Из числа этих представителей, путем жребия, избираются двое, которые становятся доверенными лицами всего населения области. Срок их полномочий—три года. По истечении этого срока их полномочия, по воле народа, могут быть продлены на новый трехлетний период или же они могут быть отстранены и заменены другими (§ 14, 15). Уполномоченные получают ежегодно определенное жалование, дабы они были независимыми, не имели никаких забот и думали лишь о благе страны и народа (§ 14, 232). В случае смерти или проступка доверенного лица на его место, еще до окончания трехлетнего периода, избирается другой (§ 93).

Высшим законодательным органом страны является парламент, который именуется «армянской палатой» (*տունն հայոց*). Члены парламента называются «танутерами». Из двух уполномоченных каждой области один становится танутером, другой же должностным лицом. Таким образом, половина уполномочен-

⁸ «Քանզի ոչ գոյ ի յերեսս Երկրի ոչ որ ասանի բազորութիւն ի թշուա ծարդոյ բանի ազատութիւն»:

ных становится членами парламента, половина же—должностными лицами (§ 14, 19). Народ является, следовательно, источником как законодательной, так и исполнительной власти.

Из числа всех доверенных лиц избирается путем жребия первый танутер (§ 35, 36), который, в свою очередь, избирает из числа уполномоченных второго, третьего и четвертого танутеров и приводит их к присяге (§ 40, 41, 42, 44). Затем эти последние выбирают из двух уполномоченных каждой области по одному танутеру (§ 45). В состав парламента входит и епископ—представитель католикоса и армянской церкви (§ 12, 13, 40). Срок полномочий всех танутеров—три года.

Так формируется армянский парламент, заседающий в особой палате в столице государства (§ 234). Парламент является высшей властью в стране, он истинный государь Армении (§ 235). Парламент обсуждает и издает законы. Обсуждение каждого закона происходит трижды, причем любой танутер может свободно высказывать свое мнение и говорить за или против законопроекта. Затем производится голосование, и решение принимается простым большинством голосов (§ 17). Парламент выбирает также представителей исполнительной власти и должностных лиц (§ 18), которые обязаны приносить ему присягу на верность (§ 98). Назначения на низшие должности производятся от имени парламента первыми тремя танутерами (выполняющими как бы роль президиума), высшие же должностные лица назначаются при участии всех танутеров (§ 46, 47).

После формирования парламента, танутеры, совместно с остальными уполномоченными, избирают из своей среды 13 человек, известных своим патриотизмом и своими добродетелями. Из них путем жребия выбирается глава исполнительной власти—«нахарар», остальные же становятся членами действующего при нем совета (§ 49). Если избранным окажется кто-либо из танутеров, то его место в парламенте занимает второй уполномоченный от той же области (§ 50). Нахарар избирается сроком на три года, члены совета—пожизненно (§ 20, 21, 49).

Нахарар—первое должностное лицо и первый «слуга» государства и парламента. Он управляет страной «согласно армянским законам, и согласно повелениям армянской палаты». Он является верховным главнокомандующим и по полномочию парламента объявляет войну и заключает мир. Он имеет право помилования, если только помилование того или иного преступника явно не противоречит воле парламента. Он не имеет права ни сам нарушать законы, ни допускать нарушения таковых. Все распоряжения нахарара утверждаются состоящим при нем

советом (§ 92). На совет этот возлагается обязанность строго блюсти законы и согласовывать с ними каждый государственный акт (§ 58). В случае смерти нахарара, или отстранения его от должности из-за проступка, его место занимает первый по рангу член совета (§ 94).

Одновременно в проекте предусматривается и другой вариант, в случае, если какой-либо потомок царствовавших в Армении династий, в частности династии Багратидов, изъявит желание стать армянским нахараром. Если такой претендент выразит готовность ограничить свою власть указанными выше пределами и даст обязательство подчиняться издаваемым парламентом законам, то он может быть провозглашен пожизненным нахараром (§ 52). В таком случае нахарарское достоинство должно стать наследственным (§ 53, 55), причем не только сам нахарар, но и члены его семьи должны получать от парламента определенное годовое содержание (§ 57). Все это, однако, не расширяет полномочий нахарара и не лишает парламент права отстранять его от должности, в случае какого-либо проступка (§ 52). Кроме того, предусматривается, что члены совета при таком наследственном нахараре, должны быть не пожизненными, а избираться сроком на три года (§ 54).

Кроме нахарара и членов совета, парламент выбирает из состава уполномоченных и целый ряд других высших должностных лиц. В их числе—главный судья и 24 члена Верховного суда, 36 высших чиновников, 9 командующих войсками, 9 начальников кавалерии, 9 начальников артиллерии, 90 полковников («тысячников») и 6 особых чиновников, следящих за правильным взиманием налогов и за своевременной выплатой жалования войскам и служащим (§ 22—26, 30, 31, 59, 60, 62—64, 73—75).

Во главе отдельных отраслей управления стоят по три высших должностных лица, также избираемых парламентом. «Начальники шпионов», руководят деятельностью тайных агентов, собирающих сведения, как в самой Армении, так и в иностранных государствах и еженедельно представляют тайные доклады парламенту и совету нахарара (§ 65). Другие должностные лица ведают арсеналами, пополняя и заготовляя оружие на случай войны (§ 66), руководят мастерскими по производству пороха (§ 67), следят за изготовлением повозок и экипажей, необходимых для армии (§ 68), а также палаток для армейских лагерей (§ 69).

Функции трех высших должностных лиц, ведающих вопросами продовольствия, весьма обширны. Они руководят сельским хозяйством и следят за тем, чтобы ни один клочок земли не

оставался необработанным⁹, организуют специальные амбары и пополняют их трехлетним запасом продовольствия (§ 70). Все государственные доходы поступают к государственным казначеям, которые представляют ежемесячные отчеты парламенту (§ 71). «Землемеры», не только руководят земельными работами, но и занимаются дорожным строительством, строительством каналов, лесонасаждением и т. п. (§ 72). Наконец, «начальникам больных и бедных» подчинены больницы, учреждаемые за счет государства на всей территории страны. Они обеспечивают больницы врачебным персоналом и лекарствами и следят за предотвращением эпидемий (§ 73).

Парламент назначает из числа народных уполномоченных и местные власти. К таковым относятся, прежде всего, градоначальники, управляющие, совместно с тремя советниками, отдельными областями и в свою очередь назначающие низших чиновников (§ 28, 511, 518); далее коменданты, начальники воинских частей и главные судьи областных центров (§ 29, 80, 512, 518).

Все эти различные должностные лица избираются сроком на три года и немедленно отстраняются от занимаемой должности, арестовываются и предаются суду, в случае нарушения законов или невыполнения приказов парламента (§ 485, 486). Все они должны быть лицами армяно-григорианского вероисповедания (§ 33, 34).

Хотя все лица, родившиеся на территории Армении, считаются армянами (§ 2) и могут чтить бога, каждый по своему обычаю (§ 5), однако армяно-григориане пользуются в государстве рядом преимуществ. Кроме права занимать государственные должности, лишь армяно-григориане могут свободно покупать и продавать землю, иноверцы же могут быть лишь арендаторами, но не собственниками земли (§ 8, 9). Некоторыми преимуществами пользуется и сама армянская церковь, делегирующая, как мы видели, своего представителя в парламент. Церковные земли, например, свободны от налогов (§ 11). Это не значит, однако, что церковь может вмешиваться в светские дела и в государственное управление. Наоборот, специально устанавливается и предписывается, что светские лица не должны вмешиваться в церковные дела, а духовные лица не имеют права вмешиваться в светские дела и в функции государственных властей (§ 155, 156, 397). При этом пребывание в духовном сане не является обязательным: предусматривается право монахов покидать монастыри и снова становиться светскими людьми (§ 386).

⁹ В случае, если владелец в течение трех лет не обрабатывает свою землю, то участок переходит в собственность государства (§ 110).

Все граждане Армении, независимо от национального происхождения и пола, являются свободными, никому не подвластными (§ 2)¹⁰. Они являются полными хозяевами своего имущества и обязаны подчиняться лишь законам и выплачивать законные налоги (§ 10). Земля тоже является частной собственностью и может свободно приобретаться и продаваться по заверенным в суде купчим (§ 351), причем богатства недр принадлежат собственникам земли (§ 438). Каждый может свободно продавать свое имущество, но не может продавать людей, которые не должны быть ничьей собственностью (§ 121). Всякого рода купчи и договоры, противные законам и человеческой природе, считаются недействительными (§ 123).

Ни одно должностное лицо не имеет права силой врываться в чужой дом (§ 185). Каждый может подавать в суд жалобу на всех, вплоть до нахарара (§ 143). Каждый человек может свободно думать, говорить и действовать, подвергаясь наказанию, в случае плохого поведения, лишь по приговору суда (§ 394, 500).

Целый ряд параграфов специально посвящен суду и судопроизводству. Аресты производятся по распоряжению судьи, причем в случае незначительных проступков, обвиняемые могут оставаться до разбора дела на свободе, представив поручителей (§ 503). Вопрос о предании суду решается особой коллегией присяжных. На судебном процессе оглашается обвинительное заключение, производится допрос обвиняемого, заслушиваются показания свидетелей и выступления адвокатов. Приговор выносится другой коллегией присяжных (§ 505—507). Судебные сессии происходят четыре раза в год (§ 509). Наказания за уголовные преступления очень суровые—смертная казнь, тюремное заключение, телесные наказания, клеймение (§ 462, 475, 509).

Имущественные отношения между супругами регулируются заключаемыми перед свадьбой брачными контрактами (§ 82). Каждый может свободно завещать свое имущество (§ 90). При отсутствии завещания, наследство переходит к жене, детям и родственникам, согласно предусмотренному законом порядку (§ 130); в случае же отсутствия законных наследников, имущество умерших лиц поступает в распоряжение домов для бедных (§ 402).

Все увечные и слепые, а также престарелые и бездетные бед-

¹⁰ Со слугами и служащими заключаются договоры на определенный срок, причем они могут покидать своих хозяев и до истечения этого срока, если последние плохо кормят и одевают их и не выплачивают предусмотренного жалования (§ 174, 176).

няки пользуются поддержкой государства (§ 141). Имеются специальные дома для бедных и бездомных (§ 278). Больницы также оказывают бесплатную медицинскую помощь всем бедным и больным (§ 73, 162, 278).

Большое внимание уделяется просвещению. В каждой деревушке, насчитывающей до 25 домов, имеются два учителя: один для обучения детей обоего пола грамоте, другой для обучения мальчиков военному искусству (§ 101). Люди умственного труда находятся под особым покровительством государства (§ 127).

В проекте подробно перечисляются налоги, взимаемые государством,—различные виды прямых и косвенных налогов, гербовый сбор, пошлины (§ 410, 412—459). Вывоз свободен. Не могут вывозиться лишь оружие, а также золотые и серебряные изделия (§ 152). Вывоз золота и серебра разрешается при условии ввоза в течение двух лет суммы равной 130% стоимости вывозимых ценностей (§ 154). Ввоз же драгоценных металлов, наоборот, всячески поощряется (§ 153).

Многочисленные параграфы посвящены армии и военному делу. Солдаты вербуются по жребию: из каждого ста человек призывного возраста путем жеребьевки отбираются пятеро для службы в армии (§ 353). Солдаты должны строго повиноваться приказам начальства, если только приказы эти не противоречат распоряжениям парламента и не направлены против него (§ 281).

Таков, в основных чертах, проект конституции будущего армянского государства, изложенный в «Западне честолубия». Проект этот является, безусловно, замечательным документом в истории армянской общественной мысли. Построенный на идеях европейского просветительства, он, в условиях отсталого, феодального Востока, впервые выдвигал идеал конституционного буржуазного общественного строя.

Первая, историко-теоретическая часть этого произведения написана под очевидным влиянием английской конституционной теории. Прямое или косвенное влияние учения Локка вряд ли подлежит сомнению. Стоит только сравнить параграфы 137, 138, 142, 175—196, 199—210 второго «Трактата о правительстве» Локка со вступительной статьей «Западни честолубия», чтобы сразу убедиться в этом. Осуждение «абсолютной произвольной власти» и тирании, требование управления, согласно «установленным неизменным законам», служащим «благу народа», гарантия личной и имущественной неприкосновенности—все это руководящие идеи выдающегося теоретика английского конституционного строя. Учение Локка было особенно привлекательно для армянских просветителей-патриотов, так как оно одновременно обосновывало

справедливость и законность национально-освободительных движений. В специальном разделе, озаглавленном «О завоевании», Локк отрицал право завоевателя на власть над покоренными народами и обосновывал право потомков этих последних сбросить чужеземное иго. В этой связи он прямо ссылался на пример «греческих христиан», имеющих право сбросить турецкое иго при первой же возможности¹¹. Идеи эти, вытекавшие из учения о законной власти и тирании, служили для передовых армянских буржуазных деятелей и просветителей XVIII столетия теоретическим обоснованием их освободительной программы.

Государственный строй будущей независимой Армении, описываемой во второй части «Западни честолубия», является буржуазной республикой. Правда, одновременно делается оговорка относительно возможности установления пожизненного и наследственного нахарарства, т. е. конституционной монархии. Однако и во втором случае функции и права нахарара ничем не отличаются от функций и прав выборного нахарара—президента конституционно-буржуазного строя, описываемого в этом проекте¹².

Строй этот основан на принципе народного суверенитета и всевластия парламента. Он исключает феодально-сословную структуру общества и сословные привилегии¹³ и полностью отри-

¹¹ „For the first conqueror never having had a title to the land of that country, the people who are the descendants of, or claim under those who were forced to submit to the yoke of a government by constraint have always a right to shake it off, and free themselves from the usurpation or tyranny the sword has brought in upon them... And who doubts the Grecian Christians descendants of the ancient possessors of that country, may justly cast off the Turkish yoke they have so long groaned under, whenever they have a power to do it“. (J. Locke, Two treatises on Civil Government, London 1884, 292).

¹² Следует при этом иметь в виду, что второй вариант выдвигался скорее с чисто практической целью. Намек на возможность появления претендентов из числа отпрысков царствовавших в Армении династий явно рассчитан на Ираклия, потомка Багратидов. Этим обстоятельством объясняется то, что на заглавном листе книги указывается, что она написана «в царствование августейшего государя Ираклия II в Тифлисе».

¹³ В «Западне честолубия» мы вообще не находим никакого упоминания о дворянстве. В § 359 приводится следующая общественная иерархия: нахарар, должностные лица, военачальники и военные, торговцы, земледельцы и ремесленники. Слово «ишхан», неоднократно встречающееся в этом произведении, употребляется не в смысле «князя», а в смысле человека облеченного властью, должностного лица, что видно из целого ряда параграфов (см. напр. § 484, 485, 486).

пает крепостничество и все другие формы феодальной зависимости. Он базируется на принципе буржуазной частной собственности и на буржуазных имущественных отношениях. Он гарантирует всем гражданам личную и имущественную неприкосновенность, свободу мысли и свободу слова, обеспечивает законность и правильное судопроизводство, вводит всеобщее обучение и всячески содействует расцвету культуры и просвещения.

При анализе проекта конституции, изложенного в «Западни честолубия», бросается в глаза сходство многих предусмотренных там установлений с английским государственным строем и английской конституционной практикой XVIII столетия.

Совет при нахараре во многих отношениях выполняет функции английского кабинета, санкционируя действия нахарара, скрепляя подписанные им бумаги и отвечая перед парламентом за строгое соблюдение законов. Подобно английскому парламенту, «армянская палата» должна трижды обсуждать законопроекты перед тем, как их принять. Должность «начальника больных и бедных» (*պիտ տկարաց և անբարեպաշտաց*) соответствует одной из должностей английского общинного самоуправления этой эпохи, а именно Overseer of the poor. Солдаты набираются в армию по жребью, как набиралась в Англии милиция графств.

Принципы английской судебной практики можно легко обнаружить в тех параграфах проекта, которые предусматривают, что аресты производятся по распоряжению судей и что, в случае незначительных проступков, обвиняемые могут, до суда, оставаться на свободе, представив поручителей. Должность «главного судьи» (*մայր դատավոր*) соответствует английскому Chief Justice. Суд присяжных и вся судебная процедура также полностью скопированы с английского образца. При рассмотрении уголовных дел предусматривается наличие двух категорий присяжных: присяжных, решающих вопрос о предании суду («большое жюри» по английской терминологии), и присяжных, выносящих вердикт (т. е. «малое жюри»). Совещания присяжных происходят в особых помещениях, причем, согласно английской практике, присяжные не имеют права общаться с кем бы то ни было и не получают пищи до того, как не придут к единогласному решению. Наконец трехмесячные судебные сессии, предусмотренные в проекте, являются ничем иным, как английскими quarter sessions.

Даже самая суровость наказаний за уголовные преступления не является результатом «азиатских» влияний, а вполне соответствует всему духу английского законодательства того времени. Известна суровость английских уголовных законов той эпохи, предусматривавших, в частности, широкое применение телесных наказаний.

Наибольшее отличие рассматриваемого проекта от английской конституции заключается в системе выборов депутатов и должностных лиц, при которой широко применяется жеребьевка. Хотя все это, безусловно, отличается от практиковавшейся в Англии системы избрания депутатов в парламент, не следует, однако, забывать, что выбор посредством жребия различных доверенных и должностных лиц также заимствован авторами проекта из английской практики того времени.

Английские юристы и правоведы XVIII столетия характеризовали современную им английскую конституцию, как совокупность трех систем самоуправления: прямого самоуправления посредством общих собраний граждан, управления «в порядке очереди» путем жеребьевки и, наконец, управления путем представительства, посредством избрания депутатов. Если последняя система применялась при выборах в парламент, то образцом первого рода самоуправления считалось общее приходское собрание граждан. Но одновременно с этим большое распространение имел и второй вид самоуправления. В принципе считалось, что все жители прихода должны были выступать в роли законодателей, или должностных лиц, занимая поочередно те или иные приходские должности. Хотя, фактически, права эти принадлежали обычно узкому кругу местной аристократии и зажиточных фермеров, но самый принцип избрания доверенных и должностных лиц путем жеребьевки широко применялся на практике. Путем жребия избирались в частности различного рода присяжные, выполнявшие не только судебные, но и некоторые административные функции. А наличие института присяжных английские правоведы того времени, вроде Блекстона, считали основой английского государственного строя.

Все это не значит, однако, что проект «Западни честолубия» ничто иное как копия английского государственного строя XVIII столетия. В нем мы находим существенные различия с английской конституционной практикой, начиная от системы выборов депутатов, назначения на государственные должности из числа избираемых населением уполномоченных и кончая руководством различными отраслями управления не министрами, а коллегиями из трех лиц. Все это результат других влияний и примеров. Нельзя забывать и о главном: проект «Западни честолубия» это проект республиканского строя. Не случайна поэтому содержащаяся в этом произведении восторженная ссылка на пример американцев, восставших против английского владычества, ссылка на американскую революцию, приведшую к установлению в бывших английских колониях республиканского строя.

Долгое время в армянской литературе господствовал взгляд, что «Западни честолубия» была написана сыном Шаамиряна, Акопом, и была опубликована в 1773 г., как об этом сказано в заглавии. Однако в 1929 году Т. Авдалбекян высказал предположение, что произведение это было написано лишь в 80-х годах XVIII столетия, что оно принадлежало перу самого Шаамиряна и что вышеупомянутая дата, стоящая на титульном листе, является сознательной фальсификацией со стороны любящего отца, желавшего приписать эту работу своему сыну, умершему в 1774 г.¹⁴ Предположение это основано на двух анахронизмах, которые мы находим в указанной книге. Это — ссылка на американское восстание, а также упоминание о смерти Керим-хана.

Действительно, в конце историко-теоретического введения приводится, как мы уже видели, пример американских колоний, восставших за свою независимость и упоминается имя Вашингтона. Далее там говорится и о Керим-хане, который, не располагая на первых порах большей силой, чем Мелик-Иосиф, сумел однако стать властителем обширного государства и спокойно умер естественной смертью.¹⁵ Известно же, что Керим-хан скончался в 1779 г.

К этим двум анахронизмам можно прибавить еще один, не менее существенный. В упомянутом введении, после ссылки на Керим-хана, приводится и пример знаменитого Хайдер-Али, султана южно-индийского княжества Майсор, сумевшего из простого воина стать богатым и могучим государем.¹⁶ Правда, возвышение Хайдер-Али относится еще к шестидесятым годам, но ссылка эта навешана, несомненно, событиями 1780 г., когда Хайдер-Али, достигший зенита своего могущества, предпринял новую войну против англичан и когда его победоносные войска достигли предместий Мадраса. Какое впечатление это событие произвело на мадрасских армян, видно из другой книги, напечатанной в типографии Шаамиряна, а именно жизнеописания Надир-шаха, заимствованного из известного произведения Хенвея. В этой книге,

¹⁴ «Շահամիր Շահամիրյանն ու հնդկահայոց համալսական ինքնավարությունը XVIII դարում» («Տեղեկագիր Գիտության և արվեստի ինստիտուտի» № 4, 43—46):

¹⁵ «Գիրք անուանեալ Որոգայթ Փառաց...», Թիֆլիս, 1913, 137—138:

¹⁶ «Յէհորայի անուամբ՝ ոմն զինուոր րստ բնութիւնս քաջ ջանացաւ, աշխատեցաւ մինչ եղև տէր միոյ լաշնատարած յաշխարհի անուանեալն մանսուր, զորացաւ զինուորոր հարստացաւ քնչիւր փառաւորեցաւ ի փառս իշխանի իննով տէր յաշխարհի և ծաղմբղոց» (Там же, 138).

в послесловии, специально упоминается о нашествии Хайдер-Али и о влиянии этого события на жизнь в Мадрасе.¹⁷ Именно аналогичное упоминание мы и находим в «Западни честолубия».

Таким образом, в конце первой части этого произведения имеются по крайней мере три ссылки, которые не могли бы быть в книге, напечатанной в 1773 г. Можно ли, однако, на основании этого категорически утверждать, что все это произведение было написано лишь в восьмидесятых годах?

Вчитываясь более внимательно в текст «Западни честолубия», легко можем убедиться, что там нигде не утверждается, что она была опубликована в 1773 г. Этот нюанс становится еще более заметным, если сравнить титульный лист «Западни честолубия» с заглавными страницами других произведений, напечатанных в типографии Шаамиряна, в частности с «Новой книгой». На титульном листе «Новой книги» прямо сказано, что она была напечатана в 1772 г.¹⁸ На заглавной же странице «Западни честолубия» сказано лишь, что книга эта была написана в 1773 г.¹⁹

Далее нельзя не отметить и следующее. Во всех книгах, опубликованных Шаамиряном, мы находим в послесловиях упоминание даты окончания их печатания, длившегося обычно свыше одного года. В «Новой книге», например, упоминается в этой связи 1773 г., в «Истории Надир-шаха» 25 марта 1783 г.²⁰ В «Западни честолубия» также имеется в конце аналогичное послесловие, в котором приводятся, между прочим, сведения о наборщиках, набравших эту книгу. Однако там мы не находим никаких дат, что уже само по себе является знаменательным.

Внимательно ознакомившись с этим произведением, мы можем обнаружить и другое интересное обстоятельство. Нельзя не заметить, что вышеупомянутые анахронизмы встречаются не в

¹⁷ «Պատմութիւն վարուցն և գործոց նազըր Շահ թագաւորն պարսից, հանեալ ի գրոցն պատմութեան ազգին պարսից արարելոյ յումմին անգլիացոյ մար շանուէ կոչեցելոյ»: Մատրաս, 1780, էջ 181: Книга эта начала печататься в 1780 г., но вышла в свет лишь в 1783 г.

¹⁸ «Տպագրեցեալ ջանիւր և ծախիւր Յակոբայ Շամիրեան կոչեցելոյ աշխատութեամբ Մովսիսի Բաղրամեան հրահանգչին իւրոյ... Յամի մարգեղութեան բանին 1772 և ի թուին հայոց 1221»:

¹⁹ «Շարարեցեալ Յակոբայ Շահամիրեանց նոր ջողայեցու: առ ի ոգոտ յազգին հայոց... Յամի Տեառն Փրկչին մերոյ Քրիստոսի 1773 և ի թուին թուականութեան հայոց 1222»:

²⁰ См. «Նոր տեարակ», 220, «Պատմութիւն վարուցն և գործոց նազըր Շահ», 180:

разных частях книги, а сосредоточены в самом конце историко-теоретического введения. Закончив изложение своих политических воззрений и исчерпав все свои аргументы, автор книги, от имени которого ведется изложение, снова приводит сведения о себе самом, указывая, что в данное время он проживает в Мадрасе «в год от рождества нашего спасителя Христа 1773-ий»²¹. На этом введение по существу заканчивается. Однако вслед за этим идет не изложение плана политического устройства Армении, а помещено еще несколько абзацев, снова посвященных доказательству правильности изложенных до этого идей. Необходимо, заявляет автор, напомнить читателям еще кое о чем, чтобы укрепить в них веру и придать им мужество²². Далее описывается успешная борьба за свою независимость американцев и приводятся примеры таких людей, как Надир-шах, Керим хан, Хайдер-Али. Из всего этого делается заключение, что и армяне, если только они будут столь же мужественными, могут сбросить чуждое иго и добиться свободы.

Эти заключительные абзацы являются, таким образом, вставкой, помещенной между историко-теоретическим введением и изложением плана конституции будущего армянского государства, вставкой даже чисто внешне не связанной с основным текстом²³. Именно в этой маленькой вставке и содержатся те примеры и ссылки, которые явно не могли быть написаны в 1773 г. Но это обстоятельство доказывает лишь, что рассматриваемая нами книга не могла быть опубликована в 1773 г. Это, однако, не является убедительным доказательством того, что историко-теоретическое введение не могло быть написано в упомянутом году.

Для разрешения очень важного и интересного вопроса о времени возникновения «Западни честолубия» большое значение имеют рукописи этого произведения, находящиеся в Матенадаране. В Матенадаране имеются пять рукописей этой работы,

²¹ «...մ ՚ի փոքրկանց որդոյ հայոց ՚ի յազգն թորգոմայ և ՚ի տանն նախնեանայ ՚ի 42-երորդ աստիճան հիւսիսային կողմ յաշխարհէ ի յոռո ծալրագոյն լեանն Մասիս, և ալմոյս եղև ՚ի ասին օվկիանոս կորմանդէլ ի դրանն մալարադարի Մադրասոյ յամի Տեանն փրկչին մերոյ Քրիստոսի 1773» («Որոգայթ փառաց», 135—136):

²² «Նոս ևս հարկաւոր է փոքր ինչ ևս յիշեցուցանել ի միտս ձեր վասն զվարթացանելոյ սիրտ և հաստատելոյ հաւատ և յորդորելոյ սէր ամենեցուն, զի արիւնեացն ի սասանմանէ...», 136:

²³ Что речь идет именно о вставке, видно и из того, что в противоположность другим разделам и абзацам введения, она начинается с особой заглавной буквы (См. первое издание «Западни честолубия», стр. 102).

хранящиеся под номерами 1477, 3101, 3102, 4471 и 7882. Рукопись № 1477 является копией, сделанной в начале XIX столетия с печатного текста, в связи с намерением тогдашнего начальника армянской епархии в России епископа Ефрема переиздать это произведение в Петербурге. Иной характер носят, однако, остальные четыре рукописи. Все они являются рукописями XVIII столетия, причем рукопись № 4471 содержит текст лишь первой части «Западни честолубия», историко-теоретического введения, а рукописи № 3101, 3102, 7882—лишь текст второй части, законодательства.

На первом листе рукописи № 4471 приводится заглавие «Западни честолубия» и дата—1773 г. Как однако можно сразу же заметить, заглавие это не списано с печатного текста, поскольку Ираклий назван там светлейшим (*սլավադարեալ*), а в титульном листе книги августейшим (*յոգևորացափառ*)²⁴. Далее следует предисловие автора, помеченное 15 августа 1773 г. Вслед за тем идет текст историко-теоретического введения, которое, однако, приводится как первый том («հատոր առաջին») указанного произведения—обозначение, которое мы не находим в печатном издании. При этом текст рукописи не совпадает дословно с печатным текстом. Мы находим в нем целый ряд разночтений по сравнению с печатным изданием²⁵. Правда, все эти разночтения носят большей частью второстепенный характер²⁶, но они все же свидетельствуют, что рукопись № 4471 не является копией с опубликованной книги.

Самым важным и существенным является, однако, то, что в рукописи полностью отсутствуют абзацы печатного текста, помещенные в конце первой части, которые мы признали за последующую вставку. Речь идет не о случайном дефекте рукописи и утере ее листов. Рукопись, хорошей сохранности, заканчивается рядом белых, неиспользованных страниц.

Таким образом рукопись № 4471 не является списком с печатного текста и не содержит второй части «Западни честолубия» (законодательства), а также последних абзацев историко-теоретического введения. Рукопись эта является, следовательно, ничем иным, как первоначальным вариантом первой части, или «первого тома» этого произведения. Но из этого следует, что этот

²⁴ В печатном тексте «Ի Թագաւորութեանն Յոգևորացափառ Տեանն երկրորդի Հերակլոսի ի Թիպղիս»: в рукописи «Ի Թագաւորութեանն Պալմառագոյն Տեանն երկրորդի Հերակլոսի ի Թիպղիս»:

²⁵ Матенадаран. Рукопись № 4471, стр. 16, 59, 65, 87, 89, 91, 145, 152 и др.

²⁶ Напр. в рукописи «ամենայն մարդոց», в печатном тексте «ամենայն մարդոց ի բնութենէ մարդոց» и т. п.

«первый том» был написан не одновременно со второй частью, а до нее.

В этой связи становятся понятными и объяснимыми некоторые странности, которые встречаются в историко-теоретическом введении «Западной честолюбия». Прежде всего поражает то, что там говорится о разработке проекта законодательства армянского государства, как о деле будущего. В конце введения автор указывает, что, закончив свое слово, он намерен приступить к изложению законов и выражает надежду, что бог поможет ему составить эти законы в соответствии с природой человека²⁷. В другом месте он заявляет, что сам весьма огорчен, не имея в данное время возможности высказать все, что у него на уме, но что он руководствуется пословицей—лучше мало, чем ничего, и к тому же питает надежду, что бог даст ему достаточно долгую жизнь, чтобы он мог разъяснить все им изложенное во втором томе данной книги²⁸. Эти формулировки становятся понятными, если принять во внимание, что первая часть «Западной честолюбия» была написана раньше второй и что самый свод законов был составлен позже историко-теоретического введения.

Это обстоятельство объясняет и некоторые неувязки, которые мы находим в «Западной честолюбия», сравнивая это введение с самим законодательством. Так, например, в введении указывается, что для принятия законов нет необходимости собирать все население страны, а достаточно лишь избрать пятьсот депутатов—по два от каждых десяти тысяч домов²⁹. Эта последняя цифра повторяется при этом три раза. В самом же законодательстве речь всюду идет об избрании депутатов от округов, насчитывающих двенадцать тысяч домов. Этот нюанс, быть может и не особенно важный, свидетельствует, однако, о том, что первоначальная круглая цифра (10 000 домов) была впоследствии

²⁷ «...և այժմոյ աւարտ տալելոց իմոց արարի և առաջացալ ի շարն յորինաց, և յուսամ ի Տէր, զի տացէ զորութիւն հոգոյ իմոյ զի շարեցից զայն ևս համայն համեմատ բնութեան մարդոյ:» («Արդալիք փառաց», 135):

²⁸ «... թէպէտ տխուր է լին, զի զամենայն զոր ինչ ի վերայ այս մտածութեան որ ի միտս իմ ևս ունիմ ժամանակն իմ ոչ խոստանայ զի ձգարանութեամբ մանրամասնաբար պատճառաւ այժմոյս և յայտ բացատրեցից ի միտս յազգին իմոյ, ալլ բոտ համեմատութեան աշխարհօրն առակաց յաւ է մի քանթէ ոչինչ, նաևս յոյն իմ մեծ է, զի Տէր արժանի զիս արասցէ և տացէ ժամանակ կենաց իմոց, զի զրեցից բացատրութիւն ամենայն ի սմայ զրեցելոյս ի երկրորդ հատոր գրեւին և մանրամասնաբար նաոյր զրեւ, պատճառն ամենայն հատոր զրեցելոյ իմոյ ի յայտ օրինաց և բացատրել և ալլ զամենայն զոր ինչ որ հարկաւոր փասն բարութեանց հասարակաց...» («ամ յե», 132).

²⁹ Там же, 64.

более конкретизирована, а факт этот в свою очередь указывает на то, что вторая часть «Западной честолюбия» не была написана одновременно с первой.

Когда же был написан «первый том» этой работы в том виде, в каком он сохранился в рукописи № 4471? В нем, как мы видели, отсутствуют последние абзацы вступительной статьи печатного текста, в которой и содержатся все перечисленные выше анахронизмы. Нет поэтому никаких оснований сомневаться, что этот «первый том» был написан в том самом 1773 г., о котором трижды упоминается в рукописи.

1773 г. был знаменательным годом в истории кружка Шаамиряна. В этом году закончилось печатание «Новой книги» Баграмяна, где впервые была провозглашена борьба за независимость Армении, был заклеен деспотизм и выдвинута, в общей форме, идея конституционного строя. Сам Баграмян находился в то время в Мадрасе. Одновременно в начале этого года в Мадрасе прибыл и Эмин, который прожил там несколько месяцев. Между Эмином, Шаамиряном, Чакикенцом-Ходжаджяном и другими мадрасскими богачами начались переговоры о финансировании новой экспедиции Эмина, намеревавшегося вновь отправиться в Армению для организации освободительной борьбы. Именно в это время и было задумано составить проект конституции независимого армянского государства. Произведение, посвященное изложению этого проекта должно было состоять из двух томов. Сразу же был написан первый том, развивавший идеи «Новой книги» и являвшийся историческим и теоретическим обоснованием необходимости конституционного строя для будущей независимой Армении. Эта работа была закончена, как указано в предисловии, 15 августа 1773 г.

Очевидно, в то время предполагалось издать этот «первый том» отдельно и этим следует объяснить, каким образом рукопись этого сочинения попала в Эчмιάдин. Дело в том, что как раз в это время католикос Симеон, узнав об учреждении Шаамиряном типографии и обеспокоенный этим известием, написал последнему в мае 1775 г. письмо, в котором просил пересылать ему рукописи тех книг, которые тот намерен был печатать в своей типографии³⁰. Именно в ответ на это обращение Шаамиряна и переслал, очевидно, рукопись первого тома «Западной честолюбия», которая, таким образом, и очутилась в Эчмιάдине.

³⁰ «Զոր ի լսելն սրբ. վեհին պատուիրեաց սմա, զի թէ կարելի է՝ ի տպել տալիս զգիրք ինչ, նախապէս ինքեան ցանկացէ, և ապա տպել տացէ» («Գրեան հայոց պատմութեան», XI, 413):

Одновременно Шаамирян и его друзья (в том числе Григор Чакрикян-Ходжаджян) прислали католикусу, вместе с недавно опубликованной «Новой книгой», специальное письмо, краткое содержание которого приводится в эчмиадзинской «Памятной книге». В этом письме мадрасские армяне развивали свои идеи о политических мероприятиях, необходимых для освобождения армянского народа от чужеземного ига. В то же время в письме указывалось на необходимость ввести в Армении европейские законы и порядки, европейские административные, военные и судебные установления; предлагалось также поставить во главе нации «нахарара», который руководствовался бы в своей деятельности советами «сената» (*«ժեղախորհուրդ»*) и отвечал бы головой в случае нарушения установленной конституции; при этом «нахарар» должен был занимать свой пост лишь в течение одного года³¹.

В этом письме, написанном в 1774 или 1775 г., излагались, как видим, планы политического устройства освобожденной Армении. Письмо это также свидетельствует, что уже в эти годы у кружка Шаамиряна были намечены основные контуры проектируемой конституции. Но что эти общие положения не были еще тем окончательным проектом законодательства, который мы находим во второй части «Западной честолубия», видно хотя бы из того, что в упомянутом письме будущее представительное учреждение называлось не «армянской палатой», а сенатом и что «нахарара» предполагалось переизбирать ежегодно, а не в три года раз, как то было предусмотрено впоследствии. В то же время мы видим, что в первой части «Западной честолубия» законодательное учреждение также называется «сенат»³², (*«ժեղախորհուրդ»*), что еще раз свидетельствует о том, что эта первая часть была написана в 1773 г., значительно раньше второй.

Получив вышеупомянутое письмо, а также «Новую книгу», католикос Симеон отправил, как известно, в ноябре 1776 г. в Индию негодующие послания, в которых, резко осуждая это произведение, грозил всевозможными карами в случае дальнейшей пропаганды такого рода идей. Нетрудно догадаться, что именно это и побудило Шаамиряна воздержаться от опубликования первого тома «Западной честолубия». Положение изменилось лишь в начале восьмидесятых годов, когда он узнал о смерти Симеона и об избрании нового католикоса Гукаса. Естественно поэтому, что теперь вновь мог быть поставлен вопрос не только об опубликовании первой, теоретической части «Западной честолубия», но и о дальнейшей разработке самого свода законов.

³¹ Там же, стр. 575.

³² *«Սրբազան փառապետ»*, 65, 78.

О том, что этот свод законов был окончательно разработан лишь в восьмидесятых годах, наглядно свидетельствуют рукописи № 3101, 3102 и 7886, хранящиеся в Матенадаране. Рукописи эти содержат почти одинаковый текст второй части «Западной честолубия». Они не списаны с печатного издания, а наоборот, существенным образом отличаются от него. Целый ряд параграфов свода законов значительно отличается от соответствующих параграфов печатного текста. Таковы, например, параграфы 46, 60, 213, 232, 238, 242, 253, 279, 280, 311, 352, 385, 393, 402, 416, 494, и ряд других. Некоторые из этих различий носят характер не только редакционных поправок, но и представляют собой особые варианты по сравнению с печатным текстом. Так например в параграфе 213 всех трех рукописей предусматривается заключение должника в тюрьму на три года, а в том же параграфе печатного текста речь идет о тюремном заключении до полной уплаты долга. В рукописях предусматривается выплата каждому депутату ежегодно жалования в 6000 золотых, в том же параграфе (232) печатного текста это вознаграждение снижено до 3000. В печатном тексте параграфа 311, посвященного вопросу в распределении военной добычи, пропущен целый абзац, имеющийся в этих рукописях и гласящий, что завоеванные земли, крепости, города, села, а также оружие и пленные поступают в распоряжение «армянской палаты», т. е. государства. В 402 параграфе рукописей предусматривается, что имущество лиц, умерших без наследников, переходит к государству; в том же параграфе печатного текста речь идет о передаче этого имущества так называемым «домам для бедных». В параграфе 494 печатного текста, где говорится о разжаловании военных, не сумевших защитить честь мундира от нанесенного им оскорбления, добавляется не имеющаяся в рукописях оговорка относительно нанесения подобного оскорбления лицами умалишенными. Можно было бы привести еще целый ряд других примеров.

Некоторые параграфы расположены в рукописях в обратном порядке. Так, например, параграфы 80 и 81 рукописей соответствуют параграфам 81 и 80 печатного текста, параграфы 189 и 190 параграфам 190 и 189. Параграф 91 рукописей помещен в печатном тексте в виде параграфа 85.

Следует особо отметить параграф 81 рукописей № 3101 и 3102, соответствующий параграфу 80 печатного текста. В упомянутых рукописях параграф этот дан в двух вариантах: в виде основного текста и в виде особой вставки, приписанной другой рукой. При этом вставка соответствует печатному тексту, первый же основной вариант существенно отличается от него. В

этом параграфе речь идет о правах градоначальников, причем в первоначальном варианте предусматривается создание при них тайных советов из восьми членов; во втором же варианте об этих советах, как и о ряде прав и функций градоначальников, не говорится ни слова.

Самым существенным различием между этими рукописями и печатным текстом является, однако, следующее. Параграфы 511, 512 и 513 рукописей соответствуют последним трем параграфам 519, 520 и 521 печатного текста. При этом в параграфе 513 говорится о предыдущих 512 параграфах, как о всем своде законов в целом, т. е. то, что, в 521 параграфе печатного текста говорится о предыдущих 520 параграфах. Далее, однако, приписаны параграфы 514—521, соответствующие параграфам 511—518 печатного текста, причем в рукописях № 3101 и 3102 другой рукой.

Таким образом, сравнение рукописей № 3101, 3102 и 7886 с печатным текстом «Западной честолубия» дает возможность установить по меньшей мере три этапа разработки опубликованного в этом произведении свода законов: 1) когда этот свод состоял всего из 512 параграфов и заканчивался параграфом 513 и когда этот свод включал первоначальную редакцию ряда параграфов, в том числе и параграфа 81 (основной текст рукописей № 3101, 3102); 2) когда были добавлены дополнительно восемь параграфов (с 514 по 521) и когда появилась и вторая редакция параграфа 81 (дополнения, сделанные посторонней рукой в рукописях № 3101, 3102 и текст рукописи № 7886); 3) когда работа была окончательно отредактирована, многие параграфы переработаны и перенумерованы, а параграфы 514—521 включены в основной текст в виде параграфов 511—518, параграфы же 511—513 перенесены в конец и переделаны в параграфы 519—521 (окончательный текст печатного издания).

Рукописи, сохранившиеся в Матенадаране, представляют, таким образом, если не самый первоначальный, то во всяком случае первый полный вариант свода законов. О времени его возникновения свидетельствуют даты, приводимые в самом тексте рукописей. Дело в том, что среди различных параграфов свода законов имеются и такие, которые представляют собой образцы разного рода официальных бумаг, удостоверений, прошений, контрактов и т. п. Под каждым таким документом поставлена та или иная дата. Большая часть этих дат относится к 1773 г., две даты к 1774 г. (§ 79, 83), несколько дат к 1780 г. (§ 85—88 и др.) и наконец имеются даты 5 февраля 1781 г. (§ 92) и 14 сентября 1781 г. (§ 272). Что речь идет не о будущих датах, а о прошлых, т. е. таких датах, которые в момент составления свода за-

конов были уже прошедшими датами, видно из следующего. В опубликованном тексте все даты, относящиеся к годам 1774, 1780, 1781, тщательно переделаны на годы 1765, 1767, 1768, 1769, 1771 и 1773. Совершенно очевидно, что сделано это для того, чтобы согласовать эти даты с датой 1773 г., указанной на титульном листе. Но из этого следует, что даты сохранившиеся в рукописях, являются убедительным свидетельством того, что на самом деле вторая часть «Западной честолубия» была закончена не раньше начала восьмидесятых годов.

Весьма интересно то, что даты в рукописях распределяются следующим образом: 1773—1774 гг., затем сразу 1780—1781 гг. Быть может это также объясняется тем, что первоначальный набросок законодательства был разработан еще в 1773—1774 гг., после чего работа была прервана, затем возобновлена и закончена в начале восьмидесятых годов. Во всяком случае совершенно несомненно, что первый вариант свода законов, в количестве 512 параграфов, в том виде, в каком он дошел до нас в рукописях № 3101 и 3102, был закончен лишь в начале восьмидесятых годов, не ранее 14 сентября 1781 года.

В начале восьмидесятых годов, когда была завершена работа над первым вариантом свода законов, написаны и те дополнительные страницы теоретической части, которые отсутствовали в первоначальном варианте, относящемся к 1773 г. Именно в это время, когда уже практически встал вопрос об опубликовании всего произведения, к историко-теоретическому экскурсу были добавлены новые страницы, имеющие целью привести дополнительные аргументы в виде ссылок на целый ряд новых примеров, в частности на пример Керим-хана, Хайдер-Али и на пример американцев. Страницы эти были написаны после смерти Керим-хана (1779 г.) и нашествия Хайдер-Али (1780 г.), но до получения в Индии известий о Версальском мире и Георгиевском договоре. Это видно из того, что относительно американского восстания там говорится, что еще неизвестно чем оно закончится³³, и одновременно указывается, что грузины отстаивали свободу своей страны, будучи окружены врагами и не имея ни от кого помощи³⁴.

Таким образом, на основании изучения сохранившихся в Матенадаране рукописей, а также печатного текста «Западной честолубия», история возникновения этого произведения представляется в следующем виде: 1) Вступительная историко-теорети-

³³ «... Թէպէտ Կատարածն բանին զեւ եւ ոչ Երեւցաւ թէ զիչ Ինկոնց» («Իր-
գալիք փառաց», 133):

³⁴ «... առանց օգնականութեան յաւերել»: (Там же, 137).

ческая часть этого сочинения, первоначально составлявшая отдельный «первый том», была написана в 1773 г. и закончена 15 августа этого года. 2) Одновременно в 1773—1774 гг. были намечены общие принципы будущей армянской конституции, изложенные в письмах Шаамиряна и его друзей к католику Симеону. 3) После значительного перерыва, вызванного выступлением Симеона, работа над «законодательством» была возобновлена в начале восьмидесятых годов, когда был окончательно составлен общий свод будущих армянских законов в количестве 512 параграфов. Тогда же были написаны и дополнительные страницы теоретической части, где были приведены примеры, имевшие целью подкрепить изложенные там тезисы и аргументы. 4) Подготовленный таким образом текст подвергся затем новым (правда уже не столь существенным) изменениям. При этом были не только переработаны, переработаны и переставлены отдельные параграфы, но и добавлены восемь новых параграфов, общее число которых было доведено до 521.

«Западня честолубия» писалась, как мы видим, долго, в течение не менее десяти лет, причем вторая часть этого произведения была закончена лишь в первой половине восьмидесятых годов. Но и теперь Шаамирян не стал сразу печатать эту работу. На проект этот он смотрел, как на практический план, связанный с злободневными задачами и актуальными вопросами армянского освободительного движения. Он решил — поэтому до опубликования получить отзывы от ряда авторитетных лиц, на которых он возлагал большие надежды в деле осуществления планов освобождения Армении и с которыми он поддерживал в то время близкие отношения.

Об этом его намерении мы имеем сведения из его послания к грузинскому царю Ираклию от 15 октября 1787 г. В нем³⁵ он говорил о проекте образцового законодательства, изложенного в произведении под названием «Западня честолубия», указывая при этом, что до настоящего времени он не осмелился напечатать эту книгу. Для того, чтобы узнать мнение авторитетных людей, он решил прежде послать один рукописный экземпляр самому царю, другой — католику Гукасу, а третий — Иосифу Аргутинскому.

Что Шаамирян действительно осуществил свое намерение, мы узнаем из нескольких писем Аргутинского, написанных в ноябре 1788 г. В письмах этих, посланных ряду своих корреспондентов, последний сообщал, что он получил от Шаамиряна рукопись

³⁵ «Филл», 1881, № 2, 24—32.

книги, озаглавленной «Западня честолубия». Отзываясь весьма лестно и в восторженных выражениях об этом произведении, которое он характеризовал как «весьма полезное для нашей нации», он сообщал дополнительно следующие подробности. Из полученного им письма Ираклия он узнал, что рукопись этой книги должна была быть выслана также и царю. Поскольку он сделал из этого заключение, что именно он должен был переслать эту рукопись в Грузию, то решил снять с нее копию, чтобы не пропало это «сокровище»³⁶.

Аргутинский так и поступил. Об этом свидетельствует специальная приписка в конце рукописи № 3101, сделанная его рукою и помеченная 20 января 1789 г., в которой говорится о том, что с этой рукописи была по его поручению снята копия³⁷. Таким образом, рукопись № 3101 является тем рукописным экземпляром «Западня честолубия» (вернее одного лишь свода законов), который был получен в 1788 г. из Индии Аргутинским. Совершенно же идентичная ей рукопись № 3102 является очевидно той самой копией, которая была сделана в Астрахани в начале 1789 г. Что же касается третьей рукописи, хранящейся в настоящее время в Матенадаране и также содержащей текст «законодательства», рукописи № 7886, то это, по всей вероятности, тот рукописный экземпляр этого проекта, который был переслан Шаамиряном непосредственно в Эчмиадзин католику Гукасу.

Переписка между Шаамиряном, Ираклием и Аргутинским свидетельствует, таким образом, что «Западня честолубия» еще долгое время оставалась неизданной³⁸. Произведение это не могло быть напечатано раньше 1788 г., так как в своем письме от 15 октября 1787 г. Шаамирян сообщал о том, что оно еще не опубликовано и именно тогда были посланы им рукописи этого сочинения Аргутинскому, Ираклию и Гукасу. В то же время оно не могло быть опубликовано и позже 1789 г. Это видно из пос-

³⁶ Матенадаран. Рукопись № 2949, стр. 180. Письма от 28 ноября 1788 г.

³⁷ Матенадаран. Рукопись № 2949, стр. 180. Письма от 28 ноября 1788 г. «Այլ հասն սորին ետեւ որն Յարութիւն Գլխովին Մեծապետեանց, որ նոր օրինակեցէ ուղղութեամբ: (Ի 1789 յունվարի 20-ի ձեռնարկուն):»

³⁸ Это подтверждается и письмом Аргутинского от 5 октября 1790 г. к Мачаряну, в котором он сообщал, что Шаамирян намерен был выслать ему деньги для опубликования «Западня честолубия», в память своего сына Акона. «Նամերեմազայն, որպէս թեղ նոյնպէս և մեզ գրեալ է թէ հարկը իւր գործին (նամերեմազայն, որպէս թեղ նոյնպէս և մեզ գրեալ է թէ հարկը իւր գործին) տալիս... վասն սորման որոգայիլ փառաց զբոյն, իշտակ յափոր որդեան իւրոյ որ հասն գրեալ իւրն, մեծապետին լինել տպարանին»: Матенадаран. Рукопись № 2949, л. 384—385).

лания католикоса Гукаса Шаамиряну (написанного в 1792 г.), в котором он, между прочим, указывал, что еще не получил «недавно напечатанной» книги «Западни честолубия», о пересылке которой тот сообщал в своем письме от 1 ноября 1789 г.³⁹ Следовательно, произведение это было опубликовано в 1788—1789 гг.

Перед опубликованием книга была подвергнута окончательной редакции, чем и объясняются разночтения между последним вариантом рукописей и печатным текстом. Именно тогда было окончательно решено опубликовать историко-теоретическую часть перед сводом законов в виде обширного введения. От прежнего намерения разделить это произведение на два самостоятельных тома в печатном тексте остался лишь следующий знаменательный след: первая историко-теоретическая часть приводится там в виде вступительной статьи без какого-либо обозначения; перед второй же частью, «законодательством», совершенно неожиданно напечатано: «том второй» («Հատոր երկրորդ»).

IV

Кто же был автором этого произведения?

Совершенно очевидно, что таким единоличным автором не мог быть Акоп Шаамирян, хотя бы потому, что он умер в июле 1774 г. и не мог, следовательно, участвовать в окончательной разработке свода законов и всей книги в целом в восьмидесятых годах. Возможно, что этот молодой человек, ученик Баграмяна, принимал участие в обсуждении вопросов о будущем политическом устройстве Армении, имевшем место в Мадрасе в 1773 г. Но обсуждение это носило, несомненно, коллективный характер. В нем безусловно принимали участие как сам Шаамирян—глава мадрасского патриотического кружка—так и один из главных идеологов этого кружка, автор «Новой книги» Баграмян. Но трудно предположить, что в нем не участвовал и находившийся в то время в Мадрасе ветеран освободительного движения—Эмин.

Последовавший затем перерыв в работе над проектом конституции независимого армянского государства совпал со следующими событиями: а) отъездом из Индии Эмина, отправившегося в том же 1773 г. в Басру, а затем в Иран, б) смертью Акопа Шаамиряна в июле 1774 г., в) отъездом из Индии Баграмяна, вскоре посланного (в связи с категорическим требованием католикоса Симеона о его удалении) сперва в Египет, а затем в Иран.

Проект «законодательства» был окончательно разработан в

³⁹ Матенадаран. Рукопись № 4501, стр. 1852.

начале восьмидесятых годов, когда в Индию вновь вернулись сперва Баграмян, а затем и Эмин.

Учитывая все эти данные и принимая во внимание все эти интересные и быть может не случайные совпадения, нельзя не считать вероятным участие в разработке проекта армянской конституции наряду с Шаамиряном—отцом также Баграмяна и Эмина. Возможно, что сам Шаамирян, особенно в восьмидесятых годах, играл главную роль в смысле сведения в единое целое и редактирования всего свода законов, но вряд ли можно сомневаться, что при разработке общих принципов этого законодательства, а также отдельных конкретных деталей, он пользовался советами и помощью своих друзей и прежде всего таких единомышленников как Баграмян и Эмин.

В самом тексте «Западни честолубия» мы находим данные, которые подтверждают предположение об участии в разработке проекта будущей армянской конституции как самого Шаамиряна, так и Баграмяна и Эмина.

В этом произведении, изложенном от имени Акопа Шаамиряна, сообщаются некоторые сведения об авторе. Там говорится, например, что автор пишет лишь о том, что он видел в течение своей жизни собственными глазами у различных наций⁴⁰, что он купец⁴¹, что он сам управлял семьей и домом⁴², что он—отец семейства⁴³. Совершенно очевидно, что все эти определения подходят скорее к Шаамиряну—отцу, чем к его сыну, умершему двадцати восьми лет.

Об участии Баграмяна в работе над «Западней честолубия» и особенно первой теоретической частью этого произведения, написанной в 1773 г., свидетельствует уже тот факт, что вся эта первая часть является ни чем иным, как развернутым доказательством и обоснованием основного тезиса «Новой книги» о самодержавии как причине гибели армянского государства и о необходимости создания новой независимой Армении на основе конституционного строя, базирующегося на законности. Но независимо от этой общей идейной близости, мы имеем и конкретный факт иного порядка, также подтверждающий это предположение.

В одном из параграфов «Западни честолубия» мы находим выражение, на которое нельзя не обратить внимание. В упомянутом параграфе речь идет о возможности привлечения на воен-

⁴⁰ «Որոշալք Գաղտնի», 22, 35:

⁴¹ Там же, 112.

⁴² Там же, 134.

⁴³ Там же, 133.

ную службу иностранцев и при этом указывается, что в случае надобности можно брать на службу не только грузин и русских, но и людей «из нации немцев, т. е. аллеман»⁴⁴. «Немец» — это чисто русское слово, это специфически русское название германцев. Употребить подобный термин мог лишь человек, живший в России. Насколько этот термин был непонятен в Индии, видно из того, что тут же в тексте дается разъяснение, что немцы это «аллеманы». Совершенно несомненно, что ни сам Шаамирян, ни его сыновья, ни индийские армяне вообще не могли знать и употреблять это наименование. Это мог сделать лишь выходец из России. А таковым и был как раз Мовсес Баграмян, или Монсей Варламов, как он именовался на русский лад в бытность свою в России.

Бросается в глаза также следующее. Согласно проекту «Западной честолюбия» во главе отдельных отраслей государственного управления стоят не министерства, а коллегии, как это было в России XVIII века. Об этом вряд ли имел детальные сведения сам Шаамирян. Об этой системе управления знали, однако, находившиеся в России Баграмян, а также Эмин, который вступил даже в непосредственные сношения с Коллегией иностранных дел.

Роль Эмина в составлении проекта будущего политического устройства Армении быть может была не столь большой и непосредственной, как роль ближайшего сотрудника Шаамиряна — Баграмяна. Но вполне возможно и даже вероятно, что и он оказал помощь своими советами, особенно в тех вопросах, которые были ему хорошо знакомы. Достаточно веским свидетельством этого являются многочисленные параграфы «Западной честолюбия», посвященные военным вопросам. Дело в том, что в помещенном в этом произведении своде законов мы встречаем целый ряд параграфов, где самым детальным образом рассматриваются все вопросы, связанные с организацией, обучением армии и ведением военных действий. В них подробно говорится о внутреннем распорядке в армии в мирное время и во время походов, о рабстве лагерей, о системе караульной службы и т. д. (§ 328—339, 343, 344 и ряд других). Не останавливаясь здесь более детально на этом вопросе, скажем лишь, что все эти обстоятельные сведения мог иметь лишь человек, служивший в английской армии и хорошо знакомый с ее внутренними порядками. Такими людьми не были ни Шаамирян, ни его сыновья, ни Баграмян. Таким лицом был лишь Эмин. Читая, например,

⁴⁴ «... Ի ազգին ներքալից, ախիրն արմանէ» (Там же, 402).

в «Западной честолюбия» детальные предписания о порядке разбивки лагерей, невольно вспоминаешь о письмах Эмина эпохи семилетней войны, в которых он сообщал о выполнении им во время кампании в Вестфалии специальных поручений такого рода⁴⁵.

Проект конституции независимого армянского государства вряд ли таким образом мог быть продуктом индивидуального творчества. Ведь речь шла не о каком-нибудь теоретическом трактате, а о разработке практического плана государственного устройства армянского государства, воссоздание которого являлось для Шаамиряна и его единомышленников актуальной политической задачей. Вряд ли эту ответственную задачу Шаамирян взялся бы выполнить самостоятельно, без чьей-либо помощи и чьих-либо советов. Наоборот, совершенно очевидно, что все эти вопросы широко обсуждались и дискутировались среди его друзей и единомышленников. В связи с этим интересно отметить, что в эчмиадзинской «Памятной книге», при изложении содержания письма Шаамиряна и его друзей относительно плана политического устройства Армении, план этот приписывался не лично одному Шаамиряну, а всей группе индийских армян в целом.

Проект армянской конституции, изложенный в «Западной честолюбия», следует поэтому признать продуктом коллективного творчества, политической программой, разработанной всем кружком Шаамиряна.

*
* *

Просветительская философия, первым представителем которой в армянской действительности был Эмин, и которая затем была воспринята и развита кружком Шаамиряна, не только знаменательный этап в истории армянской общественной мысли. Она представляет значительный интерес и в всемирно-историческом аспекте. «Веку просвещения» посвящены сотни монографий и исследований. Первоначально, особенно в XIX столетии, основное внимание уделялось изучению западно-европейского и северо-американского просветительства. Затем было доказано, что просветительские идеи получили в XVIII веке распространение не только в России, но и в других странах Восточной Европы, в частности в Польше, Венгрии и на Балканах. За последние де-

⁴⁵ Л. А. Л. Е., 82, 84.

сятилетия выявлено их распространение и в различных регионах Латинской Америки, являвшимися в то время испанскими колониями. Еще в 1965 г. на конгрессе исторических наук в Вене, где рассматривался этот вопрос, докладчик, известный итальянский историк Вентури, ограничивал «географию» просветительства XVIII века именно этими рамками. Но как видим, это не соответствует исторической действительности. В силу ряда специфических условий,—наличия армянских поселений в различных странах, возникновения и развития там армянской буржуазии, появления среди армян европейски образованных людей—просветительная философия нашла свое выражение и в армянской общественной мысли второй половины XVIII столетия. При этом армянское просветительство этой эпохи не ограничивалось лишь общими рассуждениями о свободе людей и их природных правах, о необходимости борьбы с тиранией и угнетением, а привело и к выдвижению радикальных политических проектов, вплоть до плана создания буржуазной республики. чего мы не находим у просветителей многих других стран той эпохи. В этом смысле такие памятники армянской просветительной философии XVIII века, как автобиография Эмина, «Новая книга», «Западня честолубия» представляют несомненный интерес для изучения «века просвещения» в целом, для изучения географии распространения и воздействия прогрессивной буржуазной идеологии XVIII столетия, направленной против отжившего феодального строя и всех форм феодальной эксплуатации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая. В Англии	10
Глава вторая. Первое путешествие в Армению	48
Глава третья. В России	68
Глава четвертая. У грузинского царя Ираклия	104
Глава пятая. На Северном Кавказе и в Карабахе	155
Глава шестая. Снова в Грузии	185
Глава седьмая. 1769 год	216
Глава восьмая. Последние попытки, Автобиография	240
Приложение. Просветительные идеи Эмина и кружок Шаамиряна	259

АБГАР РУБЕНОВИЧ ИОАННИСЯН

ИОСИФ ЭМИН

Редактор издательства *Н. Г. Апкарян*
Художник *А. М. Цатурян*
Тех. редактор *З. А. Саргсян*
Корректор *А. Р. Григорян*

Сдано в набор 13.10.1989 г. Подписано к печати 21.04.1989 г. ВФ 03987
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 2. Шрифт «литературный», высокая печать.
Печ. л. 18,25. Усл. печ. л. 16 97. Учетно-изд. л. 18,86.
Тираж 4000. Зак. № 1301. Изд. № 7513. Цена 2 р. 50 коп.
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
33	8 св.	темные дни	темные умы
98	6 сн.	пд	пдд
173	11 св.	пдр	дпр
225	6 св.	то	что
259	6 сн.	Новар	Новая

24 504